

ЦЕНА 2 р. 75 к.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

28 (4)

1928

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ
в Издательство КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
Москва 19, Волхонка, 14. Тел. 3-59-48.

ИЗД-ВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

М. А. Рейснер.

I. Статьи

Покровский, М.—Десять лет Коммунистической Академии 7

Губерман, С.—Проблема конъюнктуры в условиях монополистического капитализма 21

Лейкин, Э.—Учение Маркса о строении кредитной системы 75

Сафаров, Г.—К вопросу о диалектике, как теории познания 114

Лебедев, В.—Диалектика производительных сил у Маркса и Энгельса . 165

Манелис, Б.—Школа свободного права и ее место в буржуазно-юридической науке 199

II. Стенограммы докладов, читаемых в Комм. Академии

Рязанова, А.—Тенденции развития женского труда 232

III. Критика и библиография

Аптекарь, В.—На путях к марксистской лингвистике (Н. Я. Марр, Яфетическая теория. Общий курс учения о языке) 254

Иванов, А.—Критические заметки 279

М. А. РЕЙСНЕР

В лице внезапно скончавшегося Михаила Александровича Рейснера Коммунистическая академия потеряла ценного научного работника.

От левобуржуазного профессора до начальника политотдела Балтфлота, а затем руководителя работой по антирелигиозной пропаганде при Комакадемии—таков своеобразный жизненный путь, который прошел М. А. и который естественно не мог не отразиться и на характере его теоретических устремлений. Условия времени, когда они складывались, как известно, далеко не всегда благоприятствовали приобретению должной марксистской философской закалки и углубленному овладению диалектико-материалистическим методом. Зачастую лучшие и наиболее революционно-настроенные марксисты не были свободны от временных увлечений махизмом, психологизмом, кантианством, нищенством и т. п. Неудивительно, что и у сравнительно поздно пришедшего к марксизму М. А.—преодолевавшего и раннее славянофильство и «органологическую» концепцию государства, и более позднюю либерально-демократическую концепцию, и влияние школы Л. Петражицкого—сохранилось стремление к известного рода теоретическим «компромиссам» с лучшими представителями буржуазной науки, использование которых М. А. считал в той или иной мере важным для марксизма. Особенно характерной для него всегда была наклонность к чрезмерной *психологизации* социальных явлений.

Окончив Варшавский университет и занявшись научной работой в области теории государства и права, М. А. сравнительно быстро получает экстраординарную профессию в Томском университете. В период своего пребывания здесь, с 1898 по 1903 год, М. А. выпускает и подготавливает к печати ряд исторических очерков по вопросам свободы совести и взаимоотношений церкви и государства в древнем Риме, Византии, в средние века, при абсолютной монархии, как об этом пишет сам Рейснер в предисловии к сборнику названных статей «Государство и верующая личность», вышедшему в 1905 году. Обширный план, задуманный автором, остался невыполненным, так как «вместо научной работы пришлось заняться журналистикой и почти целиком отдать ей все свое время». Сближение со студенческими организациями, преследования со стороны администрации и полиции, наконец, уволь-

нение после студенческих беспорядков 1903 года, вынужденный отъезд за границу—такова хроника внешних событий жизни М. А. В этот период Рейснер еще всецело стоит на точке зрения естественного права, считает «этическое начало свободы совести» «естественным и законным правом человека».

Но уже ко времени выхода названного сборника миросозерцание автора, по словам самого М. А., «резко и глубоко изменилось». Пребывание в эмиграции, близкое знакомство с А. Бебелем и В. Либкнехтом, сотрудничество в с.-д. «Vorwärts» и, наконец, переписка, завязавшаяся у М. А. с Лениным—эти обстоятельства коренным образом сказались на воззрениях М. А., постепенно эволюционировавшего к революционному марксизму. Здесь следует отметить роль, сыгранную М. А. в качестве эксперта-юриста в известном кенигсбергском процессе германских с.-д., организованном германским правительством в защиту русского царизма, а также активное участие его в ряде кампаний проводимых германской с.-д. В 1905 году Рейснер возвращается в Россию, примыкает к большевикам, принимает участие на объединительной конференции в Таммерфорсе. Затем следует период новой эмиграции и, наконец, возвращение к научно-преподавательской работе в 1907 г., в качестве приват-доцента Петербургского университета.

Однако, разумеется, М. А. не так легко было отрешиться от всего большого теоретического наследия его буржуазного прошлого. В брошюре «Русский абсолютизм и европейская реакция» (1906 г.) М. А. уже всецело стоит на точке зрения пролетарского социализма и социальной революции, выступает против нового «индустриального феодализма» и т. д. Но и здесь еще проскальзывает вера в «демократию», «правовую идею», в «правовое государство». Еще сильнее сказались эта «юридико-социалистическая» точка зрения в ряде популярных брошюр М. А., относящихся уже к 1917 г. («Право-революция», «Демократическая республика» и т. д.), где, например, право определяется, как «справедливое распределение власти людей над людьми».

Своеобразной формой преодоления старой «естественно-правовой» точки зрения послужила для М. А. психологическая теория Л. И. Петражицкого. В психологическом понимании правовых явлений Рейснер нашел известное сходство с учением марксизма о праве, как о социальной идеологии. Вызванная довольно резкие, но по большей части справедливые нападки книга М. А. «Теория Л. И. Петражицкого, марксизм и социальная идеология» (1908 г.) посвящена обоснованию этой весьма спорной позиции. Исходя из теории Петражицкого, а также из учения известного младеггелянца и фейербахянца Л. Кнаппа, Рейснер, например, находит, что «марксизм слишком во многом следует Гегелю в его государственной философии», что от гегелианства в марксизме осталось «резкое и ненаучное» противоположение «общества» и «государства», что «фантом государства, как чего-то самостоятельного, независимого от общества, какой-то особой силы, с специфической природой, организацией и деятельностью, все время тяготеет на творцах исторического материализма» (стр. 119—120). Сам М. А. склонен видеть в государстве лишь «первую из идеологий»,

своего рода «фантазию», обманчивую навязчивую идею, от иллюзий которой необходимо освободиться.

Эти же идеи, в несколько более близкой к марксизму форме, получили выражение и в книге М. А. «Государство» (1911—1912 гг., II изд. 1919 г.). И здесь Рейснер останавливается на государстве, главным образом, как на «идеологической организации общества», как на «идеологической фантазии», своеобразно организующей соответствующее массовое поведение людей, воспринимающих «идею власти». В связи с различными формами идеологической организации масс рассматриваются и различные типы государства.

В соответствии с таким воззрением и право определяется, как форма воздействия государства через посредство идеи «справедливости». Изучение роли идеологии в процессе организации государственной власти и в правовых отношениях, несомненно, представляет большой интерес. Однако легко заметить всю шаткость концепции М. А., при которой элиминируются основные материальные моменты государственной власти, и, если быть логически последовательным, то утрачивает смысл и ее революционное использование победившим пролетариатом. М. А. здесь явно остается на старой позиции левого гегельянства, боровшегося с «культом права» и «культом государства», но не сумевшего выделить те его важнейшие признаки, которые только и ведут к действительному обоснованию теории пролетарской диктатуры.

Изложенная концепция М. А. получила своеобразное преломление и в его практической деятельности. В течение некоторого периода после Октябрьской революции Рейснер занимает пост заведующего отделом законодательных предположений нового Народного комиссариата юстиции. Ему принадлежит честь авторства первого закона об отделении церкви от государства, он принимает также ближайшее участие в создании основ советской конституции. Организующий трудящиеся массы момент в жизни нового советского государства М. А. видит в новом революционном «правосознании» пролетариата, которое должно сменить старое буржуазное понимание права. Ранние советские декреты о характере работы суда и т. д., несомненно, носят на себе черты этого «психологического» воззрения.

После страдного периода фронтовой работы (в Волжско-Камской флотилии и в Балтфлоте) М. А. вновь переходит к научно-педагогической деятельности, являясь профессором I МГУ.

Ему же, вместе с М. Н. Покровским, принадлежит инициатива организации и Коммунистической академии.

Достаточно известна его полемика с П. И. Стучка, повлекшая за собой постепенный отход М. А. от работы в области теории права. Вышедшая в 1925 г. его книга «Право» (Наше право, чужое право, общее право), содержит отдельные интересные главы и обширный материал, обнаруживает прежние психологические позиции автора. Здесь М. А. развивает весьма спорную теорию образования «общего права» из компромисса различных классовых «правосознаний», теорию, которая вызвала явные возражения в приложении ее к советской действительности... Зато целый ряд совершенно бесспорных достоинств

обнаружил М. А. в написанных им учебных пособиях по вопросам советского государства и права («Основы советской конституции» 1920 г. и особенно «Государство буржуазное и конституция РСФСР» 1923 г.).

Одновременно М. А. Рейснер работает над проблемами социальной психологии. Ряд статей и докладов М. А. («Проблема психологии в теории исторического материализма» — «ВСА», № 3, «Условная символика как социальный раздражитель», «ВКА», № 9, «Социальная организация личности», «Способы представлений» — «ВКА», № 9 «Социальная психология и учение Фрейда» и др.), легших в основу его сборника «Проблемы социальной психологии» (1925 г.), стремится наметить связь между психологией и социологией и ставит вопрос о применимости психологических методов к изучению социальной жизни. Общим недостатком указанных работ является слишком большое доверие, проявляемое М. А. к достижениям современной буржуазной психологии, и некритическое перенесение метода рефлексологии, с одной стороны, и психоанализа, с другой, на изучение специфической сферы социальных явлений. В частности, большая доля справедливости была в упреках, которые делали М. А. по поводу его увлечений теорией Фрейда.

Из других моментов деятельности М. А. Рейснера за последние годы следует отметить область истории политических учений. Читая соответствующий курс в университете, М. А. собрал обширный и небезыңтересный материал, подвергнутый им критическому рассмотрению в его «Идеологиях Востока» (1927 г.) и в подготовленных к печати очерках по истории политических учений древнего мира.

Наконец, обширная работа была проделана М. А. в области изучения религиозной идеологии. Уже в ранних своих произведениях М. А. уделяет большое место вопросам истории церкви и отношения ее к государству. Здесь, в частности, заслуживает быть отмеченным «Государство и верующая личность», брошюра «Духовная полиция в России» и др. После Октября он выпускает популярные брошюры («Любовь, пол и религия», «Нужно ли нам верить в бога») и публикует статьи «Фрейд и его школа о религии». По его инициативе и под его председательством при Комм. академии создается постоянная комиссия по изучению религии и соответствующий кабинет. Ряд вопросов истории религиозного мировоззрения затрагивает М. А. в своих «Идеологиях Востока». В этой области работы, имеющей огромное практическое значение и несомненное будущее, М. А. явился одним из пионеров марксистского научного исследования.

М. А. пережил тяжелую семейную потерю — смерть жены и дочери — известной писательницы, Лариссы Рейснер. Несмотря на это он продолжал бодро и усиленно работать, удивляя всех своей творческой продуктивностью, делая обширные планы будущей деятельности. Смерть М. А. от паралича сердца, последовавшая в результате операции 3 августа с/г., прервала их осуществление.

10 ЛЕТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Вступительное слово М. Н. Покровского на юбилейном заседании пленума Коммунистической академии 25 мая 1928 г.

Я уже в порядке частных разговоров предупредил товарищей, что сегодня не есть то торжественное заседание, которым обыкновенно знаменуются юбилеи. У нас, в сущности, очередное пленарное заседание, которое мы решили подогнать к тому дню, когда исполняется десятилетие со дня утверждения Совнаркомом самой идеи образования Комакадемии. Эта идея была апробирована именно в заседании 25 мая 1918 года. Совнарком в этот день вполне одобрил и приветствовал идею, которая легла в основу проекта учреждения Социалистической академии, и постановил: поручить Комиссариату народного просвещения полностью переработать этот проект на следующих основаниях:

I. Во главу угла поставить издательское общество марксистского направления.

II. Привлечь в особо большом числе заграничные марксистские силы.

III. Одной из первоочередных задач поставить ряд социальных исследований.

IV. Немедленно принять меры к выяснению, набору и использованию русских преподавательских сил.

Каждый из этих пунктов скрывает за собой довольно длинную дискуссию, которая происходила в этом заседании Совнаркома.

Прежде всего, относительно издательского общества. Владимир Ильич высказал свою мысль, которую он потом повторил в известном обращении к журналу «Под знаменем марксизма», о необходимости перевода на русский язык классической материалистической, вообще, и марксистской, в частности, литературы. Этим мы должны были заняться в первую очередь, так как считалось, что этим легче заняться, нежели чем-либо другим. Вопрос о легкости или трудности предприя-

тия, которое тогда начиналось, собственно, был центральным в этом заседании Совнаркома, и подавляющее большинство высказывавшихся утверждало, что предприятие настолько трудно, что из него ничего не выйдет, так как, говорили они, те товарищи, которые по своей теоретической квалификации могли бы быть руководителями этого учреждения, и без того уже руководят бесчисленным количеством учреждений и так завалены работой, что не смогут уделять Социалистической академии—я к этому перейду, почему Академия была Социалистической,—сколько-нибудь значительное время, а молодежи тогда еще не было. И вот, издание переводов этой классической литературы выдвигалось, как задача, которую можно взвалить на сравнительно малоквалифицированных работников, которые только под надзором более квалифицированных будут ее выполнять.

Из той же мысли вытекает и привлечение заграничных марксистских сил. Наши марксисты тогда уже все заделались комиссарами, заместителями и т. д., но что касается заграничных, то в это время, в мае 1918 г., с ними еще этого несчастья не произошло. Тогда еще в Германии революция не произошла. Поэтому все они были свободны, и нам казалось, что они с особенным удовольствием откликнутся на возможность вести научную теоретическую работу в широком масштабе, достаточно обеспечиваемую материально Советским государством, но которая, в конце-концов, даст ценные для Социалистической академии труды.

Что касается постановки социальных исследований, то это само собой вытекало из заданий Академии.

Кроме того, была высказана мысль, что, может быть, в составе марксистов, партийных и непартийных, могут оказаться крупные теоретические силы, не попавшие еще на учет. Так вот, учет марксистских теоретических сил и был поставлен как четвертый пункт задачей будущего учреждения.

Теперь два слова о возникновении этого учреждения. Идея принадлежала М. А. Рейснеру. Я очень жалею, что молодежь не присутствует, потому что ей было бы интересно это знать, а присутствующие все это великолепно знают, я им только напоминаю.

М. А. Рейснер. Совместно с Вами, Михаил Николаевич.

— Михаил Андреевич на первом же заседании комиссии по выработке конституции РСФСР обратился ко мне,—инициатива все-таки была Ваша, Михаил Андреевич,—с предложением образовать социалистический—он тогда же сразу сказал коммунистический,—научный центр—Коммунистическую академию. И вот эта наша беседа на засе-

дании конституционной комиссии была завязь того, что потом развернулось в целый ряд заседаний, созывавшихся в том самом «Континентале», который по новейшему роману Алексея Толстого в это время был притоном анархистов и спекулянтов, устраивавших там кутежи и всякие сходки. Мы же этого не замечали. Ведь правда, Михаил Андреевич, мы этого не замечали? Вот как, оказывается, представляется история людям, которые были на месте, и как она представляется апостериори теми, кто пишет романы. Нам казалось, что там происходит нечто совсем другое, чем то, что изображает Алексей Толстой.

Я должен сказать, что заседания наши, несмотря на их деловой тон, были довольно пестрого характера. Тогда, весной 18 г., мы несомненно переживали пору пацифистских иллюзий в самых разнообразных направлениях. Были надежды заставить сойтись, заставить заняться работой под советским руководством самые разнообразные элементы. Были надежды, что мы установили, хотя бы по крайней мере на несколько лет, прочный внешний мир, что, пройдя через брестское унижение, мы купили себе гарантию от всякого рода нападения извне. Вот в числе этих пацифистских иллюзий была иллюзия, что мы можем объединить на общей идеологической работе все элементы, которые признали, прияли Октябрьскую революцию. Независимо от того, под каким знаменем они шли, казалось, что Октябрьская революция всех побратала. Этим объясняется пестрота наших собраний, где бывали и народники или, по крайней мере, вчерашние народники, и меньшевики, и беспартийные, и большевики—почти буквально все, кто хотел, мог прийти на эти собрания. В этом была слабая сторона Академии первого рождения ее, ибо я должен сказать, что если индусские брамины, как известно, рождаются дважды, то Академия наша рождалась, по крайней мере, три раза. И говоря о первом ее рождении, я должен сказать, что первый и главный недостаток этой Академии заключался в том, что состав ее был до чрезвычайности пестрый. Мы принимали в члены Комакадемии людей «по словесной молвке», употребляя старо-русский термин. Нам говорили, что вот этот человек—крупный ученый и притом марксист.—Хорошо, говорили мы, давайте его сюда, а потом оказывалось: этот человек вовсе не марксист и вовсе даже не тот известный ученый, за которого мы его принимали, а только однофамилец этого ученого. Так мало было ясности при создании Академии, так полны мы были пацифистских иллюзий.

Я уже сказал, что Михаил Андреевич поставил задачей создать Коммунистическую академию, этот термин существовал с самого

начала—Коммунистическая академия общественных наук, выходило «КАОН», но этот КАОН превратился в САОН,—ибо оказалось, что один из наших будущих коллег заявил, что в САОН он войдет, а в КАОН нет. В данном случае, так как мы были очень миролюбивы и уступчивы в этом отношении и так как этот наш будущий коллега заявил, что в Коммунистическую академию он не войдет, мы и образовали Социалистическую академию. Но раз мы образовали Социалистическую академию, это раскрыло дальше двери для всевозможных чуждых нам элементов. Каутский—не коммунист, но социалистом его всегда считали, и как же не избрать Каутского, раз было предложено привлечь заграничные марксистские силы? И мы стали выбирать. Мы выбрали не только Каутского, но выбрали Ромэн-Ролана. Я не помню, кого мы только не выбирали из заграничных людей. Во всяком случае, мы набрали очень много социалистических элементов. Это вызвало, как помнят все присутствующие, уже в самом начале протесты. По предложению тов. Бэлы Куна, Карл Каутский был исключен.

Это было началом того переворота, который с Академией произошел позже. Не было полной ясности в целевой установке этого первого призыва; не ясно было, есть ли это учебное учреждение, прежде всего, или научно-исследовательское учреждение, прежде всего. Я должен сказать, что для научно-исследовательского учреждения мы были слишком скудно оборудованы. Единственно, чем мы располагали, это была национализированная библиотека старого народника Танеева, где недурно была подобрана литература по утопическому социализму, но не было полного комплекта Маркса и Энгельса. Там не только не было полного Маркса и Энгельса, но даже не было, например, всего «Капитала» в оригинале. Был только русский перевод, да и то, мне кажется, неполный и т. д., и т. д.

Итак, у нас были чрезвычайно скудные возможности научно-исследовательской работы, во-первых, а во-вторых, мы не могли проходить хладнокровно мимо того факта, что существует старый юридический факультет, выносивший резолюции о том, чтобы ни в какие сношения с советской властью не входить. Почтенные профессора рассчитывали на специальные суммы, которые у них были в руках, и на близкое падение советской власти. Мы не могли не поставить своей целью лекции по общественным наукам, и нужно сказать, что мы их поставили с большим успехом, поскольку у нас собиралась аудитория в 1 500 человек. Кое-кто впоследствии у нас мелькал в списках молодых ученых, кое-кто был из красной профессуры, кое-кто—из научных сотрудников

и членов президиума Комм. академии. Тут собралась публика качественно и количественно довольно удачно, но естественно, что эта наша преподавательская работа, заняв то небольшое время, которое у нас осталось от всякой другой советской работы, лишало всякой возможности вести какую бы то ни было исследовательскую работу.

Таким образом первоначально Академия, конечно, была больше всего учебным заведением, учебным заведением не окончательно организованным. У нас были мысли о том, чтобы превратиться в настоящий факультет общественных наук. Эти мысли высказывались, но у нас в данном случае не хватало дерзости противопоставить себя университету и объявить, что мы есть настоящий факультет общественных наук. Тогда и в этом направлении еще господствовали пацифистские иллюзии, и они довольно долго господствовали, потому что в 1920 г. мы составили факультет общественных наук наполовину из старого состава, наполовину из нового, из вновь приглашенных лиц.

Имела ли какое-нибудь значение эта Социалистическая академия первого состава? По-моему, несомненно, имела: она бросила, несомненно, первое бродило в массы молодежи. Надо было видеть эти переполненные аудитории в старом, брошенном нами теперь, здании Практической академии на Покровском бульваре, надо было видеть эти аудитории, переполненные, несмотря на то, что трамваи тогда не ходили; освещение было скудное, а отопление еще более скудное, и аудитории согревались главным образом животной теплотой присутствующих, но аудитории все-таки были переполнены, молодежь ходила слушать лекции, часто импровизированные, но все-таки принесшие огромную пользу. Это несомненно, несомненно и то, что работа по созданию библиотеки, начавшаяся в то же время, тоже имела конечно громадное значение.

Этой перворожденной Социалистической академии положило конец то же, что положило конец и пацифистским иллюзиям вообще—гражданская война. Гражданская война мобилизовала наше студенчество и оставила нас, таким образом, без аудитории. Само собой разумеется, что эта молодежь, принявшая Октябрьскую революцию, не была вся коммунистической, но она ушла на фронт, и, приблизительно к весне 19 г., даже раньше—к середине зимы 18—19 г., мы остались без аудитории, без слушателей. Эта неудача совершенно естественная, когда мы смотрим на нее теперь по истечении десятилетнего промежутка времени, тогда, казалось нам, произошла по

нашей собственной вине. Мы никак не могли отрешиться от субъективных, казалось, недостатков. На самом деле, хотя этих недостатков было достаточное количество, но и сами условия были таковы, что Коммунистическая академия, или Социалистическая академия, как она тогда называлась, была исключительно формой учебного заведения. Держаться только в форме учебного заведения было невозможно, а ничего другого мы на первое время дать не могли. Тем не менее, стоя на той точке зрения, что наши ошибки являются виной всего дела, мы весной 19 года встали на путь коренной ломки, которая кончилась тем, что формально мы выгнали всех, кто был там в первом составе, и произвели новые выборы. По новым выборам в состав Академии попали только одни марксисты. Никаких старых людей и даже революционных народников во втором составе уже не было. Что касается революционных народников, то они исчезли не только вследствие перевыборов, но исчезли и потому, что 6 июля 1918 г. произошло восстание левых эсеров. Левые эсеры смели все это крыло Социалистической академии.

Затем было объявлено, что Социалистическая академия есть только ученое заведение, которое никого не обучает и никаких лекций не устраивает. При этом, как бы для того, чтобы показать, что внешняя перемена соответствует внутренней, было покинуто здание на Покровском бульваре, и началась эпоха, имеющая отпечаток военного коммунизма.

Я должен сказать, что отпечаток военного коммунизма чрезвычайно сильно лежит на всей Академии этого периода и, прежде всего, на характере ее работы. Систематически выдержанной работы, конечно, не было, но работу и, несомненно, полезную работу, Академия в этот период вела. Это была работа, разумеется, не научно-исследовательского учреждения, действующего в обыкновенных, нормальных условиях, а это была работа ученого общества именно эпохи военного коммунизма. Это ученое общество, прежде всего, собиралось, употребляя старое выражение, «где бог пошлет»: и в бывшем архиве министерства иностранных дел, и в помещении Государственного ученого совета, и, под конец,—во всем знакомом и памятном Шереметьевском особняке на углу Воздвиженки и теперешней улицы Грановского. Это были заседания, которые гораздо больше следовало бы зафотографировать, нежели заседания, которые слишком часто фотографируются теперь. Тогда была настоящая, такая боевая и в то же время ученая обстановка. Мы заседали среди чрезвычайно тесно поставленной библиотеки, кругом нас тесным строем

стояли книжные шкафы и полки с книгами, и среди них под старинной люстрой, которая была, кажется, подарена Петром I графу Шереметьеву, был маленький столик, вокруг которого собиралось народа пожалуй меньше, чем сейчас за этим столом: 6, 7—8 человек. И при этой обстановке, при тусклом свете этой люстры, в которую были ввинчены две маленькие лампочки, потому что тогдашний МОГЭС очень следил за экономией, да и то ввинчены они были только благодаря протекции Д. Б. Рязанова, который, кстати сказать, был фактическим председателем Академии.

Д. Б. Рязанов. Заседателем.

— Тов. Рязанов утверждает, что был только заседателем, но фактически он был председателем Академии, если называть председателем человека, который ведет дело, ведет заседание, т. е. начальство. Я должен констатировать, что за все время существования Коммунистической академии—раньше Социалистической академии,—никогда больше не чувствовалось, что над ней есть начальство, чем в эти годы с 1919 по 1922 г., когда был «заседателем» Давид Борисович. Если Давид Борисович говорит, что он не был председателем, то, может быть, председателем был дух какой-то, но этот дух воплощался в Давиде Борисовиче, а не в ком другом. Эту Академию, заседавшую в этом составе, очень стоило бы снять. К тому же там читались интереснейшие доклады: там читал Бухарин о своей «Политической экономии рантье», там происходили последние, теоретически, конечно, последние споры всеобщей организационной науки А. А. Богданова с диалектическим материализмом, там наконец приходилось спорить по поводу единого хозяйственного плана. Владимир Павлович¹ помнит, вероятно, эти споры, они тоже происходили в стенах этой Академии. Словом, тут, в этой настоящей спартанской обстановке, потому что, несмотря на все усилия некоторых заседателей, там был дьявольский холод—животной теплоты молодежи, которая согревала нас на Покровском бульваре, уже больше не было, а нас самих было слишком мало—7—8 человек, пили мы на этих заседаниях морковный чай и ели конфеты из мороженого картофеля, все, что тогда полагалось по чину. Это спартанское житье некоторые иностранные наблюдатели считают наиболее характерным для науки того периода, и один из этих иностранных наблюдателей предложил даже устроить особый музей, где были бы

¹ Милютин.

все печурки, около которых грелись тогда академики, где были бы выставлены валенки, в которых ходил академик Хвольсон, подготавливая новое издание своей физики. Я должен сказать, что и другие ученые собирались в обстановке, может быть, несколько лучшей, но все же, примерно, такой же.

В стенах Академии, помимо того, что читались доклады, производилась и другого рода полезная работа. Только благодаря библиотеке Академии была написана «Азбука коммунизма» Бухариним и Преображенским. Несмотря на то, что эта книга сейчас очень устарела, «Азбука коммунизма» является образчиком большого подъема тогдашних лет. Чрезвычайно характерно, что ничего подобного «Азбуке коммунизма» в новом усовершенствованном издании так и не появилось. Книга эта остается единственной в своем роде, и вполне понятно, что пензенские учителя на основе «Азбуки коммунизма» учатся до сих пор, по крайней мере недавно, года полтора тому назад, обучались, так как больше обучаться было не по чему. Тогда впервые на русском языке,—мы этого не заметили, потому что привыкли к нелегальной литературе,—для русских читателей была возможность, не прибегая к эзопскому языку, излагать революционный марксизм. И эта работа могла быть проделана опять-таки благодаря существованию Академии.

Таким образом эта Академия 2-го рождения на своем месте выполняла очень хорошую и полезную работу. Но еще лучше было то, что мы сами относились к этой работе в высокой степени отрицательно и, сходясь на свои пленарные заседания, начинали с того, что ругали друг друга, начинали с того, что секретарь нам читал, кто сколько раз из членов Академии был и кто сколько раз не был. Оказывается, что подавляющее большинство ни разу не было.

С. А. Лозовский. Это делается и в Академии 3-го периода.

— Нет, в 3-й период избранные люди ходят, а тогда и избранные не ходили, особенно нарочито.

Затем начинались длинные речи в таком духе: «Для чего мы существуем и что мы должны делать». Готовясь к этому докладу, я перечел те из стенограмм тогдашних докладов, которые напечатаны,—они относятся к концу этого периода, но тем не менее, они чрезвычайно поражают. Теперь не представишь, что 5 лет тому назад мы рассуждали о том, нужно ли Академии существовать и затем при этом препирались друг друга, что, если бы ты работал, то, может быть, был бы смысл существования, а вот ты не работаешь—и нет никакого смысла. Вот если бы кто-нибудь в нашей среде обладал драматическим талан-

том, то стоило бы построить пьесу на тему из истории нашей Академии и вывести там заседания пленума этого периода.

И несомненно, что недовольство, которое в нас сидело, было стимулом движения вперед самой Академии. В противоположность некоторым другим академикам, мы никогда не застывали в своем величии, никогда не говорили, что никаких улучшений не должно быть, потому что все, что существует, прекрасно, и двигаться вперед не нужно. Наоборот, каждый раз мы подчеркивали, что все существующее—скверно, никуда не годится, мы сами никуда не годимся, ничего не делаем, неведомо для чего существуем, и т. д., и т. д. В результате мы двигали вперед нашу работу.

Таким образом, мы подошли к третьему рождению нашей Академии. Это третье рождение произошло на XII Партсъезде. Пока существовал военный коммунизм, буржуазная идеология у нас не имела своей легальной базы. Правда, она имела нелегальную базу, очень глубокую и широкую, но как-то с этой нелегальной базой не принято было считаться, и я должен констатировать, что именно в этот период мы очень мало вели идейной борьбы с различного рода буржуазными пережитками, очень мало. Мы боролись с А. А. Богдановым, но А. А. Богданова нельзя рассматривать, как пережиток буржуазной идеологии, что же касается этой последней, то она у нас была за глазами; она была нелегальная и была немножко подобна страусу, прячущему голову в кусты. С этой нелегальщиной не считались.

Со времени нэпа—известной материальной базы для буржуазной идеологии—получилась уже легальная буржуазная идеология. Эта буржуазная идеология попыталась развернуться довольно широко и довольно нагло. И вот XII Партсъезд поставил перед Социалистической академией задачу: быть главным борцом на этом фронте, на фронте борьбы с буржуазной идеологией, до сих пор крепко еще сидящей, как выражался Съезд, в наших высших учреждениях. Это сразу чрезвычайно расширило круг интересов Академии. До сих пор это был САОН—Социалистическая академия общественных наук. Теперь мы сразу вышли за пределы общественных наук, поскольку буржуазная идеология, даже с известной предпочтительностью, выбрала себе убежище не в общественных науках, откуда она была более или менее вытеснена и там ее легче всего было вскрыть, а в науках естественных, отчасти в математике и в целом ряде дисциплин, которые раньше не входили в круг ведения Социалистической академии. Это было первое. У нас появилась, благодаря этому, Секция естественных и точных наук. Эта секция, как тогда

уже было отмечено, висела бы в воздухе, если бы она не опиралась на целый ряд учреждений, где велись конкретные исследовательские работы в соответствующих областях. Отсюда совершенно неизбежно было Секцию естественных и точных наук обставить лабораторными научными институтами типа Института высшей нервной деятельности и т. д.

Затем, в этой связи, совершенно необходима была литература, в которой воплощалась бы эта борьба с буржуазной идеологией, и около этого времени мы начинаем издавать сначала «Вестник Социалистической академии», затем целый ряд специальных журналов, которые я не буду перечислять, ибо они всем известны и в предыдущих отчетах постоянно упоминались. Отсутствие этой литературы в предыдущий период сильнее всего ослабляло и нашу научную продукцию и нашу научную работу вообще.

Лучшее средство подрезать научное творчество, лишить всякого вкуса к научному творчеству, сказать: «Милый человек, это никогда не увидит свет». Если это никогда не увидит свет, для чего я буду стараться? Нужно обладать колоссальным внутренним стимулом к работе, чтобы при таких условиях продолжать трудиться, ибо всякий человек выберет себе деятельность, которая дает известный осязаемый результат.

Если, товарищи, в этот период, в период военного коммунизма, наша Академия никакой научно-исследовательской работы не вела, то это было не только потому, что нас было мало, что у нас было мало времени, что было плохое оборудование, а еще потому, что печататься тогда было совершенно невозможно, как мы в этом убеждались на каждом шагу. Типографских средств, которые были в распоряжении советской власти, еле хватало на выпуск газет и печатание агитационной литературы, которая была совершенно необходима, как известный идеологический фронт гражданской войны. Но когда я попытался опубликовать дипломатический документ, доклад Сазонова царю и переписку Извольского с Сазоновым, те документы, которые стали потом центром мирового внимания, всем известно, что потом разыгралось около переписки Сазонова с Извольским, а она впервые в наши руки досталась. Основной фонд писем Сазонова с Извольским у нас был найден. Так вот, когда я попытался это опубликовать, то оказалось, что из 30-листового тома в течение двух лет было набрано только 6 листов. Я пришел в совершеннейшую ярость и распорядился разобрать эти листы, потому что это было явное, как выразился Ленин о соответствующем

учреждении, государственное издательство. Совершенно очевидно, что при таком положении вещей, когда на полное печатание всех книг понадобится 5 лет, т. е. они выйдут тогда, когда интерес к ним ослабеет, можно было обойтись уже без печатания этого тома.

Это сильно поколебало значение Социалистической академии, как научно-исследовательского учреждения. И тот факт, что мы получили наконец в Комакадемии свой журнал, был несомненно серьезным толчком для превращения в настоящее исследовательское учреждение. Заметьте, что каждый наш шаг вперед в этом отношении, создание каждой крупной секции, каждого института неизбежно сопровождался созданием печатного органа. Я укажу, в частности, на свою область—на историю, которой мне, главным образом, придется заниматься. Я должен сказать, что работа ведется там именно потому, что существует «Историк-марксист», что существует орган, где мы можем опубликовывать результаты наших работ. Точно так же и в аграрной секции: она работает потому, что есть «На аграрном фронте». Так же Институт мирового хозяйства и мировой политики работает потому, что есть свой печатный орган. Что касается секции права и государства, то она начала свою работу сначала в форме энциклопедии,—ведь понятное дело, у всякого своя форма работы—и сейчас также имеет свой журнал «Революция права». Таким образом, это не случайно, что каждая наша секция связывает свою работу с печатным органом.

Появление собственной литературы было чрезвычайно важным моментом. Но все-таки я должен сказать, что мы бы очень медленно двигались вперед, если бы в это время советская власть и партия не пришли нам на помощь буквально в грандиозных размерах. Теперь, когда нам приходится отвоевывать всякую новую тысячу рублей нашего бюджета, теперь мы можем оценить, что значит увеличение нашего бюджета с 23 по 25 г. в 10 раз. Я не беру, конечно, заработную плату, а беру то, что приходится на наши научно-хозяйственные нужды. Расходы на эту отрасль работ, на эти нужды выросли у нас в 10 раз, с 20 до 200 с лишним тысяч. Вот как выросла эта часть нашего бюджета за три года. Мы, конечно, просили еще, ибо «просите и дастся вам», а непросящему ничего не дадут. Но характерно, что в ответ на наши просьбы нам шли навстречу с чрезвычайно исключительной щедростью. Это, конечно, было тоже одним из чрезвычайно важных условий для развития нашей научно-исследовательской работы, поскольку мы могли привлечь большое количество моло-

дежи, чтобы оттуда брать нужные нам силы и создать около себя большой аппарат. К этому времени начал давать свои первые выпуски Институт красной профессуры. Кстати, что касается Института красной профессуры, то он возник совершенно самостоятельно от Коммунистической Академии. Кто работает у нас? У нас работают почти сплошь красные профессора, за исключением разве что линии естественных и точных наук, где самый Институт красной профессуры ничего не дал (с мест: «дает»). Дает, но еще не дал. Нужно сказать, что наши экономисты, работающие у нас, наши историки являются сплошь окончившими Институт красной профессуры. Надо сказать, что Институт красной профессуры преподносил нам известный материал. Мы этот материал брали и использовали. Так что, благодаря целому ряду благоприятных условий в этот третий период существования Академии, которая, кстати сказать, превратилась уже в Коммунистическую, мы имели возможность окончательно отделаться от пацифистских иллюзий и превратиться в учреждение, которое является, как мне уже приходилось неоднократно говорить, нашей партийной Академией наук или, по крайней мере, очень крупным зачатком Коммунистической Академии наук.

Что касается Академии наук, то понятно, что в области естественных и точных наук там есть крупные индивидуальности, есть большие ученые, которые в этой области там работают. Но зато, товарищи, как бедно у них представлена гуманитарная область. До сих пор она у них представлена одним С. Ф. Платоновым, к которому теперь присоединился Тарле. Всего только два человека, а у нас людей соответствующего калибра по линии общественных наук больше, чем вдвое, это, конечно, не подлежит никакому сомнению. Но если отвлечься от этого момента, то чем Академия наук отличается от нас? Она отличается от нас тем, чем советская власть отличается от Америки, Франции и Англии, тем, что там огромные, скопленные старым буржуазным строем, богатства, а мы находимся в периоде социалистического накопления, у нас таких накопленных богатств нет. Вот отличие между ними и нами в этом отношении. Но посмотрим, как они пользуются этими богатствами. Они располагают огромными коллекциями, массой экспонатов. Когдаходишь в зоологический музей Академии, то прежде всего наталкиваешься на скелет огромного гигантского кита. Это происходит потому, что этого кита ни в каком другом месте поместить нельзя. Но если кто-нибудь думает, что история развития животного мира началась с кита, а не с каких-нибудь жуков, потому что кит на первом плане, а жук на заднем, то чрезвычайно ошибется.

Что касается работы, которая у нас производится, то если взять работу лаборатории академика Павлова и наш Институт высшей нервной деятельности, то, мне кажется, что эти работы совершенно одинаковы. Возможно даже, что мы теперь идем впереди. Мы разрабатываем новые проблемы, которых еще не ставит себе лаборатория Павлова, и т. д. Теперь уже приходится говорить не о зачатках, а о каких-то образованиях, которые имеются в нашей Коммунистической Академии. И в свете этого реального факта, который давит своей реальностью, гаснут все наши интеллигентские споры 23—24 годов. У нас тогда был спор, напоминающий мне старые студенческие споры на ту же самую тему, — чем быть, что делать и т. д. Мы очень долго задумывались, заняться ли конкретными вопросами или ограничиться разработкой методологических проблем. Я должен со стыдом сказать, что не понимал, что без конкретных работ нельзя поставить методологических проблем. Можно разговаривать о методологии сколько угодно, но пока вы не работаете в данной науке, у вас не будет никакой методологии, потому что вы ее не употребляете на практике, а практика — прежде всего. Наши журналы — это методологические органы, потому что у нас богатое конкретное содержание материала, над которым мы работаем. Материал выплыл к нам более или менее случайно, но постепенно нам его стали давать сверху в форме известных заданий, которые давались и даются различными учреждениями. Так что мы поневоле занимались такой конкретной работой, и мы знали, что нам делать. И теперь собственно дела у нас столько, что не переделаешь, а значит, никаких споров о том, что нам делать, уже не может быть, потому что слишком ясно из нашего плана, что дела у нас гораздо больше, чем мы можем поднять.

Вы видите, товарищи, что настоящего отчета я не делаю, и я имею блестящее оправдание для этого — вот книжка¹. Здесь, в этой книжке, вы видите полную картину деятельности Академии со всеми диаграммами. Поэтому зачем я буду делать большой доклад, когда все грамотные люди могут прочесть это? Это тоже — наше достижение, и я не могу им не похвастаться.

В заключение два слова, товарищи, о том, как же это все приходится объяснить. Всякий раз, когда смотришь на научные учреждения, когда смотришь, например, на Свердловский университет, который будет праздновать свой юбилей послезавтра, когда смотришь

¹ Деятельность Коммунистической Академии при ЦИК СССР. К десятилетию ее существования.

на нашу Академию, то невольно приходит на ум одно немецкое стихотворение,—я боюсь его перевернуть, но кажется так: «Я поставил свое дело ни на чем и потому завоевал целый мир»... Факт тот, что мы все начали с пустого места,—а сейчас мы представляем весьма солидное учреждение, нельзя этого отрицать. Это можно сказать не только относительно нашей Академии, но и относительно Свердловского университета: собрали безграмотных людей и начали им читать какие-то начатки марксизма, а теперь из этого образовалась очень солидная партийная школа. Я припоминаю слова Петра Ивановича Стучки, что не лучше ли чем заниматься нам штопаньем, старого платья, которое досталось нам от идеологических предков, не лучше ли заняться постройкой нового, употребить наши силы на создание новых учреждений. По-моему, судьба Комм. академии всецело говорит за этот тезис. Мы существуем 10 лет, а Академия наук существует 200. Мы потому за эти 10 лет, несомненно, создали гораздо больше, чем Академия наук за первые 10 лет или, может быть, 50 лет своего существования, что мы имели дерзость построить свое совершенно новое учреждение.

Пустое место. Ничто! Не беда, начнем строить. И революция оказалась обладающей такими творческими силами, что из ничего мы создали нечто очень солидное.

Я думаю, товарищи, что в этом отношении работа нашей Коммунистической академии должна служить примером по всей линии нашего научного строительства. Всюду, где только можно, надо строить свои учреждения. Само собой разумеется, строить свои учреждения только там, где мы можем строить. Мы достаточно неглупые люди, чтобы понимать, что, если бы мы вздумали сейчас заменить все геологические, палеонтологические, минералогические музеи Академии наук чем-нибудь своим, то, кроме смешной попытки, которая осклбила бы нас, ничего не вышло. Но где есть какая-нибудь зацепка, какие-нибудь силы, не будем смущаться, что сил этих мало и зацепка слаба, зацепимся и потянем, уверяю вас, что вытянем, как вытянули с Коммунистической академией, как вытянули со Свердловским университетом, как вытянули с Институтом красной профессуры, как вытянули с целым рядом учреждений, которые имели дерзость построить. Позвольте этими выводами из деятельности Коммунистической академии закончить мой не доклад, а небольшое вступительное слово.

ПРОБЛЕМА КОН'ЮНКТУРЫ В УСЛОВИЯХ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА¹.

АКЦИОНЕРНАЯ ФОРМА КАПИТАЛА И МОНОПОЛИИ

1. К характеристике современной структуры капитализма

Акционерная форма предприятий сама по себе не характеризует особенностей новейшей структуры капитализма. Из факта ее существования не вытекает непосредственно ликвидация самостоятельности единичных предприятий.

Становясь акционерным обществом и, следовательно, коллективным предприятием, последнее все же может остаться в отношении производственных и торговых функций попрежнему независимым, создав для себя при этом, благодаря своей новой форме, более выгодные условия для конкурентной борьбы с другими индивидуальными предприятиями.

Акционерное общество «принсипит с собой в качестве своего принципа то, что при единичном предприятии является случайностью: освобождение промышленного капиталиста от функций промышленного предпринимателя. Капитал, вложенный в акционерное общество, благодаря этому изменению функций, приобретает для капиталиста характер чистого денежного капитала»².

Однако имеются существенные различия между ссудным и акционерным капиталами: «Уровень процента за денежный капитал, передаваемый в предприятие акционерной формы, не определяется, как таковой наперед, а существует лишь, как притязание на выручку (прибыль) от определенного предприятия. Втрое отличие от ссудного капитала заключается в том, что возврат капитала к денежному капиталисту прямо не определяется: не догсваривается при самом вступлении в данное отношение, не вытекает из самой природы последнего, как при собственно кредитовании»³.

Очевидно, что упомянутые различия вытекают из того, что акционерный капитал, в противоположность ссудному капиталу, предполагает отношения к предприятию в форме собственности.

¹ Редакция считает некоторые предложения автора принятыми.

² Р. Гильфердинг, Финансовый капитал, Москва, 1924, стр. 107.

³ Там же

Акционерная форма предприятия является более прогрессивной сравнительно с индивидуальной и отличается при этом многими преимуществами. Наряду с крупным капиталом какого-либо отдельного капиталиста, акционерное общество способно мобилизовать распыленный мелкий капитал, который иначе влился бы в банки на основе краткосрочных вкладов и обслуживал бы преимущественно оборотный кредит. В первом случае этот распыленный мелкий капитал персонифицируется формально в роли долевого участника предприятия, обслуживая при этом не только оборотный, но и основной капитал, облегчая этим самым финансовую сторону предприятия, уменьшая его задолженность по отношению к банкам. Это увеличивает сопоставимость предприятия во время плохой конъюнктуры, так как, чем больше задолженности, тем ближе предприятие в это время к банкротству, и наоборот. Возможность мобилизовать капитал путем выпуска акций приводит к ускорению процесса концентрации производства: частному капиталу становится доступной организация предприятий таких размеров, которые раньше были под силу только государству.

Это приводит непосредственно к тому, что с распространением акционерной формы предприятий положение индивидуальных предприятий неизбежно ухудшается: акционерное общество выигрывает на размере производства, что само по себе уменьшает издержки производства; оно же в более выгодном положении по части применения новых технических достижений. Все это в борьбе с индивидуальным предприятием обеспечивает первому большую прибыль.

Поскольку возникает необходимость в дополнительных средствах, акционерное общество во время высокой конъюнктуры в состоянии их получить путем дополнительного выпуска акций; если же обстоятельства этого не допускают, то оно все же легче может достать кредит в банке, чем это в состоянии сделать индивидуальное предприятие, так как осуществление контроля со стороны банка над акционерным обществом проще, чем над индивидуальным предприятием.

Сама по себе акционерная форма предприятий не предполагает обязательно существования высоких цен. Принципиально дело обстоит как раз наоборот. Акционерное предприятие стремится удовлетворить своих акционеров обычным дивидендом, но последний большей частью ниже нормы прибыли, получаемой индивидуальным капиталом. Кроме того, акционерное общество может функционировать даже тогда, когда оно никакой прибыли не приносит, при условии, если оно не доставляет убытка. В большинстве случаев акционерное предприятие технически выше индивидуального.

Из всего этого вытекает, что акционерная форма предприятий имеет тенденцию сильнее снижать цены, чем индивидуальные предприятия. По этому поводу Гильфердинг приводит следующую цитату из книги Тугана об акционерных обществах: «В особенности много жалоб комиссия 1886 г. выслушала на конкуренцию акционерных компаний; многие свидетели утверждали, что главная причина низких товарных цен заключается в чрезмерном распространении во многих отраслях промышленности акционерных предприятий, которые про-

должают работать, даже не получая никакой прибыли, так как интерес лиц, заведующих делом (членов правления, совета и проч.) заключается в продолжении производства, совершенно независимо от его прибыльности»¹.

Развитие акционерной формы предприятий обуславливает возникновение с различных сторон ряда тенденций к слиянию отдельных предприятий, к ограничению конкуренции между независимыми до того предприятиями и, следовательно, к образованию монополии.

Во-первых, благодаря возможности быстрой мобилизации мелкого капитала с целью вложения его в основной капитал, ускоряется необычным образом процесс концентрации. Это влечет за собою то, что с огромным ростом основного капитала становится все более затруднительным перелив капитала из перекапитализированных отраслей. Перекапитализация сама по себе определяется не столько абсолютным размером вложенного капитала, сколько состоянием конъюнктуры. Чем крупнее основной капитал, тем труднее ограничить производство, так как при падающих ценах издержки производства растут благодаря сокращению производства; это означает, что предприятия и отрасли с огромными вложениями основного капитала становятся очень чуткими к конкуренции, к колебаниям цен и к понижению нормы прибыли. Отсюда непосредственно возникает заинтересованность предприятий таких отраслей производства в ограничении конкуренции путем организации монополии в виде картелей или трестов.

Во-вторых, приобретение одними предприятиями акций других предприятий выявляет те же тенденции; на этой почве возникает персональная уния между различными акционерными обществами.

В-третьих, заинтересованность в преодолении конкуренции между отдельными предприятиями возникает у самих банков. Акционерная форма предприятий изменяет значительно отношения самого банка к финансируемому им предприятию. До возникновения акционерных обществ банк ограничивал свои связи с предприятиями путем предоставления оборотного кредита. Оборотный капитал всегда находится в более или менее ликвидной форме, и поэтому банк сравнительно гарантирован в возможности легко изъять свои средства из предприятий, положение которых пошатнулось. Наоборот, поскольку банк сам выступает в роли учредителя или независимо от этого, частичного собственника того или иного предприятия, благодаря владению его акциями, он тем самым увязывает свои средства в основной капитал финансируемого им предприятия. Во время плохой конъюнктуры становится труднее сбывать акции предприятий, и, следовательно, средства банка становятся, во-первых, неликвидными, а во-вторых, убыточными. Выход из этих затруднений возможен только путем преодоления конкуренции, влияющей ухудшающим образом на положение отдельных предприятий. Отсюда заинтересованность самих банков в образовании монополий.

¹ Р. Гильфердинг, Финансовый капитал, М. 1924, стр. 135.

Что рост монополий непосредственно связан с усиленной концентрацией капитала, с ростом основного капитала, одинаково подтверждают различные авторы, занимавшиеся изучением монополистического капитализма.

«Можно сказать,—говорит Лифман,—что наибольшую потребность в образовании картелей испытывают те отрасли промышленности, где недвижимый основной капитал играет главную роль в отношении ценности продуктов. Это имеет место в так называемой тяжелой промышленности, где, при сравнительно малоценном материале и больших издержках на машины, производятся также довольно малоценные и, конечно, массовые продукты, как, например, в железной промышленности. Поэтому, почти во всех странах эта промышленность является центром монополистических организаций»¹.

Однако момент огромных вложений в основной капитал сам по себе еще недостаточен для объяснения причин преобладания монополий в отраслях тяжелой индустрии. С этим связан еще другой момент: названная сфера производства занята изготовлением элементов основного капитала, и поэтому нормальное ее функционирование обусловлено исключительно подъемом, т. е. процессом всеобщего расширенного воспроизводства. В то время как производство средств потребления при ослаблении конъюнктуры терпит незначительные ограничения, производство элементов основного капитала подвержено гораздо более значительному сокращению. Это толкает соответствующие предприятия к объединению и ограничению конкуренции.

Слабее поддаются монополизации обрабатывающая промышленность и сельское хозяйство.

Что касается обрабатывающей промышленности, то это объясняется следующими причинами: во-первых, здесь удельный вес основного капитала, меньший; во-вторых, поскольку обрабатывающая промышленность производит преимущественно средства потребления, она в меньшей степени подвержена колебаниям конъюнктуры; в-третьих, развитие производительности труда здесь протекает легче и быстрее, так как, с одной стороны, обрабатывающая промышленность не ограничена, в отличие от добывающей промышленности, исчерпанием своих естественных богатств, а с другой стороны, она слабее стеснена продолжительностью амортизации своего основного капитала для введения более усовершенствованных машин; в-четвертых, принцип массового производства здесь слабее развит, так как, кроме большей стоимости производимых товаров, разнообразие производства не только между различными отраслями, но и в пределах одной и той же отрасли чрезвычайно велико. Это приводит к ослаблению конкуренции и к большим трудностям объединять интересы и регулировать взаимоотношения множества предприятий.

¹ Лифман, Картели и тресты, Москва, 1925, стр., 35—36; Kurt Wiedenfeld, Les cartels et les trusts Genève, 1927, стр. 5; Гильфердинг, Финансовый капитал, стр. 213, 215, 217.

Еще хуже по части организации монополий обстоит дело в сельском хозяйстве. Объективных предпосылок для образования крупных объединений в сельском хозяйстве, могущих регулировать производство и цены, меньше, чем в какой-либо иной сфере производства. Чрезвычайная техническая и социальная отсталость обуславливает сильную распыленность сельскохозяйственных предприятий. Вдобавок зависимость сельского хозяйства от колебания урожайности чрезвычайно сильно затрудняет регулирование размера производства. С развитием монополий в промышленности положение сельского хозяйства еще более ухудшается, что служит дальнейшим препятствием к концентрации производства. Таковыми причинами являются: торговый капитал в промышленности с ростом монополий теряет свое самостоятельное значение, а в сельском хозяйстве он все больше усиливается и забирает львиную долю производимой в сельском хозяйстве ценности. То же самое относится к транспорту и к банковому капиталу. Задолженность сельского хозяйства растет, и размер процента, взимаемого с сельскохозяйственных предприятий, на много превышает процент получаемый от промышленности. Наконец, благодаря расхождению цен на сельскохозяйственные и промышленные товары, сельскохозяйственные цены отстают от своих издержек производства.

Данные о капиталистической кооперации в сельском хозяйстве в Соединенных штатах, где монополистический капитализм в промышленности достиг наибольшего развития, показывают, насколько эта зародышевая форма монополий здесь не представляет чего-либо существенного для овладения внутренним рынком.

Данные, собранные по переписи в 1919 году, показывают, что в кооперации участвовало 624 527 ферм. Это составляет всего 9,7% всего количества ферм Соединенных штатов Америки. Сумма производимых всеми кооперативными объединениями продаж и закупок составляла всего 806 миллионов долларов. Если сравнить эту сумму хотя бы с 15-миллиардной стоимостью сельскохозяйственной продукции, то это окажется чрезвычайно ничтожной величиной. Еще более поразительной является картина, показывающая среднее количество фермеров и среднюю сумму операций на одно кооперативное общество:

Характер кооперативных объединений	Среднее количество членов на 1 объединение в 1917 г.	Среднее количество операций на 1 объединение в 1912—15 гг.	Характер кооперативных объединений	Среднее количество членов на 1 объединение в 1917 г.	Среднее количество операций на 1 объединение в 1912—15 гг.
Молочные продукты	83	48 806 д.	Хлопок	87	161 465 д.
Верновыи хлеб	102	143 268 »	Скот	140	98 777 »
Фрукты и овцы	124	161 458 »	Табак	336	156 890 » ¹

¹ Development and present Status of farmers cooperative business organisations. Department of agriculture. Bulletin 1302. Washington, 1925.

Среднее на одно общество составит 122 члена и 115 402 доллара. Величина объединений свидетельствует о том, что они носят преимущественно местный характер и, следовательно, не в состоянии существенно влиять на цены и производство с.-х. продуктов.

Финансовый капитал и взаимоотношение отдельных форм капитала.

Наряду с вопросом об изменении структуры капитализма в смысле перехода от свободной конкуренции к образованию монополий, возникает вопрос о том, насколько образование финансового капитала изменяет положение отдельных форм капитала.

Прежде всего относительно самого понятия финансового капитала. Гильфердинг следующим образом характеризует сущность финансового капитала: «Итак, зависимость промышленности от банков есть следствие отношения собственности. Все возрастающая часть промышленного капитала не принадлежит тем промышленникам, которые его применяют. Распоряжение над капиталом они получают при посредстве банка, который представляет по отношению к ним собственников этого капитала. С другой стороны, и банкам все возрастающую часть капиталов приходится закреплять в промышленности. Благодаря этому, он в постоянно возрастающей мере становится промышленным капиталом. Такой банковый капитал, следовательно, капитал в денежной форме, который таким способом в действительности превращен в промышленный капитал, я называю финансовым капиталом»¹.

Здесь Гильфердинг подчеркивает два момента: во-первых, то, что в современных условиях банковый капитал наряду со своей формой ссудного капитала принимает особую форму финансового капитала, и, во-вторых, что банковый капитал, в силу развития в финансовый капитал, становится господствующей формой капитала и, следовательно, ставит в зависимость от себя промышленный капитал.

Что касается первого момента, то здесь, несомненно, Гильфердинг прав. Финансовый капитал является непосредственно результатом развития акционерной формы предприятий. Благодаря тому, что в акциях погашается принципиальное различие между оборотным и основным капиталом, банк, путем владения акциями того или иного предприятия, становится в той или иной степени прямым или косвенным владельцем промышленного капитала. Это осуществляется в основном в трех случаях: либо банк выполняет функции эмиссии, преследуя при этом цели учредительской прибыли, либо банк приобретает определенное количество акций для длительного участия в промышленных предприятиях, либо банк, в зависимости от колебания конъюнктуры, помещает свои свободные средства в акции с тем, чтобы, по мере надобности, акции продать и сделать свои банковые средства снова ликвидными. Таким образом происходит то, что называется сращиванием банкового и промышленного капитала. Само собою разу-

¹ Гильфердинг. Финансовый капитал, стр. 265.

меется, что при отсутствии акционерной формы предприятий такое сращивание было бы невозможно.

Фин-Енотаевский, однако, оспаривает факт такого сращивания банкового и промышленного капитала и отрицает само понятие финансового капитала в упомянутом смысле. В отличие от Гильфердинга Фин-Енотаевский под понятием финансового капитала подразумевает просто капитал, приносящий процент в денежной и фиктивной формах.¹ Фин-Енотаевский ставит ударение на процент, отбрасывая при этом момент сращивания банкового капитала с промышленным. Больше того, он подчеркивает, что с развитием капитализма происходит все большее обособление денежного капитала от промышленного: «Вместе с ростом капиталистического богатства, а с ним и увеличением капитала в денежной форме, происходит все большее самостоятельное движение этой капитальной собственности, капитала в его денежной, приносящей процент форме, движение, отличное от движения функционирующего капитала»².

Фин-Енотаевский в своей попытке опровергнуть концепцию Гильфердинга о господстве банкового капитала над промышленным, зашел настолько далеко, что он, с одной стороны, просто отрицает общеизвестные факты о сращивании банкового капитала с промышленным, а, с другой стороны, он смешивает в понятии финансового капитала два совершенно различных отношения, неправильно понимая при этом финансовый капитал, как капитал, приносящий процент.

В одном случае, когда банковый капитал выступает по отношению к финансируемому банком предприятию в форме ссудного капитала, имеет место обыкновенное кредитное отношение: связи банка с предприятием исчерпываются получением процента и заботой о судьбе предоставленной ссуды, причем банк не имеет никакого отношения непосредственно к собственности самого предприятия. В другом случае, когда банк выступает в роли акционера предприятий, он тем самым не исчерпывает своего отношения к предприятию фактом получения процента; несущественно здесь то, что дивиденд количественно сходен с процентом. Здесь именно важно иное отношение банка к самому предприятию, по отношению к которому он выступает как собственник, не теряя в то же время черт организации, оперирующей банковым капиталом. Два момента являются здесь решающими: собственность по отношению к финансируемому предприятию и сращивание банкового капитала с промышленным.

Таким образом, с развитием капитализма, т. е., прежде всего, с развитием акционерной формы предприятий, не происходит, как это ошибочно думает Фин-Енотаевский, дальнейшее обособление банкового и промышленного капиталов, а, наоборот, имеет место растущее слияние, т. е. сращивание того и другого.

Насколько Фин-Енотаевский делает ошибки касательно элементарных вещей, видно из того, что, не будучи в состоянии отрицать

¹ Фин-Енотаевский, Финансовый капитал и производительный, Москва, 1926, стр. 23.

² Там же, стр. 15.

особого значения отношения собственности банка к предприятию в роли акционера, он пытается придать этому отношению пассивный характер, превращая тем самым банк в рантьеерскую организацию: «Банки, вложившие свои денежные средства в бумаги—свидетельства на реальные ценности—являются не только торговцами деньгами, финансистами, но и *владельцами* предприятий. Вот это-то соединение в одном лице финансиста, орудующего процентным капиталом в денежной или фиктивной форме, или в обоих, и собственника промышленных предприятий и дало повод Гильфердингу, а за ним большинству экономистов-марксистов, объявить о слиянии банковского капитала с индустриальным в единый высший капитал, финансовый. И эта ошибка происходила оттого, что фиктивный капитал, как собственность, отождествлялся при этом с индустриальным функционирующим капиталом, между тем, как фиктивный капитал лишь *форма приносящего процент капитала*. Банки, отдельные крупные денежные капиталисты, поскольку они торговцы деньгами и бумагами, только финансисты, только распоряжаются капиталом, как *собственностью*, но не распоряжаются еще действительным капиталом, не руководят производством, не индустриальные капиталисты»¹.

Приходится просто удивляться чудовищной путанице, которую здесь допустил Фин-Енотаевский. Если продолжить логически его рассуждения, то следует прийти к выводу, что с развитием акционерной формы предприятий происходит не только по форме, но и по существу полное отделение собственности предприятий от руководства ими. Не только банк, владеющий акциями, не имеет отношения к функционирующему капиталу, но и акционеры вообще «не распоряжаются еще действительным капиталом». Сие означает, что представителем действительного капитала является не собственник его, а просто администратор, выполняющий служебные функции по части руководства предприятием. Здесь находит свое полное отражение мелко-буржуазная идея о демократизации капитала с развитием акционерных обществ и об установлении полного равенства между мелкими и крупными акционерами, поскольку руководство действительным капиталом и определение экономической политики предприятий принадлежит по идее Фина-Енотаевского целиком и полностью не собственнику акционерного капитала, а администратору. Банк, поскольку он является владельцем фиктивного капитала, фигурирует в качестве одного из пассивных собственников, удовлетворяясь своей ролью получателя процента в форме дивиденда, без всякого вмешательства в судьбы предприятия.

В действительности дело обстоит совершенно иначе: с развитием акционерной формы предприятий крупный капитал—безразлично, непосредственно промышленный или банковый—является действительно вершителем судеб самих предприятий, к которым он имеет отношение, как собственник. Мелкие акционеры при этом используются крупным капиталом, а сами они в силу распыленности своего капитала высту-

пают действительно в роли пассивных наблюдателей и получателей дивиденда. Иногда они вынуждены примириться не только с неполучением дивиденда, но и с погашением убытков предприятий, к которым они имеют отношение, как собственники. Но то, что относится к мелким акционерам, совершенно неприменимо к банкам. Последние, фактом величины своих капиталов и степенью участия в тех или других акционерных предприятиях, выступают не пассивно, а активно и, в противовес ложной концепции Фина-Енотаевского, именно распоряжаются действительным капиталом.

Совсем другой вопрос о возможных пределах сращивания банковского капитала с промышленным и о том, какая форма капитала с развитием капитализма становится господствующей.

Этот вопрос для настоящего времени решается конкретным установлением того, насколько крупные банки далеко зашли в своем слиянии с промышленным капиталом. Вообще же решение вопроса может быть дано теоретически, в зависимости от того, насколько банки, как организации, оперирующие преимущественно чужим краткосрочным ссудным капиталом (вкладами), в состоянии длительно увязывать в промышленности значительные средства, которые бы им дали право контроля предприятий.

Делая ошибки в оценке понятия финансового капитала и сращивания банковского капитала с промышленным, Фин-Енотаевский, однако, прав в своем утверждении, что индустриальный капитал является гегемоном¹ и при монополистическом капитализме. Наоборот, Гильфердинг, который совершенно правильно осветил новый характер связи банковского капитала с промышленным, сделал ошибку в том отношении, что он банковому капиталу приписал роль гегемона в форме финансового капитала.

Что банковый капитал, несмотря на свою тесную связь с промышленным, не является и не может быть господствующей формой капитала, объясняется следующими причинами: во-первых, банки, как субъекты финансирования, ограничены в своих операциях пользованием чужим краткосрочным ссудным капиталом, вследствие чего они не могут на продолжительное время вкладывать свои капиталы в промышленные предприятия. Как раз в годы подъема, как, например, в 1905—1907, банки, благодаря увеличению кредитования, вынуждены были уменьшить свою деятельность в области участия в акционерных промышленных предприятиях². Во-вторых, откуда непосредственно вытекает то, что банки в своих нерегулярных операциях, выражающихся в эмиссии, преследуют прежде всего не цель овладения предприятием, а получение учредительской прибыли. Поэтому получается так, что значительная часть собственных акций, находящихся в распоряжении банков, сохраняется либо потому, что они не успели еще разместить акции предприятий, в которых они участвуют, как учредители, либо потому, что они, в силу временного наличия свободных

¹ Фин-Енотаевский, Финансовый капитал, стр. 10.

² R. Liefmann, Finanzier- und Beteiligungsgesellschaften, Jena, 1923 г., стр. 111.

¹ Фин-Енотаевский, Финансовый капитал и производительный, стр. 26.

средств, их вкладывают в выгодные ценные бумаги, либо они приобретают определенные акции с целью спекуляции. В-третьих, возможность наряду с регулярными совершать нерегулярные операции зависит в значительной степени от законодательства, на основе которого функционируют банки в различных странах. Депозитные банки в Англии и национальные банки в Америке ограничены в своих правах по части ведения нерегулярных операций, не говоря уже о том, что они стеснены в подобных случаях фактом пользования преимущественно чужим краткосрочным ссудным капиталом. В-четвертых, сами промышленные организации, вместо того, чтобы прибегнуть к помощи банков в организации и развитии промышленных предприятий, учреждают финансирующие общества, которые занимаются снабжением необходимого денежного капитала. В Англии такими финансирующими обществами являются *investment trusts*, которые формально имеют целью привлечение широкой публики к участию в малоизвестных предприятиях (внутренних и заморских), а по существу носят характер либо предпринимательских, либо контрольных обществ; в том и другом случае дело сводится к мобилизации капитала без прибегания к помощи банков¹. Более яркой формой финансирующих обществ в Англии являются *financial companies*. В Германии широкое распространение имеют общества капиталовложения (*Anlagegesellschaften*). Близкой формой является *Übernahmegesellschaft*. Наиболее чистой формой организации, занимающейся снабжением денежного капитала, является общество финансирования, которое в наибольшей степени распространено в Германии. Настоятельная необходимость в подобных финансирующих обществах существует в странах не-английского права, где, с одной стороны, учредительством занимаются преимущественно банки, а с другой стороны, не существует принципа последовательного учредительства².

Лифман замечает, что финансирующие общества являются фактором, содействующим созданию большей независимости индустрии от банков. Они являются «нейтральной» организацией, стоящей между банками и индустрией и помогающей промышленности стать наиболее независимой там, где она сильно зависела от банков по части снабжения капиталами³.

Насколько в наиболее развитой капиталистической стране, как Америка, финансовый капитал не принял значительных размеров, видно из следующей картины, приводимой Зингером: «Между прочим, комиссия по части обследования денежных трестов установила, что 18 концернов (6 частных банков, именно, *Morgan and Co.*, *Kuhn and Co.*, *Blair and Co.*, *Speyer and Co.*, *Kidder, Pealody and Co.*, *Lee Higinson* и 12 официальных банковских учреждений) через 180 членов фирм, соответственно, наблюдательных советов, располагали 746 наблюдательными постами в 134 обществах (среди них 41 банк, 31 железная дорога и 28 промышленных предприятий), имевших капитал в 25 325 миллио-

¹ R. Liefmann, *Finanzier- und Beteiliggesellschaften*, Jena, 1923, стр. 155.

² Там же, стр. 386, 363.

³ Там же, стр. 526.

нов долларов. Только 98 из этих постов падают на индустриальные предприятия, которым соответствовал капитал в 3 883 млн. долларов, откуда следует, что сращивание крупного финансового капитала с промышленностью не так велико, как это могло быть принято из гигантских цифр¹.

При этом нужно учесть, что 6 упомянутых, так называемых, частных банков, представляют собою, в отличие от банков вообще, в значительной степени финансирующие общества. Поэтому противопоставить их промышленному капиталу—неправильно. А ведь именно этим 6 банковым организациям принадлежит львиная доля контроля в упомянутых выше предприятиях.

Характерны по этому вопросу следующие данные: сумма ссуд и инвестирований в форме акций и облигаций со стороны всех банков Соединенных штатов Америки составляла в 1922 году 40 миллиардов, а из них на долю инвестирований падает всего 12 миллиардов, т. е. 31%². Если эту сумму сопоставить со стоимостью национального богатства в 320 миллиардов за тот же год (отсюда следует вычесть 61 миллиард, составивший тогда богатство сельского хозяйства), то она окажется крайне незначительной, чтобы говорить о господстве банкового капитала над промышленным. При этом нужно учесть, что, во-первых, в названную сумму инвестирований входит значительная часть облигаций и притом не только частных, но и правительственных, во-вторых, названная сумма уменьшится в зависимости от обще-конъюнктурных и сезонных колебаний, в-третьих, эта сумма включает также большую стоимость акций и облигаций самих банков, благодаря взаимному участию своими капиталами.

Разводнение и концентрация капитала

Вопрос о переходе от свободной конкуренции к монополиям непосредственно связан с вопросом разводнения капитала. Само собою разумеется, что без основной предпосылки, а именно, акционерной формы предприятий, разводнение капитала было бы невозможным. Однако степень разводнения капитала определяется не самими акционерными обществами, как таковыми, а фактом существования монополий и степенью их развития в господствующих отраслях производства. Гильфердинг делает ошибку, когда он этот момент, который является решающим в отношении степени разводнения капитала, опускает. Он исходит из того, что, поскольку дивиденд на акции на много ниже предпринимательской прибыли, то разницей между ними определяется размер учредительской прибыли и степень разводнения капитала³. Отсюда он делает другой ошибочный вывод: «Однако,—говорит он,—перекапитализация отнюдь не оказывает какого-либо влияния на цены. Это странное представление, будто раз фиктивный

¹ I. Singer, *Das Land der Monopole*, Berlin, 1913.

² The federal Reserve. Bulletin, 1928.

³ Гильфердинг, *Финансовый капитал*, стр. 112.

капитал номинально раздут, тем самым законы цен должны претерпеть какое-либо изменение»¹.

Оба положения (по вопросу о границах разводнения капитала и о зависимости цен от перекапитализации) Гильфердинга неверны. Если бы не было монополий, то прав был бы Гильфердинг. Перекапитализация ограничивалась бы пределами разницы между дивидендом и нормой предпринимательской прибыли, причем это не могло бы иметь какого-либо влияния на цены. Дело совершенно меняется в связи с организацией монополий, которые имеют возможность повышать свои цены за пределы нормальных.

Поэтому, чем значительнее удельный вес той или другой монополии соответствующей отрасли производства, тем легче повысить цены, и, следовательно, поле разводнения капитала расширяется.

В одной из своих статей² я привел показательные данные из американской работы³ относительно зависимости степени перекапитализации (разводнения) от удельного веса монополий. Эти данные прекрасным образом подтверждают именно ту мысль, что, чем сильнее монополия, тем больше разводнение капитала. Само собою разумеется, что по вопросу об удельном весе монополий для целой отрасли или сферы производства трудно получить точные данные, так как наряду с легальным контролем существует секретный контроль и вообще степень связи между различными предприятиями не поддается непосредственному установлению. Важен здесь принцип, а не количественная сторона, которая с развитием капитализма изменяется. Упомянутые выше данные относятся к Америке. В Европе монополизация промышленности качественно и количественно слабее, чем в Соединенных штатах. Однако принцип здесь сохраняется тот же. Более показательны именно американские данные, поскольку они иллюстрируют направление развития капитализма.

Чрезвычайно показательны по интересующему нас вопросу данные Federal Trade Commission⁴ касательно прибыли и издержек производства стальной индустрии Америки во время войны.

Названное исследование классифицирует различные стальные компании следующим образом: I—сюда относятся крупнейшие компании, которые пользуются своей собственной добычей железной руды и кокса; II—сюда относятся компании, которые начинают свое производство с выработки железа; III—сюда относятся компании, начинающие свое производство с выработки стали; IV—сюда относятся компании, начинающие производство с выработки стальных продуктов.

Если мы перейдем к установлению издержек производства, то окажется, что самые крупные компании (I) имеют наиболее низкие

¹ Гильфердинг, Финансовый капитал, стр. 122.

² Проблемы малых и больших циклов. «Соц. хоз.», кн. I; 1927 г., стр. 57.

³ Artur Dewing, Corporate promotions and reorganisations, стр. 526.

⁴ War time profits and costs of the steel Industrie. Washington, 1925.

издержки производства, что вполне понятно. Картина представится в следующем виде:

Издержки производства в процентах¹

	I	II	III	IV
Sheared plates	100	133	136	134
Structural shapes	100	130	127	151
Merchant bars	100	145	139	134
Tin plate	100	116	120	122
	100	131	131	135

Соответственно этой картине издержек производства норма прибыли должна была бы в основном быть выше в первом, чем в остальных подразделениях. Но оказывается, что средняя годовая норма прибыли за 1915—18 гг. составляла для первой группы 21,9%, второй группы—24,5%, третьей группы—36,2% и четвертой—36,8%², т. е. норма прибыли была ниже в крупных компаниях с низкими издержками производства, чем в меньших компаниях с высокими издержками производства.

Названное распределение предприятий по группам производилось на основе принципа степени комбинирования производства сырья, полуфабриката и фабриката. Это деление не во всех случаях совпадает с делением по принципу размера производства. Поэтому правильнее будет сопоставить компании по размеру производства с получаемой нормой прибыли. Полученные нами выше результаты должны оказать еще более яркими.

Норма прибыли за годы 1915—1918³

Размер производства	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.
Ниже 300 тыс. дол.	18,3	63,4	25,8	46,4
От 300 т. д. до 1 млн.	7,7	57,5	64,6	40,5
» 1 млн. до 3 »	17,7	47,8	60,0	39,1
» 3 » » 10 »	12,0	38,7	45,8	22,5
» 10 » » 30 »	7,6	29,8	43,8	25,5
» 30 » » 100 »	9,2	25,4	30,9	19,3
Свыше 100	—	21,4	33,0	13,3
Стальн. корпорация Соед. шт.	6,7	18,5	24,6	21,2

Интересно то, что само исследование замечает относительно происхождения величины предприятия и нормы прибыли следующее: «В связи с этим следует учесть влияние перекапитализации (разводнение капитала—С. Г.) на норму прибыли. Например, часто утверждали, что стальная корпорация была первоначально перекапитализирована и что если бы подобная перекапитализация была устранена из бухгалтерских данных о размерах вложения капитала, норма прибыли повы-

¹ War time profits and costs of the steel Industrie. Washington, 1925, стр. 86.

² Там же, стр. X.

³ Там же, стр. 132—133.

силась бы... Необходимо заметить, что бюро Корпораций в своем отчете относительно стальной индустрии определяло, что действительное имущество стальной компании ко времени ее организации было равно приблизительно половине суммы паритетной стоимости акций и облигаций первоначально выпущенных»¹.

Таким образом, из всего приведенного выше следует, что разводнение капитала не зависит единственно от факта существования акционерной формы предприятий. Степень разводнения капитала зависит от того, насколько трест, картель или контрольная компания монополизировали соответствующую отрасль производства. Установив свое господство и повышая благодаря этому цены на производимые товары, соответствующая монополия организация тем самым расширяет пределы разводнения своего капитала.

Приведенные нами данные касательно стальной промышленности Соединенных штатов это именно подтверждают: чем крупнее компания, тем ниже ее издержки производства, и, следовательно, норма прибыли должна быть выше, но благодаря тому, что, чем крупнее компания, тем сильнее разводнение капитала, картина получается по части нормы прибыли обратная, а именно—чем крупнее компания, тем норма прибыли не выше, а ниже. Это и есть то новое, что возникает вследствие перехода от свободной конкуренции к монополиям.

Таким образом с развитием капитализма, в смысле перехода к монополистической структуре, происходит дальнейшая модификация формы проявления закона ценности. Эта новая модификация заключается в том, что монополизированная сфера производства получает такую прибыль, которая по своему размеру превосходит среднюю прибыль. Это превышение прибыли над средней осуществляется за счет некартелированных отраслей. Последние не в состоянии этому противодействовать, так как, во-первых, они отличаются большей распыленностью, во-вторых, поскольку это имеет место преимущественно в обрабатывающей промышленности (отвлекаясь от сельского хозяйства), они не в состоянии использовать высокую конъюнктуру, как это может сделать добывающая промышленность, где повышение цен во время подъема и при отсутствии монополий сильнее; в-третьих, поскольку при монополистическом капитализме эта сфера производства относительно мало доходная, она привлекает к себе меньше капиталов, при посредстве которых возможно было бы реорганизовать производство в смысле его укрупнения.

Чем более совершенен характер монополий, тем, следовательно, выше цены и значительней разводнение капитала, и тем относительно хуже положение некартелированных отраслей промышленности.

В основном положение характеризуется различием между картелями и трестами. «Картели,—говорит Lederer,—могут сохранить предприятия малой производительности; они могут быть продолжительно отягчены внутренне благодаря предоставлению определенной квоты слабым предприятиям, но тогда прибыль не выражается в соот-

¹ War time profits and costs of the steel Industrie. Washington, 1925, стр. 36.

ветствующем накоплении, а именно потому, что издержки производства слабых предприятий довольно высоки и что лучшие предприятия не могут использовать свою производительную способность. Наоборот, трест создает условия более быстрого накопления, благодаря тому, что он располагает более правильной технической организацией, списывая со счетов капитал предприятий, которые он оставляет бездействующими»¹.

На помощь картелированной и трестированной промышленности приходит государственная власть путем увеличения таможенных тарифов на соответствующие товары, производимые в монополизированной сфере. С развитием капитализма монополистического начинается новая эра в области таможенного обложения. Таможенные тарифы в современном капитализме являются важнейшим орудием борьбы на международных рынках: монополизировав свой внутренний рынок и не допуская к себе иностранной конкуренции, монополизированные отрасли промышленности имеют возможность, благодаря высоким ценам и огромной прибыли внутри, продавать свои товары на иностранных рынках по более низким ценам и тем самым пробовать своих конкурентов. Высокие тарифы являются необходимым условием для образования внутренних монополий. В свою очередь влияние монополий на государственную власть сильнее, чем влияние некартелированных отраслей, а это ведет к более высоким тарифам и к дальнейшему ухудшению положения некартелированных отраслей промышленности.

Чем сильнее разводнение капитала, тем, очевидно, больше учредительская прибыль, которая, благодаря существованию монополий, не представляет собою просто разницу между предпринимательской прибылью и дивидендом, а изменяет само распределение прибыли между картелированной и некартелированной сферами промышленности

Dewing дает следующую картину распределения учредительской прибыли: «В одной из предыдущих таблиц было указано, что во всех описанных в этой книге монополиях, включая корпорации с облигациями и без таковых, действительное имущество составляло в среднем 40% всех выпущенных ценных бумаг. Остальные 60%, представляя обычно сверхвыпущенные акции, были распределены между пятью различными интересами, хотя в большинстве случаев некоторые из них сливались. Такими пятью интересами были: 1) учредитель, который обеспечил дело; 2) банк, который служил добрым отцом для предприятия или расписался на определенное количество акций; 3) владельцы предприятий, которые получили за свои предприятия цену, превышающую их стоимость; 4) публика, которая получила в форме акций бонус за покупку самих акций нового предприятия; 5) адвокаты, которые выполнили функции по части обеспечения юридической стороны предприятий. Подходя к вопросу с точки зрения типичного учредительства, оказывается, что из 60% ценных бумаг сверхстои-

¹ Lederer, Monopole und Konjunktur - Viertel. Zur Konjunkturforschung. 1927, стр. 14.

мости действительного имущества предприятия 10% ушло к учредителю за его услуги, 10%—к банку, 20%—к владельцам предприятий, как дар сверхстоимости их предприятий, 15%—к публике, как «приманка» для покупки ценных бумаг, и 5% за труды по организации самой корпорации»¹.

Само собою разумеется, что это распределение учредительской прибыли, которая является результатом слияния нескольких существовавших до того самостоятельных предприятий, отличается от распределения при первичной организации акционерного предприятия или при превращении отдельного предприятия в акционерное. В последнем случае учредителями являются прежде всего банкиры, и им, собственно, достается почти вся учредительская прибыль. Наоборот, в первом случае значительная доля учредительской прибыли достается и другим представителям предприятий, включая и публику, которая приобретает акции из вторых рук, т. е. из рук самих учредителей.

Одним из важнейших средств чрезмерного разводнения капитала является выпуск акций без указания номинальной стоимости. Само собою разумеется, что ко времени продажи акций учредители искусственно повышают дивиденд, выплачивая его не за счет действительной прибыли, а за счет функционирующего или со стороны полученного капитала, причем они, путем рекламирования и всяких махинаций, создают фиктивную, чрезмерно благоприятную перспективу предприятия, акции которого они выпускают. Метод выпуска акций без номинальной их ценности имеет огромное значение в том отношении, что концерн, капитал которого сильно разводнен, обеспечивает себя заранее от возможных претензий со стороны кредиторов в случае банкротства предприятия. Так как участник концерна ответственен перед кредиторами только своей долей участия, но не своим имуществом вне этого участия, то кредиторы могут взыскать с участников концерна больше, чем в пределах доли участия, при условии, если окажется, что, подписываясь на определенную сумму акций, они не уплатили всех денег соответственно номинальной стоимости акций или если дивиденды выплачивались за счет реального капитала, а не заработной прибыли. В этих случаях кредиторы могут взыскать с директоров или потребовать от акционеров обратно выплаченные ранее дивиденды². Эта ответственность совершенно отпадает при наличии акций без номинальной ценности. Защита кредиторов при этом условии представляется почти невозможной, т. к. разводнение капитала и, следовательно, уплата только части, проходит под видом зачета суммы за услуги учредителей и имущества бывших владельцев, которые были на много переоценены во время купли и продажи в связи с образованием концерна. При наличии акций без номинальной стоимости кредитор никогда не в состоянии сослаться на то, что капитал, действительно

¹ Dewing, Corporate promotions und reorganisations, стр. 541.

² Cames C. Bonbright, Non-pari stock: its economic and legal aspects. Quarterly journal of Economics, № 38, стр. 442—443.

уплаченный, не соответствует сумме выпущенных акций. Последняя здесь заранее не определяется, а возникает post factum. Что касается самих акционеров, то их положение остается одинаковым, выпускаются ли номинальные или неноминальные акции. Учредители и при наличии непаритетных акций сумеют переоценить свое реальное имущество и обмануть тех, которые акции покупают. Так, например, они выпускают акции и распределяют их между собою с тем, чтобы их впоследствии пустить на рынок, оценивая имущество в 1 миллион, которое стоит только 500 тысяч; при этом стоимость акций будет определена в 1 миллион, соответственно оценке имущества. Конечно, и при наличии паритетных акций кредиторы трудно взыскать с концерна разницу между действительной стоимостью и оценкой имущества, так как сюда примешивается элемент стоимости в виде так называемого good will, возникающий в силу образования концерна: капитал предприятия оценивается выше, когда оно входит в концерн, и ниже, если оно существует самостоятельно. Дело совсем облегчается, когда капиталисты переходят от паритетных акций к непаритетным.

Характерно то, что из 48 штатов Америки 34 штата разрешают выпуск непаритетных акций.

Современный капитализм в Америке идет еще дальше. Чтобы осуществить свой контроль над все большим чужим капиталом, требуется со стороны капиталистов, руководящих теми или иными концернами, вложение крупного собственного капитала, так как контроль может быть обеспечен при наличии больше половины акций концерна. Но личные средства, которые могут с этой целью быть использованы, ограничены в своих размерах. Два препятствия стоят на пути к достижению контроля: необходимость разводнения капитала с целью получения огромных барышей ведет к распылению акционерного капитала и к относительному уменьшению своего контроля со стороны крупного капитала; выпуск облигаций, при наличии потребности в дополнительном капитале, для концернов ведет к опасности банкротства, так как, если не выплачивается дивиденд, устойчивость самого концерна сохраняется, при невыплате же процента по облигациям концерну грозит провал и, следовательно, потеря контроля для руководителей предприятием.

Чтобы избегнуть этого, вершители судеб концерна прибегают к выпуску разных категорий акций, имеющих и не имеющих права голоса.

Для этого достаточно выпустить на незначительную сумму акции с правом голоса и на большую сумму акции, которые правом голоса не пользуются. Приобретение больше 50% акций первого рода дает право контроля над капиталом всего концерна. Так, например, одна компания выпустила на 12 миллионов долларов акции, имеющие право голоса, и на 37 миллионов акции, которые правом голоса не пользуются¹.

¹ W. H. Stevens, «Stockholder's voting rights and the centralisation of voting control». Quarterly journal of Economics, май 1926, стр. 379.

Однако факты, когда имеет место полное лишение акций права голоса, до сих пор встречаются в американской практике не часто. Более часто практикуется выпуск так называемых котируемых акций, которые по существу ведут к достижению тех же целей контроля над огромным чужим капиталом при посредстве незначительного собственного капитала.

Сущность этих котируемых акций заключается в том, что, пока предприятие или концерн функционирует нормально, т. е. выплачивает дивиденды, названные акции лишены права голоса. Наоборот, если концерн оказывается пошатнувшимся и прекращает выплачивать дивиденд, котируемые акции приобретают право голоса. Это приобретение права голоса не всегда одинаково: 1) в одних случаях неголосовавшие ранее акции получают исключительное право голоса, т. е. акции, имевшие прежде это право, лишаются его целиком; 2) в других случаях первые акции получают extra voting, т. е. каждой единице акций дается несколько голосов; 3) иногда акции при наступлении времени, когда они приобретают право голоса, уравниваются в правах с теми, которые ранее пользовались этим правом и его теперь сохраняют.

Однако сложность условий, которые необходимы для получения права голоса акциями, ранее не имевшими его, затрудняет настолько сильно возможность реализации своего права, что оно становится крайне проблематичным.

Обусловленное время, в течение которого может быть отсутствие выплаты дивидендов без того, чтобы не получающие этого дивиденда акции приобрели право голоса, различно, начиная от трех месяцев и кончая годом-двумя. Положение этих котируемых акций усложняется еще тем, что в большинстве случаев для наступления времени права голоса требуется невыплата определенной суммы, так что в течение долгого времени они могут не пользоваться правом голоса, получая при этом только часть обычного дивиденда; в других случаях требуется невыплата дивидендов (без указания суммы) в течение определенного числа последовательных месяцев¹.

Приведенные здесь методы использования и развития акционерной формы предприятий ведут сильным образом к концентрации и централизации капитала и к дальнейшему развитию монополий.

II. Особенности конъюнктуры при монополистическом капитализме

Названная здесь проблема распадается на следующие вопросы: 1) Каково влияние со стороны монополий на общий уровень цен и на соотношение цен в различных сферах производства? Этот вопрос, собственно, является здесь важнейшим, так как регулирование и удержание высокого уровня цен является непосредственной целью организации монополий. 2) Каково влияние монополий на движение производства как в отношении темпа роста сравнительно с эпохой «классического» ка-

¹ Там же, стр. 370—372.

питализма, так равно в отношении того, насколько под влиянием монополий амплитуда циклических колебаний уменьшилась или увеличилась? 3) Какие изменения вносят монополии в распределение дохода между трудом и капиталом? 4) Насколько верны предположения о том, что с развитием монополий возможно преодоление кризисов капиталистического хозяйства? 5) Если капиталистические кризисы неизбежны для монополистического капитализма, как и для «классического», то насколько изменяется под влиянием монополий продолжительность цикла и соотношения отдельных его фаз?

Поставленный нами первый вопрос в свою очередь распадается на ряд подвопросов: а) Насколько неизбежно под влиянием монополий расхождение цен на товары сельского хозяйства, промышленной сферы производства средств потребления и промышленной сферы производства средств производства, и соответствуют ли теоретическим соображениям факты реальной действительности? б) Какова основа высокого уровня цен в условиях монополистического капитализма и каково положение золота сравнительно с классическим капитализмом? в) Каков источник высокого уровня цен во время последней войны? есть ли аналогия с эпохой наполеоновских войн? чем отличается этот высокий уровень цен по своему источнику от подъема цен во время высокой конъюнктуры? г) Каковы основы высокого уровня цен после войны и возможно ли дальнейшее сохранение этого уровня?

Расхождение цен различных сфер хозяйства

Само собою разумеется, что поскольку в какой-либо отрасли или сфере производства монополистическая форма количественно и качественно развита более значительно, чем в других отраслях или сферах производства, то первая будет в состоянии установить более выгодное для себя соотношение своих издержек производства и цен, т. е. она установит для себя относительно или абсолютно более высокий уровень цен. Поскольку сельское хозяйство в высокоразвитых странах отличается наибольшей распыленностью и наименьшим развитием монополий, оно, следовательно, в отношении движения уровня цен своих товаров должно находиться в наихудшем положении сравнительно с другими сферами производств. Сфера промышленности, производящая средства потребления, по причинам, о которых мы говорили выше, является менее монополизированной, чем сфера промышленности, производящая средства производства, а поэтому уровень цен первой сферы относительно менее благоприятен по отношению к своим издержкам производства, чем это имеет место во второй сфере.

При прочих равных условиях цены названных трех сфер производства должны были бы при монополистическом капитализме, соответственно степени развития монополий в каждой из них, сильно отставать друг от друга. Однако прочие условия не остаются равными. Производительность труда развивается успешнее в сфере обрабатывающей промышленности, чем в сфере добывающей; в обеих сферах производительность труда развивается успешнее, чем в сельском

хозяйстве. Кроме того, сравнение оптовых цен сельскохозяйственных и промышленных товаров, без дальнейших поправок, вводит в заблуждение по части соотношения отпускных цен. Дело в том, что с развитием монополий в промышленности торговый капитал теряет свою силу и переходит на положение зависимого от промышленного капитала, так что конечные цены, по которым товар доставляется потребителю, определяется промышленным капиталом. Иное положение в сельском хозяйстве: здесь все сильнее производство становится в зависимость от торгового капитала, так что оптовые цены на сельскохозяйственные продукты не свидетельствуют о том, каково соотношение выгоды сельского хозяйства и промышленного производства.

Характерно в этом отношении, что из цены, уплаченной потребителем в 1922/23 г. за картофель, доставленный из Мены в Бостон и

Групповые индексы цен

Средние цены за 1890—1899 гг. приняты за 100¹

Годы	Одежда	Домашняя обстановка	Топливо и освещение	Металлы и орудия производства	Дерево и строительные материалы
1885	115,1	119,1	102,5	116,8	114,4
1886	115,1	115,4	98,3	115,0	117,5
1887	116,2	115,0	103,9	115,8	112,2
1888	116,5	113,6	106,3	117,4	113,0
1889	114,3	112,5	105,6	112,7	113,0
1890	113,5	111,1	104,7	119,2	111,0
1891	111,3	110,2	102,7	111,7	108,4
1892	109,0	106,5	101,1	106,0	102,8
1893	107,2	104,9	100,0	100,7	101,9
1894	96,1	100,1	92,4	90,7	96,3
1895	92,7	96,5	98,1	92,0	94,1
1896	91,3	94,0	104,3	93,7	93,4
1897	91,1	89,8	96,4	86,6	90,4
1898	93,4	92,0	95,4	86,4	95,8
1899	96,7	95,1	105,0	114,7	105,8
1900	106,8	106,1	120,9	120,5	115,7
1901	101,0	110,9	119,5	111,9	116,7
1902	102,0	112,2	134,3	117,2	118,8
1903	106,6	113,0	149,3	117,6	121,4
1904	109,8	111,7	132,6	109,6	122,7
1905	112,0	109,1	128,8	122,5	127,7
1906	120,0	111,0	131,9	135,2	140,1
1907	126,7	118,5	135,0	143,4	146,9
1908	116,9	114,0	130,8	125,4	133,1
1909	119,6	111,7	129,3	124,8	138,4
1910	123,7	111,6	125,4	128,5	153,2
1911	119,6	111,1	122,4	119,4	151,4
1912	120,7	113,7	133,9	126,1	148,2
1913	123,7	118,1	142,2	127,5	151,8

¹ Wholesale prices. Bulletin of the United States Bureau of Labor statistics.

из Минезоты в Чикаго, досталось производителю в первом случае 30,8%, а во втором только 20,6%, причем на транспорт в первом случае ушло 18,2, а во втором 13,6%, так что торговле (оптовой, розничной и скупщику) соответственно досталось 51 и 65,8%¹.

Чтобы проверить, насколько под влиянием развития монополий имело место расхождение цен отраслей средств потребления как менее монополизированных и отраслей средств производства как более монополизированных, воспользуемся американскими данными за период 1885—1913 гг.

Эти данные показывают, что цены на средства потребления как товары менее монополизированных отраслей шли в ногу с ценами на средства производства до конца прошлого столетия, после чего первые значительно отставали от последних на протяжении всего довоенного периода XX столетия. А ведь именно с конца XIX столетия и начала XX организация монополий в Соединенных штатах приняла широкие размеры.

Еще более тяжелым оказывается положение сельского хозяйства. В отличие от промышленных средств потребления, цены и производство сельскохозяйственных продуктов подвержены значительным и частым колебаниям, вызываемым не столько конъюнктурной цикличностью, сколько колебанием урожайности.

При этом освещение вопроса о движении сельскохозяйственных цен затрудняется тем, что оптовые цены на с.-х. товары не показывают положения цен, по которым фермеры сами продают свои товары; что же касается самих фермерских цен, то они не отличаются достаточной точностью.

Чрезвычайно в этом отношении интересна следующая таблица, которая показывает, насколько сильнее выросли издержки производства сельскохозяйственных продуктов сравнительно с ценами на с.-х. товары. Рост издержек производства показывает также движение цен на промышленные товары, покупаемые сельским хозяйством:

Период	Оптовые цены сельскохозяйственных товаров	Стоимость капитала	Заработная плата	Стоимость материала	Все издержки производства
1879—1883	100	100	100	100	100
1889—1893	88	109	102	101	105
1899—1903	92	105	95	104	99
1909—1913	124	152	137	147	143 ²

Характерно, что за период 1879—1903 гг. оптовые цены на сельскохозяйственные товары упали со 100 до 92%, заработная плата упала до 95%, а стоимость материалов поднялась всего до 104%. Стоимость капитала, т. е. ссудный процент и рента, повысились до 105%. Что касается общих издержек производства, то они уменьшились со 100 до 99%.

¹ И. З. Каганов, Накладные расходы и оптово-розничные цены, стр. 4.

² The Agricultural problem of the United States, New-York, 1926, стр. 155.

Таким образом за этот период произошло некоторое ухудшение в положении сельского хозяйства, которое выразилось в том, что издержки производства уменьшились всего на 1%, а цены на 8%. При этом необходимо учесть, что за названный большой промежуток времени произошел некоторый рост производительности труда сельского хозяйства. Так, например, в 1876—1885 гг. один акр доставлял в Соединенных штатах 81,2 бушеля картофеля, а в 1901—1905 гг.—89,1 бушеля; в 1866—1875 гг. один акр доставлял 176,2 фунтов хлопка, а в 1896—1900 гг.—193,3 и в 1901—1905 гг.—184,8 фунта; урожайность кукурузы почти не изменилась: 1866—1875 гг.—26,1, а в 1896—1900 гг.—26,2 бушеля на один акр. Один акр в 1866—1875 гг. доставлял 12 бушелей пшеницы, а в 1896—1900 гг.—12,9 и в 1901—1905 гг.—13,9¹.

Если мы перейдем к следующему периоду, то окажется, что к 1909—1913 г. оптовые цены на фермерские продукты выросли со времени 1899—1903 гг. с 92 до 124%, ссудный процент и рента выросли со 105 до 152%, заработная плата со 95 до 137, стоимость материала со 104 до 147 и общие издержки производства с 99 до 143%. Мы, таким образом, имеем сильное расхождение издержек производства и цен на сельскохозяйственные продукты именно за период 1900—1913 гг., т. е. за время развития монополий в промышленности. При этом нужно учесть, что в противоположность предыдущему периоду урожайность в сельском хозяйстве почти совсем не повысилась². Наоборот, производительность труда в американской фабричной промышленности за довоенный период монополистического капитализма поднялась процентов на 8—10³. Понятно, что это повышение производительности труда в американской промышленности, в условиях монополистического капитализма, является очень малым сравнительно с предыдущим периодом «классического» капитализма, но ведь за то же время сельское хозяйство не показывает и этого повышения производительности труда.

Мы установили, что исторически, под влиянием изменений, которые произошли в самой структуре капитализма, имело место расхождение цен различных сфер производства, в зависимости от степени их монополизации. Эти моменты расхождения цен можно было бы выявить еще более ярко, если бы мы обладали достаточно полными данными касательно развития монополий в Соединенных штатах или в Германии. К сожалению, до настоящего времени не существует в литературе полных данных относительно удельного веса монополий ни в отношении Германии, ни в отношении Америки.

При этом возникает вопрос о том, почему монополии не могли влиять на цены только путем их расхождения, не изменяя самого уровня цен. На это мы отвечаем следующим образом: чтобы осуществить расхождение цен в пределах неизменного уровня цен, необхо-

димо, очевидно, повысить одни цены (на средства производства) за счет понижения других цен (на средства потребления). Но это в условиях промежутка времени 1900—1914 гг. было невозможно: во-первых, потому, что спрос на средства потребления как во время депрессии, так и во время подъема носит сравнительно устойчивый характер; во-вторых, сельское хозяйство, как наиболее слабая сторона, отличается наименьшими возможностями увеличить в нормальное время значительно свое производство и тем создать увеличенное предложение, что могло бы вызвать понижение цен на с.-х. товары. Характерно в этом отношении, что если текстильное производство за период 1899—1913 гг. выросло в Соединенных штатах на 55%, железо на 111,2%, пищевые продукты—на 51%, то сельское хозяйство выросло только на 22,1% при росте населения на 29,6%¹. Таким образом, рост с.-х. производства отстал даже от роста населения. При этом нужно учесть, что с.-х. производство, как и остальное производство Америки, рассчитано преимущественно на внутренний рынок. Кроме того, за этот промежуток времени с.-х. производство Америки не показывает почти никакого роста производительности труда. Все это свидетельствует о том, что расхождение цен могло происходить только на основе всеобщего повышения уровня цен.

Уровень цен и добыча золота при монополистическом капитализме

В своей статье «О больших и малых циклах» я показал, насколько в условиях монополистического капитализма неизбежно общее повышение уровня цен благодаря монополиям. Там же я осветил вопрос о движении производительности труда в производстве золота и в производстве товаров вообще, откуда следовало, что сам по себе подъем производительности труда был недостаточен для объяснения происшедшего тогда подъема уровня цен и что в некоторой части подъем цен был обусловлен специфическими условиями самой новейшей структуры капитализма. Мы должны здесь подчеркнуть еще следующее: поскольку с развитием капитализма, как монополистического, неизбежно удержание более высокого уровня цен, чем это соответствовало бы классическому капитализму, постольку, очевидно, неизбежно, если не постоянное, то во всяком случае продолжительное отклонение покупательной силы золота от его ценности. Это, следовательно, аналогично тому положению, которое мы имеем во время высокой циклической конъюнктуры. Разница здесь однако та, что во время высокой конъюнктуры, которая выражается в стремительном подъеме цен на непродолжительное время, происходит падение производства золота (абсолютно или только сокращение темпа роста), так как за короткий промежуток времени производительность труда в добыче золота не успевает приспособиться к новому высокому уровню цен,

¹ The Agricultural crisis and its causes. Report of the joint commission of agricultural inquiry. Washington, 1921, стр. 46.

¹ Statistical Abstract of United States. 1922 г., стр. 166—168.

² Там же.

³ См. данные моей статьи «Проблемы малых и больших циклов», «Социал. хозяйство». 1927 г., кн. 1. стр. 54.

в то время как в период подъема цен за 1897—1914 гг. (исключая год высокого подъема конъюнктуры—1906—1907 г.) не было падения производства золота ни в отношении темпа, ни абсолютно, так как, поскольку подъем цен носил продолжительный и равномерный характер, золотопромышленность успевала приспособить свою производительность труда к новому уровню цен.

Этот процесс приспособления производства золота к высокому уровню цен происходил не только путем общего подъема производительности труда, но и путем передвижки золотодобычи из районов менее производительных к районам более производительным, а именно, при относительной стабильности добычи золота в Соединенных штатах, Австралии и России произошло значительное увеличение добычи золота в Африке.

Добыча золота в главнейших странах и во всем мире за период 1890—1913 гг.¹

Годы	Мировая добыча	Африка	Соединенные штаты	Австралия	Россия	Трансвааль в % к мировой добыче
1890	5 749	440	1 589	1 588	1 135	7,7
1891	6 320	688	1 605	1 651	1 169	—
1892	7 094	1 069	1 597	1 726	1 200	—
1893	7 619	1 290	1 739	1 877	1 345	—
1894	8 764	1 805	1 911	2 239	1 167	—
1895	9 615	2 017	2 255	2 356	1 388	21,0
1896	3 784	2 025	2 568	2 376	1 042	—
1897	11 420	2 743	2 775	2 930	1 125	—
1898	13 878	3 823	3 118	3 547	1 232	—
1899	14 838	3 638	3 437	4 461	1 072	—
1900	12 315	421	3 830	3 556	975	—
1905	18 396	5 479	4 266	4 157	1 078	26,7
1908	21 422	8 055	4 574	3 547	1 357	33,0
1910	22 022	8 475	4 657	3 167	1 721	34,2
1911	22 349	9 266	4 687	2 911	1 556	36,9
1912	22 349	10 248	4 521	2 637	1 074	40,4

Вопрос о том, когда уровень цен влиял на добычу золота и когда, наоборот, добыча золота (рост производительности труда) влияла на уровень цен, мог бы быть разрешен теоретически таким образом: в условиях «классического» капитализма изменение производительности труда в производстве золота шло само по себе и post factum вызывало соответствующее повышение цен, если за то же время это не компенсировалось ростом производительности труда в производстве товаров вообще. В наиболее ярком виде это выступает с конца 40-х до конца 50-х годов, когда добыча золота выросла благодаря открытиям Калифорнийских и Австралийских россыпей в 1847—1851 гг. до необычайных размеров. Само собою разумеется, что этому внезап-

¹ The South and Eastern Yearbook

ному огромному скачку в производстве золота не могло соответствовать такое же увеличение производительности труда в производстве товаров вообще. Сравнив по диаграмме движение роста производства золота за названный промежуток времени с движением цен в Америке и Англии, мы легко и ясно заметим, что росту цен предшествовал в данном случае рост производства золота¹. Наоборот, в условиях монополистического капитализма, когда независимо от движения производства золота существует тенденция к росту общего уровня цен, добыча золота должна, очевидно, идти не впереди, а вслед за движением цен, т. е. чередование роста производительности труда в золотопромышленности и роста цен должно быть обратным тому, что мы видели в условиях «классического» капитализма. Этот вывод неизбежно вытекает из предпосылки роста цен, обусловленного самой структурой капитализма.

Сделанный нами вывод относительно обратного влияния уровня цен на добычу золота для довоенного периода эпохи монополистического капитализма должен, очевидно, найти свое подтверждение со стороны имеющихся за этот промежуток времени данных. Очевидно, что в этом случае рост цен должен был предшествовать росту производительности труда в добыче золота. Однако за последний период мы такого соответствия не замечаем. Это объясняется, прежде всего, тем, что в 1884 г. были открыты африканские россыпи (Трансвааль), а это само по себе вызвало увеличение производства золота. Рост золота продолжался почти до самой войны 1914 г., хотя небольшой перерыв в росте падает на время англо-бурской войны—1899—1900 гг. Что касается движения цен, то несмотря на то, что рост добычи золота начался еще в 1884 г., цены продолжали падать до 1896—1897 гг., т. е. в течение 13 лет цены падали, несмотря на непрерывный рост добычи золота. Общий подъем цен с конца 90-х годов до 1914 г. совпал, таким образом, с ростом производительности труда в добыче золота и с ростом самого размера добычи. Что касается производительности труда в добыче золота, то она поднялась сильно в Африке с 1890 г. к 1909 г., после чего она находилась почти на одном и том же уровне до самой войны 1914 г. Так, например, издержки производства на 1 тонну золотоносной руды в Африке в 1890 г. равнялись 42/1,5 шил. и пенс., в 1909 г.—17/1 и в 1914 г. тоже 17/1. В результате с 1912 г. в Африке приостановился рост размера добычи золота, а в 1913 г. произошло также уменьшение удельного веса Африки в мировой добыче золота с 40,4 до 38,3%. В 1909 г. произошло также сильное уменьшение темпа роста мирового производства золота, а в 1913 и 1914 гг. имело место абсолютное падение размера добычи золота сравнительно с 1912 г.²

При этом интересно было бы сопоставить за последний период движение уровня цен в Америке с движением производительности труда в американской золотопромышленности, но, к сожалению, мы

¹ European Currency and Finance. Washington. 1925, стр. 71.

² Там же, стр. 440.

такими данными не располагаем. Имеющиеся у нас данные о размере золотодобычи в Соединенных штатах с 1890 г. показывают, что темп годового роста добычи золота носил очень равномерный характер до 1900 г., после чего, хотя и наблюдается рост добычи, но крайне незначительный. В 1912 г. имело место даже падение добычи золота. Аналогичное положение мы констатируем в Австралии, где рост добычи золота протекает равномерно с 1890 г. до 1899. В 1900 г. рост добычи приостанавливается, и, за исключением 1905 г., за время до 1912 г. происходит из года в год абсолютное уменьшение добычи золота.

Мы, таким образом, констатируем: во-первых, общее движение мировой добычи золота благодаря открытиям в 80-х годах богатых африканских золотых россыпей, впоследствии, в 90-х годах затухает во влияние, которое на добычу золота должны были оказывать высокие цены; во-вторых, в странах старой добычи золота—в Соединенных штатах и Австралии—высокий уровень цен повлиял таким образом, что в одном случае вслед за подъемом цен сокращался темп роста добычи золота, а в другом случае произошло благодаря той же причине абсолютное падение золотодобычи. Это, очевидно, свидетельствует о том, что старые места добычи золота не в состоянии были настолько сильно приспособиться к новому, более высокому уровню цен, путем повышения производительности труда, чтобы не понижать темпа роста добычи. В результате, влияние, которое подъем цен оказал на добычу золота, выразилось в том, что рост добычи золота происходил преимущественно за счет африканских источников при более высокой производительности труда или, что в известном смысле то же самое, при низких издержках производства.

Движение цен и судьба золота во время и после империалистической войны

Чрезвычайно интересно выяснить, какую роль сыграла монополистическая структура капитализма в удержании высокого уровня цен после войны. Для этого необходимо прежде всего выяснить историю и источник высокого уровня цен во время войны.

Прежде всего следует подчеркнуть, что уже к концу 1914 г. общий уровень цен во всех странах мира поднялся и что в течение всего времени войны в нейтральных странах он мало чем отличался от уровня цен в воевавших странах, а уровень цен европейских стран, как воевавших, так и нейтральных, мало чем отличался от уровня цен в странах Азии, Австралии и Америки. «Выдающимся фактом, установленным предыдущими таблицами,—говорит Митчелл (речь идет о таблицах цен за время войны в Англии, Франции, Италии, Германии, Австрии, России, Дании, Швеции, Норвегии, Канаде, Австралии, Индии, Аргентине и Японии.—С. Г.),—является то, что чрезвычайно сильный подъем цен, который начался в Европе с возникновением войны, распространился на весь торговый мир. Отдаленность от главной сцены конфликта не защитила ни Японию, ни Австралию от

революции в ценах; разница в экономической структуре не предохранила от того же Индию; сохранение нейтралитета не предохранило от того же Аргентину. Никакое другое развитие не демонстрировало когда-либо настолько сильно могущество экономических связей, которые объединяют все нации мира общей судьбой.

В сравнении с основным тождеством различия между колебаниями цен, которые имели место в различных странах, являются предметом второстепенной важности»¹.

Это обстоятельство имеет для нас огромное значение также по части объяснения подъема цен до войны. Дело в том, что одним из аргументов в пользу того, что довоенный подъем цен был вызван причинами, лежавшими на стороне золота, может быть то обстоятельство, что подъем цен носил всеобщий характер, а монополистическая структура капитализма в значительной степени была развита только в Германии и в Соединенных штатах. Но история цен во время войны нам блестящим образом показывает, что подъем цен не предполагает обязательным наличие во всех странах одновременно действующей одинаковой причины, вызвавшей подъем; достаточно, чтобы этот подъем цен был вызван в основных, решающих для мирового хозяйства странах, в результате чего в остальные страны повышение цен будет передано по цепной связи, существующей между всеми странами мира. До войны такими решающими странами были Америка и Германия. Монополии в Англии были развиты слабо. Этим самым опровергается то, что изменение ценности золота было единственным фактором повышения довоенного уровня цен.

Дальнейшая история подъема цен во время войны такова: естественно, что общий уровень цен раньше и сильнее, в особенности первые годы войны, поднялся в европейских воевавших и нейтральных странах, чем в Америке и отчасти в Австралии и Азии. Значительный подъем цен начался еще до конца 1914 г. во всех европейских странах, а также в таких британских колониях, как Канада и Австралия. В Индии подъем цен начался в начале 1915 г., в Аргентине и в Соединенных штатах—во второй половине 1915 г., а в Японии—в начале 1916 г. Цены во Франции поднялись сильнее, чем цены в Англии, а цены в Италии поднялись сильнее, чем цены во Франции; скандинавские цены поднялись в той же степени, что цены в воевавших европейских странах².

Чтобы охарактеризовать движение цен по отдельным группам, достаточно ограничиться Англией, с одной стороны, и Америкой—с другой. В Америке значительный подъем цен в 1915 году имел место только в химической группе (145% сравнительно с 1914 годом). Общий уровень цен в 1915 г. поднялся на 2% сравнительно с 1914 г., т. е. повышение отдельных групп, в частности химической, произошло за счет понижения других групп. В 1916 г. общий уровень цен

¹ Wesley C. Mitchell. History of prices during the war. International price comparisons. Washington. 1919. стр. 50.

² Там же, стр. 53.

поднялся на 26% сравнительно со средним за 1913—14 гг., а металлическая и химическая группы поднялись соответственно на 74 и 79%, т. е. опять-таки имело место большее расхождение цен. В 1917 и 1918 г. общий уровень цен повышается на 75 и 94% соответственно, причем в 1917 г. сильнее всего повысились цены металлической группы (262%), а в 1918 г.—группа одежды (227%) и —группа металлическая (211%). При этом нужно учесть, что в 1917 и 1918 г. имело место государственное регулирование отдельных видов цен, что несколько ослабляло в некоторых случаях темп роста цен¹.

Общий уровень цен в Англии, естественно, был выше, чем в Америке.

Уровень цен в Америке и Англии²
(Средние за июль 1913 и июль 1914 г. приняты за 100)

1913		1914		1915		1916		1917		1918	
Англия	Соед. Штаты	Англия	Соед. Штаты	Англия	Соед. Штаты	Англия	Соед. Штаты	Англия	Соед. Штаты	Англия	Соед. Штаты
102	101	102	99	128	102	162	126	209	175	231	194

Цены на пищевые продукты в Англии шли в ногу все годы войны с общим уровнем цен. До 1917 г. несколько отставала группа цен на предметы одежды; сравнительно с общим уровнем цен очень выдвинулись вперед с 1915 г. цены на предметы металлической и химической групп.

Таким образом, имело место очень сходное движение цен в Англии и Америке не только в отношении размаха подъема цен, в особенности за годы 1917 и 1918, но и в отношении характера расхождения отдельных групп цен. При этом нужно учесть, что в Англии, под влиянием бумажного обращения, произошло некоторое уменьшение ценности бумажного фунта по отношению к золоту. Это обесценение, поскольку оно выразилось в курсе фунта по отношению к доллару, было все же на протяжении всего периода войны (1914—1918) крайне незначительно (1—2%); поскольку же это обесценение фунта выразилось в различном темпе роста цен в Америке и Англии, оно достигало процентов 10—15³.

Перейдя к вопросу о том, что явилось источником повышения цен во время войны, необходимо подчеркнуть два момента из истории цен названного периода: во-первых то, что цены в золотом выражении поднялись как в воевавших, так и в нейтральных странах, и во-вторых, что это повышение цен было неравномерным, а касалось в первые годы войны преимущественно цен товаров, на которые спрос для военных надобностей был наибольший. Такими товарами были химические и металлические. Наряду с этим имело место отставание и понижение цен товаров других групп в первые годы войны. Можно было бы отсюда сделать тот вывод, что благодаря всеобщему увеличению спроса на

¹ Willard Garret. Government control over prices. Washington, 1920.

² W. Mitchell. «International price comparisons».

³ European Currency and Finance, Washington, 1925, стр. 454.

товары произошло всеобщее повышение цен и соответственное понижение покупательной силы золота. Здесь напрашивается аналогия с тем, что имеет место во время высокой конъюнктуры в пределах капиталистического цикла. Однако эта аналогия идеальная. Дело в том, что во время обычной высокой конъюнктуры источником высокого уровня цен является, прежде всего, увеличение скорости обращения товаров и, следовательно, денег, а затем увеличение денежного обращения путем расширения кредитов при сохранении золотого обращения. В этом случае расширение обращения денег наталкивается на определенные границы, причем движение цен происходит тогда преимущественно в форме расхождения цен между сферой средств производства и сферой средств потребления.

Во время войны, наряду с расхождением цен в первые годы и ослаблением этого расхождения цен в последующие годы войны, произошло сильное увеличение общего уровня цен во всех странах мира. При этом характерно то, что скорость обращения не увеличилась, а уменьшилась. Это видно из того, что при увеличении бумажного обращения в Англии в 11,5 раза, общий уровень цен увеличился около 2,5 раз; во Франции бумажное обращение увеличилось в 15¼ раза, а цены—в 3½ раза; в Германии бумажное обращение увеличилось в 12 раз, а цены увеличились в 2½ раза; в Соединенных штатах бумажное обращение увеличилось в 3½ раза, а цены—только на 96%¹.

Такое неравномерное увеличение бумажного обращения и цен объяснялось в основном следующими причинами: а) Война создала колоссальную потребность в денежных средствах для закупок за границей; до войны эта сфера торговли в значительной степени протекала в форме кредита с взаимным погашением требований одной страны к другой; хотя во время войны эта область торговли погашалась в первые годы преимущественно золотом и иностранными ценными бумагами, но внутри страны продвижение этих товаров взамен вытесненного золота требовало дополнительных денежных средств. б) Война ослабила кредитные сделки внутри и заменила их наличным расчетом; огромную роль в этом отношении сыграла падающая валюта, при наличии которой менялась стоимость выручки от момента сделки до получения денег по векселю, если эта сделка была произведена в кредит. в) Произошло уменьшение чекового обращения как формы безденежных расчетов, и, наконец, г) на цены влияло регулирование со стороны правительств отдельных стран.

Какова же была судьба золота во время войны в капиталистических странах? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вспомнить его роль в нормальных довоенных условиях. Механизм передвижки золота внутри страны и между странами способствовал тому, что цены товаров колебались вокруг их ценности, соответственно—цены производства. Количество золота, необходимое для обращения, определялось ценностью товаров, с одной стороны, и ценностью золота—с другой. При данной стоимости товаров и золота, количество зо-

¹ Спектатор, Валютные реформы. Москва. 1925, стр. 11.

лота в банках влияло на размер количества банкнот в обращении. При условии, если производительность труда в производстве товаров или в производстве золота изменялась, то неизбежно изменялось между ними соотношение путем передвижки золота от или к обращению. Если в периоды высокой конъюнктуры благодаря быстрому подъему цен происходило уменьшение покупательной силы золота ниже его ценности, то в результате этого количество золота в обращении сокращалось относительно двумя путями: сокращалась добыча в мало-производительных местах с высокими издержками производства, и увеличивалось значительно индустриальное потребление золота. Это должно было неизбежно влиять задерживающим образом на движение вверх цен во время высокой конъюнктуры, так как недостаточное расширение золотого базиса в банках при нормальном денежном обращении ограничивает возможности банкнотной эмиссии и, следовательно, приводит впоследствии к сокращению ссуд со стороны банковской системы и к повышению процента. Отсюда, конечно, нельзя сделать того вывода, что такое ограничение кредита является причиной кризиса.

Аналогичная передвижка золота в международном масштабе служила при нормальном денежном обращении той же цели. Золото из мест добычи распределялось между различными странами соответственно потребности обращения каждой страны; оно же содействовало уравнению платежных балансов и сближению курсов и внутренней покупательной способности денежной единицы, т. е. уравнивала цены различных стран относительно цен производства каждой страны.

Необходимо при этом заметить, что эта роль золота по части относительного уравнения цен в различных странах ослабляется по мере роста монополистических тенденций в отношении регулирования цен. «Соответственно степени усилий контролировать уровень цен ослабляется значение золотых резервов, так как несогласования в уровнях цен различных стран не будут так быстро исправлены, т. е. страна, которая теряет золото, может не иметь падения цен и наоборот»¹.

Нормальное денежное обращение во время войны было нарушено. Во-первых, прямая связь между золотом и товарами была в большинстве стран ликвидирована путем перехода к бумажно-денежному обращению; во-вторых, золото было изъято из обращения и сосредоточено в банках, и его роль во внутреннем обращении была заменена ролью во внешнем обращении. В 1912 г. монетное золото, которого было во всем мире 8 480 700 тысяч долларов, распределялось следующим образом: в банках было 5 408 300 т., а в обращении 3 042 400 т.; в 1921 году монетное золото, которого было тогда 8 680 488 тыс. долларов, распределено было: 8 640 900 тыс. долл. в банках, а в обращении только 39 588 тыс., т. е. ничтожная сумма². Однако его роль в международном обороте выразилась в том, что оно текло не туда, где оно больше всего требовалось для поддержания внутреннего равновесия

¹ European Currency and Finance, Washington, 1925, стр. 62.

² См. там же, стр. 440.

денежного обращения, а туда, откуда за наличное золото закупались товары для военных надобностей. В результате произошло перераспределение золота, обратное тому, которое происходит нормально в условиях правильно функционирующей в различных странах денежно-кредитной системы обращения. Таким образом понижение покупательной силы золота происходило по трем линиям: в странах, перешедших от золотого обращения к бумажному, золото обесценивалось прежде всего потому, что повысился необычайно спрос на товары при одновременном систематическом падении производительности труда во всех странах, в том числе в Америке. Это падение производительности труда объяснялось многими причинами, из которых главнейшие—вовлечение в производство во время войны отсталых предприятий, ухудшение качества рабочей силы, ухудшение сырых материалов, увеличение продолжительности рабочего дня и т. п. В странах золотой валюты, как Соединенные штаты, наряду с огромным спросом со стороны воевавших стран, что приводило к тому же результату—к обесценению золота, происходило переполнение американского рынка золотом, что в свою очередь должно было уменьшить его покупательную силу. В результате такого сильного расхождения покупательной силы и ценности золота произошло значительное уменьшение добычи золота на участках с высокими издержками производства. В результате имело место не только уменьшение добычи золота в отдельных странах, но и во всем мире.

Добыча золота по странам в миллионах фунтов¹

(Стоимость унции чистого золота равна 85 шиллингам)

Страны	1915	1916	1917	1918	1919	1920	1921	1922	1923	1924	1925
Трансвааль . . .	38,6	39,5	38,3	35,8	35,4	34,7	34,5	29,8	38,9	40,7	40,8
Соед. шт.	20,8	19	17,2	14,1	12,4	10,5	10,3	9,7	10,4	10,4	9,7
Канада	3,9	4	3,1	3	3,3	3,3	3,9	5,4	5,2	6,5	7,4
Австралия	10,2	8,3	7,4	6,1	5,5	4,7	3,8	3,9	3,8	3,5	3
Весь мир	96,4	93,5	86,3	79	75	69,3	68	65,5	75,5	80	80
% Трансвааля . .	40	42	44	45	47	50	51	45	52	51	51

Особенно сильным было сокращение добычи золота в Америке и Австралии. Менее сильно это сокращение было в Африке, что объяснялось правительственными мероприятиями в виде выплат премий золотопромышленникам и давлением на местный уровень цен².

Таким образом особенной загадки причины высокого уровня цен во время войны не представляют. Все дело свелось к огромному и внезапному увеличению спроса на товары, к значительному падению производительности труда в производстве товаров во время войны, к огра-

¹ The Review of Economic statistics, июль, 1926.

² Спектатор, Проблемы послевоенных цен, «Миров. хоз. и мир. пол.», книга 2—3, стр. 15, за 1927 год.

ничению роли золота как регулятора ценностных соотношений внутри страны и между странами и к неправильному перераспределению золота между странами. Что золото не превратилось в пассивное звено торгового оборота, видно из того, что оно реагировало на изменившуюся ситуацию сокращением добычи, выявляя этим самым тенденцию приспособить свою ценность к новой покупательной силе, т. е. к высокому уровню цен. Аналогичное положение имело место во время наполеоновских войн. Однако между состоянием цен после наполеоновских войн и тем, что имеет место после последней империалистической войны, существует значительная разница. В то время как тогда в первые же годы после окончания войны цены начали непрерывно падать и через 15 лет вернулись к тому уровню, который имел место непосредственно до войны,—во втором случае такой картины не наблюдалось: уровень цен с 200% понизился после кризиса 1920—1921 гг. приблизительно до 150%, причем с того времени он почти не изменился в течение последних 7—8 лет, если не считать незначительного ослабления уровня цен в 1926 и отчасти в 1927 гг. в странах, не переживших за последние годы инфляции, и более значительного понижения уровня цен в странах, переживших инфляцию, как Германия, Франция, Италия и т. п. Но как раз в этих последних странах наблюдается после стабилизации валюты повышение уровня цен. Проблема заключается именно в том, что является основной причиной сохранения до настоящего времени высокого уровня цен в важнейших капиталистических странах.

Поскольку капиталистический мир в основном восстановил нормальные торговые отношения как внутри, так и между странами—в первом случае путем стабилизации валюты, а во втором случае путем восстановления внешних торговых связей, казалось бы, что общий уровень цен должен был бы вернуться неизбежно к прежнему состоянию, однако этого не наблюдается до сих пор.

По мнению т. Спектатора, «изменение взаимоотношений между товарами и ценами может быть вызвано моментами, лежащими на стороне товаров, или моментами, находящимися на стороне золота»¹. Такая же концепция лежит в основе работ Солдатова и Фина-Енотаевского².

Это методологическое положение ошибочно, так как оно не учитывает третьего, решающего, по нашему мнению, фактора сохранения в настоящее время высокого уровня цен. Таким фактором является монополистическая структура капитализма, которая выявила после войны, в силу ряда причин, очень сильное дальнейшее развитие монополий как в пределах отдельных стран, так и между ними.

Что именно здесь надо усмотреть главнейшую причину высокого уровня цен после войны подтверждается следующими обстоятельствами: производительность труда в добыче золота по имеющимся данным в отношении Трансвааля, доставляющего в настоящее время

50% мировой добычи, выросло только на 15—18%, а уровень цен в Англии и Америке выше довоенного приблизительно на 50%. Кроме того, повышение производительности труда в этой области происходило не столько путем понижения издержек производства там, где золото раньше добывалось, а скорее путем оставления мест, где издержки производства высоки. Что это было именно так, видно из того, что добыча золота абсолютно сокращалась во всех основных странах, доставляющих золото. Наряду с этим происходило повышение удельного веса Африки, где издержки добычи золота и уровень цен ниже, чем в других странах. Аналогичная картина имела место в довоенный период подъема цен. Разница та, что тогда, наряду с ростом удельного веса Африки, в старых странах добыча золота сокращалась не абсолютно, а только относительно, т. е. в отношении темпа. Что рост производительности труда играл за последние годы ничтожную роль в приспособлении ценности золота к новому уровню цен—видно из того, что добыча золота повысилась там, где имела место инфляция и где уровень цен вследствие инфляции понизился. Такими странами являются Германия, Италия, Бразилия, Боливия, Аргентина и др. Наоборот, в Соединенных штатах добыча золота понизилась с 20,8 млн. фунт. стерлингов в 1915 г. до 9,7 млн. в 1925 г. С этой точки зрения спор между Солдатовым и Финном-Енотаевским о том, произошел ли рост производительности труда в добыче золота, является совершенно пустым. В зависимости от того, как подойти к этому вопросу, окажется правым либо Фин, который утверждает, что ценность золота не изменилась, либо Солдатов, который утверждает, что произошло увеличение производительности труда в золотопромышленности. По существу у Солдатова понятие реального, фактического роста производительности труда заменяется фиктивным понятием изменения производительности труда благодаря прекращению добычи золота на участках малой производительности. Это аналогично положению производительности труда фабричной промышленности в зависимости от фазы цикла: *ceteris paribus*, во время подъема начинают функционировать предприятия малой производительности, что неизбежно отражается на состоянии средней производительности труда в той или иной отрасли промышленности в смысле уменьшения; наоборот, во время депрессии, когда из участия в производстве выходят слабые предприятия, производительность труда в среднем оказывается более высокой. Мы, конечно, отвлекаемся здесь от того, что наряду с фиктивным ростом производительности труда происходит реальный рост благодаря изменению технического состава капитала.

Для рассматриваемого нами военного и послевоенного периода состояния золотопромышленности больше характерен именно фиктивный, а не реальный рост производительности труда. Это и нашло свое выражение в том, что в течение военного и послевоенного времени до 1922 г. происходило непрерывное уменьшение мировой золотодобычи, причем в Соединенных штатах и в Австралии это абсолютное уменьшение продолжалось и в 1926 г.

¹ Названная статья Спектатора.

² См. 1 кн. «Соц. хоз.» за 1927 г. и 1 кн. того же журн. за 1928 г.

Что касается производства товаров вообще, то там не произошло такого падения производительности труда, чтобы служить причиной повышения уровня цен до 50%. Временное, притом незначительное падение производительности труда в промышленности было характерно для военного времени. Фин-Енотаевский, однако, переносит падение производительности труда и на послевоенное время. Вот, например, что он говорит по этому поводу: «При заметном увеличении населения мировое производство до сих пор незначительно поднялось против 1913 г. Мировая производительная способность не использована полностью. Производительность мирового труда понизилась. Общественно-рабочее время, необходимое для удовлетворения прежних потребностей мирового хозяйства, поднялось, и меновая ценность товаров должна была подняться»¹.

Это положение является довольно странным, если учесть, что несмотря на сильный рост производительности труда в Америке, который по оценке американцев достигает в промышленности 35% сравнительно с довоенным временем, там уровень цен является наиболее высоким. Что касается разницы между производительной способностью производственного аппарата и действительным производством, то она вряд ли для Америки достигает больше 15% в среднем. Что касается европейских стран, то за последние годы процесс технической и структурной рационализации дал значительные результаты по части повышения производительности труда, хотя там разница между производственной способностью и действительным производством больше, чем в Америке. При этом характерно то, что процесс рационализации в Германии сопровождался не падением уровня цен, а наоборот, ростом их, что является одним из аргументов в пользу того, что современный высокий уровень цен не связан с падением производительности труда.

Если учесть, с одной стороны, фактический рост производительности труда в силу роста технического состава капитала и благодаря иным формам рационализации производства, а с другой стороны — разницу между производственной способностью мирового производственного аппарата и действительным производством, то в худшем случае можно будет допустить довоенный уровень производительности труда, а в лучшем случае, признать повышение за пределы довоенного уровня производительности труда. В обоих случаях это не должно было бы быть причиной сохранения уровня цен, превышающего довоенный на 50%.

Уровень цен в развитых капиталистических странах сравнительно с довоенным временем на много выше, чем в колониальных странах, причем это характерно также для цен одних и тех же категорий товаров. Шведский индекс цен вывоза за январь 1927 г. составлял 149% довоенного, а индекс ввоза — 128%; последний включает значительную часть ввозимых колониальных товаров. Общий индекс цен в Германии

¹ Фин-Енотаевский, Ценность золота и покупательная сила денег, «Соц. Хоз.», кн. 1, за 1927 г., стр. 85.

в ноябре 1926 г. составлял 137,1%, а индекс ввозимых колониальных товаров — 129,3. Индекс мороженого мяса из Австралии, продаваемого в Лондоне, составлял 112%; индекс сала в Нью-Йорке, доставляемого из восточных стран, составлял 119%; цена шкур в Канаде в 1926 г. упала до 52,2%, а индекс каучука в Восточной Нидерландской Индии упал до 69,7%¹.

Наоборот, цены, по которым колониальные страны ввозили к себе товары из высоко-развитых капиталистических стран, поднялись очень сильно: в Австралии средний индекс нефти в 1925 г. составлял 171% довоенного, а индекс цен листового железа за то же время составлял 170%; в то время как индекс меди в 1925 г. в Лондоне упал до 90%, листовая медь в Австралии поднялась до 159, а в Новой Зеландии — до 183%².

Такое расхождение цен в послевоенные годы между развитыми капиталистическими странами и колониями, в пользу первых, объясняется именно монополистическими тенденциями новейшего капитализма.

Мы приходим к тому выводу, что современный уровень цен в капиталистических странах, вызванный условиями военного времени, удерживается на высоком уровне именно благодаря монополистической структуре главнейших капиталистических стран, причем этот высокий уровень цен в основном не находится в зависимости от происшедших перемен в производительности труда ни товаров, ни золота.

Остается выяснить вопрос о том, каков характер расхождения различных групп цен в послевоенные годы. Для этой цели мы воспользуемся данными о ценах в Англии и Америке. Здесь же отметим, что аналогичное соотношение цен характерно для других стран. Что касается Америки, то там движение различных групповых индексов с 1920 г. было следующее:

Групповые индексы цен (1913 г. принят за 100)³

Годы	Ферм. продукты	Пищев. продукты	Одежда	Топливо и свет	Металлы и мет. прод.	Строительные материалы	Химич. материал.	Домашн. обстановка	Общий уровень цен
1920	217,9	219,7	295,5	241,4	191,7	264,1	199,7	253,8	226,2
1921	123,7	144,0	179,5	199,4	129,0	165,4	135,6	195,1	146,9
1922	133,3	138,4	180,8	217,5	122,0	168,4	124,2	175,8	148,8
1923	141,2	143,8	200,1	185,1	144,4	189,1	131,0	183,1	153,7
1924	143,4	144,2	190,9	170,3	134,5	175,1	130,4	172,8	149,7
1925	158,1	157,5	189,6	174,7	129,9	171,1	134,4	169,2	158,7

Падение отдельных групп и общего уровня цен носило катастрофический характер. В октябре 1920 г. общий уровень цен составлял 211,3% по отношению к 1913 г., а в феврале 1921 г. — только 160,1%⁴. Средний уровень цен за весь 1921 г. составлял 146,9%,

¹ Gustav Cassel, Les tendances monopolisatrices dans l'industrie et le commerce au cours de ces dernières années, Geneve, 1927, стр. 35.

² Там же, стр. 36.

³ Bulletin of the United States Bureau of Labor statistics.

⁴ Те же материалы.

причем этот уровень с незначительными колебаниями сохранился до последнего времени. Характерно также и то, что установившееся сейчас же после кризиса 1920/21 г. новое соотношение групп товаров сохранилось до настоящего времени.

Основные моменты этого нового расхождения цен следующие: за период 1923—1925 гг. цены на пищевые и фермерские продукты движутся почти параллельно с общим уровнем цен; группы цен домашней обстановки, текстильной, топливной и строительной промышленности стоят на значительно более высоком уровне, чем общий уровень цен; группы цен в химической и металлической промышленности за все годы стоят на много ниже общего уровня цен. Если за 1926—1927 гг. произошло значительное сближение цен отдельных групп с общим уровнем цен, то в еще более сильной степени выступило расхождение цен химически-металлической группы, с одной стороны, и остальных групп—с другой. Так, например, согласно данным американского еженедельника *Annalist*¹, индекс цен металлической группы за 1927 и 1928 гг. (до 15 марта) колебался на уровне 118,4—122,8 сравнительно с 1913 г., а общий индекс всех цен колебался за тот же период между 141,3 и 148,8; химическая группа колебалась в пределах 133,7 и 135,2¹.

Аналогичную картину мы находим в движении английских цен как в отношении общего уровня, так и касательно отдельных групп².

Чтобы выявить более ясно сущность вещей, приведем еще таблицу американских цен, выделяющую в отдельные группы цены сырых материалов и цены произведенных из них товаров.

Годы	Сырые материалы	Фабрикат-ты	Годы	Сырые материалы	Фабрикат-ты
1920	220,3	233,2	1923	138,2	148,1
1921	121,2	147,7	1924	139,1	148,2 ³
1922	130,0	139,1			

Эти данные состоят из 27 серий цен сырых материалов и 70 серий цен изготовленных из них фабрикатов. Они включают как товары сельскохозяйственного, так и не-сельскохозяйственного происхождения.

Данные отчетливо показывают, что сильнее упали цены на сырье, чем цены на готовые фабрикат. Однако расхождение между ними не столь сильное, как расхождение между металлической группой цен,—которая включает и сырье и фабрикат,—и общим уровнем цен.

Как это видно из сопоставления двух делений цен, главная причина расхождения цен лежит по линии деления цен, объединяющего и сырье и произведенные из него фабрикат. Эти сопоставления цен указывают именно на то, что расхождение цен на сырье и произведенные из него средства потребления незначительно, сравнительно с расхождением цен на средства потребления, как текстильные, пище-

¹ *Annalist* от 16 марта 1928 г.

² *Statistical Abstract for the United Kingdom*, London, 1927.

³ *The labor bulletin*, Washington.

вые товары, и средства производства, которые служат для доставления основного капитала. Металлическая группа товаров представляет собою преимущественно элементы основного капитала. Удельный вес средств потребления в пределах этой группы крайне незначительный.

Такое колоссальное падение цен металлической группы объясняется тем, что поскольку во время войны произошло чрезвычайно сильное расширение основного капитала, то после войны, при переходе от расширенного воспроизводства с высоким темпом годового накопления к простому воспроизводству, размах падения основного капитала и соответственно—цен должен был бы быть столь же сильным, как и размах подъема.

Как известно, даже если при переходе от расширенного воспроизводства к простому сфера производства средств потребления сохраняет как в отношении производства, так и цен достигнутый во время подъема уровень, то и в этом случае должно произойти значительное сокращение производства основного капитала и уровня цен на соответствующие товары, причем это сокращение производства и падение цен будет тем сильнее, чем сильнее был темп накопления.

Это движение цен и производства основного капитала в отличие от цен и производства остальных элементов охарактеризовано правильно Кларком: «В какой-нибудь отрасли промышленности основной капитал равен удвоенному размеру производимой этой же отраслью годовой ценности, что является типичной пропорцией. Если основной капитал существует 20 лет, то ежегодное возмещение будет равно 10% годовой ценности производимого продукта... Изменение цен при этом игнорируется. В первом году первоначальный спрос (т. е. спрос на готовые продукты предполагаемой отрасли промышленности) стационарен. Во втором году первоначальный спрос повышается на 5%. Чтобы доставить дополнительные 5% готовых продуктов, производство основного капитала должно, однако, быть удвоено и каждому доллару дополнительной ценности готовых продуктов должны будут соответствовать два доллара дополнительной ценности основного капитала. В третьем году первоначальный спрос увеличится еще на 10% (по отношению к первоначальной сумме как к базе) и тогда производный спрос (на дополнительные элементы основного капитала. С. Г.) в три раза превысит первоначальную сумму. В четвертом году первоначальный спрос перестанет расти, а в результате производный спрос (т. е. на основной капитал) не только перестанет расти, но упадет до своей первоначальной суммы или до одной трети только что достигнутого максимума»¹.

Что американское производство за все годы после кризиса 1920—1921 гг. пребывало преимущественно в состоянии простого, а не расширенного воспроизводства, видно из следующего индекса промышленного производства в Соединенных штатах²:

¹ *G. N. Clark*, *The Economics of overhead costs*.

² *Federal Reserve Bulletin*, февраль, 1928 г.

Среднее за 1923/1925 принято за 100

Обрабатывающая промышленность					Добывающая промышленность				
1923	1924	1925	1926	1927	1923	1924	1925	1926	1927
101	95	105	108	106	105	96	99	107	107

Указанной нами причине (сокращение производства основного капитала в силу перехода от расширенного к простому воспроизводству) противоречит как-будто то, что за приведенные выше годы индекс цен на строительные материалы в течение послевоенных лет выше общего уровня цен. Однако это сомнение разрешается очень просто. Строительство в послевоенные годы является преимущественно жилищным строительством, а не промышленным. Необходимо учесть, что в военные годы жилищное строительство тормозилось очень сильно и в результате этой отрасли промышленности приходится еще до сих пор заполнять пробелы прошлых лет. Этим и объясняется высокий уровень цен на строительные материалы. Причем эти цены отражают не производство основного капитала, в форме промышленных зданий, а преимущественно производство средств потребления в форме жилищ. Это легко иллюстрировать, хотя бы данными за 1927 г.: стоимость промышленного законченного строительства колебалась по отдельным месяцам между 27 и 52 млн. долларов, а стоимость жилищного строительства колебалась в отдельные месяцы между 163 и 267 млн. долларов¹.

Насколько названное расхождение цен не находится в зависимости от степени изменившейся, в соответствующих отраслях, производительности труда, видно, во-первых из того, что цены катастрофически понизились в течение нескольких месяцев кризиса 1920/21 г., а упомянутое соотношение цен между металлической группой и общим уровнем сохранилось до сих пор с того времени; во-вторых, производительность труда железодельательной промышленности в Соединенных штатах поднялась с 1919 по 1925 г. на 59%, а цены на изделия железодельательной промышленности упали до 137% довоенного, в то время как производительность труда в цементной промышленности поднялась на 161%, а цены на цемент в 1925 г. стояли на уровне 172% довоенного². Само собою разумеется, что действительный уровень производительности труда контролируется разницей между производственной способностью и действительным производством. Поэтому, если учесть, что эта разница на много больше в железодельательной отрасли, чем в цементной, то окажется, что реальная производительность труда поднялась еще сильнее в цементной, чем в железодельательной. Очевидно, что если бы современный уровень цен объяснялся изменившимся состоянием производительности труда, то цены на товары железодельательной промышленности должны были бы быть выше цен цементной промышленности. Картина как раз обратная. Это и подтверждает наше объяснение происхождения послевоенных цен.

¹ Там же.² *Спектатор*, Проблема послевоенных цен, «Мировое хоз-во и мировая политика», книга IX, 1927 г., стр. 43.

Другой второстепенной причиной послевоенного расхождения цен, является кризисное состояние сельского хозяйства. Это нашло свое выражение в приведенном выше расхождении сырья и произведенных из него фабрикатов, так как в данном случае в индексах цен товары с.-х. происхождения преобладали.

Совершенно особую точку зрения выдвигает Кассель по вопросу о причинах расхождения цен после войны.

Кассель исходит из того положения, что сравнительно с 1913 г. сильнее поднялись цены, по мере того как мы идем от сырья к законченному продукту. Это он устанавливает как в отношении товаров с.-х. происхождения, так равно в отношении товаров горного происхождения. Принимая, что расхождение цен в послевоенные годы идет именно по этой линии, он считает, что причина этого расхождения является в то же время причиной высокого уровня послевоенных цен. Причину этого расхождения цен Кассель усматривает в том, что уровень заработной платы после войны очень высокий и поэтому в отраслях промышленности, где доля заработной платы является наибольшей (а это ведь относится именно больше к отраслям, изготовляющим фабрикаты, и меньше к отраслям добычи сырья), издержки производства неизбежно высоки и, следовательно, рыночные цены должны быть тоже высокие¹.

Для подтверждения своего положения Кассель ссылается на реальную заработную плату в Швеции, которая, по его мнению, выше довоенной (годовой) на 23%².

Классовая враждебность по отношению к рабочему классу лишила патентованного профессора Лиги наций возможности здраво осмыслить затронутую им проблему, и он чудовищно напутал. Прежде всего, по вопросу о характере расхождения цен: во-первых, Кассель проявил невежество, допустив, что упомянутое им расхождение цен является специфическим явлением послевоенного времени. В действительности, во время всякого подъема в пределах экономического цикла (как это имело место до войны) сильнее поднимаются цены на сырье, чем на средства личного потребления, изготовленные из того же сырья; тогда же наиболее сильный подъем цен имеет место в отношении товаров, которые служат элементами основного капитала (железо, сталь, машины, материал для промышленного строительства и т. п.). Наиболее равномерно и со слабым темпом поднимаются цены на средства потребления. Причины этого расхождения цен были мною освещены³. Назову вкратце эти причины: при расширенном воспроизводстве всего общественного капитала во время подъема для сохранения пропорциональности между производством средств потребления и производством основного капитала требуется обязательно, чтобы незначительному расширению производства средств потребления соответствовало на много большее расширение произ-

¹ *G. Cassel, Les tances etc.*, стр. 29—30.² Там же, стр. 38.³ IV книга «Социалистического хоз-ва» за 1927 г.

водства основного капитала; различное увеличение спроса на элементы основного капитала и предметы потребления приводит к сильному расхождению цен. Другой причиной является то, что при расширении производства требуется дополнительное с.х. сырье, что приводит к увеличению его привоза и, следовательно, к увеличению издержек, связанных с транспортом. Третья причина, которая объясняет слабый подъем цен на средства потребления—это незначительный темп роста производства средств потребления сравнительно с ростом производства основного капитала, устойчивость производительности труда (в отличие от горной промышленности, где усиленная эксплуатация недр во время подъема приводит к истощению естественных запасов и к падению производительности труда) и непосредственная близость к потребительскому рынку. Во время кризиса и депрессий расхождение цен носит обратный характер, а именно, слабее всего падают цены на средства потребления и сильнее падают цены на элементы основного капитала (железо, сталь, машины и т. п.), за которыми по степени падения следует сырье для производства средств потребления.

Не понимая этой механики цен в различные фазы цикла, Кассель не способен также понять характер современного расхождения цен.

Что отличает современное расхождение цен от того, которое бывает во время депрессий в пределах нормального цикла, так это то, что темп накопления во время войны и, следовательно, темп роста основного капитала был очень сильный, результатом чего должен был быть соответственно сильный темп падения производства основного капитала и цен, что и наблюдается в настоящее время. Сравнительно с этим расхождение цен на сырье и изготовленные из него средства личного потребления—для данного времени мало существенно. Что касается движения заработной платы и цен, то здесь Кассель дважды напутал как по вопросу о причинной зависимости цен и заработной платы, так и по вопросу об уровне реальной заработной платы после войны. Для капитализма характерно именно отставание номинальной заработной платы от подъема общего уровня цен, а также отставание реальной заработной платы от роста производительности труда. Что касается эпохи монополистического капитализма, то это отставание заработной платы от движения цен наиболее резко выражено. Достаточно напомнить, что за период довоенного подъема цен 1897—1914 гг. в Америке не произошло почти никакого повышения реальной заработной платы; это особенно резко выявится, если мы путем подвижной средней устраним циклические колебания реальной заработной платы за названный промежуток времени. Что касается военных лет, то несмотря на высокую военную конъюнктуру реальная заработная плата в главнейших странах, в том числе в Америке, была ниже довоенной, т. е. заработная плата в ее денежном выражении отставала от подъема цен. Что касается послевоенных лет, точнее, периода после кризиса 1920/21 г., то в европейских главнейших странах (Англия, Германия и Франция) реальная заработная плата либо стояла ниже довоенного уровня, либо совпадала с ним.

Следующие данные показывают движение реальной заработной платы в Англии, Германии и Франции в отношении взрослых рабочих мужского пола:

Годы	Англия	Франция	Германия	
			Квалифици.	Неквалифици.
1922	96—98	—	64	86
1923	93—96	—	58	72
1924	94—97	102	76	87
1925	100	99	92	102
1926	100	95	91	101
1927	102—105	—	93	105

Как видно из этих данных, в центральной Европе реальная заработная плата и в 1927 г. едва превысила довоенный уровень. При этом необходимо учесть следующие дополнительные моменты: во всех странах произошло изменение соотношения между заработной платой квалифицированных рабочих и неквалифицированных. Это объясняется тем, что вследствие развития процесса рационализации за последние годы произошло значительное вытеснение квалифицированного рабочего силы. Вот соотношения заработной платы квалифицированного и неквалифицированного рабочего до и после войны в различных странах²:

Годы	Дания	Великобритания	Германия	Соединенные штаты	Австралия
До войны	74,2	60,3	59,7	72,5	70,6
1926	—	—	—	—	82,5
1927	80,3	70,1	72,4	75,0	—

Это означает всеобщее повышение производительности труда, следовательно, с этой точки зрения необходимо отметить, что хотя средняя реальная заработная плата рабочих в центральной Европе не понизилась абсолютно, но зато она понизилась относительно движения производительности труда. С другой стороны, в современных условиях капитализм не в состоянии целиком реализовать достижения современной техники, так как значительная доля повышенной производительности труда аннулируется тем, что производственный аппарат работает не полностью соответственно его производственной способности.

Кроме того, сравнительно с довоенным временем произошло более значительное вовлечение в производство лиц женского пола, что является ничем иным, как выражением общего процесса вытеснения квалифицированного труда—неквалифицированным. Это нашло свое выражение также в сближении зарплаты женщин с зарплатой мужчин, причем это осуществлено было скорее путем недостаточного повышения зарплаты мужчин, чем путем более сильного повышения реальной зарплаты женщин.

Соотношение часовой зарплаты женщин и мужчин до войны и в последние годы следующее³:

¹ Bureau international du travail, Genève, 1928, стр. 132.

² Там же, стр. 200.

³ Там же, стр. 203.

Годы	Дания	Норвегия	Швеция	Франция	Соединенные штаты	Австралия
До войны	53,8	56,3	53,3	50	59,2	48,2
1925	—	64,1	—	—	—	—
1926	59,2	62,7	60,5	57,8	65,5	51,9
1927	60,7	—	—	—	64,9	52,8

Таким образом, если вычислить среднюю реальную заработную плату, которая бы включила как женщин, так и мужчин, то она окажется для приведенных выше стран явно ниже довоенной.

Кроме ошибочного толкования причинной зависимости между уровнем цен и зарплатой, Кассель допустил также другую ошибку, а именно: он неправильно переносит уровень реальной заработной платы в Швеции на главные европейские капиталистические страны, где, как это можно было убедиться на основании данных бюро труда при Лиге наций, реальная зарплата, безусловно, ниже довоенной.

Что касается мелких стран, как Дания и Швеция, то там недельная реальная заработная плата мужчин выше довоенной на 27—28% за 1926—1927 гг. Конечно, она окажется ниже, если учесть, что произошло вовлечение женского труда с низкой зарплатой. Кроме того, произошло значительное увеличение производительности труда, которое несомненно превысило рост реальной заработной платы. Само собою разумеется, что уровень реальной зарплаты сам по себе не свидетельствует еще об улучшении положения рабочего класса, сравнительно с довоенным уровнем. Если учесть, что во всех этих странах безработица во все послевоенные годы достигает необычайных размеров, то окажется, что даже в странах, где реальная заработная плата повысилась, положение рабочего класса материально ухудшилось сравнительно с довоенным временем.

Чтобы установить взаимоотношения между ценами и зарплатой в странах, где действительно произошло повышение реальной зарплаты, обратимся к положению дела в Соединенных штатах. По данным упомянутых здесь материалов интернационального бюро труда при Лиге наций, реальная недельная зарплата мужчины поднялась сравнительно с довоенным временем на 30%. Само собою разумеется, что если учесть увеличение доли женского труда, то общесредняя реальная зарплата окажется ниже. Однако было бы нелепо утверждать, что это повышение реальной зарплаты произошло за счет прибыли или что оно является причиной высокого уровня цен в Америке. Достаточно сослаться на министерство труда в Америке касательно роста производительности труда в американской промышленности, чтобы опровергнуть ложное представление Касселя.

Принимая 1919 г. за 100, министерство труда устанавливает размер производства на одного рабочего в обрабатывающей промышленности в 140% и в добывающей промышленности—в 133% для 1925 г.¹ Таким образом, произошло увеличение производительности труда в первом случае на 40%, а во втором—на 33%.

¹ The Annalist, от 9 марта 1928 г.

Следующая табличка наиболее ярко показывает, насколько быстро шел процесс повышения производительности труда¹:

Г о д ы	Производство	Занятость рабочей силы
1923	100	100
1924	95	90,3
1925	104	91,2
1926	108	91,9

Таким образом, за 3—4 года производство увеличилось на 8%, а количество рабочей силы не только не увеличилось, но уменьшилось на 8,1%.

Американский журнал «Annalist» следующим образом характеризует процесс усовершенствований в промышленности: «Война ускорила применение усовершенствований, и это ускорение стало положительно лихорадочным в послевоенный период. Имел место не имеющий в прошлом подобный себе рост производительности труда и рост производства на одного рабочего. Хотя наибольший рост производительности труда произошел в промышленности, все же в других сферах хозяйства он был почти такой же»².

Кассель оказывается и здесь битым. Заработная плата не только не определяет цены в капиталистическом обществе, но она, с одной стороны, в главнейших капиталистических странах Европы не достигла довоенного уровня, а, с другой стороны, в такой стране, как Соединенные штаты, где она превысила довоенный уровень, производительность труда в свою очередь на много превысила темп повышения реальной заработной платы.

Соотношения цен и производства при монополистическом капитализме

Нам остается еще изучить вопрос об особенностях движения цен в пределах различных фаз цикла в классическом и монополистическом капитализме. Чтобы ответить на этот интересный и важный вопрос, необходимо его связать с вопросом о движении производства.

Поскольку «классическому» капитализму свойственна свободная конкуренция, то, очевидно, во время подъема темп повышения общего уровня цен будет определяться темпом расширенного воспроизводства. Чем сильнее темп роста капиталистического производства во время подъема, тем сильнее неизбежно должен подняться общий уровень цен. В свою очередь, чем сильнее темп расширенного воспроизводства, тем значительнее должно быть расхождение цен. Чем сильнее общий темп роста капиталистического производства, тем сильнее расхождение темпов роста производства средств потребления и элементов основного капитала, а также ухудшение условий добычи сырья для средств потребления. Это находит свое выражение в том, что, чем значительнее темп накопления, тем сильнее отстают цены на готовые средства потре-

¹ The Annalist, от 9 марта 1928 г.

² Там же.

бления от цен на сырье, а эти два вида цен тем сильнее отстают в свою очередь от цен на элементы основного капитала, которые непосредственно в производство средств потребления не входят.

Что касается монополистического капитализма, то, как это явствует из самой природы этой новейшей формы капитализма, ему свойственен гораздо более медленный темп роста, чем классическому капитализму. Что это так, я показал не только теоретической аргументацией, но и конкретными статистическими данными в отношении Соединенных штатов и Англии¹. Уменьшение темпа роста в условиях монополистического капитализма, сравнительно с классическим, в основном объясняется следующими причинами: а) Поскольку этой новейшей стадии капитализма силой монополистических организаций удается повышать цены и вообще удерживать более высокий общий уровень цен, чем это соответствует производительности труда и, следовательно, ценности товаров, то это прежде всего создает отставание реальной заработной платы от роста производительности труда и производства товаров, что в свою очередь приводит к ограничению емкости рынка. б) Это ограничение емкости рынка усиливается еще потому, что расхождение цен, независимо от конъюнктурных колебаний, вытекает из факта различной степени монополизации производства в различных сферах хозяйства: монополии более развиты в добывающей промышленности, сравнительно с обрабатывающей, и более в обрабатывающей, сравнительно с сельским хозяйством; поэтому цены в сельском хозяйстве отстают от цен обрабатывающей промышленности, а цены последней отстают, в основном, от добывающей. в) Чтобы удержать высокие цены при условиях ограниченной емкости рынка, очевидно, необходимо уменьшить соответственно темп роста производства. Абсолютное или относительное ограничение производства является обратной стороной методов регулирования цен и производства, которые применяют монополистические организации. г) Это ослабление темпа роста производства еще усиливается тем обстоятельством, что эпохе монополистического капитализма свойственен также ослабленный темп роста производительности труда. Это объясняется тремя существенными моментами: во-первых, высокие цены, которые удается удерживать благодаря монополизации производства, сами по себе ослабляют стимул к развитию производительности труда, во-вторых, поскольку в эпоху монополистического капитализма органический состав капитала наиболее высокий, сравнительно с предыдущей эпохой, то требуется большее количество лет, пока он будет амортизирован и заменен другим более производительным²; в-третьих, поскольку наибольшая степень монополизации производства проникает в отрасли промышленности, где органический состав капитала наиболее высокий, то, чтобы не допустить конкуренции со стороны аутсайдеров, монополии скупают патенты на новые изобретения и задерживают на многие

¹ «Соц. хоз-во», книга I за 1927 г.

² Рост производит. труда в американской промышленности был приблизительно следующий: 1869—1879 гг.—50%; 1879—1889 гг.—30%; 1899—1914 гг.—8—10%.

годы их применение в производстве, поскольку они сами, ввиду недостаточной амортизации своего основного капитала, их у себя, в тот или иной момент, применить не могут.

Таким образом, поскольку темп расширенного воспроизводства в условиях монополистического капитализма меньше, чем темп роста в условиях «классического» капитализма, то при прочих равных условиях во время подъема темп роста общего уровня цен и степень расхождения цен в первом случае должны были бы быть меньше. Однако картина движения цен иная при монополистическом капитализме: хотя темп роста производства во время подъема здесь ниже, чем в предыдущую эпоху, но общий уровень цен здесь более высокий, так как во время депрессий он не падает так сильно и, следовательно, начинает свое повышение с более высокого уровня; что касается расхождения цен, то оно здесь должно быть более сильным, несмотря на ослабленный темп роста производства, так как здесь наряду с конъюнктурным моментом, который сам по себе вызывает расхождение цен, выступает момент монополизации рынка. Эти оба момента не погашают, а усиливают друг друга, так как в основном сфера их влияний совпадает.

Во время кризиса в эпоху «классического» капитализма происходит значительное падение производства и цен. Однако здесь производство сокращается слабее, а цены, наоборот, сильнее падают сравнительно с тем, что происходит во время кризисов при монополистическом капитализме. Это легко объяснить. Ведь при «классическом» капитализме каждый капиталист боится значительно сократить производство во время кризиса, так как он не уверен, что так же поступит его конкурент. Следовательно, он охотнее идет на снижение цен, чем на сокращение производства. Иначе дело обстоит в тех отраслях, где конкуренция преодолена в значительной степени или целиком. Здесь группа капиталистов в состоянии легко уменьшить производство, не боясь того, что это место займут конкуренты. Кроме того, благодаря такому сокращению производства удается удержать цены на более высоком уровне.

Это может быть иллюстрировано конкретными данными. Данные о производстве железа в Соединенных штатах в годы, непосредственно следующие за кризисами, показывают степень сокращения производства в эпоху классического и в эпоху монополистического капитализма. Если мы вершину подъема примем за 100, то следующий год покажет соответствующий более низкий уровень производства¹:

Г о д ы								
1873	1874	1883	1884	1890	1891	1903	1904	1907 1908
100	93,8	100	89,3	100	90	100	91	100 58,9

Таким образом, получается, что кризисы 70-х, 80-х, 90-х и первый 900-х годов дают почти одинаковый уровень снижения производства,

¹ Данные взяты из книги Babson'a, Business barometers for anticipating conditions, 1923.

наоборот, кризис 1907/08 г., который должен быть признан как первый кризис эпохи монополистического капитализма дает снижение производства в 41,1%, в то время как снижение в предыдущие кризисы не превышало 10%. Такое колоссальное падение производства в 1908 г. мы имеем для Америки также по стали (39,9%). По углю получается картина аналогичная, разница только та, что норма снижения сравнительно с железом здесь ниже. Это может объясняться в основном двумя причинами: уголь, во-первых, является одновременно продуктом, обслуживающим как индивидуальное, так и производительное потребление, а железо преимущественно удовлетворяет потребности производительного характера, как элемент основного капитала; во-вторых, угольная промышленность сравнительно с железной и стальной слабее монополизирована в Соединенных штатах.

Данные по углю следующие¹:

Г о д ы							
1873	1874	1883	1884	1893	1894	1907	1908
100	90,2	100	92,5	100	94	100	86,6

Как видно из этих данных, падение добычи угля в 1908 г., сравнительно с 1907 годом достигло 13,4%, а в предыдущие кризисы оно было ниже 10%.

Что касается Англии, страны, где промышленные монополистические организации были развиты на много слабее в довоенное время, чем в Соединенных штатах, то мы там хотя тоже констатируем большее падение производства чугуна, чем в предыдущие кризисы, однако эта разница не столь значительна:

Производство чугуна на 1000 душ населения

Г о д ы											
1857	1858	1873	1874	1883	1884	1890	1891	1900	1901	1907	1908
100	93,7	100	90,2	100	90,9	100	93,0	100	87,6	100	88,6

Более сильный темп падения производства в 1901 и в 1908 гг. сравнительно с предыдущими кризисами все же в известной степени, очевидно, отражает ту же общую тенденцию более сильного сокращения производства в условиях монополистического капитализма.

То обстоятельство, что Соединенные штаты, как это видно из предыдущих данных, показывают в 1904 г. незначительное снижение производства (9%), не отличающееся от предыдущих кризисов, объясняется тем, что Соединенные штаты переживали в 1903—1904 гг. собственно отражение европейского кризиса 1900 г., который благодаря местным американским благоприятным условиям проявился там в очень слабой степени и то лишь через несколько лет.

Чтобы еще более ярко иллюстрировать конкретными данными подтверждение нашей точки зрения о более слабом падении цен и более сильном сокращении производства в условиях монополистического капитализма сравнительно с тем, что имело место в эпоху классического капитализма, мы приведем данные о ценах по группе метал-

¹ «Statistical Abstract for the United States» за 1922 г.

лов за те же годы кризиса. К сожалению, мы не имеем отдельных цен для железа и стали, но это несколько не ослабляет показательности этого группового металлического индекса цен, так как решающее значение в этом индексе имеют цены железа и стали (а также цены произведенных из них орудий производства). При этом нужно учесть, что степень падения производства железа и стали была более или менее одинаковой в 1907 г.

Г о д ы									
1873	1874	1883	1884	1890	1891	1903	1904	1907	1908
100	87,4	100	86,5	100	93,2	100	93,0	100	87,5

Если сопоставить эти данные цен с приведенными выше данными о темпе сокращения производства железа, то окажется, что в то время как падение названного группового индекса цен в 1908 г. было такое же,

Индекс действительно отработанных часов в предприятиях различных размеров²

Производство	Количест. работ. на 1 предп.	Квартальный индекс								
		1920				1921				1922
		I квар.	II квар.	III квар.	IV квар.	I квар.	II квар.	III квар.	IV квар.	I квар.
Все производства	0—20	100	111	118	105	94	105	109	98	95
	21—100	100	108	111	106	92	91	90	94	90
	св. 100	100	97	96	86	70	64	61	64	66
Пища, напитки, табак	0—20	100	110	133	119	100	106	125	112	103
	21—100	100	101	112	120	92	92	97	107	89
	св. 100	100	91	97	91	75	69	76	77	70
Дерево и продукты из него	0—20	100	112	110	92	84	102	93	78	80
	21—100	100	114	113	89	81	90	95	90	91
	св. 100	100	99	99	91	80	84	88	91	90
Металлы и метал. продукты	0—20	100	117	148	123	107	103	122	107	99
	21—100	100	130	147	131	102	76	70	78	88
	св. 100	100	97	96	85	64	53	47	49	56
Бумага и типограф.	0—20	100	102	100	106	108	106	106	115	107
	21—100	100	99	97	105	93	88	86	100	93
	св. 100	100	98	100	102	88	84	81	83	85
Минералы и химич. продукты	0—20	100	109	117	125	107	113	118	118	113
	21—100	100	99	102	103	95	93	94	99	95
	св. 100	100	100	101	94	78	73	71	72	73
Текстильн. и кожевен. продукты	0—20	100	110	116	90	84	106	116	93	102
	21—100	100	104	102	95	93	100	91	92	87
	св. 100	100	99	94	80	77	82	87	93	85

¹ The Labor Bulletin, Washington.

² Willford King, Employment Hours and Earnings, стр. 65.

как в 1874 и 1884 гг. и только на 6 пунктов выше 1891 и 1904 гг., то, наоборот, падение производства в 1908 г. превосходило падение производства железа в предыдущие годы кризисов в четыре раза. Это прекрасно подтверждает нашу характеристику движения цен и производства в условиях монополистического капитализма.

Чтобы сделать картину движения производства в условиях монополистического капитализма еще более полной, мы приведем следующую таблицу, которая показывает насколько во время кризисов 1920/21 г. сильнее сократили производство более крупные предприятия сравнительно с менее крупными, и насколько крупные предприятия реагировали раньше на приближение кризиса, чем мелкие и средние предприятия.

Здесь необходимо заметить, что хотя эти данные относятся к кризису, который обусловлен исключительно военными и послевоенными пертурбациями, однако форма проявления всякого кризиса, поскольку он является всеобщим, независимо от причин, его вызвавших, в отношении отдельных явлений более или менее одинакова.

В условиях классического капитализма, поскольку кризис находит свое выражение прежде всего в падении цен и в меньшей степени в сокращении производства, он неизбежно сильнее всего поражает предприятия мелкие и средние, т. е. такие, которые работали при более высоких издержках производства. Волна банкротств выбрасывает за борт именно эти устаревшие и неустойчивые предприятия. Поэтому наибольший процент сокращения производства падает именно на мелкие и средние предприятия, а наименьший процент на крупные. В данном случае мы констатируем обратную картину. Как общее правило, мы здесь видим, что, чем дальше мы идем от группы предприятий наименьшей величины к более высоким группам, тем сильнее становится процент сокращения производства.

Количество рабочих часов по всем производствам группы предприятий, насчитывающих количество рабочих от 0 до 20, сократилось только на 5% к I кварт. 1922 г.; количество рабочих часов во II группе предприятий, имеющих рабочих от 21 до 100, сократилось на 10%, а в последней группе с количеством рабочих свыше 100 на одном предприятии сокращение достигает 34%. Еще более резко это различие в пределах отдельных групп. Наиболее сильное падение количество рабочих часов падает на металлическое производство: крупнейшие предприятия (свыше 100 рабочих) сократили количество рабочих часов на 44%, в то время как там же средние предприятия сократили производство на 12%, а самые мелкие — только на 1%.

Это, конечно, не свидетельствует о том, что мелкие предприятия при монополистическом капитализме более устойчивы. Сравнительно малое сокращение производства в мелких и средних предприятиях и значительное сокращение производства в крупных предприятиях объясняется в основном той же, ранее указанной причиной: поскольку крупные предприятия в той или иной степени монополизируют основную часть производства, они для удержания более высоких цен сокращают сильнее производство, чем это нужно было бы при более низком

уровне цен, и в результате оказывается, что мелкие и средние независимые предприятия, так называемые аутсайдеры, пользуясь этим обстоятельством, удерживают сравнительно высокий уровень производства.

Что это было именно так, видно из того, что общий уровень цен начал падать в Америке только лишь в сентябре 1920 г., а крупные предприятия сократили значительно производство уже во II квартале 1920 г.; средние предприятия показывают понижение производства лишь в IV квартале 1920 г. или в I квартале 1921 г.; такое же положение имело место в отношении наименьшего размера предприятий.

Сокращение производства в крупнейших предприятиях носило стремительный характер, что несомненно способствовало удержанию цен на более высоком уровне, чем если бы монополистические организации отсутствовали.

Мы рассмотрели движение цен и производства во время подъема и кризиса при монополистическом капитализме. Необходимо это дополнить характеристикой состояния цен и производства во время самой депрессии.

Что касается общего уровня цен, то он восстанавливается быстрее, чем при классическом капитализме. Это находит свое выражение также в сохранении значительного расхождения цен. При классическом капитализме во время депрессий происходило значительное сближение цен на средства производства и на средства потребления, так как первые с высокого уровня падали очень сильно, а вторые с низкого уровня падали очень слабо. Это являлось главным средством преодоления депрессий. Наоборот, при новейшей форме капитализма цены на средства производства благодаря монополиям удерживаются на сравнительно высоком уровне, что препятствует выйти из депрессии с прежней легкостью.

Это сохранение более высокого уровня цен и значительного расхождения цен во время депрессий находит свое выражение в том, что достигнутый ранее уровень производства восстанавливается гораздо медленнее.

Реальная заработная плата в различные фазы цикла

Нам остается еще осветить вопрос об особенностях движения реальной заработной платы в различные фазы цикла при монополистическом капитализме.

В условиях свободной конкуренции, при наличии колебаний общего и частных уровней цен только в зависимости от характера фазы конъюнктуры, движение номинальной и реальной заработной платы должно быть следующим: номинальная заработная плата неизбежно отстает во время подъема от роста цен на средства производства, в особенности на средства производства, являющиеся элементами основного капитала; однако для уровня реальной заработной платы

имеют значение цены на средства потребления, а не цены на средства производства. Уровень цен на элементы потребления рабочего класса во время первой стадии подъема отстает от роста номинальной заработной платы, а на вершине подъема, наоборот, совпадает с ним или в зависимости от интенсивности подъема даже его превышает. Таким образом реальная зарплата растет на протяжении первых стадий подъема и приостанавливает свой рост или падает на вершине подъема.

Это общее правило в реальной действительности претерпевает некоторые изменения, в основном в зависимости от следующих обстоятельств:

1. Подъем может быть сильным или сравнительно низким. В первом случае спрос на рабочую силу будет более значителен, и поэтому на первых стадиях подъема рост реальной заработной платы окажется интенсивней, но зато на вершине подъема ослабление роста или абсолютное падение реальной зарплаты выявится более резко. В обоих случаях охарактеризованное нами правило не будет нарушено.

2. Интенсивность и размах конъюнктуры в основном находятся в зависимости от характера соответствующей эпохи капитализма: в переходную эпоху от простой товарной формы к классическому капитализму растущий на развалинах мелкобуржуазного ремесленного хозяйства капитализм выявляет наиболее сильный темп роста сравнительно с последующими стадиями капитализма; поэтому тогда же интенсивность подъема должна быть наиболее высокой; слабее интенсивность роста и, следовательно, подъем в условиях классического капитализма и еще слабее в условиях монополистического капитализма. Благодаря значительному общему ослаблению роста хозяйства и, следовательно, интенсивности конъюнктуры в эпоху монополистического капитализма, реальная заработная плата в этом случае должна расти слабее на первых стадиях подъема, но зато степень ослабления роста или степень абсолютного снижения на вершине подъема окажется тоже ниже.

3. Наконец, последнее обстоятельство, которое влияет уже не только на интенсивность изменения реальной зарплаты, в зависимости от фазы конъюнктуры, но и на общее направление реальной зарплаты вне зависимости от цикла,—это именно направление общего уровня цен на протяжении больших периодов. Отметим здесь, что в основном, какими бы причинами продолжительный подъем цен ни был вызван, характер его влияния на общий уровень реальной заработной платы и на движение ее во время подъема будет в значительной степени одинаковым. Это выразится в том, что реальная зарплата на протяжении большого периода будет либо падать, либо сохранит одинаковый уровень; во время же подъема реальная зарплата либо совсем не изменится, либо она в течение одного-двух лет крайне незначительно поднимется, чтобы затем на вершине подъема спуститься еще ниже, чем она была до своего повышения. Хотя на протяжении всего XIX столетия общий уровень цен сохранил понижательную тенденцию, однако же в течение 50-х, 60-х годов и до начала 70-х он изменил свое направление, а именно, совершив очень сильный подъем за время 1852—

Движение заработной платы в Америке¹
1913=100.

Годы	Индекс денежной зарплат	Индекс до-роговизны	Индекс реальной зарплат	Годы	Индекс денежной зарплат	Индекс до-роговизны	Индекс реальной зарплат
1820	36	88	41	1868	79	143	55
1821	36	84	43	1869	83	125	66
1822	37	86	43	1870	84	119	71
1823	37	82	45	1871	86	112	77
1824	37	76	49	1872	85	109	78
1825	37	78	47	1873	85	106	80
1826	37	74	50	1874	82	107	77
1827	36	77	47	1875	77	106	73
1828	37	76	49	1876	74	101	73
1829	37	78	47	1877	68	93	73
1830	37	72	51	1878	67	86	78
1831	38	75	51	1879	66	78	85
1832	38	77	49	1880	66	86	77
1833	39	75	52	1881	68	89	76
1834	39	69	57	1882	70	90	78
1835	39	81	48	1883	71	88	81
1836	40	92	43	1884	71	84	85
1837	40	97	41	1885	70	77	91
1838	40	96	42	1886	70	77	91
1839	40	96	42	1887	72	78	92
1840	41	80	51	1888	73	79	92
1841	41	81	51	1889	73	81	90
1842	41	74	55	1890	74	77	96
1843	40	69	58	1891	74	76	97
1844	40	70	57	1892	75	75	100
1845	41	72	57	1893	75	76	99
1846	42	78	54	1894	72	71	101
1847	42	78	54	1895	73	70	104
1848	43	73	59	1896	74	69	107
1849	43	69	62	1897	74	67	110
1850	43	73	59	1898	74	69	107
1851	42	81	52	1899	75	72	104
1852	42	80	53	1900	77	76	101
1853	43	86	50	1901	78	75	104
1854	45	86	52	1902	81	78	104
1855	46	90	51	1903	83	81	102
1856	46	92	50	1904	83	81	102
1857	47	94	50	1905	85	81	105
1858	46	93	49	1906	88	85	104
1859	46	85	54	1907	92	90	102
1860	47	82	57	1908	91	87	105
1861	47	77	61	1909	92	91	101
1862	48	96	51	1910	94	94	100
1863	55	109	50	1911	95	92	103
1864	64	141	45	1912	98	96	102
1865	72	191	38	1913	100	100	100
1866	76	154	49	1914	102	102	100
1867	78	136	57	1915	104	104	100

¹ H. Hansen, Faktors affecting the trend of real wages, The American Economic Review за 1925 г., стр. 32.

1857 г.,—он сохранил высокий уровень с 60-х гг. до 73 г. Этот высокий уровень цен (если отвлекаться от временных моментов конъюнктурного порядка) объясняется изменением ценности золота, которое было вызвано открытием калифорнийских и австралийских россыпей в конце 40-х и начале 50-х годов XIX столетия. Что касается высокого уровня цен с непрекращавшейся тенденцией дальнейшего подъема на протяжении 1897—1914 г. (мы отвлекаемся здесь от военного и послевоенного времени), то оно в основном объясняется развитием монополистического капитализма.

Лишь при условии учета сделанных выше замечаний окажется понятной приведенная таблица о движении реальной заработной платы на протяжении целого столетия в Соединенных штатах.

Циклы 20-х, 30-х и 40-х годов протекали в условиях тенденции общего уровня цен к понижению. Во всех трех циклах этого периода мы констатируем падение реальной заработной платы либо в год, непосредственно предшествующий кризису, либо на протяжении двух лет до него. 50-е годы характеризуются общей тенденцией падения реальной заработной платы на фоне сильного подъема цен, не только под влиянием конъюнктуры как таковой, но преимущественно под влиянием роста производительности труда в золотопромышленности, в связи с открытием австралийских и калифорнийских золотых россыпей. В середине 50-х годов это падение реальной заработной платы приостановилось, причем в течение последних трех лет перед кризисом реальная зарплата сохранила почти стабильное состояние. Период с начала 60-х годов до 1879 г. не показателен, так как движение цен и реальной заработной платы за упомянутый промежуток времени находилось под влиянием денежной инфляции и последовавшей затем дефляции. Два последних года перед кризисом 1880—1881 гг. показывают падение реальной заработной платы, что снова подтверждает общее правило о падении или о приостановлении роста реальной заработной платы в год или годы непосредственно перед кризисом. Аналогичную картину мы имеем перед кризисом 1890 г.: в 1889 г. происходило снижение реальной заработной платы сравнительно с 1888 г. С тем же фактом падения реальной заработной платы во время вершины подъема мы встречаемся в годы перед кризисом 1900 г. (своеобразное положение этого кризиса в Америке в том, что он здесь проявился как отражение европейского кризиса дважды—в 1900 и 1903 гг., причем в обоих случаях в ослабленной степени) и перед кризисом 1907—1908 гг. Особенность периода 1897—1914 гг. заключается в том, что в основном господствовала общая тенденция не повышения, а падения реальной заработной платы. Что касается ближайших к кризисам лет, то в этом случае падение реальной заработной платы было более значительным, устойчивым и продолжительным (перед 1900 годом—3 года, а перед 1907—2 года). Сопоставив два периода общего подъема цен—период 50-х годов с периодом 1897—1914 гг.—мы хотя и констатируем, что форма проявления в обоих случаях, по части движения реальной заработной платы, в основном одинакова, однако мы там же находим существенные различия: несмотря на то, что уровень цен в 50-е годы совершил

большой взлет, чем в 1897—1914 гг., однако в первом случае реальная зарплата перестала снижаться в течение трех лет перед кризисом, а во втором случае она либо сильно снижалась в течение трех лет (1898—1900), либо несколько слабее снижалась в течение двух лет (1906—1907). Это объясняется тем, что в первом случае подъем цен происходил по причине изменившейся стоимости золота на фоне высокой конъюнктуры и высокого темпа роста производства, свойственного классическому капитализму, а во втором случае подъем цен происходил преимущественно по причине развития монополий в важнейших отраслях производства на фоне высокой конъюнктуры, но ослабленного темпа роста производства, свойственного монополистическому капитализму.

Само собою разумеется, что причина кризисов в условиях монополистического капитализма сохраняется та же. Если бы кризисы объяснялись перепроизводством как таковым, то, несомненно, что конъюнктура под влиянием регулирования производства была бы в значительной степени смягчена, а кризисы удалось бы преодолеть. Поскольку же кризисы, независимо от диспропорциональности и переизводства, возникают в силу неравномерности движения цен на средства производства и средства потребления, что проявляется в падении нормы прибыли на вершине подъема, то эта неравномерность в монополистическом капитализме не ослабляется, а усиливается: более сильное развитие монополистических организаций в сфере производства средств производства (преимущественно, в части производства элементов основного капитала), чем в сфере производства средств потребления, усиливает расхождение соответствующих категорий цен во время подъема; поэтому падение нормы прибыли в обрабатывающей промышленности (преимущественно в части производства средств потребления) осуществляется здесь скорее и резче.

Под влиянием новых условий неизбежно некоторое изменение в продолжительности отдельных фаз цикла: а) При классическом капитализме выходом из депрессии служило согласование издержек производства и цен; это облегчалось для обрабатывающей промышленности тем, что во время кризиса и депрессии цены на средства производства падали сильнее, чем цены на средства потребления. Таким естественным путем соотношения издержек производства и цен становились нормальными и благодаря этому оказывался созданным фундамент для нового оживления конъюнктуры. Это облегчалось еще тем, что сокращение производства в сфере производства средств потребления обычно наименьшее, и поэтому с этой стороны не ухудшалось положение издержек производства, которые неизбежно растут соответственно степени сокращения размера производства. При монополистическом капитализме во время кризиса и депрессии значительное падение цен на средства производства задерживается путем чрезмерного и быстрого сокращения производства в этой сфере, а в результате этого удлиняется время выхода из депрессии. Таким образом, при монополистическом капитализме депрессия должна быть более продолжительной, что согласуется вполне с фактами, если судить не на

основании цен, которые искусственно удерживаются на высоком уровне, а на основании реального производства. Максимум предыдущего подъема в этом случае достигается гораздо позже, чем это было при классическом капитализме. б) Подъем должен сократиться именно потому, что, с одной стороны, высокая конъюнктура используется интенсивнее монополизированными отраслями, а с другой стороны—расхождение цен наступает здесь скорее, что находит свое выражение в более быстром падении нормы прибыли в обрабатывающей промышленности. Некоторыми противодействующими здесь факторами являются более слабый рост реальной зарплаты и чрезмерная эксплуатация отсталого структурно и технически сельского хозяйства.

Общая продолжительность всего цикла может остаться та же, хотя относительная продолжительность отдельных фаз должна измениться.

С. Губерман

УЧЕНИЕ МАРКСА О СТРОЕНИИ КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЫ¹

Структурные проблемы кредитной системы тесно переплетаются с регуляторными. Это относится не только к движению форм кредита в реальном экономическом процессе, но и к теоретическому изучению этого движения. Все же предпосылкой научного анализа капиталистического кредита является выделение *учения о строении системы кредита* как основы теории кредитной системы. Во-первых, особые формы (виды) кредита могут быть поняты лишь на своих местах в общем здании кредитной системы—и это верно также в отношении их генетических корней. Во-вторых, сама система должна быть объяснена, как устойчивое архитектурное единство. В-третьих, регуляторный механизм кредитной системы имеет своей функцией сохранение динамического равновесия этого *структурного единства* и, следовательно, может быть изучен лишь на основе учения о строении системы. В-четвертых, исторические тенденции системы это—тенденции ее структурного единства, и—поскольку дело идет не об изменениях самого регулирующего механизма—тенденции эти должны быть выведены как закономерности в *эволюции строения системы*. Само собой разумеется, что строение кредитной системы понимается здесь не в виде мертвого и безразличного образования, а как организм, исполненный жизненного взаимодействия составляющих его частей, как застывшая подвижность.

Учение о строении кредитной системы естественным образом распадается на две большие части. Анализ целесообразнее начать с внутреннего строения системы кредита и уже на этой основе разобрать весь сложный комплекс проблем, связанных с взаимоотношениями кредитной и денежной системы.

¹ Статья представляет вторую главу работы о марксовой теории кредита. Первая глава, на которую в статье встречаются ссылки, напечатана в 21-ой книге настоящего журнала (1927 год). Дальнейшие главы посвящены проблеме реального и фиктивного капитала, закону регулирования кредитной системы, теории издержек кредита и учению об исторических границах кредита. Содержание настоящей статьи входило в состав доклада, читанного в Институте Экономики весной текущего года.

«Капитал» цитируется по гиз'овскому изданию 1923 г., «К критике политическ. экономии» по изданию Моск. Раб. 1925 г.

А. ВНУТРЕННЕЕ СТРОЕНИЕ КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЫ

1. Коммерческий и банковский кредит

Если оставить в стороне «общественный кредит» (К., III—1, 386), то кредитная система, по Марксу, представится как бы расположенной в двух этажах. Нижний этаж—«коммерческий кредит». Содержание этой категории лучше всего изложить словами самого Маркса. Это—«кредит, который оказывают друг другу капиталисты, занятые в процессе воспроизводства. Он составляет основу кредитной системы. Его представителем является вексель, долговое обязательство с определенным сроком платежа, document of deferred payment. Каждый оказывает кредит одной рукой и получает кредит другой... Поскольку эти векселя снова обращаются среди самих купцов, как средство платежа, при помощи передаточных надписей одного на другого, без посредства учета, мы имеем перед собою лишь перенесение долгового обязательства с А на В, что совершенно не изменяет исслеуемых соотношений. Одно лицо только становится на место другого. Но даже и в этом случае ликвидация может иметь место без вмешательства денег» (К., III—2, 17).

«То, что здесь ссужается, отнюдь не является незанятым капиталом,—это капитал, который в руках своего владельца должен изменить свою форму, который для владельца существует в такой форме, в которой он представляет для него просто товарный капитал, т. е. капитал, который должен совершить обратное превращение и по крайней мере прежде всего превратиться в деньги. Итак это—метаморфоз товара, совершающийся в данном случае при посредстве кредита; не только Т—Д, но также Д—Т, т. е. действительный процесс производства». Здесь «обилие кредита в пределах воспроизводственного кругооборота отнюдь не означает обилия свободных капиталов, ищущих прибыльного помещения и потому предлагаемых в ссуду,—оно означает обилие капиталов, занятых в процессе воспроизводства. Итак при посредстве кредита обслуживается: 1) поскольку дело идет о промышленных капиталистах,—переход промышленного капитала из одной фазы в другую, связь между взаимно соприкасающимися и вторгающимися одна в другую сферами производства, 2) поскольку дело идет о купцах,—транспорт и переход товаров из одних рук в другие вплоть до их окончательной продажи за деньги или их обмена на другие товары» (К., III—2, 20)¹.

¹ Весьма ценна следующая конкретизация проблемы коммерческого кредита: «Ссудный капитал и промышленный капитал здесь тождественны; ссуженные капиталы суть товарные капиталы, предназначенные или для окончательного индивидуального потребления, или для возмещения постоянных элементов производительного капитала. Следовательно, то, что здесь представляется ссуженным капиталом, всегда есть капитал, находящийся в определенной фазе процесса воспроизводства, но посредством купли и продажи переходящий из одних рук в другие, причем эквивалент за него уплачивается покупателем лишь позднее, в заранее условленный срок. Так, напр., хлопок в обмен на вексель переходит в руки прядильщика, пряжа в обмен на вексель в руки фабриканта ситца, ситец в обмен на вексель переходит в руки купца, из рук которого в обмен на вексель

Второй этаж кредитной системы—«банковский кредит». Он вышшеается над коммерческим кредитом и образует «существенно отличный момент» (ib., 17). Приведем и здесь характеристики Маркса. «К коммерческому кредиту присоединяется денежный кредит в собственном смысле этого слова. Взаимные ссуды, даваемые друг другу промышленниками и купцами, переплетаются с денежными ссудами, которые они получают от банкиров и денежных кредиторов» (К., III—2, стр. 22). «Говоря вообще, дело банкира с этой стороны состоит в том, чтобы концентрировать в своих руках большими массами ссужаемый денежный капитал, так что вместо отдельного ссужающего лица промышленным и коммерческим капиталистам противостоят банкиры как представители всех лиц, ссужающих деньги. Они становятся общими управителями денежного капитала: с другой стороны, по отношению ко всем ссужающим они концентрируют заемщиков, так как они занимают для всего торгового мира. С одной стороны, банк представляет централизацию денежного капитала кредиторов, с другой—централизацию заемщиков» (К., III—1, 388—9).

Исходное различие коммерческого и банковского кредита, следовательно, в их экономических корнях. Первый растет из товарной торговли, второй—из торговли деньгами. Последнее требует некоторого пояснения.

Маркс проводит строгое различие между—1) деньгами как средством обращения, 2) «денежным капиталом вообще», 3) «капиталом, приносящим проценты», иначе—«ссудным капиталом». Это прежде всего три определенные функции, которые должны получить выражение в определенных категориях. Однако, логическое развитие третьей категории из первой происходит на исторической почве оформления и развертывания капиталистического способа производства. Деньги как средство обращения не требуют здесь рассмотрения. Что касается второй категории, то она связана с кругооборотом капитала, ибо на одной из стадий своего кругооборота капитал должен выступать в форме денег. Здесь «денежный капитал означает всегда лишь переходную форму капитала, рассматриваемую с точки зрения ее отличия от других форм капитала, т. е. от товарного и производительного капитала» (К., III—2, 1). Самостоятельному историческому осуществлению этой

попадает к экспортеру, от экспортера, опять-таки в обмен на вексель, идет к индийскому торговцу, который продает его, покупая взамен индиго, и т. д. В течение этого перехода из рук в руки хлопок совершает свое превращение в ситец, ситец в конце концов транспортируется в Индию, обменивается на индиго, которое привозится в Европу и там снова вступает в процесс воспроизводства. Различные фазы процесса воспроизводства обслуживаются здесь при посредстве кредита, так что прядильщик не оплачивает наличными хлопок, фабрикант ситца—пряжи, купец—ситца и т. д. В первых актах процесса товар-хлопок проходит различные фазы производства, и переход этот обслуживается кредитом. Но как только хлопок получил в производстве свою заключительную форму как товар, этот самый товарный капитал проходит еще лишь через руки различных купцов, которые обслуживают транспорт на отдаленный рынок, и последний из которых продает его в конце концов потребителю, покупая вместо того другой товар, входящий или в процесс потребления, или в процесс воспроизводства» (К., III—2, стр. 19—20).

категории денежного капитала (Маркс называет это «превращением денежного капитала в денежно-торговый капитал») посвящена специальная глава в третьем томе «Капитала». Выводы этой главы могут быть сведены к четырем положениям:

1. «Те чисто технические движения, которые совершают деньги в процессе обращения промышленного капитала и товарно-торгового капитала... сделавшись самостоятельной функцией особого капитала, который совершает их и только их как операции, свойственные исключительно ему, превращают этот капитал в денежно-торговый капитал» (К., III—1, 299—300)¹.

2. «Та масса денежного капитала, которую оперируют торговцы деньгами, это—находящийся в обращении денежный капитал купцов и промышленников, и операции, совершаемые ими, суть лишь операции тех, кого они обслуживают» (306).

3. Но это значит, что «торговля деньгами в той чистой форме, в которой мы здесь рассматриваем ее, т. е. обособленно от кредитного дела, касается только технической стороны одного момента товарного обращения, именно денежного обращения, и вытекающих из него различных функций денег» (306)².

4. Но «торговля деньгами получает полное развитие, когда к ее остальным функциям присоединяется заключение займов, выдача ссуд и торговля в кредит,—а это всегда происходит уже в самом ее начале» (304). Но тем самым определяется историческое развитие—на базе «денежного капитала вообще»—капитала, приносящего проценты (иначе—ссудного капитала), а следов., и развитие банковского кредита.

Оглядывая теперь перечисленные три формы—деньги как средство обращения, денежный капитал вообще, обособляющийся в качестве

¹ И дальше: «Часть промышленного капитала и, говоря точнее, также товарно-торгового капитала постоянно находится в денежной форме не только как денежный капитал вообще, но как денежный капитал, занятый именно этими техническими функциями... Разделение труда приводит к тому, что эти технические операции, обуславливаемые функциями капитала, исполняются насколько возможно для всего класса капиталистов особым подразделением агентов или капиталистов как их исключительные функции или сосредоточиваются в их руках».

² Вот чрезвычайно интересная конкретизация этого положения: Торговля деньгами «обслуживает технические операции денежного обращения, которые она концентрирует, сокращает и упрощает. Торговля деньгами не образует сокровищ, а доставляет технические средства для того, чтобы это образование сокровищ, поскольку оно происходит добровольно (следовательно, если оно не является выражением того, что капитал не находит занятия или что процесс воспроизводства нарушен), свести к экономическому минимуму... Торговля деньгами не покупает благородных металлов; она лишь обслуживает их распределение, когда их купила торговля товарами. Торговля деньгами облегчает уравнивание балансов, поскольку деньги функционируют как платежное средство, и при помощи искусственного механизма счетоводства, при котором взаимно погашаются долговые обязательства, уменьшает массу денег, требующуюся для расчетов; но она не определяет ни связи, ни размера взаимных платежей... Поскольку деньги обращаются как покупательное средство, размеры и число покупок и продаж совершенно не зависят от торговли деньгами. Она может лишь сократить технические операции, которыми сопровождаются эти сделки и, таким образом, уменьшить массу наличных денег, необходимых для данного оборота» (ib., 305).

денежно-торгового капитала, и капитал, приносящий проценты,— становится ясным, что в этих трех категориях перед нами логические и исторические этапы превращения возможности банковского кредита в действительность: первая категория означает общую возможность ссудного капитала, вторая—основания для превращения возможности в действительность, третья—осуществленную действительность в движении. Не следует забывать при этом, что поскольку мы берем развитое капиталистическое хозяйство (т. е. действительный предмет нашего исследования), нас интересует не историческая последовательность рассматриваемых трех категорий, а то, что в их лице мы имеем дело с тремя особыми функциями капиталистической хозяйственной системы. Буржуазная наука не умела и до сих пор не умеет эти функции различать. Чему удивляться? Ведь вещественная форма их проявления одна и та же: денежный материал. Вещь, взятая сама по себе, скрывает отношения производства и обращения. Одна и та же монета выступает то как деньги, то как денежный капитал, то как ссудный капитал. Маркс и здесь, как во всех областях, произвел работу по дефетишизированию экономических категорий.

Резюмируем и повторяем: основное отличие банковского кредита от коммерческого в том, что банковский кредит примыкает к торговле деньгами и развивается на ее базе¹, тогда как коммерческий кредит непосредственно связан с торговлей товарами. Это отличие «предложения ссудного капитала... т. е. капитала, который ссужается в форме денег... от промышленного капитала, который как таковой, в товарной форме ссужается при помощи торгового кредита между самими агентами производства». Если в коммерческом кредите ссудный капитал и промышленный капитал тождественны, то в банковском кредите ссудный капитал приобрел самостоятельное существование.

В различии коммерческого и банковского кредита Маркс нащупал и выразил действительно основную структурную проблему кредитной системы. Неудивительно. В первой главе, изучая развитие возможности кредита в действительность, мы обнаружили два пути, на которых возникают для капиталистического производства пределы со стороны ограниченности денег, и в связи с этим и два типа преодоления этих пределов помощью кредита. Установив, что для индивидуального капитала эти два типа различаются как методы экономизирования собственных денег от методов привлечения чужих денег, мы пришли затем к выводу, что форма экономизирования своих денег представляется с общественной точки зрения как развитие обособляющейся системы кредитных денег, а методы привлечения чужих капиталов определяются как методы создания и использования денежного рынка. Теперь мы видим, что именно это различие двух путей превращения возможности кредита в действительность лежит в основе различия коммерческого и банковского кредита.

Взглянем на дело с иной еще стороны. Поскольку мы имеем дело с коммерческим кредитом, налицо только кредит индивидуального

¹ Ср. также К., III, 1, 388.

капиталиста индивидуальному капиталисту. Банковский кредит, напротив, означает, что производительному (или торговому) капиталисту ссужаются обезличенные средства, т. е. праздные деньги *общества*. Собираение капиталов банками—вот основное в развитой кредитной системе, и именно этим она отличается от системы с преобладанием коммерческого кредита.

В первой главе мы видели, что в понятие кредитной системы входит сцепление кредитных отношений, возникающих независимо от нее на периферии общественного воспроизводственного процесса, и на этой основе дальнейшее, уже самостоятельное, форсирование, обусловливание, порождение *новых* кредитных отношений, словом, организация, регулирование и активное развитие кредита. Первоначально, однако, эти процессы протекают совершенно стихийно. А постольку—кредитная система еще не вышла за пределы «ссуды промышленного капитала в товарной форме». Но исторически—рядом с этой системой, непосредственно складывающейся в самопроизвольном движении общественного товарооборота и в его порах пребывающей, с самого начала вырастает сознательно построенная и из центра управляемая банковская система.

В целом кредитная система капитализма представляет соединение, сплетение коммерческого и банковского кредита. Но если коммерческий кредит—фундамент всей системы, то, с другой стороны, развитие заключается в усилении роли банковского кредита по сравнению со взаимным вексельным кредитованием агентов производства и обращения и—что представляется особо важным—в вовлечении коммерческого кредита в орбиту банковского кредита, словом, в создании единой кредитной системы с банками во главе. Господство банковского кредита есть, следовательно, завершение кредитной системы, возникшей как орудие капитализма в борьбе против ростовщического кредита.

2. Ссуда денег и ссуда капитала

Итак банковское кредитование есть авансирование ссудного капитала. В следующей главе будут исследованы форма обращения ссудного капитала и реальные стороны этого процесса. Но уже сейчас можно и должно заняться дальнейшей разработкой проблемы строения кредитной системы.

Противопоставляя деньги, функционирующие для обслуживания обращения, деньгам, отдаваемым в ссуду, мы без дальнейшего различия называли последние ссудным капиталом. Это совершенно правильное положение может, однако, стать источником заблуждений, если не принять во внимание следующего обстоятельства. Поскольку деньги отдаются в ссуду, они могут выполнять две совершенно различные функции. То, что нам представлялось до сих пор как единое целое, свободное от противоположностей, должно быть сейчас дифференцировано. И притом на две части, т. к. деньги могут ссужаться, как собственно—деньги, т. е. для выполнения простых функций денег, и как

капитал, т. е. для выполнения назначения капитала. Научное разграничение этих двух видов ссуд, без которого невозможно понять механизм кредитной системы, составляет одну из значительных заслуг марксовой теории кредита.

Очевидно, однако, что со стороны содержания массы капитала, отдаваемого в ссуду, и ее источников ссудный капитал представляет однородную и безразличную для поставленной здесь проблемы сумму бездействующих денег (потенциального денежного капитала). Но различие без труда обнаружится, как только мы взглянем на проблему под углом зрения того экономического места, которое произведенная ссуда занимает в действительном процессе воспроизводства, т. е. под углом зрения заемщика.

Если капиталист берет в банке ссуду, получает ли он деньги или капитал? Точнее: в каком случае банк делает прибавку к капиталу кредитуемого капиталиста, и в каком случае банк лишь повышает дееспособность этого капитала?

Очевидно, это будет зависеть от той роли, которую взятые в ссуду деньги выполняют в процессе воспроизводства данного индивидуального капитала. Возможна двоякая роль полученных денег. Они могут служить формой, в которой несвободный капитал превращается в свободный (учет векселя, ломбардная или варрантная операция, простые виды подтоварного кредита и т. д.). Полученные в ссуду деньги составляют здесь не что иное, как форму, в которой совершился *досрочный* метаморфоз Т—Д в циклическом движении данного индивидуального капитала, и, следовательно, банковский кредит здесь оказывается методом ускорения оборота капитала. Но полученная в банке ссуда может и вовсе не служить ускоренному завершению кругооборота индивидуального капитала, следовательно, может и не отражать прошлого движения этого капитала, а напротив, может быть использована в качестве исходного пункта для нового воспроизводственного цикла (или для расширения базы старого цикла). В первом случае перед нами—ссуда денег, средств обращения. Во втором случае—ссуда капитала.

Строго говоря, различие ссуды капиталов и ссуды денег должно, конечно, обнаружиться и со стороны банка. В самом деле. При ссуде денег масса капитала, находящаяся в распоряжении банка, не уменьшается, меняется лишь ее состав, именно—относительно меньшая ее часть находится теперь в состоянии свободного денежного капитала. При ссуде денег, напротив, происходит уменьшение самой массы капитала, находящейся в распоряжении банкира. Но, во-первых, это различие легко укрывается за отдельными (специальными) формами банковского кредита. Такова, напр., форма, которую Маркс называет мнимым вкладом, когда *непосредственно* никакого уменьшения банковского капитала не происходит, хотя банк и выдал в ссуду как-будто часть этого капитала, ибо он выдал свои собственные долговые требования. Во вторых—и это самое существенное,—с точки зрения банка назначение ссуды денег и ссуды капитала совершенно одинаково: приносить ссудный процент. Единственная дифференциация ссудного

капитала, реально существующая под углом зрения банка, т. е. самого ссудного капитала, это — различия в степени риска и в сроках ссуды, ибо через эти моменты действуют факторы высоты отдельных процентов по отдельным видам сделок. Но эти различия отнюдь не совпадают (как будет показано ниже) с различиями ссуды капитала и ссуды денег. Энгельс, следовательно, поступил совершенно правильно и в полном соответствии с Марксом, когда формулировал различие двух основных форм ссудного капитала под углом зрения заемщика. Ибо в плоскости индивидуального капитала точка зрения заемщика и есть точка зрения реального воспроизводства, а эта последняя представляет единственно научный критерий в изучении функций кредита¹.

Но как обстоит дело с точки зрения *общественного производства*? Противопоставление заемщика кредитору здесь бессмысленно. Поскольку мы исследуем единую и замкнутую в себе капиталистическую систему (а это есть обязательное условие научности на данной стадии анализа), для нас не существует миграций капиталов из одной страны в другую и прилива средств в капиталистическую систему из некапиталистической среды. Всякое движение ссудного капитала представляет лишь *перемещение* денежного капитала в пределах одной системы, т. е. в конечном счете из такого пункта, где он находится *вне* общественного воспроизводственного процесса, туда, где он может вступить в этот процесс. Но если точка зрения заемщика, которая нам помогла разобраться в индивидуальных отношениях, по своей природе неприменима к разрешению общественной проблемы, мы должны для последней выдвинуть точку зрения реального воспроизводства в другой форме. Вот как Маркс формулирует проблему:

«Различие между выпуском средств обращения и ссудой капитала обнаруживается лучше всего в процессе действительного воспроизводства. При анализе этого процесса (кн. 2, отд. III) мы видели, каким образом обмениваются различные составные части производства. Напр., переменный капитал вещественно состоит из средств существования рабочих, представляет часть их собственного продукта. Но он оплачивается им по частям и в форме денег. Капиталист должен

¹ Что касается различия ссуды капитала и ссуды денег с точки зрения банкира, то мысль Маркса прекрасно выступает в следующем рассуждении, построенном на очень сложном примере выпуска банкноты: «Для частного банка, выпускающего банкноты, различие заключается в том, что в случае, если его билеты не остаются в местном обращении и не возвращаются к нему в форме вкладов или при уплатах по векселям, которым наступил срок, эти билеты попадают в руки лиц, которым банк в обмен за них должен платить золото или билеты Английского банка. Таким образом, в этом случае ссуда его билетов в действительности представляет ссуду билетов Английского банка, или, — что для банка то же самое, — ссуду золота, следовательно, части его банковского капитала. То же самое имеет место в том случае, когда сам Английский банк или какой-нибудь другой банк, подчиненный закону о максимуме выпуска билетов, должен продавать ценные бумаги, чтобы привлечь и извлечь из обращения свои собственные билеты и затем снова выдавать их в ссуду: в этом случае его собственные билеты представляют часть его мобилизованного банковского капитала» (К., III-1, стр. 442—443). Ср. там же, 437.

авансировать эти деньги и в значительной степени от организации кредитного дела зависит, в состоянии ли он в ближайшую неделю выплатить новый переменный капитал теми же самыми деньгами, которыми он платил в предыдущую неделю. То же самое относится и к актам обмена между различными составными частями всего общественного капитала, напр., между средствами потребления и средствами производства средств потребления. Деньги для их обращения должны быть авансированы одною или обеими обменивающимися сторонами. Деньги остаются затем в сфере обращения, но по завершении обмена снова и снова возвращаются к тому, кто их авансировал, т. к. они были авансированы сверх его действительно занятого в предприятии промышленного капитала. При развитом кредитном деле, когда деньги концентрируются в руках банков, эти последние и являются, по крайней мере, номинально, той стороною, которая авансирует деньги. Такого рода авансирование касается лишь денег, находящегося в обращении. *Это авансирование средств обращения, а не авансирование капиталов, приводимых благодаря этому в обращение»* (К., III—2, 70—71. Курсив мой—Э. Л.).

С другой стороны, нетрудно заметить, что если банки собирают возникающие на периферии общественного производства праздные капиталы, и передают их тем капиталистам, у которых эти капиталы только и могут найти производительное применение, то здесь происходит не только авансирование средств обращения, но также и «авансирование капиталов, приводимых благодаря этому в обращение». То же относится и к тому случаю, когда кредит служит для уравнивания нормы прибыли. Ибо происходящий при этом перелив капитала есть не что иное, как перенесение капитала из такой отрасли, где он применялся непроизводительно (*resp.*, малопроизводительно) в отрасль обеспечивающую производительное применение капитала (*resp.*, более производительное употребление капитала).

Итак, и в разрезе общественного воспроизводства мы наталкиваемся на коренное различие между ссудой капитала и ссудой денег. С точки зрения индивидуального капитала это различие между методом *увеличения объема* применяемого капитала и методом *увеличения дееспособности данного объема* капитала посредством ускорения метаморфоза Т—Д. В общественном разрезе всякая форма кредита есть не что иное, как поднятие дееспособности общественного капитала, а всякий банковский кредит есть осуществление этой функции путем активизирования праздных денежных капиталов страны. Для общественного воспроизводства поэтому различие должно быть сформулировано иначе, хотя это будет лишь уточнение и видоизменение формулировки, характеризующей индивидуальные отношения. В одном случае (ссуда денег) дееспособность общественного капитала поднимается за счет ускорения оборота уже вовлеченных в обращение капиталов, причем объем действующего совокупного капитала общества неизменен. В другом случае (ссуда капитала) дееспособность капиталистической системы увеличивается посредством уменьшения мертвого груза праздных денежных капиталов, лежавших без действия вне

обращения и вовлечения их в общественный воспроизводственный процесс, причем средний коэффициент дееспособности функционирующего капитала может оставаться неизменным.

В самом деле. Пусть весь капитал общества=1000 и состоит из функционирующего капитала=700 и праздного денежного капитала=300. Пусть коэффициент дееспособности функционирующего капитала будет 1. Тогда коэффициент дееспособности совокупного общественного капитала будет 0,7. Этот коэффициент может быть помощью кредита увеличен двумя путями: 1, *ссуда денег*. Некоторая часть праздного денежного капитала, собранная банками, *вытесняет* из сферы действительного воспроизводственного процесса соответствующую часть функционирующего капитала и занимает ее место. Уходит капитал относительно мало-активный, приходит капитал в форме денег, т. е. в форме максимально-активной. Сумма функционирующего капитала не возросла, но его дееспособность поднялась в силу ускорения оборота. Если это добавочное ускорение, сообщенное обороту, равно 20%, то дееспособность функционирующего капитала поднимется до 1,2, а дееспособность всего общественного капитала соответственно возрастет до 0,84. Какая именно доля праздного денежного капитала привлечена к обслуживанию обращения, конечно, имеет огромное значение, но только в той мере, в какой от ее величины зависит норма ускорения оборота капитала; в этой норме ускорения размер привлеченного праздного капитала уже заключен, а потому в нашем вычислении он не фигурирует. Совсем иначе со 2, *ссудой капитала*. Здесь некоторая часть потенциального денежного капитала *присоединяется* к функционирующему капиталу, что само по себе вовсе не означает ускорения его оборота, а следовательно, и увеличения коэффициента его дееспособности. Но здесь имеют *непосредственное* значение как раз размеры той доли денежного капитала, которая с помощью кредита выведена из праздности. Пусть это будет 50%. Тогда функционирующий капитал поднимется до 850, что при неизменном коэффициенте дееспособности функционирующего капитала=1, поднимет коэффициент дееспособности совокупного общественного капитала до 0,85. Один и тот же результат достигнут двумя принципиально различными методами.

Быть может, здесь перед нами различие кредита, сберегающего издержки обращения, от кредита, сокращающего издержки, связанные с условиями производства? Чтобы приблизиться к действительности, подобная формулировка должна быть потоплена в море оговорок и уточнений. Попытки же прямо пользоваться ею приводят, в конце концов, к еще большему ее упрощению, а следовательно, к еще меньшему соответствию действительным отношениям. С другой стороны, зерно истины, заключающееся в подобной формулировке (и его-то именно и не могут заметить сторонники этой формулировки, т. к. они стремятся разрешить ею, покрыть ею всю проблему) в том, что в схеме кругооборота капитала $D—T... P... T'—D'$ ссуда денег связана главным образом с фазой $T'—D'$ (условия реализации), ссуда капитала с фазой $D—T$ (непосредственные условия приведения в дви-

жение производственного процесса, гесп., непосредственные условия расширения производства).

Заманчиво также изобразить различие между двумя видами банковского кредита, исходя из двуединства категории денежного капитала. В первой главе было указано, что, являясь денежным капиталом, капитал фактически действует лишь как деньги, но что деньги являются здесь формой капитала. Но разве ссуда денег не характеризуется выпячиванием первой стороны денежного капитала, и ссуда капитала не говорит разве о выпячивании второй стороны денежного капитала? Верно, но на таком пути можно только описать одну из сторон различия, но невозможно это различие объяснить, хотя бы по одному тому, что разрыва двуединства не происходит и что, следовательно, в обоих случаях фигурирует все тот же денежный капитал.

Итак, *единственным основанием интересующего нас различия двух видов банковского кредита остается принципиальное различие двух методов поднятия дееспособности общественного капитала*.

Но если так, если ссуда денег, как мы видели, есть привлечение свободных денежных капиталов для ускорения кругооборота общественного капитала, то ведь экономическое назначение ссуды денег оказывается тем же, что и коммерческого кредита. Совершенно верно! И именно в этом пункте обнажаются внутренние связи в архитектонике кредитной системы. Выше указано, что тенденция к монистичности кредитной системы осуществляется посредством возрастания удельного веса банковского кредита, его роли и его власти над коммерческим кредитом. Теперь обнаружено, что последнее происходит потому, что банковский кредит есть не только дополнение и надстройка к коммерческому, но также носит в себе возможность замены, вытеснения коммерческого кредита. Тенденция к господству банковского кредита в кредитной системе, а значит, к консолидации кредитной системы вокруг банковского кредита, растет, следовательно, из двух источников: *во-первых*, развертывание капиталистического способа производства развивает предпосылки и стимулы к таким методам поднятия дееспособности общественного капитала, которые только и осуществимы помощью банковского кредита (ссуда капитала); *во-вторых*, параллельно с этим развивается процесс превращения коммерческого кредита в банковский кредит (ссуда денег). Ссуда денег, следовательно, есть то звено, которое сцепляет систему коммерческого кредита и систему банковского кредита (а значит торгово-денежное обращение и денежный рынок) в единую кредитную систему.

Такова гениальная (гениально-простая) схема Маркса о внутреннем строении кредитной системы.

3. Централизация кредитной системы

Концентрированность и централизованность кредита входит в понятие кредитной системы, является, след., ее предпосылкой и условием. «Кредитная система... представляет гигантскую централизацию» (К., III—2, 86)—это утверждение Маркса относится не только

к сильно развитой системе, но и к ее начальным этапам. Чрезвычайно характерно, что банковская система есть первая форма существования кредитной системы, что кредитная система рождается именно как банковская система, а «банковская система со стороны ее организационных форм и централизации... представляет самое искусное и совершенное произведение, к какому вообще способе капиталистический способ производства» (ib., 147). Кредитная система создается капитализмом как орудие борьбы против ростовщического капитала— и создается при этом в такой форме, в которой она противостоит старомодному ростовщичеству, как «органическое образование», в форме банка «концентрирующее и выбрасывающее на денежный рынок все бездействующие денежные запасы и ограничивающее самую монополию благородных металлов путем создания кредитных денег» (ib., 144).

На первых ступенях, след., кредитная система показывает величайшую степень концентрированности— в связи с величайшей простотой форм концентрации. В хаосе неурегулированных и совершенно разрозненных кредитных отношений докапиталистического (ростовщического) характера капиталистический кредит стоит как чужеродное тело, составляя «органическое образование», сводящееся к одному единственному банку (или к двум—трем связанным друг с другом банкам). Капитализм сам еще только небольшой островок, выходящий со дна широкого моря докапиталистических хозяйственных форм, и на этом островке выделяется кредитная система, противопоставляющая себя ростовщическому кредиту, который заполняет поры экономического организма.

«Отличие капитала, приносящего проценты, поскольку он образует существенный элемент капиталистического способа производства, от ростовщического капитала отнюдь не лежит в самой природе или в самом характере этого капитала. Различие это создают лишь изменившиеся условия его функционирования и вызванный ими совершенно новый облик заемщика, противостоящего денежному кредитору» (ib., 141)¹. Это значит, что утверждение и развертывание капиталистического способа производства отгесняет докапиталистические формы кредита на задворки общественного хозяйства— и сплетает обширную и густую сеть капиталистических кредитных отношений, рождающихся в бесчисленных уголках хозяйственной системы. Теперь уже банковская система не единственный, абсолютный (и протестующий!) представитель капиталистического кредита в мире ростовщических кредитных отношений. Весь экономический организм пронизан ка-

¹ «Даже в том случае, когда в качестве промышленника или купца получает кредит лицо немущее, это имеет место лишь в надежде, что данное лицо будет функционировать как капиталист, будет присваивать при помощи занятого им капитала неоплаченный труд. Кредит оказывается ему как потенциальному капиталисту» (там же). Между тем две «характерные формы» ростовщического капитала, господствующего в период, предшествующий капиталистическому способу производства, следующие: «Во-первых, ростовщичество при помощи денежных ссуд знатным расточителям, преимущественно землевладельцам; во-вторых, ростовщичество при помощи денежных ссуд мелким, владеющим условиями своего труда, производителям» (ib., 134).

питалистическими кредитными отношениями, элиминируемыми воспроизводственным процессом. Вместе с тем и проблема централизации кредита усложняется. Перед нами уже не первородная централизация кредитной системы, покоящаяся на простоте и слабой дифференцированности младенческих форм капиталистического кредита. Содержанием исключительно сложного процесса централизации кредитной системы становится: связывание бесчисленных разрозненных источников кредита; координирование внешне независимых и обособленно возникающих кредитных отношений; регулирование (посредством единого ряда норм) движения кредита от источников— и обратно к источникам; форсирование и самостоятельное будирование кредитных отношений; наконец, подчинение хаоса кредита единому такту и оформление его в структурное единство. Мы видели, что в соответствии с природой капиталистического кредита все эти моменты централизации кредита должны действовать в трех направлениях: должен быть централизован коммерческий кредит, должен быть централизован банковский кредит, должны быть увязаны воедино тот и другой.

Здесь не место рассматривать конкретные формы и органы централизационного процесса: вексельные операции, расчетные палаты, классификацию банков, биржу, территориальную концентрацию кредита и т. д. Принципиальные стороны всех этих элементов кредитной системы будут рассмотрены ниже так же, как регуляторный механизм централизационного процесса. Не место здесь также разбирать вопросы темпа, степени и границ централизации кредитной системы— вопросы эти относятся к теме об исторических тенденциях капиталистического кредита. Не место здесь изучать и импульсы централизационного процесса— они, естественно, питаются экстенсивным и интенсивным ростом обращения в результате развития капиталистического способа производства, хотя непосредственно могут, конечно, исходить из самой кредитной системы (пресловутая проблема влияния техники банковского дела). Короче: не пути осуществления централизации кредита и не сама эта централизация в ее конкретной связи с реальным производственным процессом должны нас здесь занимать. Здесь должно быть указано то замечательное и решающего значения явление, которое лежит в основе общей связи и единства централизационного процесса кредитной системы и *которое делает это единство вообще возможным*. Это явление можно назвать *обобщением формы ссудного капитала* на все виды капиталистического кредита.

Ссудный капитал (капитал, приносящий проценты), как показано выше, есть лишь особая форма развития денежного капитала (капитала в денежной форме), и именно с этой стороны он противостоит коммерческому кредиту. Но— как Маркс тонко формулирует— «всякий капитал по выражению своей стоимости есть денежный капитал или считается теперь выражением денежного капитала» (К., III—1, 380). Почутилен в этом отношении марксов анализ ссуды товара на основе капиталистического способа производства. «Товар, который ссужается как капитал, смотря по его свойствам, ссужается или как основной, или как оборотный капитал... Некоторые товары по свой-

ствам их потребительной стоимости могут быть даны в ссуду лишь как основной капитал, напр., дома, суда, машины и т. д. Но всякий ссужаемый капитал, какова бы ни была его форма и как бы ни модифицировалась его уплата природой его потребительной стоимости, всегда является лишь особой формой денежного капитала. Ведь в ссуду здесь всегда дается определенная денежная сумма, и на эту же сумму исчисляется и процент. Если то, что ссужается, не есть ни деньги, ни оборотный капитал, то и обратно оно уплачивается таким способом, как притекает обратно основной капитал. Кредитор получает периодически процент и часть потребленной стоимости самого основного капитала, эквивалент периодического снашивания. А по истечении срока непотребленная часть ссуженного основного капитала возвращается обратно *in natura*. Если ссуженный капитал—капитал оборотный, то он и возвращается к кредитору таким способом, как притекает обратно оборотный капитал» (ib., 328, 329).

Можно сказать, что коммерческий кредит всегда скрывает в себе денежный кредит: ведь здесь кредитор отсрочил получение причитающегося ему денежного капитала, или, выражаясь иначе, оставил свой денежный капитал в распоряжении должника (на условленный срок). С этой точки зрения различие банковского и коммерческого кредита есть лишь различие форм. Маркс пишет: «В действительности на основе коммерческого кредита один ссужает другому те деньги, которые ему нужны для процесса воспроизводства». При банковском же кредите «это соотношение принимает такую форму, что банкир, которому часть агентов воспроизводства ссужает деньги, с своей стороны ссужает их другой части агентов воспроизводства, причем банкир этот оказывается в роли источника всяких благ и в то же время в качестве посредника совершенно забирает в свои руки распоряжение этим капиталом» (К., III—2, 44). Что коммерческий кредит есть своеобразное движение денежной формы капитала (такое движение, в котором ссудный капитал и промышленный капитал тождественны), с особенной наглядностью обнаруживается в категории кредитных денег: коммерческий кредит должен найти и находит для себя соответственную его природе денежную материализацию.

Маркс имел, след., полное основание в своем анализе кредитной формы капитала исходить из капитала, приносящего проценты, в «его непосредственной форме», т. е. из «денежного капитала, приносящего проценты», ибо «другие формы капитала, приносящего проценты, выводятся из этой формы и предполагают ее» (К., III—1, 379). Этим принципом будем и мы руководиться при изложении—в следующей главе—марксова исследования формы ссудного капитала. Здесь же следует подчеркнуть, что обобщение формы ссудного капитала, характерное для капиталистического кредита, важно для строения кредитной системы не только тем, что составляет самую глубокую, а след., и действительно исходную основу единства централизованного процесса кредитной системы, составляет *условие самой возможности этого единства*, т. к. сводит все виды капиталистического кредита к некоей однокачественности. Для строения кредитной системы играет

кроме того, огромную роль *универсализация денежной формы кредита*, с которой связано это обобщение формы ссудного капитала, и которая проявляется, как уже отмечено, в возникновении особой категории кредитных денег. Проблема взаимоотношения денежной системы и кредитной системы оказывается поэтому проблемой всей кредитной системы, а не только той ее части, которая связана с движением собственно-ссудного капитала (непосредственно денежного капитала, приносящего проценты).

Б. ДЕНЕЖНАЯ СИСТЕМА И КРЕДИТНАЯ СИСТЕМА

В первой главе было подробно показано, что капиталистический кредит представляет развитие и модификацию денег. Являясь имманентным капиталистическому способу производства методом преодоления границ, поставленных капитализму об'емом денежного обращения (количество денег, помноженное на скорость их оборота), кредит не есть, однако, уничтожение, снятие этих границ, кредит лишь раздвигает их, будучи по природе своей не чем иным, как модификацией этих границ. Кредитная система представляет надстройку над денежной системой.

Большинство ошибок и извращений в вопросах кредита имеет своим источником непонимание именно связи кредитной системы с денежной. Трудно указать хоть одного экономиста, который бы понимал внутренний механизм и систему направлений этой связи в решающих пунктах. Между тем те предварительные наброски, которые Маркс оставил по вопросам кредита, содержат научную постановку этих проблем, притом постановку, в существенных частях дающую их разрешение. Решение, как всегда у Маркса, идет из одного центра, и только буржуазный характер политической экономии мог привести к тому, что эта сокровищница идей была оставлена без внимания, с тем, чтобы спустя десятки лет какой-нибудь очередной принц от науки мог эмпирически наткнуться на тот или иной конец нитки и провозгласить это своим теоретическим открытием, не понимая ни происхождения пойманного им кончика, ни связи его с системой денег и кредита в целом: тогда как у Маркса эта Америка давно открыта и научно исследована во всех существенных направлениях. *

Три обстоятельства встают перед буржуазным умом преградой по пути разрешения проблемы взаимоотношения кредитной и денежной систем.

Во-первых, тот факт, что кредит активно воздействует на денежную систему и меняет ее структуру и ее движение. Для механически мыслящего ума, в сущности, одного этого факта достаточно, чтобы видеть в кредите самостоятельное начало, самостоятельное по отношению денег, и подходить к нашей проблеме, как к взаимодействию двух начал.

Во-вторых, то обстоятельство, что кредит заменяет деньги, делает в известной мере излишними деньги, окончательно закрепляет эту

иллюзию о самостоятельности кредита по отношению денег—появляется тенденция противопоставлять кредит деньгам. Доходят даже до того, что отрицают генетическую связь кредита с обменом, в чем якобы и проявляется принципиальное отличие денег от кредита.

В-третьих, то обстоятельство, что с развитием капитализма роль и удельный вес кредита возрастают, приводит к представлению, что кредит якобы призван преодолеть деньги, что кредитная система идет на смену денежной системе или, в другом варианте, что денежная система есть лишь переход к кредитной системе. Отсюда бесчисленные кредитные утопии, мечты о кредитной форме хозяйства и т. д.

Меж тем все эти перепутанные изображения порождаются метафизическим кривым зеркалом фетишистической науки. Диалектический анализ взаимоотношений между базисом—денежной системой и надстройкой—кредитной системой (обратные воздействия надстройки на базис не противоречат, а прямо-таки входят в природу диалектической постановки проблемы) расставляет всех и все по местам.

Мы видели в первой главе, что формы кредита представляют методы экономизирования денег и что именно в этом заключается реальное содержание процесса раздвижения пределов, возникающих для капиталистической системы из ограниченности денежных источников; больше того: «все методы, сберегающие средства обращения, построены на кредите» (К., III, 2—59). Но кредит может экономить действительные деньги двояко: на пути развертывания системы кредитных операций и на пути создания кредитных денег. Если эти две проблемы дополнить вопросом о золоте, как базисе кредитной системы, то получатся три рубрики, под которыми раскрывается взаимоотношение денежной и кредитной систем капитализма.

1. Экономизирование денег посредством кредитных операций

Маркс видит в этой теме три вопроса.

1) В какой зависимости находится количество ссудного капитала от количества обращения? «Под количеством обращения мы понимаем здесь сумму всех находящихся и обращающихся в стране банкнот и металлических денег, включая слитки благородных металлов» (К., III—2, 37). Естественно, при наличии собственно бумажных денег и они должны быть включены в эту сумму. Ограничен ли ссудный капитал этим количеством обращения? Нет. «Масса ссужаемого капитала отлична и независима от массы обращающихся денег» (ib., 38).

Но ссудный капитал есть лишь особая экономическая форма денежного капитала, капитала в денежной форме. Как же возможно, чтобы сумма капитала, находящегося в денежной форме, превосходила совокупную денежную массу страны?

Ответ в наиболее общем виде таков:

«Prima facie ссудный капитал всегда существует в форме денег, впоследствии в форме требования денег, причем деньги, в виде которых он первоначально существует, принимают теперь в руках заем-

щика действительную денежную форму. Для кредитора ссудный капитал превратился в право на получение денег, в титул собственности. Одна и та же масса действительных денег может поэтому представлять весьма различные массы денежного капитала. Деньги... становятся ссудным капиталом при помощи простого акта ссуды, при помощи превращения их в вклад, раз мы предположим развитую систему кредита. Вклад есть денежный капитал для вкладчика» (К., III—2, 48). Отсюда—«простая возможность образования крупных вкладов при сравнительно небольшом количестве средств обращения зависит исключительно от: 1) числа покупок и платежей, совершаемых при помощи одного и того же денежного знака, 2) числа его обратных возвращений в банк в качестве вклада, причем его повторная функция платежного и покупательного средства осуществляется при посредстве возобновленного превращения в банковый вклад» (К., III—2, 38—39)¹.

Вот почему:

«Если даже предположить, что формой существования ссудного капитала является исключительно форма действительных денег, золота или серебра, товаров, вещество которых служит мерилем стоимостей, то и в этом случае значительная часть этого денежного капитала неизбежно будет фиктивной, т. е. простыми титулами стоимости совершенно так же, как знаки стоимости... Поскольку деньги превращаются в ссудный капитал, а одна и та же сумма денег повторно представляет ссудный капитал,—ясно, что они лишь в одном пункте существуют как металлические деньги; во всех других пунктах они существуют лишь в форме притязаний на капитал» (ib., 47).

¹ Вот более подробная формулировка этого положения:

«Насколько часто один и тот же денежный знак может фигурировать в качестве ссудного капитала, всецело зависит от того:

1) насколько часто он реализует товарные стоимости в процессах продажи и платежа... Насколько часто он переходит в другие руки в качестве реализованной стоимости, будет ли это стоимость капитала или дохода, зависит, очевидно, от размеров и числа действительных оборотов;

2) это зависит от экономии в платежах и от развития и организации кредитного дела;

3) наконец, от взаимной связи между различными кредитами и быстроты их функционирования, причем денежная масса, осевшая в одном месте в виде вклада, тотчас же снова выходит в другом в виде займа» (К., III, 2—47).

Следующий пример Маркса может поистине считаться классическим: «Мелкий торговец еженедельно вкладывает у своего банкира 100 фунтов стерлингов деньгами; банкир выплачивает ими часть вклада фабриканта; последний платит ими своим рабочим; рабочие платят ими мелкому торговцу, который снова вносит их в банк. Вложенные мелким торговцем 100 фунтов послужили т. о. во-первых, для уплаты вклада фабриканту, во-вторых, для оплаты рабочих, в-третьих, для платежа самому мелкому торговцу, в-четвертых, для того, чтобы вложить в банк новую часть денежного капитала того же самого розничного торговца; т. о., если он сам не будет пользоваться вложенными им в банк деньгами, то по истечении 20 недель его вклад при помощи одних и тех же 100 фунтов достигнет 2000 фунтов» (К., III—2, 39).

Эта же проблема в отношении банкнотной эмиссии нашла у Маркса также прекрасные формулировки. См. К., III, I, стр. 440—441, ответ на вопрос: «Как может банк, выпускающий банкноты, увеличивать сумму выдаваемых им ссуд, не увеличивая выпуска своих банкнот?». Ср. также показание Тука перед комиссией лордов 1848 г., сочувственно приводимое Марксом в К., III—2, стр. 80.

2) Итак, скорость обращения денег одна из основных причин, освобождающих кредитную экспансию от размеров денежного обращения. Но в то же время сама скорость обращения денег есть величина, зависящая от развития кредита. Маркс сочувственно цитирует фразу из «The Currency Question Reviewed»: «Кредит есть великий регулятор быстроты обращения» (К., III—2, 59). На чрезвычайно четком примере Маркс показывает, как «благодаря тому, что данная сумма денег переходила из рук в руки—в качестве вклада и дисконта—без посредства действительных покупок и продаж, благодаря этому ускорило ее движение в ряде действительных торговых актов купли-продажи» (К., III—2, 61)¹.

3) Объем денежного обращения есть произведение количества обращения на скорость его. Мы видели, что размах кредитных операций, с одной стороны, независим от количества обращения, с другой стороны, определяясь скоростью обращения денег, сам же является важным фактором ускорения этого обращения. Таким образом, даже *поскольку кредитные операции совершаются помощью действительного передвижения денег*, их развертывание независимо от наличного в стране денежного обращения. Но одновременно и параллельно с развитием кредитной системы развивается и зачетная функция кредита, состоящая в «устранении денег из обращения и всецело основанная на функции денег как платежного средства» (К., II—2, 60). Именно в этой своей функции кредит наиболее независим от денежного обращения, именно с нею связываются почти все «теории» кредитного преодоления денежного хозяйства. И именно в этой форме кредита наиболее ярко сказывается выполняемая им функция экономизатора денег. «Простое экономизирование средств обращения достигает наивысшего развития в Clearing House, в простом обмене векселей, которым истек срок, и в преобладающей функции денег как платежного средства только для погашения излишков» (59, 60). «Посредством этого экономизирования повышается дееспособность средств обращения, требуется меньшее их количество исключительно для уплаты разниц по балансу» (60).

¹ Вот этот пример Маркса:

«Кредит способствует быстроте обращения и, следовательно, повышает ее. Так, напр., отдельная монета может обслужить лишь пять оборотов и, функционируя как простое средство обращения без посредства кредита, дольше остается в каждых отдельных руках, если А, ее первоначальный владелец, делает покупку у В, В у С, С у D, D у E, E у F, и, следовательно, ее переход из одних рук в другие происходит лишь при посредстве действительных покупок и продаж. Если же В помещает деньги, уплаченные ему А, у своего банкира в виде вклада, а банкир выдает их С, дисконтируя его вексель, С делает покупку у D, D снова вносит деньги в виде вклада своему банкиру, последний ссужает их E, который совершает покупку у F, то самая быстрота движения денег, в качестве простого средства обращения (покупательного средства), обусловлена здесь несколькими кредитными операциями: В помещает деньги вкладом у банкира, последний дисконтирует вексель для С, D делает вклад у своего банкира, банкир дисконтирует вексель для E, следовательно, мы имеем четыре кредитных операции. Без этих кредитных операций данный денежный знак не был бы в состоянии совершить в течение данного времени одну за другою пять отдельных покупок».

2. Экономизирование денег посредством создания кредитных (торговых и собственно-кредитных) денег

Нам предстоит сейчас заняться теми кредитными операциями, которые материализуются в виде специфических кредитных орудий обращения. Самая возможность такой материализации кредитных отношений, и уж, конечно, реализация этой возможности придает этим категориям кредитных операций содержание, принципиально отличное от вышерассмотренных функций. То обстоятельство, что в действительности эти последние тесно связаны с обращением кредитных денег и в огромном большинстве случаев посредством этого обращения осуществляются, ничего не меняет в принципиальной стороне дела. Теоретически (но в значительной мере и практически) имеются *два типа методов* экономизирования денег помощью кредита. Совершенно естественно, что различия методов теряется в общем результате—экономии на наличных деньгах (resp. расширении производственной системы независимо от наличных денег), но самый результат может быть понят лишь из анализа путей, к нему приведших. Политическая экономия знает нечто подобное в проблеме прибавочной стоимости, где она прибегает к различению абсолютной и относительной прибавочной стоимости.

Рассмотрим подробнее платежную функцию денег. Формула Т—Д—Т разорвалась, первый метаморфоз (продажа товара) отделился от второго (покупка другого товара). Чтобы могла возникнуть платежная функция, дело не должно ограничиться разрывом метаморфозов (условие достаточное для образования сокровища),—требуется еще развитие таких отношений товарооборота, когда второй метаморфоз совершается раньше первого. Известен пример Маркса: «Крестьянин покупает у ткача 20 арш. холста ценою в 2 ф. стерл., но не уплачивает этих денег. У него нет необходимых для этого 2 ф. стерл., потому что он еще не продал своей пшеницы. Цена квартера пшеницы пусть будет тоже 2 фун. стерл. Крестьянин превращает свою пшеницу в холст, прежде чем он превратил ее в деньги, следовательно, второй товарный метаморфоз он совершает раньше первого. Затем он продает пшеницу за 2 фунта стерл., которые и уплачивает ткачу в условленный срок» (К., I—105). Следует особенно подчеркнуть, что формальная модификация товарооборота развивается из совершенно реальных оснований, создаваемых историческим процессом, и что, следовательно, мы здесь вовсе не орудуем голыми логическими конструкциями. И тот же хозяйственный процесс, который ставит проблему, должен выработать способ сделать второй шаг раньше первого. Зарождение и развитие платежной функции денег и есть решение этого парадокса. Во втором метаморфозе—покупке—в обмен на товар выступают не наличные деньги, а *обещание уплатить* наличные деньги, ибо это единственно мыслимый способ приобрести товар, когда еще не приобретены деньги для возмещения его стоимости. Что касается денег, то они должны будут в условленное время *заменить* обещание уплаты,

но это может произойти лишь после совершения первого метаморфоза.

Фантастическая проблема сделать второй шаг раньше первого разрешена, невероятное стало возможным вследствие того, что деньги, непосредственно являющиеся орудием обращения, выполняют эту свою функцию идеально. Реальное содержание этого идеального функционирования денег в том, что они отчуждают от себя функцию средства обращения, передавая ее особо возникающей категории частно-правового притязания на деньги (а эта категория выражает особую форму стоимости, ибо долговое требование есть форма стоимости)¹—и одновременно, и тем самым развивают для себя совершенно иную функцию—платежного средства. Именно в этом смысле обращение теперь осуществилось без денег, помимо денег, следовательно, только потому, что оно должно завершиться деньгами². Что характеризует этот процесс при развитых товарных отношениях (следовательно, и при капитализме) и что имеет определяющее значение для построения и развертывания всего механизма функционирования платежного средства, это—материализация категории частно-правового притязания на деньги в особых долговых расписках, которые, раз возникнув, сами начинают описывать движения, присущие природным средствам обращения—деньгам, перенося при этом долговые требования с одного лица на другое. «Все такого рода платежные обязательства мы можем для краткости подвести под общую категорию векселей... Они-то и образуют собственно—торговые деньги» (К., III—1, 386), ибо они непосредственно элиминированы торговым оборотом.

Посмотрим на дело со стороны совокупного общественного обращения. Предполагая скорость обращения денег=1, формула количества средств обращения будет выражаться просто суммой цен обращающихся товаров. Пусть это будет 1000 единиц. Возникновение платежной функции денег не может непосредственно отразиться ни на этой сумме в 1000, ни на количестве средств обращения, нужных для приведения в движение этой суммы (ускорение оборота мы вправе оставить здесь в стороне). Но платежная функция денег означает, как мы только что показали, такой способ обращения товаров, при котором приведение их в обращение происходит без того, чтобы одновременно произошла действительная реализация цены. Для реализации своей цены товар должен превратиться в наличные деньги; следовательно, поскольку обращение товара связано с реализацией его

¹ См. К., III—1, 413. Не следует, однако, забывать, что эта форма стоимости есть, по существу, лишь «торговый знак стоимости» (417), который должен в свое время превратиться в абсолютную форму стоимости—в деньги.

² «Хотя деньги существуют лишь в виде денежного обязательства покупателя, они осуществляют переход товара из рук в руки. Только по наступлении срока платежа, платежное средство действительно вступает в обращение, т. е. переходит из рук покупателя в руки продавца... Средство платежа вступает в процесс обращения, но лишь после того, как товар уже выступил из него. Деньги уже не обслуживают процесс. Они самостоятельно завершают его, как абсолютное бытие меновой стоимости, как всеобщий товар» (К., I—105).

цены, оно не может осуществиться без денег. Но сам по себе акт обращения может быть выполнен и без помощи денег, коль скоро в историческом процессе создались условия (и необходимость) такого развития формы стоимости товара, которое состоит в отрыве момента обращения товара, т. е. одевания его в денежную форму, от момента реализации его цены, или, если сказать точнее, в распадение процесса реализации цены товара на два акта: идеальную реализацию, достаточную для осуществления обращения товара, и действительную реализацию, т. е. превращение товара в действительные деньги¹. Но это значит, что развитие платежной функции прежде всего позволяет известную часть обращающихся товаров приводить в движение при посредстве долговых расписок, что уменьшает количество денег, нужных для обращения. Мы имеем попрежнему товарооборот=1000 и попрежнему ему должны соответствовать 1000 средств обращения. Но эта сумма средств обращения теперь делится между наличными деньгами и торговыми деньгами, что означает—если мы возьмем расширяющуюся хозяйственную систему—возможность разворачивания товарооборота далеко за пределы, указываемые массой наличных денег. Это находит себе отражение в изменении формулы количества денег, входящих в обращение, которая должна теперь учитывать все формы экономии действительных денег, проистекающие от обращения торговых денег.

Но идеальная реализация товара при обмене его на обещание денег есть незавершенная реализация. Торговые деньги, имеющиеся теперь у продавца вместо товара, это—частные деньги, которым необходимо превратиться в общественные. С другой стороны, должник-покупатель дал взамен товара мнимый эквивалент в качестве временного суррогата, чтобы получить возможность заменить его действительными деньгами². Вот почему «превращение товара в образ его стоимости, в деньги, становится теперь общественной необходимостью, вынуждаемой у товаропроизводителя независимо от его потребности и его личных склонностей. Эта необходимость возникает из отношений самого процесса обращения» (К., I—105). И критический пункт платежной функции состоит как раз в превращении частных средств обращения, каковыми являются все виды торговых денег, в общественно значимые. А это значит развязывание, растворение, самоустранение «связанных денег» в абсолютно-всеобщих, свободных, действительных деньгах.

Торговые деньги должны рано или поздно вырваться из тесной скорлупы частных орудий обращения—они пред'являются к оплате, т. е. к обмену на общественно признанные деньги. Тем самым их

¹ «С развитием товарного обращения развиваются условия, при которых отчуждение товаров отделяется во времени от реализации их цены» (К., I—103) или: «Живой процесс двусторонней полярной противоположности снова раскалывается в своем осуществлении. Продавец действительно отчуждает товар, но реализует его цену уже только в идее. Он продал его по его цене, которая, однако, будет реализована лишь позднее» («К крит.», 139. Ср. также К., III—1, 354).

² Ибо здесь «купля реализуется продажей» (ib., 354).

жизненная миссия кончается, а вместе с нею к концу приходит и жизненная сила: оплаченный вексель представляет пустую бумажку. Этот путь кредитных денег, следовательно, есть путь к смерти. Но капиталистический способ производства, этот истинный питомник всяких форм кредита, сотворил для кредитных денег еще иную дорогу к общественной значимости, такую, на которой частные, непосредственно цепляющиеся за торговый оборот кредитные деньги перевоплощаются в высшее существо, в свободные, всеми признанные, авторитетные—но кредитные же деньги: дорогу жизни.

Вообще говоря, рождение денег есть развитие их общественной значимости. Эта глубокая идея Маркса доказана им схемой трех форм стоимости (простой, развернутой, всеобщей). Гениальность марксова доказательства заключается в том, что логическое становление категории денег прощупано как сколок исторического становления, или, если взглянуть на дело с обратной стороны, исторический процесс выработки стоимости формы продукта человеческого труда отлит в пластические формы диалектического разворачивания логической схемы. Быть может, глубже всего Маркс выразил идею своей теории денег, когда сказал: «Трудность состоит не в том, чтобы понять, что деньги—товар, а в том, чтобы выяснить, как и почему товар становится деньгами» (К., I—60). Т. е., как и почему необходимо выделение общественно-значимого выражения и воплощения стоимости для того, чтобы форма товара могла реально осуществиться... Естественно, что и те покупательные средства, которые порождаются кредитом и которые мы до сих пор называли торговыми или кредитными деньгами, должны приобрести самостоятельную форму общественной значимости, если им суждено приобрести функции наличных денег. Вексель должен превратиться в банкноту¹, чтобы могли возникнуть «связанные деньги», частные деньги, т. е., строго говоря, не деньги, а зародыш денег, первая стадия их, а еще точнее: основа для развития денег. «Подобно тому, как взаимные авансирования производителей и купцов друг другу образуют собственно основание кредита, так и орудие их обращения, вексель, образует основу собственно кредитных денег, банкнот и т. д. Последние имеют своим основанием не денежное обращение металлических денег или государственных бумажных денег, а вексельное обращение» (К., III—1, 386).

Сложная природа банкноты вызывает бесчисленные дискуссии. Еще Маркс подчеркивал, что эта форма кредита «кажется профану особенно поразительной и важной, во-первых, потому, что этого рода кредитные деньги переходят из простого торгового обращения в общее обращение и здесь функционируют как деньги; а также и потому, что

¹ «Банкнота есть не что иное, как вексель на банкира, по которому пред'явитель во всякое время может получить деньги и которым банкир замещает частные векселя» (К., III—1, 389), а «учет векселей лишь—превращение этих кредитных денег (т. е. векселей—Э. Л.) в другие деньги, а именно в банкноты» (ib., 413). «Учет только осуществляет превращение денежных требований из одной формы в другую или в действительные деньги» (там же).

в большинстве стран главные банки, выпускающие банкноты, представляя удивительное смешение национального банка и частного банка, в действительности имеют за собой национальный кредит, а их банкноты являются в большей или меньшей степени законным платежным средством, потому что здесь становится явным, что именно кредит есть то, чем торгует банкир, т. к. банкнота представляет только кредитный знак, находящийся в обращении» (К., III—1, 389—390).

Туман, скрывающий банкноту, проясняется и ее сложная загадочность теоретически уясняется, как только понято, что банкнота представляет форму общественной значимости кредитных, т. е. по самой природе частных, денег. Отсюда, во-первых, ряд переходных видов (банкноты провинциальных банков, вообще—децентрализованных банкнотной эмиссии; с другой стороны—банковские акцепты)¹; отсюда, во-вторых, частно-правовая организация общественной по существу функции; отсюда, в-третьих, всеобщая тенденция эмиссионных систем к единому банку и к сращению (resp. слиянию) с государством; отсюда же, в-четвертых, двойственный источник банкноты: эмиссия под учетную операцию и т. п. и эмиссия под золото.

Не место в общей теории кредита заниматься законами банкнотного обращения—достаточно указать основные принципы. Их три:

1) «При рассмотрении простого денежного обращения было показано, что масса действительно обращающихся денег, предполагая быстроту обращения и степень экономии в платежах величинами данными, определяется ценами товаров и количеством сделок. Тот же самый закон имеет место при обращении банкнот» (К., III—2, 61). «Влияние на количество обращающихся денег—банкнот и золота—оказывают лишь потребности самого торгового оборота» (65).

2) Но экономический способ регулирования обращения банкнот потребностями оборота принципиально отличен от регулирования золотого обращения. В последнем—притягивающая и отталкивающая сила сокровища, в первом—экономический закон, согласно которому «каждый избыточный билет тотчас же возвращается к выпустившему его учреждению»².

3) «Размер обращения векселей не оказывает влияния на размер обращения банкнот и подчиняется влиянию со стороны этого послед-

¹ Об оригинальности и исторической эрудиции современных «модернизаторов» теории кредита можно судить по следующему месту из Gilbert'a, цитируемому Марксом: «Ограничение размеров обращения банкнот регулярно увеличивает размеры обращения векселей. Эти векселя двойного рода: торговые векселя и банковские векселя... раз в деньгах чувствуется недостаток, лица, ссужающие деньги, говорят: «Пишите на нас вексель и мы акцептуем его», и если какой-либо провинциальный банкир дисконтирует вексель одному из своих клиентов, он выплачивает ему не наличными деньгами, а выдает свою собственную тратту на 21 день на своего Лондонского агента. Эти векселя служат в качестве средства обращения» (К., III—2, 80).

² Маркс приводит следующую формулировку Тука перед комиссией лордов: «Банк не имеет возможности произвольно увеличивать количество банкнот, находящихся в руках публики; он имеет возможность уменьшить количество банкнот, обращающихся среди публики, но лишь при помощи некоторой весьма насильственной операции» (ib., 64).

него лишь в периоды недостатка денег, когда возрастает количество векселей и ухудшается их качество. Наконец, в момент кризиса вексельное обращение совершенно отказывается служить; никому не нужны обещания платежа, всякий требует платежа наличными; только банкнота сохраняет в Англии, по крайней мере, до настоящего времени, постоянную способность к обращению, т. к. за Английским банком стоит нация со всем своим богатством» (81). Маркс, следовательно, считал размен на золото конститутивным признаком банкноты. Но разве могло быть иначе? Для банкноты, как для формы *общественной значимости* кредитных денег, недостаточна частно-хозяйственная гарантия. Общественная гарантия вовсе не совпадает с суммой частно-хозяйственных гарантий, она, следовательно, не может быть создана одним вексельным портфелем, отвечающим эмиссии. Очень глубоко Маркс определяет обусловленность устойчивости банкноты во время кризиса, т. е. по сути дела—условия отмежевания банкноты от первоначальных кредитных денег (векселей): а) оговорка, что английская банкнота сохраняет во время кризиса способность к обращению *«по крайней мере до настоящего времени»* и б) «сохраняет эту способность, т. к. за Английским банком стоит нация со всем своим богатством». Это «богатство наций» имеет своим представителем золото, лежащее в банковских подвалах, и только через это золото и может давать поддержку банкноте¹.

Экономические корни векселя, как мы видели, в том, что на основе кредита имеется возможность временно обходиться без общественно-значимого покупательного средства. Кредит делает возможным обращение товаров при посредстве частных «денег» торгового оборота—но лишь при условии, что *через известное время* эти «торговые деньги» будут замещены наличными, т. е. общественно-значимыми деньгами. *Принцип торговых денег*, следовательно, *отсроченная общественная значимость*. Но кредит развивает—правда, это предполагает более высокую его ступень—иную еще модификацию товарного обращения, еще более удаленную от исходной формы—купли-продажи за наличные—и вместе с тем от нее неотрывную. Ибо *чековое обращение основано не на отсрочке общественной значимости денег, а на освобождении от нее*. Поскольку частный кредитный документ—чек выполняет зачетную функцию (а это и есть его действительная экономическая функция), *деньги не нужны* для осуществления движения товаров и для реализации их цен. «Простое право на получение денег может замещать действительные деньги лишь в том случае, если долговые требования уравниваются» (К., III—2, 49). Кредитный суррогат денег выполнил абсолютную функцию денег и выполнил ее сполна. Но это стало возможным лишь потому, что чек есть распоряжение о передаче

¹ Ср. также: «Кредитные деньги лишь постольку являются деньгами, поскольку они представляют действительные деньги в количестве, соответствующем абсолютной величине их номинальной стоимости. Вместе с отливом золота возможность превратить их в деньги становится проблематичной, т. е. становится проблематичным их тождество с действительным золотом. Отсюда принудительные меры, повышение размера процента и т. д., с целью обеспечить условия обмена на золото» (К., III—2, стр. 55).

некоторой *денежной суммы, существующей в форме вклада в банке*. Если бы у покупателя не было денег в банке, невозможно было бы безденежное обращение товаров *вне банка*. То обстоятельство, что банк лишь меняет записи в книгах, но не перекладывает пачку банкнот из сейфа одного клиента в сейф другого, не меняет основного экономического факта: что безденежное обращение товаров здесь обусловлено наличием денежного банковского вклада. «Вклад взаимно погасил долговые требования без посредства денег» (49). Расхождение между количеством обращения и массой денежного капитала собранного в виде депозитов, не может отнять у денежного капитала его непосредственно денежных функций. Что касается «мнимых вкладов»¹, то, не вдаваясь в рассмотрение этой категории, исследование которой будет дано в главе о ссудном капитале, достаточно здесь отметить: поскольку чек распоряжается таким «мнимым вкладом», покупатель расплачивается тем кредитом, которым он пользуется в банке, другими словами—платеж берет на себя банк. И в этом случае, следовательно, безденежное товарное обращение покоится на имеющихся в банке деньгах.

Можно ли сказать, что средством обращения являются не чеки, а депозиты? Современные экономисты, мечтающие об организованном обращении, надеются этой маленькой перестановочкой перенести сферу обращения из широкого мира в свободно управляемое здание банка и расчетной палаты. Однако поверхностность подмены нетрудно обнаруживается. Теоретически в чековом обращении мы имеем такую модификацию денежного обращения, когда деньги на основе кредита отчуждают от себя функцию средства обращения, передавая ее частному кредитному документу—чеку, но оставаясь при этом незаменимой базой для функционирования кредитного средства обращения. Депозит есть та форма, в которой деньги, на основе кредита удалившись от обращения, отказавшись быть средством обращения, сохраняют за собою контроль над функционированием заменяющего их в качестве средства обращения кредитного документа—чека. В случае векселя, как показано, контроль денег над их агентом в обращении—торговыми деньгами—заключался в проблеме своевременного превращения этих частных кредитных денег в общественно-значимые деньги; это, так сказать, *последующий контроль*. Но так как чековое обращение построено на свободе от проблемы общественной значимости, здесь *контроль* должен быть *текущим*. Именно этим объясня-

¹ Вот определение этой категории у Маркса: «Вместо выдачи бумажных билетов, банк может открыть лицу А кредит по своим счетам, причем А, должник банка, становится его мнимым вкладчиком. Он платит своим кредиторам чеками на банк, а получатель этих чеков в свою очередь платит ими своему банкиру, который обменивает их в расчетной палате на чеки, выданные на него. В этом случае дело сбходится без всякого участия банкнот, и вся сделка ограничивается тем, что для банка требования, которые он должен исполнить, покрываются чеками на него самого, а его действительное вознаграждение состоит в кредитном требовании на А. В этом случае банк выдал ему в ссуду часть своего банковского капитала, потому что он выдал свои собственные долговые требования» (К., III—1, стр. 443).

ются все конкретные черты чекового обращения, в которых буржуазный экономист так жадно ищет корни проблемы и на которых он строит свои сны об экономической гармонии: чрезвычайно короткий срок, необходимость акцепта и т. д.

Заканчивая общую теорию кредитных денег, подчеркнем, что в торговом векселе, банкноте и чеке проявляются три модификации денег на основе кредита, приводящие к созданию кредитных орудий обращения. Отправной точкой во всех трех случаях является платежная функция денег. Деньги как бы отпускают от себя свою функцию покупательного средства, передоверяя ее кредитному документу. Центробежная сила уходящей функции различна по величине в этих трех случаях: больше всего в чеке, меньше в банкноте и всего меньше в векселе. Центробежная сила здесь—освобождение от проблемы общественной значимости: чек безразличен к этой проблеме; банкнота отказывается от действительного (абсолютного) разрешения проблемы общественной значимости, но дает взамен относительное ее разрешение, поскольку оно осуществимо собственными методами кредита; вексель только отсрочил разрешение проблемы общественной значимости. Но устойчивость всякой формы предполагает компенсацию центробежной силы равновеликою центростремительной силой. Центростремительная сила здесь—способ, которым деньги гарантируют или, как мы выше выражались, контролируют свою обособившуюся покупательную функцию. Наибольшую центростремительную силу обнаруживает чековая система: постоянное наличие денежного вклада в банке. Меньше—центростремительная сила банкноты: только добавочная гарантия золотого запаса¹. Наименьшая центростремительная сила у вексельного обращения: необходимость наличных денег лишь в некоторые определенные моменты. То обстоятельство, что качественные отличия трех видов кредитных орудий обращения так непосредственно сводятся к количественным различиям, объясняет и обилие переходных форм. И, разумеется, справедливость сформулированных здесь различий принципиально от содержания векселя, банкноты и чека не опровергается тем, что вексель может выступать с функциями банкноты (банковский акцепт) или чека (характеризованный выше «простой обмен векселей, которым истек срок»), ни также тем, что чек может обнаруживать свойства банкноты (чек эмиссионного банка) или векселя (передача чека), ни также тем, что банкнота иногда сохраняет лишь свойства простого векселя (недостаточное золотое обеспечение).

3. Золото—базис кредитной системы

«Монетарная система в основе своей—католический, кредитная система—протестантский институт. «The Scotch hate gold» («шотландец

¹ Ср. высмеивание Марксом воплей напуганных коммерсантов перед парламентской комиссией 1857 о необходимости такой организации денежной системы, «чтобы торговые векселя несомненной солидности обменивались на деньги так же легко, как банкноты». Маркс замечает: «это значит обмен торговых векселей в параллель размену банкнот» (К., III—2, 76).

ненавидит золото»). В бумажных деньгах денежное бытие товаров является лишь общественным бытием. Это—та *вера*, которая необходима и достаточна для спасения души,—вера в денежную стоимость, как имманентный дух товаров, вера в данный способ производства и его предустановленный порядок, вера в отдельных агентов производства, как простое олицетворение самовозрастающего по своей стоимости капитала. Но, как протестантизм не эмансипировался от основ католицизма, так и кредитная система не эмансипировалась от базиса монетарной системы» (К., III—2, 133). Это последнее положение, что «благородный металл—базис всей кредитной системы» (ib., 117), мы должны сейчас рассмотреть.

Кредитная система—развитие и надстройка денежной системы. Уже одно это обстоятельство, так обще сформулированное, указывает на необходимость связи (пусть посредственной) между кредитной системой и костяком денежной системы, каковым всегда является благородный металл¹. Однако это совершенно общее положение нуждается в конкретизации. Кредит во всех своих формах представляет более или менее далеко ушедшую модификацию денег, и притом в их функции платежного средства. Общая теория денег устанавливает, что это такая их функция, для выполнения которой они должны выступать в своей денежной сущности—в металлической телесности. Символические (бумажные) деньги могут сослужить службу платежного средства лишь при наличии некоторых—и вполне определенных—условий стабильности выраженной в них ценности, а эти условия—не что иное, как условия стабильного соотношения знака ценности с ценностью золота, которую он призван представлять. Модификация категории не может убить ее основного содержания и всегда касается лишь форм проявления и способов действия этого содержания. Следовательно, золотой базис заключен в самом понятии кредитной системы. Маркс имел полное основание утверждать: «Деньги—в форме благородных металлов—образуют основу, от которой кредитное дело по самой природе своей никогда не может освободиться» (К., III—2, 147).

Но «функция денег как платежного средства заключает в себе непосредственное противоречие. Поскольку платежи уравниваются, деньги функционируют лишь идеально, как счетные деньги или мера стоимости. Поскольку же приходится производить действительные платежи, деньги выступают не как средство обращения, не как лишь мимолетный посредник в обмене веществ, а как индивидуальное воплощение общественного труда, как самостоятельное бытие меновой стоимости или абсолютный товар» (К., I—106—107). Изложенное здесь противоречие платежной функции не может не сохраниться в кредитной системе—только из «непосредственного противоречия» оно вырастает в чрезвычайно усложненную сеть зависимостей.

¹ «Процесс буржуазного производства овладевает прежде всего металлическим обращением, как готовым существующим органом, который, хотя и преобразовывается, однако всегда сохраняет свое основное строение» («К. крит. полит. эк.», 151. Курсив наш. Э. Л.).

Изучение этого механизма, связывающего золото с кредитной системой, естественно, должно быть начато анализом природы золотого базиса, как такового. Ряд легкомысленных теорий насчет независимости кредита от благородного металла об'ясняется в значительной мере тем, что не подвергается предварительному исследованию само золото, с которым теоретики берутся расправиться. Эти люди исходят при решении нашей проблемы из положения: «золото есть золото», т. е. кладут в основу своих теорий одно из тех общих мест, которые в самой своей правильности заключают свое опровержение. Между тем само золото, как экономическая категория, проходит не мало испытаний и превращений при господстве кредитной системы—и связь между золотым базисом и кредитной надстройкой насквозь диалектична.

Общая теория денег устанавливает: «Как для внутреннего обращения, так и для обращения на мировом рынке каждая страна нуждается в известном резервном фонде. Следовательно, функции сокровища возникают частью из функции денег как средства обращения и платежей на внутреннем рынке, частью из их функции как мировых денег» (К., I—113). Маркс подчеркивает: «Различные функции сокровища, которые я вывел из природы денег: его функция как резервного фонда платежных средств для срочных платежей внутри страны; как резервного фонда средств обращения; наконец, как резервного фонда мировых денег,—все эти функции возложены на один единственный резервный фонд» (К., III—1, стр. 440. Курсив наш. Э. Л.). В данной связи нас не интересует, расплылся ли этот резерв по хозяйственной периферии или в той или иной мере концентрирован. Что для нас важно, это то, что благородный металл по стихийным законам производственной системы собирается в единую экономически-гомогенную массу, носящую в себе возможность обслуживания любой из трех перечисленных функций и при этом не заключающую в себе ни одной части, неотрывно (т. е. по природе) срощенной с какою-либо одною из этих функций. Нечего распространяться, какое огромное значение имеет это обстоятельство. Эластичность в выполнении трех функций, которую золотой резерв капиталистической страны обнаруживает в реальном движении хозяйственного процесса, представляет не что иное, как текучесть пропорций, в которых золотой резерв распадается при выполнении этих функций обращения. Но свободная подвижность количественных пропорций внутри металлического резерва основана на абсолютной однокачественности (или, если угодно, на внутреннем качественном безразличии) самого резерва, который экономически составляет замкнутое воплощение общественного труда, самостоятельное бытие стоимости. Однако, проблема волнообразной подвижности долей, на которые делится единый металлический резерв соответственно указанным функциям, а следовательно, проблема границ этой подвижности относится к отделу о законе регулирования кредитной системы и здесь рассматриваться не может.

В данной связи имеет значение другое следствие единства и однокачественности золотого резерва. Именно, из этих свойств резерва вытекает возможность функционального перерождения золотого со-

кровища капиталистической страны. Эта возможность превращается в тенденцию к органической передвижке в относительном значении трех выполняемых резервом функций обращения. Происходит это в результате учащающегося закрепления и растущей концентрации резерва на обслуживании платежной функции,—явление, обусловленное расширением кредита¹.

Но и в сфере мирового обращения относительно растет значение резервного фонда *платежных* средств, ибо: «чем более развивается обмен товаров между различными национальными сферами обращения, тем более развивается и функция всемирных денег, как *платежного средства*, для сведения международного баланса» («К крит.» 149).

Развивающаяся кредитная система вносит, как видим, структурные изменения в тот золотой резерв, который она застает уже более или менее сложившимся органическим образованием денежного обращения. Что удивительного? Трансформируя денежное обращение, кредит воздействует и на золотой его механизм. Но дело этим не ограничивается. Развитие кредита вырабатывает совершенно *новую функцию золота*, которая возлагается все на тот же единственный резервный фонд,— «обеспечение уплаты вкладов и размена банкнот» (К., III—2, 107). Поэтому при развитой кредитной системе «тройное назначение запаса таково: 1) запасной фонд для международных платежей, или, короче, запасной фонд мировых денег; 2) запасной фонд для внутреннего металлического обращения, периодически расширяющегося и сокращающегося; 3) запасной фонд, обеспечивающий уплату вкладов и размена банкнот» (К., III—2, 107): «Эта последняя роль—добавляет Маркс—связана только с банковской функцией и не имеет никакого отношения к функциям денег как таковых». Но мы видели, что первые две из обозначенных здесь функций все в большей мере оказываются платежными функциями (чему, между прочим, в сфере внутреннего оборота содействует обслуживание покупательной функции символическими деньгами), т. е. все в большей мере связаны с кредитными отношениями. Можно себе представить, поэтому, поверхность экономистов, находящихся в кредите эманципацию от золота. Кредит свободен от золота! Но ведь кредит возлагает на металл новые функции и целиком перестраивает золотой базис обращения, приспособляя его к потребностям своего развития. Совершенно невежественны, поэтому, утверждения, что золото—это мертвый груз *денежной* системы, от которого кредит *принципиально* свободен. И кредит, эта модификация денег, нуждается в золотой опоре, поддерживающей, правда, лишь того, кто ей подчиняется. Но что кредит огромно уменьшает золотые издержки обращения²—это бесспорно.

¹ См. характеристику этого процесса в «К крит.», 146.

² «Золото и серебро, как денежные товары, представляют для общества издержки обращения, вытекающие лишь из общественной формы производства. Это—*faux frais* товарного производства вообще, возрастающие с развитием товарного производства и, в особенности, капиталистического производства. Это—часть общественного богатства, которую приходится приносить в жертву процессу обращения» (К., II—109).

Это природная экономическая функция кредита—и притом одна из важнейших.

Мы видели эту функцию в действии, когда рассматривали силу отталкивания кредита от золотого базиса: экономизирование наличных денег путем кредитных операций и путем создания кредитно-денежного обращения. Но здесь нас занимает сила притяжения кредита к золотому базису. В этом направлении также проявляется экономизаторская функция кредита—по следующим причинам.

Пока налицо непосредственная форма товарного обращения, золотой резерв страны представляет непосредственное же выделение или, если угодно, осадок самого обращения. «Во всех пунктах обращения накапливаются золотые и серебряные сокровища самых различных размеров» (К., I—99). Это дробное, периферийное строение металлического резерва есть адекватная форма стихийного регулирования обращения на его первоначальных ступенях¹; не требуется, следовательно, никаких дальнейших условий для выполнения резервом функций обращения. Представим себе теперь капиталистическое обращение, т. е. обращение не просто товаров, а товарных капиталов. Денежный осадок обращения, во-первых, выделяется в значительно более концентрированных массах: ведь перед нами относительно крупные размеры индивидуальных капиталов. Во-вторых, как подробно показано в первой главе, всякая сумма денег, остановившись в своем движении, представляет теперь капитал *in spe*, и «с развитием системы кредита, которое необходимо идет параллельно развитию крупной промышленности и капиталистического производства, деньги функционируют уже не как сокровище, а как капитал, однако не в руках их собственника, а другого капиталиста, которому они передаются в распоряжение» (К., II—155). Но это значит: стягивание бесчисленных индивидуальных золотых резервов, элиминируемых естественным ходом капиталистического обращения, в несколько центральных пунктов², а в тенденции—образование единого металлического резерва страны: «концентрация национального резервного фонда в единственном главном банке» (К., III—1, 440). Что степень централизации вообще банковского дела имеет при этом огромное значение, ясно без дальнейшего: ведь «от этого зависит, насколько благородный металл, накопленный в так наз. национальном банке, представляет национальный металлический запас в целом» (К., III—2, 106).

Но если назначение базиса денежной системы (в ее первоначальной форме) золотой резерв способен выполнять, оставаясь у своих истоков, разбросанных по периферии обращения, то для выполнения функции

¹ «Резервуары, в которых деньги накапливаются как сокровище, служат в то же время отводными и приводными каналами для находящихся в обращении денег; благодаря этому последние никогда не переполняют каналов самого обращения» (К., I—102—103).

² «В странах, с чисто-металлическим обращением или находящихся на степени неравнотного производства, сокровища чрезвычайно раздроблены и рассеяны по всей стране, тогда как в развитых буржуазных обществах они концентрируются в банковских резервуарах» («К. крит.», 137).

базиса кредитной системы бесчисленные золотые ручейки и потоки, повсеместно порождаемые общественным процессом капиталистического производства, должны быть влиты в единый резервуар. Достаточно представить себе концентрированность платежной функции денег при кредитной системе (расчетные палаты!), природу банкноты, депозитно-чековую систему, вексельный курс¹, чтобы необходимость централизации национального резерва выступила наглядно. Следовательно, то функциональное перерождение, которое резервный фонд претерпевает при кредитной системе, связано, как с предпосылками, с изменениями в форме строения этого фонда. Разрешение проблемы, как мы видели, дается здесь вместе с самой проблемой.

Но централизация резервного фонда благородных металлов открывает возможность их экономизирования. Отсюда следующий закон, сформулированный Марксом: «Страны развитого буржуазного производства ограничивают сокровища, массами скопляющиеся в банковских резервуарах, необходимым для их специфических функций минимумом» (К., I—114—115)². Что этот минимум чрезвычайно эластичен, Маркс прекрасно понимал. Он довольно подробно наметил конкретные проявления этой эластичности—тема, относящаяся к отделу о регулировании кредитной системы. Он пользуется выражением «средний минимум» (К., III—2, 107), «средний уровень» минимума (К., I—115), чтобы оттенить *подвижность* границы экономизирования золотого резерва в зависимости от конъюнктуры. Он иронизирует над «страхом современной банковской системы перед отливом золота», который «превосходит все, что когда-либо грезилось представителям монетарной системы, для которых благородный металл—единственное истинное богатство» (К., III—1, 438). А марксова критика английской системы достаточно известна³.

До сих пор мы рассматривали золотой резерв страны под углом зрения тех качественных и количественных характеристик, которые

¹ По поводу установления для шотландских и ирландских банков обязательства держать в резерве золото для покрытия банкнот, выпускаемых свыше известной нормы, Маркс, между прочим, пишет: «Таким образом возникла децентрализация национального металлического запаса, которая ослабила его способность исправлять неблагоприятный вексельный курс» (К., III—2, 99).

² См. также: «К крит.», 146 и 150 и К., III—440. Маркс обращает внимание на сообщение Локка: «насколько значительную часть находившихся вообще в обращении денег поглощали в Англии резервуары платежных средств именно в ту эпоху, когда банковое дело начинало развиваться» («К крит.», 146). Ср. также цитату из «Economist» за 1845 г., приводимую Марксом: «До учреждения банков сумма капитала, необходимая для функционирования орудия обращения, была во всякое время больше, чем этого требовало действительно товарное обращение» (К., III—1, 422).

³ Законодательные определения указанного в тексте минимума в общую теорию кредита не входят. Они относятся к области кредитной политики, и если соприкасаются с нашей работой, то только в отделе о регулировании кредитной системы.

он приобретает под воздействием кредитной системы, приспособляющей его к потребностям своего развития. Но каково воздействие золотого базиса на кредитную систему? В чем заключается «работа» золотого запаса в качестве базиса кредитной системы? И в чем незаменимость золота в качестве базиса для кредитной системы? Словом: *каков механизм, которым золото удерживает кредитную систему в поле своего воздействия и каковы природа и пути этого воздействия?* В частном случае и с точки зрения этого частного случая вопрос разбирался выше, когда речь шла о кредитных деньгах. Здесь требуется обобщенная постановка проблемы, как целого, и под углом зрения самой проблемы.

Сколько-нибудь конкретное разрешение этой проблемы не может быть дано в учении о строении кредитной системы, оно входит в закон регулирования последней. То, что в данной связи может и должно быть рассмотрено, это *принципы* функционирования механизма, связывающего золотой базис с кредитной надстройкой, и *общие формы*, в которых эти принципы проявляются.

а) *Внезапное*¹, *насильственное*² и *неизбежное*³ превращение кредитной системы в монетарную во время кризисов.

Для пояснения нельзя сделать ничего лучшего, чем привести изумительно богатую страницу из «Капитала».

«Чем отличаются золото и серебро от других форм богатства? Не величиной стоимости, т. к. эта последняя определяется количеством овеществленного в них труда. Они отличаются лишь как самостоятельное воплощение, как выражение *общественного* характера богатства. Следовательно, это его общественное бытие проявляется как нечто потустороннее, как вещь, предмет, товар, существующий рядом с действительными элементами общественного богатства и вне их. Пока производство идет нормальным ходом, это забывается. Кредит, также общественная форма богатства, вытесняет деньги и узурпирует их место. Именно доверие к общественному характеру производства заставляет относиться к денежной форме продуктов, как к чему-то мимолетному и лишь идеальному, как к простому представлению. Но как только кредит потрясен—а эта фаза неизбежно входит в цикл современной промышленности—вдруг оказывается, что все реальное богатство должно быть действительно и немедленно превращено в деньги, в золото и серебро,—требование безумное и, однако, неизбежно вырастающее из самой системы⁴. Между тем все золото и

¹ К., III—2, 77.

² «К крит.» 145.

³ К., III—2, 112.

⁴ Ср. также в I томе «Капитала»: В период кризиса «деньги внезапно и непосредственно превращаются из чисто идеальной формы счетных денег в звонкую монету. Теперь они уже не могут быть замещены обыденным товаром. Потребительная стоимость товара теряет свою стоимость, и стоимость товара исчезает пред лицом его собственной формы стоимости. Еще вчера буржуа, опьяненный расцветом промышленности, рассматривал деньги сквозь дымку просветительной философии и об'являл их пустой видимостью. «Только товар деньги». «Только

серебро, долженствующее удовлетворить этому чудовищному запросу, составляет сумму лишь в несколько миллионов, хранящихся в кладовых банка (...«некоторое, по сравнению со всем производством ничтожное, количество металла»...). Таким образом, в том влиянии, которое оказывает отлив золота¹, с особенной резкостью обнаруживается, что производство в действительности не подчиняется общественному контролю, как общественное производство,—обнаруживается в том, что общественная форма богатства существует независимо от него самого как особая вещь... С развитием кредитной системы капиталистическое производство непрерывно стремится разрушить указанную выше металлическую границу—эту одновременно и вещественную и фантастическую границу богатства и его движения,—но все снова и снова разбивает себе голову об эту границу. Во время кризиса возникает требование, чтобы все векселя, ценные бумаги, товары могли быть сразу превращены в банковые деньги, а все банковые деньги в свою очередь в золото» (К., III—2, 113, 114).

И власть золотого базиса над кредитной надстройкой осуществляется таким способом, что «стоимость товаров приносится в жертву, чтобы обеспечить фантастическое и самостоятельное существование этой стоимости в виде денег. Как денежная стоимость она обеспечена вообще лишь до тех пор, пока обеспечены сами деньги. Ради одного-двух миллионов денег должны быть поэтому принесены в жертву многие миллионы товаров. Это неустранимо при капиталистическом производстве и образует одну из его прелестей» (ib., 55—56)².

б) *Мировые связи кредитной системы*

Что кредит должен перешагнуть национальные границы, вытекает из факта мирового рынка, момента, сопутствующего капиталистическому развитию. Но подобно тому, как невозможно создание единой мировой производственной системы при капитализме, невозможно и создание единой мировой денежной системы. Не осуществима, следовательно, и мировая кредитная система. Поэтому мировые связи кредита не вырастают в проблему строения кредитной системы, а, составляя, по существу, лишь формы соприкосновения и переплетения обособленных национальных систем кредита, являются фактором регулирования кредитной системы, и притом одним из важнейших.

Металлический резерв непосредственно связан с мировым оборотом, и притом двояко:

1) Отправляясь от своих источников, золотой и серебряный поток «разливается по всему мировому рынку, впитывается в различной степени различными сферами национального обращения, входит в их

деньги товар!»,—вопят сегодня те же самые буржуа во всех концах мирового рынка. Как олень жаждет свежей воды, так буржуазная душа жаждет теперь денег, этого единственного богатства» (107).

¹ «Развитие кредитной и банковской системы... на известной фазе цикла сводит металлический запас к такому минимуму, что он уже не в состоянии выполнять выпадающие на его долю функции» (ib., 112).

² Ср. также: «Необходимы величайшие пожертвования реальным богатством для того, чтобы в критический момент удержать металлический базис» (ib., 112).

внутренние каналы обращения, замещает сношенные золотые и серебряные монеты, доставляет материал для предметов роскоши и застывает в виде сокровищ» (К., I—114).

2) «Золото и серебро постоянно перемещается туда и сюда между сферами обращения различных наций» (там же)¹.

Первое движение «совершается при посредстве прямого обмена национального труда, реализованного в товарах, на реализованный в благородных металлах труд стран, производящих золото и серебро». Оно определяется, следовательно, кредитной системой постольку, поскольку от нее зависят необходимые размеры национального резерва. Но само по себе это движение целиком относится к перемещению товарных масс в процессе обращения и, следовательно, предпосылается, как данное, собственным движениям кредитной системы. Иное дело со вторым видом мирового движения благородного металла. Может показаться, что оно следует за реальным товарооборотом между странами, ибо золотая телесность обязательна для мировых денег во всех функциях, в т. ч. и в функции покупательного средства². Но избыточный ввоз или избыточный вывоз благородного металла вызывается не только соотношением между ввозом и вывозом товаров и выражает не только это соотношение, но «в действительности он в то же время выражает соотношение между ввозом и вывозом самого благородного металла, независимо от товарной торговли» (К., III—2, 106). В основе этого лежат кредитные связи между разными странами, которые ширятся и углубляются параллельно росту мирового рынка, и на этом фоне описывают своеобразные, но закономерные колебательные движения в общем процессе развертывания конъюнктуры. Вызываемые этими конъюнктурными колебаниями кредита конъюнктурные же изменения металлического резерва страны сами по себе нас здесь занимать не могут, как не могут нас здесь интересовать и движения вексельного курса, этой связи между первыми и вторыми. Для проблемы строения кредитной системы во всем этом важны только два положения:

1. Простая возможность и непосредственные основания, на которых покоятся эти мировые связи кредита, даются золотом. Кредитные системы разных стран потому только и могут вступить друг с другом в контакт, потому только в состоянии взаимодействовать, что их базисы—золотые резервы—по своей природе могут находиться и находиться друг с другом в постоянном текучем общении. Между металлическими резервуарами отдельных стран как бы проложены каналы, по которым потоки золота и серебра катятся взад и вперед, подчиняясь переменному давлению национальных конъюнктур. И равновесие между национальными резервами, нарушаемое развертыванием цикла, восстанавливается после кризиса на основе такого нового перераспределения золота и серебра, которое соответствует соотношениям, на которых покоилось их прежнее равновесие³.

2. Описанная мировая функция национального резерва оказывает влияние на функционирование кредитной системы внутри страны, поскольку задевает золотой базис кредитной надстройки. Влияние отлива золота за границу¹ на состояние кредитной системы страны было, как известно, предметом многочисленных теоретических и практико-политических обсуждений, особенно в Англии. Такой же интерес представляет и обратный, правда, гораздо менее разработанный (особенно в старой литературе) вопрос о влиянии на развертывание кредитной системы золотого прилива, поднимающего объем национального резерва значительно выше среднего уровня. В связи с нашей темой мы, конечно, можем лишь указать на эти явления, свидетельствующие, что золотой базис определяет не только движение кредитной системы внутри ее национальных границ, но также доступные ей возможности выхода на мировую арену.

в. Изменение стоимости золота и серебра

Все функции металлического резерва в конечном счете основаны на том, что золото реальное воплощение всеобщего абстрактного человеческого труда, представитель этого труда в специальной и единичной вещи², которая противостоит всему прочему товарному миру, как неповредимый сосуд вечно равной себе, а потому гарантированной, стоимости. Сила золотого базиса и размеры, необходимые ему для удержания возвышающейся над ним кредитной надстройки, зависят от собственной стоимости золота. С другой стороны, золото—товар и как таковой подчиняется первому и основному закону товарного мира: его стоимость меняется с изменением условий его производства. Маркс пишет по этому поводу: «Функция специального товара, напр., золота или серебра, как денег, или обособленной меновой ценности, приходит здесь в столкновение с природой специального товара, величина ценности которого зависит от изменений в издержках его производства» («К крит.», 147). Это противоречие присуще платежной функции денег с момента ее возникновения, оно проявляло себя задолго до утверждения капиталистического способа производства и его специфической формы—кредитной системы. «Великая социальная революция, вызвавшая падение ценности благородных металлов в Европе, представляет факт, настолько же известный, как и противоположная революция, совершившаяся в раннюю эпоху древней римской республики, благодаря возрастанию ценности меди, в которой были заключены долги плебеев» (ib., 147). Развитие кредитной системы вызывает чрезвычайно сложный переплет факторов и влияний, что непосредственно затрудняет наглядное проявление этого противоречия платежной функции, но усложненная эластичность кредитной системы не может перерезать нить, связывающую кредит с золотым базисом и,

¹ А эту форму принимает вывоз металла, «если прогрессивнее уменьшение его продолжается долгое время, так что уменьшение это становится общою тенденцией движения, и металлический запас банка падает значительно ниже среднего уровня» (К., III—2, 107).

² Золото—«всеобщее богатство, как индивидуум» («К крит.», 127).

¹ См. также К., III—2, 105.

² См. «К крит.», 148—149, где это блестяще пояснено.

³ См. К., III—2, 109.

следовательно, в конечном счете, через цепной ряд промежуточных связей (напр., пертурбации в денежной системе, изменения уровня процента, изменения цен товаров и фиктивного капитала и т. д.) изменение стоимости золота сказывается на состоянии кредитной системы. Эта богатая и методологически поучительная проблема в литературе о кредите, насколько нам известно, не разрабатывалась. Марксом она, как видим, поставлена ясно и притом в соответствующем ей большом разрезе.

Мы обнаружили, таким образом, три направления, по которым сосредоточивается сила притяжения золотого базиса в отношении кредитной системы. Прежде всего обращает на себя внимание то замечательное обстоятельство, что перманентная зависимость системы кредита от благородного металла проявляется в форме *периодических апелляций* кредита к своему золотому базису (первые два направления) или в форме *спорадических вмешательств* золотого базиса в выросшую на нем кредитную надстройку (третье направление). Зависимость кредитной системы от золотого базиса не обнаруживается в виде размеренного непрерывно-параллельного движения обоих, в котором всякий шаг в развертывании кредитной системы следовал бы в строгом соответствии и, так сказать, на постоянном расстоянии от золотого базиса. Если вдуматься в генетическую линию кредита, то эта специфическая форма зависимости движения кредитной системы от движения золотого резерва выступит как развитие того «непосредственного противоречия» платежной функции денег, о котором мы говорили выше, при постановке проблемы золотого базиса кредита. Нечего распространяться, насколько подобная форма зависимости затуманивает самый факт зависимости, и какой, следовательно, здесь открывается простор для фетишистических теорий о снятии путем кредита золотой границы капиталистического производства. Эластичность цепи выдается за отсутствие цепи. Впрочем, буржуазный практицизм отказывается от этих пустых плодов буржуазного теоретизирования.

Взглянем на дело под более широким углом. Тогда становится ясным, что три рассмотренных нами действия силы притяжения золотого базиса представляют три координаты, по которым строится единство кредитной системы. Золотой резерв противопоставляет кредитную систему, как целое, тяготеющее к своей оси, мировому рынку. Золотой резерв определяет единство кредитной системы в отношении национальной производственной системы, породившей ее, он определяет условия функционирования кредита, как внешне независимого от реального производства, внешне самостоятельного экономического образования, движущегося на основе собственных закономерностей. Наконец, золотой резерв формирует кредитную систему как внутреннее единство, как единство само в себе, ибо изменение ценности золота поражает все клеточки системы кредита. Единство во вне, единство в отношении к образующим источникам, единство в себе. Можно сказать поэтому, что золото цементирует трехмерный мир кредитной системы как пластическое структурное единство, подобно тому как общий уровень процента реализует ее динамическое регуляторное единство.

4. Общий закон механизма обращения при кредитной системе

Вышеизложенное позволяет установить общий закон механизма обращения при наличии развитой кредитной системы.

Первоначально материал, из которого построена машина обращения, это исключительно действительные деньги. Все функции, выполняемые ею, суть «определенные формы, в которых золото развивается в деньги», а эти последние «являются только развитием определений, заключенных в метаморфозе товаров»¹. Работа машины—непосредственный рефлекс движения товаров. Абстрактно рассуждая, можно представить себе уже для такой примитивной системы обращения символические орудия обращения, но «общая символика знака ценности требует гарантии и принудительного курса со стороны государства» («К крит.» 140), что предполагает такую историческую ступень, которой известно более или менее развитое кредитное обращение. В этом, между прочим, одна из главных причин, что политическая экономия так долго не могла размежевать бумажные деньги и банкноты.

Что эта первоначальная машина обращения должна обладать беспредельной эластичностью для количественно неизменной товарной системы, ясно само собой: она просто шаг за шагом повторяет движение товаров—в обратном направлении. Но что имеет эта машина предложить быстро растущему товарообороту капиталистического общества? В этом отношении ее эластичность узка и, главное, случайна. Увеличение добычи благородных металлов есть фактор внешний по отношению к товарному обращению, не находящийся, следовательно, в функциональной связи с ростом последнего². Ускорение обращения денег, конечно, связано с интенсификацией товарного обращения, но и эта эластичность далека от потребностей растущего хозяйственного организма. Мы уже не говорим о том, что при наших здесь предпосылках—чисто золотого обращения—ускорение обращения денег есть в значительной мере лишь выражение недостатка в золоте, другими словами—свидетельство перенапряжения денежной машины, перенапряжения, которое должно поразить ее приспособляемость к конъюнктурным волнениям товарооборота. Все больше и резче должна обнаруживаться недостаточность, непригодность золотого обращения для реализации экономических потенций капиталистического способа производства. Это не может пройти мимо сознания буржуазных дельцов и ученых: «За всеми теориями денег в XVIII столетии скрывается тайная борьба с монетной системой, с тем духом, который охранял колыбель

¹ «К крит.», 139. Там же: «В действительности различные формы, которые получают в процессе обращения деньги, являются только кристаллизованной переменной формы самих товаров, а эта переменная, с своей стороны—только предметное выражение изменяющихся общественных отношений, в которых владельцы товаров совершают обмен вещей».

² Попытки количественников изобразить добычу золота, как производное от требований товарооборота, который де повышает цену золотых денег и, таким образом, вовлекает в обработку менее производительные источники,—совершенно недоказательны как со стороны теоретической, так и со стороны фактической.

буржуазной экономики и который все еще бросал свою тень на законодательство» («К крит.», 165).

Мы видели, как развитие кредита разрешает проблему обращения для разворачивающегося капитализма. Машина обращения строится таким образом, что золото сохраняется в качестве материала лишь для некоторых частей. Из золота сделаны ось и стержни механизма, огромные же по объему наружные части сотканы из веры товарного фетишиста в экономическое бессмертие капиталистического воспроизводственного процесса, из веры в реальность символики кредита, материализованной «в регламентированных законом частных контрактах между товаровладельцами». Не будучи больше в состоянии выполнять все денежные функции, золото как бы концентрируется на некоторых из них, перепоручая другие кредитной системе, но сохраняя за собою контроль над их выполнением. Благородный металл, этот бог и одновременно жестокий страж обращения, как бы удалился в берлогу и выставляет оттуда свои кредитные щупальцы, которые и ведут хоровод обращения; лишь острые выступы, недоступные относительно закругленным и менее подвижным кредитным формам, металл вынужден до поры-до времени обслуживать самолично—это сфера мелкой торговли. Но, покидая шумный базар житейской суеты, золото сосредоточивает свою денежную миссию на скрытых от товаровладельца функциях и, таким образом, показывается ему в шапке-невидимке абстракции. В самом деле, какие денежные функции золота не могут быть переданы кредиту? Это прежде всего функция меры стоимости, которая в случае кредитной сделки выступает как мера обязательства покупателя¹. Но при выполнении этой функции золото выступает лишь идеально. Затем функция абсолютного товара: здесь золото выступает реально, но оно представляется отвлеченной от обращения металлической массой, страшно дорогой и отягчающей производственный процесс общества. Путая следствие с причиной и форму проявления с сущностью, в ней проявленной, буржуа доходит временами до того, что, когда во время кризиса страж сбрасывает шапку-невидимку и с предостережением показывается из берлоги, он требует убить стража.

Мы анализировали выше экономизаторскую роль кредита в отношении денег. Чтобы быть точным, надо понимать под этим не абсолютное экономизирование золота. Это неверно фактически, ибо золотые резервы обращения абсолютно, и при том сильно, растут с развитием капитализма. Это неверно и теоретически, ибо золото вовсе не вытесняется кредитом, как склонен изображать буржуазный экономист, золото лишь оттесняется от непосредственного обслуживания обращения и окапывается в подпочве обращения, где оно уплотняется на абсолютно неотделимых от него денежных функциях. Кредит, следовательно, экономизирует *потребность* капиталистической системы в *золоте*, другими словами, значительно освобождает расширенное воспроизводство капиталистической системы от золотой предпосылки.

¹ См. «К крит.», 140.

Вместе с тем механизм обращения все больше теряет в естественной упругости и в способности саморегулирования, этих имманентных свойствах золотой машины обращения. Хрупкость машины и зависимость ее нормального хода от случайностей все возрастают. Денежно-кредитная политика должна все больше заменять слабеющей автоматической механизм. Ее задачи усложняются и притом быстрее, чем ее орудия... Поистине в каждой утопии о безденежном кредитном хозяйстве в самой сердцевине лежит нервное стремление буржуа уклониться от настойчиво растущей проблемы обращения. Желаемое принимается за необходимость, а из неправильно понятой необходимости делается добродетель. И то обстоятельство, что эти утопии становятся все многочисленнее и все назойливее, свидетельствует лишь о надвигающихся исторических границах капиталистического способа производства и системы обращения.

Э. Лейкин

К ВОПРОСУ О ДИАЛЕКТИКЕ КАК ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

I

«Диалектика, в понимании Маркса и согласно также Гегеля, включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, *переход от незнания к познанию*»¹.

Именно эту теоретико-познавательную роль диалектики выдвигал тов. Ленин на первый план. В умении понять ее видел он главное отличие диалектического материализма от старого, метафизического материализма. Недооценку этой стороны диалектики он находил даже и у Плеханова.

Диалектика—«алгебра революции», и понятно, что практическое применение Лениным марксистской, материалистической диалектики было и ее дальнейшим *развитием*. Новые области оказались во власти ее, она нашла применение в таком всемирно-историческом масштабе, который был недоступен до сих пор, она стала универсально-практическим методом революционного преодоления всех противоречий капитализма, орудием строительства социализма, начиная с самых крайних угловых камней базиса и кончая самыми отдаленными этажами надстройки.

Революционное развитие принесло огромный опыт по части перехода от незнания к знанию во всемирно-историческом масштабе. Вместе с тем оно показало, что знание становится исторически-значимым, становится орудием и силой исторического процесса лишь постольку, поскольку переход от незнания к знанию совершают на собственном опыте *миллионные массы*. Новая эпоха пролетарских революций, теоретическим выражением которой служит ленинизм, подтвердила и конкретизировала блестящий прогноз юного Маркса, — о том, что теория становится исторической силой, если ею овладевают массы. Революции—массовая школа исторического познания, это те периоды, когда достигается единство теории и практики в подлинно-массовом масштабе, так как массы выступают субъектом исторического действия. Об этом писал Владимир Ильич еще в 1906 г., ведя «общедо-

ступную беседу с кадетскими публицистами и учеными профессорами: «Когда история человечества подвигается вперед со скоростью локомотива, это—«вихрь», «поток», исчезновение всех «принципов и идей». Когда история движется с быстротой гужевой перевозки, это—сам разум и сама планомерность. Когда народные массы сами, со всей своей девственной примитивностью, простой, грубоватой решительностью начинают творить историю, воплощать в жизнь прямо и немедленно «принципы и теории»,—тогда буржуа чувствует страх и вопит, что «разум отступает на задний план» (не наоборот ли, о герои мещанства! не выступает ли в истории именно в такие моменты разум масс, а не разум отдельных личностей, не становится ли именно тогда массовый разум живой, действенной, а не кабинетной силой)»¹.

Здесь уже, в применении к историческому познанию, тов. Ленин показал, что значит рассматривать явления не как неподвижные объекты исследования, а как развивающиеся процессы. Только рассматривая явления как развивающиеся *процессы*, можно понять первостепенную решающую роль *темпа* движения, роль скорости и ускорения его. Только схватывая явления в их динамической связи, можно правильно понять роль *массы*, как наступательной силы, как движущей силы исторического процесса. Только при *известной* скорости исторического движения массы познают ход истории и практически претворяют свое знание в жизнь. Переход от незнания к знанию определяется переходом от гужевой перевозки к вихрю. Чем *динамичнее* действительность, чем решительнее и всестороннее ломка старого, чем больше переходов от старого к новому, чем выше уровень революционной волны, тем больше *предпосылки* для перехода от незнания к знанию, тем больше этих самых переходов, тем богаче, глубже и разнообразнее они.

Политика, основанная на «счете миллионами», на раскачивании миллионных масс, неизбежно должна была выделить и вскрыть *до конца* значение *диалектики*, как теории познания. Революции—локомотивы истории не только в смысле своих непосредственных результатов, но и в смысле объективно-классовых условий и предпосылок исторического познания.

¹ «Победа кадетов и задачи рабочей партии». Т. VII ч. 1. Кадетские взгляды проповедует сейчас Каутский, духовный глава II Интернационала: «Технический изобретатель, уже изготовивший в голове свою машину, даже если его идея блестяща, тем не менее должен произвести часто сотни неудачных опытов, пока конструкция не начнет работать в совершенстве... Напротив, социальный новатор никогда не найдет такого общества, которое бы согласилось—на основании его предложений—позволить экспериментировать на себе до тех пор, пока не выйдет что-нибудь удовлетворительное. Оно хочет быть убеждено в совершенстве его предложений раньше, чем оно испробует их в действительности» (К. Каутский, Die materialistische Geschichtsauffassung. I Band. SS. 664—665). У этого, с позволения сказать, марксиста совершенно выпала из сознания классовая борьба, которая и составляет источник опыта для «социальных идей», основу их опытной проверки. Объявление невозможности «эксперимента» в области «социальных идей» у Каутского, конечно, продиктовано отрицанием, практически—интервенционистским отрицанием «большевистского опыта».

¹ «Карл Маркс», т. XII, ч. II, стр. 323.

С другой стороны, не только конкретные вопросы теории *исторического* познания, но и коренные вопросы *общей* теории познания выступают на первый план, поскольку с завоеванием власти перед пролетариатом становится задача «превратить всю сумму накопленного капитализмом богатейшего, исторически неизбежно-необходимого для нас запаса культуры и знаний и техники,—превратить все это из орудия капитализма в *орудие социализма*»¹.

Сделать привилегированное знание достоянием масс, обобществить его не на словах, а на деле—такова задача пролетарской культурной революции, неразрывно спаянная с борьбой за полное и окончательное уничтожение классов.

Нельзя выбросить философию «за борт», так как в пролетарской революции выражается самая глубокая и всеохватывающая философия всей предыдущей истории.

Пролетариат не может просто перенимать у буржуазии ее культурные завоевания. Он должен *перестраивать* их сообразно со своими потребностями, в соответствии со своей исторической задачей—построения коммунизма. Диалектика служит *методом* этой перестройки, в ней воплощается *единство теории и практики познания*.

II

«Скрытый покой мироздания проявляется в нашем сознании как его закон. Через нас мир узнает о своем покое. Мы сами благодаря ему приходим к познанию одной из основ нашего существа. Понятие, идея, закон... в платоновском смысле основываются не на ощущениях—ибо ощущения дают лишь отдельные наблюдения,—они основываются на опорном соединительном пункте в нас самих, с ним мы известным образом скрепляем все содержание восприятий. В нас самих находится покоящаяся—в потоке наблюдений—точка. Стоя на такой твердой позиции, мы проникаем в нас самих, опустошая познающее сознание от всякого содержания восприятий. То, что остается,—*пустая форма*, которая однако *неизменна*»².

Так господа идеалисты даже по истечении первой четверти XX века истолковывают «дух науки». Это—одна, взятая наудачу, формулировка. Но как она характерна для всего умонастроения субъективного идеализма! Он ищет истину не в конкретном, а в пустоте; не в движении, а в покое; не в объективном мире, а в субъективном сознании, растерявшемся от обилия движения!

Субъективный идеализм разрывает внутреннюю связь явлений, отрывает движение от материи, превращая и то, и другое в иллюзию. Ощущение—не связь между объективным и субъективным, не один из объективно-необходимых и первичных переходов от одного к другому, а наиболее неустойчивый и обманчивый элемент субъективного.

¹ Ленин, Т. XV, стр. 282. Речь на Съезде советов народного хозяйства, 26 мая 1918 года.

² F. Neef, Der Geist der Wissenschaft, 1925, SS. 76, 71.

Движение—иллюзия наших ощущений, скрывающая от нас истину. Истина—в игнорировании движения, в покое, находящемся по ту сторону действительности. Чтобы обрести эту истину, переворачивающую вверх ногами весь мир, нужно известным образом «отречься от мира». Практическая функция идеалистической теории познания тут вскрывается донельзя ясно: она служит не средством познания, не средством наиболее всестороннего и полного обобщения научного знания, а своего рода гносеологической жандармерией, воспрепятствующей всякий революционный переход от незнания к знанию. Ведь достигнуть можно лишь покоящейся пустоты!

«Признавать *необходимость* природы и из нее *выводить* необходимость мышления есть материализм. Выводить необходимость, причинность, закономерность и пр. из мышления есть идеализм»¹.

Отожествляя бытие с мышлением или же вообще устраняя вопрос о бытии вне мышления, идеализм неизбежно должен искать опорный пункт в субъекте, но субъект наполнен впечатлениями внешнего мира, которые выводят мышление за пределы субъективного. В силу этого, идеализму не остается ничего другого, как искать истину в тождестве субъекта с самим собой. Это не тождество противоположностей, которое характеризует всякое движение и которое всегда конкретно. Это—мертвое, неподвижное *тождество*, отвлеченное от реального движения, *отрицающее реальность движения*. Материальное движение создает, видоизменяет, преобразовывает, расширяет и углубляет связь между явлениями. Оно представляет собою основу той «закономерности в связи явлений», которую Кант объявлял недоступной познанию. Поскольку идеализм ищет необходимость и закономерность за пределами материального движения, вне связи с ним, он извращает и понятие необходимости, давая ей однобокое, уродливое, произвольно-субъективное истолкование, в конечном счете ведущее к фидеизму. Истина диалектического материализма вскрывается порочным кругом идеализма: отрицая материю, он вынужден отрицать и движение; отрицая движение, он пятится от знания к незнанию. Разнообразные попытки идеалистического истолкования «философии» науки—неопровержимое доказательство этого.

«Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимно-исключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение»².

С точки зрения диалектического материализма необходимость не скрывается движением, а *вскрывается* им. Но движение не есть простое повторение пройденного, оно означает непрерывный переход из одного состояния в другое, *превращение количества в качество и наоборот*. Именно здесь-то и находится узловой момент, вскрывающий конкретную, *материальную* основу всякого движения, его единство,

¹ Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, т. X, стр. 135.

² Ленин, К вопросу о диалектике.—«Большевик», № 5—6 (21—22), 1925 г., стр. 102.

динамическое *единство* противоположностей, его внутреннюю *необходимость*. Каким образом конкретно происходит то или иное превращение количества в качество и наоборот, это определяется *материальной* основой данного движения. Эта *неразрывность* материи и движения только и создает возможность познания, возможность приближения к объективной истине. Истина, познанная истина всегда конкретна, потому что сама она также является продуктом движения материи. Материя же существует не как отвлеченность, а *только* в процессе движения, в переходе количества в качество и наоборот.

Это со всей твердостью и определенностью было подчеркнуто Энгельсом. «Естественно, стремящееся отыскать единую материю, как таковую, стремящееся свести качественные различия к чисто-количественным различиям состава тождественных мельчайших частиц, поступает так, как оно поступало бы, если бы вместо вишен, груш, яблок оно искало плод, как таковой, вместо кошек, собак, овец и т. д. искало млекопитающее, как таковое, газ, как таковой, металл, как таковой, камень, как таковой, химическое соединение, как таковое, движение, как таковое»¹.

Материальное движение создает, видоизменяет, расширяет и развивает условия и предпосылки познания. Чем больше та или иная форма движения или развития поддается контролю человеческого наблюдения, чем более близка связь между теорией и практикой в данной конкретной области, тем более значителен прогресс. Чем больше, чем всестороннее и глубже данная форма движения обнаруживает свою связь с другими формами движения, с рядом других явлений, чем больше переходов и превращений одной формы движения в другие, тем больше объективных предпосылок для распознавания ее внутренней закономерности, для более объективного отражения действительности. Любая форма противоречия, характеризующая то или иное движение, *развивается* на данной материальной основе. Это «развитие в противоречиях», характер этого развития определяет уровень, степень и форму познания.

Наши представления и понятия суть отражения, слепки происходящего в материальной действительности. Вследствие этого, они могут дать лишь относительное приближение к действительности, в каждом данном случае, на каждом данном этапе познания они отражают только *частицу* реального движения материи. Познание материальных *предпосылок* знания есть, вместе с тем, познание его *ограниченности*, познание необходимости *дальнейшего* перехода от незнания к знанию. Как раз тут-то идеализм и заграждает путь к знанию. Он отрицает материальный источник *непрерывно растущего* многообразия нашего опыта. Поэтому он опустошает реальное содержание нашего знания. Воспроизводство конкретного на пути мышления Гегель рассматривал как самопроизвольный продукт мышления.

¹ Ф. Энгельс. Диалектика природы. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Кн. вторая, стр. 147.

Но «простейшая экономическая категория, скажем, например, меновая стоимость, предполагает население, население, производящее при определенных отношениях, а также и известного рода семьи или общины или государство. Она не может никогда существовать иначе как *абстрактное одностороннее отношение данного конкретного и живого целого*»¹.

За частью исчезает целое при игнорировании живого, движущего вперед противоречия,—противоречия между мышлением и объективной действительностью. Переход от незнания к знанию совершается также на основании динамического единства противоположностей—динамического единства мышления и бытия.

III

«У Маркса в «Капитале» сначала анализируется *самое простое*, обычное, основное, *самое массовидное*, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, отношение буржуазного товарного общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) *все*² противоречия (resp. зародыш всех противоречий) буржуазного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (и рост и движение) этих противоречий и этого общества, в Σ ³ его составных частей, от его начала до его конца.—Таков же должен быть *метод* изложения (resp. изучения) диалектики вообще»⁴.

«Капитал» начинается словами: «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, представляет «огромное скопление товаров», а отдельный товар—его элементарную форму (его исходную форму)»⁵.—Такова исходная точка анализа. Уже в этой элементарной форме непримиримо сталкиваются два фактора: потребительная стоимость и стоимость меновая. Неумение найти *переход* от одной к другой, неспособность объяснить их исторически обусловленную связь приводят к товарному фетишизму. Самое простейшее явление буржуазного общества принимает характер метафизической тайны. Происходит бессознательное *отождествление* естественных, материальных и общественных свойств продуктов человеческого труда. Однако это затемнение действительности в сознании отдельных участников капиталистического процесса производства происходит не случайно. «Предметы потребления становятся вообще товарами лишь потому, что они суть продукты *независимых* друг от друга частных работ»⁶. Закономерность процесса общественного производства проявляется в форме слепого закона природы. Однако уже

¹ К. Маркс, Einleitung zu einer Kritik der politischen Ökonomie.—Zur Kritik der politischen Ökonomie. Herausgegeben von K. Kautsky. 1924 S. XXXV I.

² Это слово подчеркнуто В. И.

³ Сумме.

⁴ Ленин, К вопросу о диалектике. «Большевик № 5—6, 1925 г., стр. 103.

⁵ «Капитал», т. I, стр. I.

⁶ «Капитал», т. I, стр. 40.

необходимость уяснить себе функционирование производительных сил в рамках и в интересах капиталистического накопления заставляет буржуазную классическую экономию делать решительный шаг к познанию действительности.

«Если мы говорим о бытии, и *только*¹ о бытии, то единство может заключаться лишь в том, что все предметы, о которых идет речь, действительно существуют. В единстве этого существования—ни в каком другом—они объединяются мыслью, и общее выражение того, что все они существуют, не только *не может придать им никаких иных общих или необщих свойств*, но и временно исключает из наблюдения все такие свойства. Ибо, как только мы от того основного факта, что для всех этих вещей общим является бытие, удалимся хотя бы на миллиметр, тотчас же перед нашим взором выступают различия² в этих вещах, и состоят ли эти различия в том, что одни вещи белы, другие черны, одни одушевленны, другие неодушевленны, или хотя бы одни относятся к миру земному, другие к заоблачному,—обо всем этом мы не можем сделать вывода из того только, что им всем равномерно приписывается одно лишь свойство бытия.—*Единство мира заключается не в его бытии*, хотя бытие и является предпосылкой этого единства, так как, конечно, он должен сначала существовать, прежде чем может стать единым. *Действительное единство мира заключается в его материальности*³».

Простое бытие меновой и потребительной стоимости друг подле друга не разрушает фантома товарного мира. Только распознавание материального первоисточника общественного процесса производства—общественно-необходимого труда—создает возможность сведения всех качественных различий форм к количественным изменениям. Определение меновой стоимости количеством труда, затраченного на производство того или иного товара, дает ключ к пониманию общественного производства, как единого процесса.—«Своим анализом политическая экономия ломает, повидимому, самостоятельные по отношению друг к другу формы, в которых выражается богатство. Их анализ даже уже у Рикардо идет так далеко, что 1. *самостоятельная вещественная форма богатства*⁴ исчезает, и она уже представляется, как выражение человеческой деятельности. *Все, что не является результатом человеческой деятельности, труда, есть природа, и, как таковая, она не представляет социального богатства*⁵. Фантом товарного мира расплывается, и он появляется еще только, как постоянно исчезающее и постоянно вновь создаваемое об'ективирование человеческого труда. Всякое вещественно прочное богатство есть лишь *преходящее овеществление человеческого труда, кристаллизация процесса производства, мерилем которого служит время, мерило движения*.

¹ Курсив Энгельса.

² Курсив Энгельса.

³ Фр. Энгельс, Анти-Дюринг. Петроград, 1918 г., стр. 38.

⁴ Курсив Маркса.

⁵ Курсив наш. Г. С.

2. Разнообразные формы, в каких различные составные части богатства достаются различным частям общества, теряют свою кажущуюся самостоятельность. Процент представляет лишь часть прибыли, рента—лишь сверхприбыль. Поэтому оба они оседают в прибыли, которая сама сводится к *прибавочной ценности*¹, то есть к неоплаченному труду. Но самая ценность товара сводится только к рабочему времени²».

Буржуазная политическая экономия эпохи упадка капитализма не смеет взглянуть на «движение» меновой стоимости, она сплошь пропитана субъективизмом рантье, видящего цель производства в удовлетворении его «потребностей»³.

Эквивалентный обмен товаров на рынке, где «господствует только свобода, равенство, собственность и Бентам»⁴, не отменяет *противоположности* между меновой и потребительной стоимостью, но, наоборот, *переносит* ее на человеческую *рабочую силу*, приводящую в движение все общественное производство. Обмен товаров происходит в форме обмена равных ступков труда. Откуда же может взяться приращение стоимости в процессе этого обмена? «... Остается еще только та возможность, что изменение стоимости вытекает из *потребительной* стоимости товара, т. е. из его потребления. Но извлечь стоимость из потребления товара нашему владельцу денег удастся лишь в том случае, если ему посчастливится *открыть в пределах сферы обращения*, т. е. на рынке, такой товар, самая потребительная стоимость которого обладала бы специфическим свойством быть источником стоимости, *такой товар, фактическое потребление которого, как таковое, есть овеществление труда*, а следовательно, созидание стоимости»⁵. Таким образом, товарный мир, сбросивший с себя фетишистскую оболочку, раздваивается на два полюса: на «огромное скопление товаров» и на товар—рабочая сила. На поверхность всплывает противоположность между накопленным трудом и трудом живым. «Занятие вообще товарным производством превращается в занятие эксплуатацией рабочей силой»⁶. Производство товаров становится производством прибавочной стоимости. Буржуазная политическая экономия, даже классическая, оказалась не в состоянии правильно проанализировать процесс производства и обращения капитала. Здесь она натолкнулась на суб'ективно-классовую границу познания, не позволяющую разоблачить до конца противоположность между трудом и капиталом. Смещение вещной, материальной стороны процесса производства с его общественной стороной сказалось со всей ясностью и определенностью. Именно это помешало буржуазным экономистам понять функционирование и реальную роль переменного капитала.

¹ Курсив Маркса.

² К. Маркс, Теории прибавочной ценности. Том III, стр. 334—335. «Прибой», 1924 г.

³ См. Бухарин, Политическая экономия рантье.

⁴ «Капитал», т. I, стр. 146.

⁵ Там же, стр. 137.

⁶ «Капитал», т. II, стр. 13. Всюду цитируется издание Института К. Маркса и Фр. Энгельса.

«Характерная особенность *переменного* капитала состоит в том, что здесь определенная данная (и как таковая постоянная) часть капитала, данная сумма стоимости (предполагается, что она равна стоимости рабочей силы, хотя в данном случае безразлично, равна ли заработная плата стоимости рабочей силы, больше или меньше ее), обменивается на силу, *самовозрастающую* в стоимости, создающую стоимость,—на рабочую силу, которая не только воспроизводит выплаченную капиталистом стоимость, но производит в то же время прибавочную стоимость, т. е. *стоимость*, не существовавшую раньше, *не оплаченную каким бы то ни было эквивалентом*»¹.—Смещение переменного капитала с оборотным приводит к тому, что в одну кучу сваливаются и рабочая сила, и сырье, материал труда и т. п., и противопоставляются все вместе средствам труда, не требующим столь частого авансирования капитала. Прибавочная стоимость выпадает из рассмотрения. *Качественные* различия переменного и постоянного капитала подменяются поверхностно-количественными различиями,—в зависимости от одного фактора, времени,—времени возобновления тех или иных элементов капитала.—«Отсюда понятно, почему буржуазная политическая экономия инстинктивно удерживала смитовское смещение категорий «постоянного и переменного капитала» с категориями «основного и оборотного капитала» и без всякой критики в течение целого столетия передавала эту путаницу из поколения в поколение. Для нее вложенная в заработную плату часть капитала совершенно уже не отличается от части капитала, затраченной на сырой материал, и отличается лишь формально—лишь тем, обращается ли она по частям или целиком вместе с продуктом—от постоянного капитала. Таким образом одним ударом разрушаются основания, необходимые для того, чтобы понять действительное движение капиталистического производства, а следовательно, и капиталистической эксплуатации»².

Превращение рабочей силы в товар, превращение этого товара в переменный капитал, это и есть узловой момент капиталистического способа производства, вскрывающий *материальную* основу его, материальную основу капиталистического *процесса* производства. *Единство* противоположностей—рабочей силы и средств производства—достигается путем *эксплуатации* наемной рабочей силы.

Это объясняет нам также и то, почему *буржуазная* классическая экономия не смогла заложить основ материалистического понимания *истории*.—Даже на наивысшей ступени своего развития она оказалась неспособной понять *соединения* рабочей силы и средств производства. Она не поняла, что *конкретно-историческая* форма этого соединения вытекает из условий *товарного* производства.

«Каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но, находясь в *состоянии* отделения одни от других, и те, и другие являются

¹ «Капитал», стр. 190.

² Там же, т. II, стр. 191.

его факторами *лишь в возможности*. Для того, чтобы вообще производить, они должны соединиться. Тот особый характер и *способ*, каким осуществляется это соединение, *различает* отдельные *экономические эпохи социальной структуры*»¹.

IV

Кризисы—неизбежный спутник капиталистического способа производства. Кризисы раскрывают его противоречивый характер в наиболее полной, всеохватывающей и глубокой форме. «Мировые кризисы должны рассматриваться, как *реальное соединение и насильственное устранение всех противоречий буржуазной экономики*. Отдельные моменты, которые соединены в этих кризисах, должны, следовательно, проявиться и развиться во всякой сфере буржуазной экономики; чем далее мы в нее проникаем, должны быть развиты, с одной стороны, *новые определения этого противоречия*, с другой стороны—должно быть доказано, что более *абстрактные формы их повторяются и сохраняются в более конкретных*»².

Кризисы означают явный, для всех самоочевидный перерыв постепенности, *нарушение непрерывности* капиталистического процесса производства. Постепенное, плавное, «нормальное» воспроизводство условий *товарного* производства и капиталистическое накопление подготавливают судорожное сжатие общественного производства, потрясение, катастрофу. Количество переходит в качество в масштабе *всего* общественного производства.

«Самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, отношение буржуазного товарного общества» содержит в себе зародыш всеобщего кризиса. Бесконечно-малые изменения, неуловимые при простом наблюдении, в конце-концов, суммируются в судорожных толчках и скачках всего организма.

«Общая, абстрактная возможность кризиса есть не что иное, как *самая абстрактная форма кризиса*»³, без содержания, без обладания известным содержанием мотива его. *Продажа и купля могут распасться*. Они представляют, следовательно, кризис *in potentia*, и *их совпадение всегда остается критическим моментом для товара*. Но они могут непосредственно следовать друг за другом. Самая абстрактная форма кризиса есть, следовательно, метаморфоз товара; лишь как развитое движение, он содержит заключенное в единстве товара противоречие меновой и потребительной ценности, далее денег и товара»⁴.

Противоречие меновой и потребительной ценности делает рабочего наемным рабом капитала, но оно же ставит под угрозу и нормальное функционирование капиталистической системы.

¹ Там же, стр. 12—13.

² К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, том II², стр. 177—178, «Прибой», 1925 г.

³ Курсив Маркса. Остальной курсив наш.

⁴ «Теории», т. II², стр. 177.

Однако это *противоречие*, взятое *отвлеченно*, то есть *независимо от дальнейшего превращения* товара в капитал, независимо от распада капитала на постоянный и переменный капитал, не об'ясняет концентрации всех противоречий буржуазной экономики в кризисах, а значит, и не обосновывает необходимого наступления кризисов. — «Развитие в товарном обращении и далее в денежном обращении *противоречия*—следовательно, возможности кризиса—сами по себе *воспроизводятся в капитале*, так как в действительности только на основе капитала происходит развитие товарное и денежное обращение»¹.

Эквивалентный обмен товаров, с одной стороны, основывается на превращении рабочей силы в товар, а с другой стороны, находит свой предел, свою границу в этом превращении.

И также обстоит дело и с капиталом. Благодаря отделению производителя от средств производства, процесс общественного производства и воспроизводства становится *функцией* капитала. С другой же стороны,—«действительная граница капиталистического производства—сам капитал»...²

«... Периодически *средств труда и средств существования* производится слишком много для того, чтобы они могли *функционировать, как средства эксплуатации рабочих*, дающие известную норму прибыли. *Товаров* производится слишком много для того, чтобы заключающаяся в них стоимость и содержащаяся в ней прибавочную стоимость можно было *реализовать и превратить в новый капитал* при тех условиях распределения и отношениях потребления, которые определяются капиталистическим производством, т. е., чтобы этот процесс мог совершаться без постоянно возобновляющихся взрывов»³.

«Условием *перепроизводства* является общий закон производства капитала: производство происходит соответственно производительным силам, то есть соответственно возможности при данной массе капитала эксплуатировать максимальное количество труда, не считаясь с существующими границами рынка, с платежеспособными потребностями; и это совершается путем постоянного расширения воспроизводства и накопления, значит, и путем постоянного обратного превращения дохода в капитал; между тем, с другой стороны, масса производителей ограничена и, соответственно природе капиталистического производства, должна быть ограничена средним размером потребностей»⁴.

Следовательно, 1) отделение производителя от средств производства — источник *возникновения* капитала—и 2) присущая капиталу тенденция к самовозрастанию — условие его *воспроизводства*—являются причинами *взрывов* в рамках капиталистического процесса производства. Отделение производителя от средств производства сужает и подрывает платежеспособное потребление. Тенденция капитала к самовозрастанию порождает противоположную тенденцию, приводит в действие закон тенденции нормы прибыли к понижению.

¹ «Тесрии», т. II², стр. 180.

² «Капитал», том III, часть 1-я, стр. 231.

³ Там же, стр. 240.

⁴ «Теории», т. II², стр. 199—200.

Чем больше—с развитием производительных сил—уменьшается доля переменного капитала по сравнению с постоянным, тем более неблагоприятным становится соотношение между всей массой вырученной прибыли и всей суммой затраченного капитала, тем больше падает норма прибыли.

В кризисах противоположность между потребительной и меновой стоимостью находит свое концентрированное выражение и открыто переходит в *противоречие между производительными силами и производственными отношениями, между развитием производительных сил и данным способом производства*.

Бессилие и беспомощность—даже классической—буржуазной политической экономии лучше всего разоблачается ее ... *уклонениями от об'яснения* кризисов.

«Все возражения, которые Рикардо и другие приводят против перепроизводства и т. д., основаны на том, что они или рассматривают буржуазное производство, как способ производства, в котором *нет разницы между куплей и продажей*—непосредственная меновая торговля, или же они его рассматривают, как общественное производство, так что общество как бы *по плану* распределяет свои средства производства и производительные силы соответственно тому, насколько они нужны для удовлетворения его различных потребностей; таким образом, на каждую сферу производства приходится часть общественного капитала, требуемая для удовлетворения потребности, которой она соответствует. Эта фикция об'ясняется вообще лишь неспособностью понять специфическую форму буржуазного производства,—являющейся результатом того, что эти экономисты не могут выйти из буржуазного производства, рассматриваемого как *производство вообще*. Совершенно подобно тому, как человек, который придерживается определенной религии, видит в ней религию вообще, а вне ее лишь *неправильные религии*»¹.

И здесь мертвое, отвлеченное, опустошенное тождество подменяет реальное движение, конкретное развитие противоречий на основе специфического овеществления общественного труда.

И здесь фиктивное устранение противоречий, благодаря абстрагированию от действительности, стремится встать на место реального единства противоположностей.

На место движущей силы противоречий подставляется безжизненный покой, приводящий познание к тупику.

V

Ленин указывал на экономический анализ Маркса как на образец применения диалектического метода. Как раз этот анализ и позволяет нам основательнее разобраться в значении диалектики, как теории познания, и понять *диалектическую закономерность образования понятий*. В XX столетие буржуазная философия вступила с де-

¹ «Теории», т. II², стр. 195.

кларацией о непримиримости «природы» и «истории» с точки зрения *условий познания*. Образование понятий в науках о природе и в науках о духе, о культуре или, шире, в науках, трактующих *о развитии*, происходит по прямопротивоположным направлениям. Естествознание «генерализирует», история, всякое развитие вообще, «индивидуализирует». Так ставили вопрос Риккерт, в своих «Границах естественно-научного образования понятий», Виндельбанд—в «Прелюдиях» и т. д. В конце-концов этот взгляд стал мелкой философской разменной монетой во всех областях буржуазной науки.

Присмотримся попристальнее к нему.

«Это отдельное, единичное, никогда не повторяющееся, но принимающее все новые и новые образы»,—писал, напр., Эдуард Майер,—«составляет область исторической науки. Оно, поэтому, не принадлежит ни к философским, ни к естественно-научным дисциплинам, и никакая попытка мерить его их мерой недопустима, она извращает его сущность. Те науки пытаются познать всеобщие формы явлений, абстрагируясь от их индивидуальной формы в реальном мире, они пытаются подвести отдельные явления под понятие, составляющее их внутренний закон, независимо от тех условий, при которых это понятие реализуется в каждом отдельном случае; наоборот, история оперирует именно с этой отдельной формой, то есть, в противоположность *описательному* естествознанию, оперирует не с *типичными* формами, а с *видоизменениями* или отдельными индивидуумами»¹.

Противопоставление методов обобщающего анализа методам распознавания индивидуального является не чем иным, как перенесением в область научной методологии дурных противоречий субъективного идеализма. Вспомним замечательные строки у В. И. Ленина в его статье «К вопросу о диалектике»: «Отличие субъективизма (скептицизма и софистики etc.) от диалектики, между прочим, то, что в объективной диалектике *относительно (релятивно) и различие между релятивным и абсолютным*»². Для объективной диалектики и в релятивном есть абсолютное. Для субъективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное.—При первой концепции движения остается в тени самодвижение, его двигательная сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится во вне—бог, субъект etc.). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание *источника «самодвижения»*³.

Идеализм отрывает движение от материи, он отвергает его объективный источник. Поэтому движение, изменения, развитие он выносит за скобки, за пределы естествознания и вообще каузальной науки, делает их достоянием субъективного произвола, таинственно врывающегося в мир повседневных явлений. В движении единичное сливается с общим, переходит в общее, общее же превращается в единичное. Если же в мире явлений все *только повторяется*, если научное, при-

¹ Eduard Meyer Geschichte des Altertums Stuttgart. 1910.—Einleitung. I. S. 186.

² Курсив наш. Дальше—В. И.

³ «К вопросу о диалектике». «Большевик» № 5—6, 1925 г., стр. 102.

чинное объяснение явлений не может подняться дальше механического суммирования повторяющихся признаков, дальше индукции, то возникновение нового, источник изменений, динамику действительности следует искать за пределами собственно-научного знания. Характерно, что субъективный идеализм ничего не хочет слышать о стихийной тяге естествознания к диалектическому материализму. «Мальчиком для битья» он избирает себе старое механическое, описательно-классифицирующее естествознание. Успехи теории развития во всех сферах знания он игнорирует для того, чтобы иметь возможность объявить все явления развития своей монополией. Представление о *развивающемся противоречии* внутренне-чуждо и враждебно идеализму. Он не знает единства противоположностей и потому всюду находит... противоположность единству: бесконечно-повторяющееся тождество на поверхности явлений, субъективно-метафизическую основу этого тождества—пустую неизменную форму внутри нас, и движение как чудо, движение как проявление интервенции божественных сил.

Выделение общего из частного, отдельного и единичного подчиняется тому же закону движения, который господствует в объективной действительности, который определяет место данного явления или группы явлений в объективной связи природы, материи.

Только эта связь и определяет необходимость обобщения, типизации явлений, отражающихся в нашем сознании.

«Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть так или иначе общее. Всякое общее есть частичка или сторона или сущность отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д., и т. д. Всякое отдельное *тысячами переходов*¹ связано с другим *рода* отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д. Уже здесь есть элементы, зачатки понятия *необходимости* объективной связи природы etc»².

Обмен товаров—самое массовидное явление буржуазного общества. Здесь мы имеем и общее в отдельном и отдельное в общем. Общее—противоположность меновой и потребительной стоимости—переходит в отдельное, поскольку на рынке оказывается товар, стоящий над «бентамовским» эквивалентным обменом товаров, товар, потребление которого является созданием заново товарной субстанции, овеществлением труда. Но это отдельное—превращение рабочей силы в товар—воспроизводит на новой ступени общее—противоположность меновой и потребительной стоимости и потому оказывается фундаментом капиталистического производства.

Энгельс подчеркивал, что «никакая индукция на свете никогда не помогла бы нам уяснить себе *процесс* индукции»³. Именно *поэтому* субъективный идеализм, методы ненавистного ему объективного изучения

¹ Здесь наш курсив. Дальше—В. И.

² «К вопросу о диалектике». «Большевик» № 5—6, 1925 г. стр. 103.

³ «Диалектика природы», стр. 59.

явлений сводит, в конце концов, к индукции. В действительности же «принцип развития», «закон движения» явлений служит основой их классификации, группировки, обобщения в определенном направлении.

«Благодаря успехам теории развития даже вся классификация организмов отнята у индукции и сведена к «дедукции», к учению о происхождении,—какой-нибудь вид буквально *дедуцируется*, выводится из другого путем происхождения, а доказать теорию развития при помощи простой индукции невозможно, так как она целиком анти-индуктивна. Благодаря индукции понятия сортируются: вид, род, класс; благодаря же теории развития они стали текучими, а значит, и *относительными*; а относительные понятия не поддаются индукции»¹.

Относительность понятий вытекает из того, что они отражают реальные процессы. Их текучесть, гибкость, условность, взаимная связь—следствие того, что они отражают не неподвижный предмет познания, а предмет познания, обусловленный объективной связью природы, предмет познания в процессе «становления», в процессе изменений, в процессе возникновения новых различий, выделения новых сторон и особенностей. Коренной порок идеализма заключается в истолковании относительности и текучести понятий в духе метафизического субъективизма и индивидуального произвола. Источник всех изменений, по его мнению, коренится лишь в субъективном, в том, как мы формируем свои понятия.

Гениальный объективный идеалист Гегель недаром отмечал: «Если согласно поверхностному представлению о том, что такое понятие, все многообразие находится *вне понятия*, к понятию же относится лишь форма абстрактно-всеобщего или пустое тождество рефлексии, то, прежде всего, следует напомнить, что даже для объяснения понятия или для определения рода, собственно уже не являющегося абстрактно-всеобщим, непременно требуется *специфическая определенность*. Если мыслящий наблюдатель поразмыслит, что это значит, то выяснится, что *различие* также составляет существенный момент понятия»².

Саморазвитие понятия для Гегеля было всеобщим принципом развития. В этом саморазвитии он не видел реальной диалектической связи между мышлением и бытием. Он не считал, что саморазвитие понятия есть отражение и специфический продукт саморазвития материи. Но он стремился понять внутреннюю закономерность мышлений как объективный процесс. Субъективный же идеализм всех оттенков, притиснутый к стене объективной логикой развития науки, пытается сжечь все мосты между объективным и субъективным—с тем, чтобы отстоять для себя загадочную область незнания. Поэтому и понятия, с его точки зрения, разбиваются на два непримиримых лагеря: одни являются понятиями в силу того, что все многообразие

действительности остается вне их, другие же являются самодовлеющими продуктами субъективного «вдохновения», «озарения», «интуиции», «прорыва в неизвестность».

Прав был В. И. Ленин, со всей резкостью и настойчивостью подчеркивая неразрывную *связь идеализма с фидеизмом*. Идеализм в мало-мальски массовом масштабе, в мало-мальски широкой связи с практикой неизбежно переходит в фидеизм, ибо в его руках философское познание служит орудием перехода от знания к незнанию путем извращения и выхолащивания завоеваний науки.

VI

Всякое понятие, представление, суждение, научное построение, метод—побочный продукт материальных изменений в объективной действительности. Логически обосновать понятие, доказать его необходимость, это значит доказать, что оно является отражением объективной закономерности явлений, что оно, таким образом, связано с объективной связью природы, вытекает из объективной необходимости. Диалектика есть универсальная логика движения. Диалектическая закономерность образования понятий может основываться только на «самодвижении» материи.

Многообразие явлений неизбежно представляется порочным хаосом, если не видеть в нем продукта последовательных наслоений, результата постепенного накопления материальных изменений. Задача упрощения этого многообразия может казаться простым случаем применения индукции, простым суммированием одинаковых признаков, если не понимать, что и само многообразие и его упрощение зависят от объективного хода вещей.

В «Введении к критике политической экономии» Маркс заложил фундамент диалектической методологии; там он разбирает, напр., понятие труда.

«Труд—совершенно простая категория. Представление о нем в этой общей форме—как о труде вообще—весьма древнее. И все же, взятый экономически в этом простом виде, *«труд» столь же современная категория, как и те отношения, которые породили эту простую абстракцию*. Безразличие по отношению к определенному виду труда предполагает очень развитую совокупность действительных видов труда, из которых ни один уже не занимает господствующего над всеми положения. Таким образом, *самые общие абстракции вообще возникают лишь при самом богатом конкретном развитии, где отдельное выступает, как общее многим, как общее всем. Тогда его уже могут перестать мыслить в особой форме*. С другой стороны, эта абстракция труда вообще—только результат конкретной совокупности работ. *Безразличие по отношению к определенному труду соответствует такой общественной форме, где индивидуумы легко переходят от одной работы к другой, где определенный вид работы для них—случайность и, потому, безразличен*. Труд здесь не только как категория, но и в действительности стал средством создания бо-

¹ «Диалектика природы», стр. 185. Курсив Ф. Энгельса.

² G. F. W. Hegel. Wissenschaft der Logik. Herausgegeben von G. Lasson. Zweiter Teil. Leipzig, 1923, S. 227. Курсив Гегеля.

гатства вообще, перестал быть связанным с положением отдельного индивидуума»¹.

Следовательно, абстрактному понятию труда вообще предшествует: 1) *измерение* всех видов труда единым мерилom общественно-необходимого труда, что предполагает всеобщий обмен продуктами труда при посредстве рынка; 2) превращение рабочей силы в товар во всех без различия отраслях труда, более или менее *всеобщее* отделение производителя от средств производства. Таким образом, *логическая значимость понятия определяется его социологическим эквивалентом*. Только превращение всех видов труда в абстрактный труд и взаимное превращение всех видов труда друг в друга создает объективные предпосылки для познания труда вообще. *Понятие труда вообще является логическим эквивалентом этих экономических превращений*.

Кант спрашивал: как возможна наука, как возможно познание? Возможность мыслить тот или иной объект познания он имел в виду, задаваясь этим вопросом. Опираясь на это, неокантианец Пауль Наторп утверждал, что «предмет познания не дан, а задан»².

Логическую возможность, а значит и логическую значимость познания, Кант выводил из синтетической способности мышления, из его априорных условий.

Но Кант остановился на пол-пути. Он не нашел перехода от субъективного к объективному, ибо диалектику он ограничил рамками субъективной деятельности мышления. Кант выяснил «объективность кажущегося» (die Objektivität des Scheins) и «необходимость противоречия», как определил Гегель³. Он не понял, что диалектика, это—«принцип, при посредстве которого только и выявляется *внутренняя связь и необходимость в содержании науки*»⁴.

Знаменитый тезис Маркса, сформулированный в предисловии «К критике политической экономии»,—что «человечество ставит перед собой только те задачи, которые оно способно решить, так как при ближайшем рассмотрении оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда налицо имеются уже материальные предпосылки для ее решения или когда, по крайней мере, они находятся в процессе своего становления»⁵,—этот тезис сохраняет свою силу и в применении к научному отображению действительности.

В форме проблем познания, научных заданий, задач исследования *отражаются переходы, превращения, противоречия* объективно развивающихся процессов. Чем больше развиваются—с развитием техники и науки—наши средства, орудия и методы познания, тем многообразнее, разностороннее и сложнее становятся задачи изучения и познания, так как при этом расширяется объективная возможность сознательного наблюдения и контроля над всеми формами движения,

¹ Einleitung. S. S. XXXIX—XL.

² «Die logischen Voraussetzungen der exakten Naturwissenschaften».

³ «Wissenschaft der Logik». Erster Teil, Leipzig. 1923, S. 38.

⁴ G. W. F. Hegel «Enzyklopedie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse». Leipzig, 1920, 2 Auflage S. 105.

⁵ «Zur Kritik». Vorwort. S. LXI.

над всеми материальными процессами. Субъективистски-ограниченный идеализм цепляется за то, чтобы представить предмет познания как продукт синтетической деятельности мышления. Не в смысле зависимости каждого отдельного момента познания от общей связи природы, от универсального движения материи толкует он то положение, что предмет познания «не дан, а задан». Он толкует его в смысле самопроизвольной деятельности мышления, творящей предмет познания по своему образу и подобию.

На примере «саморазвития» понятия труда вообще Маркс превосходно показал социологически-условный, экономически-обусловленный характер этого развития.—«Денежная система, например, выставляет богатство еще в чисто-вещной форме, в виде денег. В сравнении с этим было уже большим прогрессом, когда мануфактурная или коммерческая система перенесла источник богатства с объекта на субъективную деятельность, на коммерческий и мануфактурный труд. Но попрежнему только эта самая деятельность в ее ограниченности считалась производящей деньги. В сравнении с этой системой, система физиократов представляла дальнейший шаг вперед,—известную форму труда—агрикультуру—она определяет как производящую богатство, самый же объект выступает не в денежном облачении, но как продукт вообще, как общий результат труда. Но этот продукт, в силу ограниченности деятельности, все еще продукт, находящийся в зависимости от природы. Земледелие производит, земля производит *par excellence*. Огромным шагом вперед со стороны Адама Смита было то, что он отбросил всякие ограничения деятельности, создающей богатство, и выдвинул собственно труд,—не мануфактурный, не коммерческий, не земледельческий в отдельности, а любой без различия. Абстрактная всеобщность деятельности, создающей богатство, привела к всеобщности объекта, определяемого как богатство, к продукту вообще, или—снова—к труду вообще, но ставшему уже прошлым, овеществленным трудом»¹.

Степень или ступень упрощения многообразия явлений зависит от *уровня* наших знаний, от того, насколько наш *опыт* способен охватить реальный ход изменений материи,—от того, в какой форме движение входит в наш опыт,—от того, как оно в нем отражается. Воспроизводство конкретного на пути мышления определяется материальными условиями этого воспроизводства. Они определяют объект познания *для нас*. Однако всякое воспроизводство конкретного на пути мышления, всякое научно-обоснованное упрощение действительности опирается на действительность, является отражением «вещи в себе», материи, как таковой.

«С точки зрения современного материализма, т. е. марксизма, исторически условны *пределы* приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но безусловно существование этой истины, безусловно то, что мы приближаемся к ней»².

¹ «Einleitung». S. XXIX—XL.

² Ленин, Материализм и эмпириокритицизм. Т. X, стр. 109.

Истина познания, следовательно,—в его «самодвижении», и именно это «самодвижение» приобретает тем более объективный характер, чем больше с помощью его мы раскрываем тайну «самодвижения» материи. Истина познания, поэтому, в конечном счете, заключается в «самодвижении» материи.

Упрощение действительности с помощью понятий воспроизводит объективный процесс материального движения в той или иной частной, обособленной форме. Это не «инструментальное» приспособление действительности к нашим потребностям, не упрощение действительности ради «экономии мышления», как утверждают прагматисты и эмпириокритики, а *объективно-необходимое* отражение ее. Лишь постольку, поскольку оно является таковым, оно может соответствовать нашим потребностям и служить интересам экономики мышления.

«Действительны ли молекулы в том же самом смысле, как и кирпичи или растительные клетки?»¹—На этот счет с научной точки зрения не может быть двух мнений.

«Природа, конечно, не так устроена, чтобы допускать строгое разделение всего на отдельные категории и рубрики *patra rett, natura non facit saltus*; однако еще в меньшей степени она является всеобщей мешаниной, без всяких различий, с одними лишь текучими переходами, поддающимися ограничению лишь путем более или менее произвольного установления границ. Напротив, она является индивидуализированной непрерывностью, которую можно сравнить с морем, где каждая волна—хотя она и сливается с целым без резко очерченных границ—уничтожается, однако, как отдельно, самобытное и ясно-распознаваемое образование; или с земной поверхностью, с горами и равнинами, переходящими друг в друга без резких границ, не утрачивая однако, при этом, свое ясно распознаваемо-индивидуальное значение»².

Стихийная логика фактов толкает представителей естествознания на путь диалектического мышления.

Реальность упрощения действительности, а значит, и реальность понятий базируется на том, что вся *действительность* в целом представляет собою единый процесс «самодвижения» материи.

VII

Понятие исторического закона является величайшим завоеванием марксизма в области диалектической логики и научной методологии.

«Вечные законы природы превращаются все более и более в исторические законы. Что вода от 0° до 100°С жидка, это—вечный закон природы, но чтобы он мог иметь силу, должны быть: 1) вода, 2) данная температура и 3) нормальное давление. На луне нет вовсе воды, на солнце имеются только элементы ее, и к этим небесным телам наш

закон неприменим. Законы метеорологии тоже вечны, но только для земли или же для тела, обладающего величиной, плотностью, наклоном оси и температурой земли и при предположении, что оно обладает атмосферой с одинаковой пропорцией кислорода и азота и с одинаковыми массами испаряющегося и осаждающегося водяного пара. На луне нет совсем атмосферы; солнце обладает атмосферой из раскаленных металлических паров, на луне поэтому нет совсем метеорологии, на солнце же она совершенно иная, чем у нас. Вся наша официальная физика, химия и биология исключительно геоцентричны и рассчитаны для земли. Мы совершенно не знаем формы электрических и магнитных напряжений на солнце, на неподвижных звездах и туманностях и даже на планетах, обладающих иной плотностью. Законы химических связей элементов прекращаются на солнце благодаря высокой температуре или же имеют временное действие на границе солнечной атмосферы, причем соединения эти снова разлагаются при приближении к солнцу. Но химия солнца находится в становлении, и она неизбежно иная, чем химия земли, она не опровергает последней, но находится вне ее. На туманностях, возможно, не существуют те из 65 элементов, которые, может быть, сами сложны. Итак, если мы желаем говорить о всеобщих законах природы, применимых ко всем телам, начиная с туманного пятна и кончая человеком, то нам остается только тяжесть и, пожалуй, наиболее общая формулировка теории превращения энергии—*viŕgo* механическая теория теплоты. Но сама эта теория превращается, если последовательно применить ее ко всем явлениям, в историческое изображение происходящих в какой-нибудь мировой системе, от ее зарождения до гибели, изменений, т. е. превращается в историю, на каждой ступени которой господствуют другие законы, т. е. другие формы проявления одного и того же универсального движения,—и таким образом абсолютно всеобщим значением обладает лишь одно—движение»¹.

Субъективный идеализм вырывает пропасть между природой и историей потому, что он—враг диалектики, насквозь метафизичен. Он не понимает того, что *и единичность, и общность имеют свой предел, что у них одна и та же граница в рамках определенной формы проявления универсального движения, что они соотносительны в известных рамках*. Движение, достигая известного качественного предела, переходит в другую форму. Закон перехода количества в качество и обратно—«всеобщий закон развития природы, общества и мысли, общезначимое начало»². Однако этот закон не сводится к пустой и мертвой абстракции. Наоборот, в силу того, что он является универсальным принципом движения материи, он конкретизируется в бесчисленных проявлениях и служит, в то же время, *орудием, средством, методом воспроизводства конкретного на пути мышления*. Единичное и общее выделяется на основе известной качественной определенности,

¹ В. Bavinck, Ergebnisse und Problemen der Naturwissenschaft, Leipzig, 1924, S. 24.

² Там же, стр. 81—82.

¹ Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 85.

² Там же, стр. 229.

в рамках определенной формы проявления движения. «Взаимное проникновение противоположностей», — единичного и общего, — происходит в этом кругу. В этих рамках готовится преодоление борьбы взаимно-противоположных тенденций, «отрицание отрицания». Повторение определенных явлений, благодаря этому, переплетается с возникновением нового. Воспроизводство превращается в воспроизводство в расширенном масштабе. При историческом рассмотрении предмета познания естественно и неизбежно устраняется безысходное противоречие между природой и историей, между тождеством и развитием. Только путем постепенного развития может созреть новое. Постепенное развитие предполагает воспроизводство старого. Но переход к новому, решающий для всего хода развития, может быть совершен лишь путем перерыва постепенности, путем скачка.

Забвение исторических границ данной формы проявления движения неминуемо влечет за собою отклонение от действительности. Истина превращается в заблуждение на объективно-исторической основе, — точно так же, как на этом же фундаменте происходит превращение незнания в знание.

Маркс указывал, что буржуазная классическая экономия впадала зачастую в ошибки потому, что она искала единства и тождества там, где могли быть только противоречия, ведущие к новым переходам количества в качество. «Но это необходимо вытекает из ее *аналитического* метода, с чего должна *начинать* критика и объяснение», писал он. «Она заинтересована не в том, чтобы *генетически* развить различные формы, а в том, чтобы путем анализа свести их к их единству, так как она исходит из них, как из *данных* предпосылок. Но анализ является необходимой *предпосылкой* генетического изложения, понимания действительного процесса развития в его различных фазах. Классическая экономия впадает в конце концов в ошибку, заблуждается, рассматривая основную *форму* капитала, производство с целью присвоения чужого труда, *не как историческую форму, а как естественную форму* общественного производства; это такое понимание, для устранения которого она сама, однако, прокладывает путь своим анализом»¹.

Анализ находит свое *завершение* и, вместе с тем, свою *границу* в синтезе. Но этот синтез — не простое формальное проявление синтетической способности мышления. Он отражает и суммирует реальный ход движения, его превращения и реальные признаки и границы этих превращений. Он выражает «внутреннюю связь и необходимость в содержании науки», «необходимость связи и имманентное происхождение различий»².

К этому определению Гегеля тов Ленин добавлял: «Это вот что значит, по-моему: 1) *Необходимая* связь, объективная связь всех сторон, сил, тенденций данной области явлений. 2) *Имманентное проис-*

*хождение*¹ различий — внутренняя объективная логика эволюции и борьбы различий, — *полярности*»².

Понятие товара «рабочая сила» имманентно, с внутренней необходимостью вытекает из анализа обмена товаров. Но это понятие синтезирует данные анализа не формально, а по существу. Под товарной оболочкой оно вскрывает определенный способ производства. Непонимание превращения товара «рабочая сила» в переменный капитал помешало буржуазной классической экономии понять внутреннюю необходимость в связи явлений капиталистического хозяйства.

С формальной точки зрения всякое понятие представляет собою продукт синтетической деятельности мышления, — самодовлеющий продукт ее, обусловленный лишь ее законами. «*Но конкретное — конкретно потому, что оно — соединение многих определений, а следовательно, единство многообразного.* Вследствие этого, оно представляется мышлению в виде процесса соединения, в виде результата, а не исходного пункта, хотя это и действительный исходный пункт, а потому и исходный пункт воззрения (Anschauung) и представления... Гегель... впадает в иллюзию, представляя реальность как результат всеобъемлющего, самоуглубляющегося и самодвижущегося мышления, тогда как *метод восхождения от абстрактного к конкретному — только способ усвоения конкретного мышлением, способ духовного воспроизводства его. Но вовсе не процесс возникновения конкретного*»³. Как раз в силу того, что бытие определяет сознание, самые общие абстракции являются продуктом наиболее богатых содержанием форм развития материи, историческим продуктом. Только в этом случае абстракция может прокладывать путь конкретному, воспроизводить это конкретное в процессе своего «самодвижения», открывать конкретное как свое внутреннее содержание. Распадение купли-продажи в процессе обмена товаров было characterized Марксом как «общая, абстрактная возможность кризиса», как «самая абстрактная форма кризиса». Ясно, что это распадение купли-продажи повторялось бесконечное число раз до возникновения капиталистического способа производства. Почему же оно не сосредоточивало на себе внимания, не рассматривалось как исходная точка и самая абстрактная форма кризиса? — Потому, что ни один из докапиталистических способов производства не знал таких кризисов, какие знает капитализм. Потому, что при тех способах производства противоположность между меновой и потребительной стоимостью не носила такого всеобщего, глубокого и всеохватывающего характера. Потому, что это распадение купли-продажи не служило исходным звеном развивающегося противоречия, звеном противоречия, определяющего весь способ производства, весь общественный строй.

Марксистское понятие исторического закона дает ключ к пониманию закономерности образования понятий. Оно восстанавливает раз-

¹ Здесь курсив В. И., дальше — наш.

² Ленин, Конспект «Науки логики» Гегеля. «Под знаменем марксизма», № 1—2, 1925 г., стр. 15.

³ «Einleitung», S. XXXVI.

¹ «Теории прибавочной ценности», том III, стр. 388—389.

² G. F. W. Hegel, Wissenschaft der Logik, I. S. 37.

рушенное идеализмом единство абстрактного и конкретного. «Действительное единство мира заключается в его материальности». Действительное единство абстрактного и конкретного заключается не в синтетической способности мышления, а в том, что и то и другое суть последовательные ступени отражения материи. *Восхождение от абстрактного к конкретному, характеризующее «самодвижение» понятия, определяется саморазвитием материи.* Конкретное—соединение многих определений потому, что эти определения последовательные, генетически-преемственные моменты единого процесса движения. Условности абстракций, обусловленности их историческим законом той или иной формы проявления движения, не понимает и не хочет понять идеализм. Оттого абстракция в его руках из орудия познания превращается в его тормоз, из средства воспроизводства конкретного превращается в средство опустошения конкретного. «Это—старая история. Сперва сочиняют абстракции, отвлекая их от чувственных вещей, а затем желают познать их чувственно, желают видеть время и обонять пространство. Эмпирик до того втягивается в привычный ему эмпирический опыт, что воображает себя все еще в области чувств, опыта даже тогда, когда он имеет дело с абстракциями. Мы знаем, что такое час, метр, но не знаем, что такое время и пространство! Точно время есть нечто иное, чем сумма часов, а пространство нечто иное, чем сумма кубических метров! Разумеется обе формы существования материи, без этой материи, представляют ничто, только пустое представление, абстракцию, существующую только в нашей голове. Но мы неспособны познать, что такое материя и движение! Разумеется, неспособны, ибо материю, как таковую, и движение, как таковое, никто еще не видел и не испытал каким-нибудь иным образом; люди имеют дело только с различными реально существующими материями и формами движения. Вещество, материя—не что иное, как совокупность веществ, из которой абстрагировано это понятие; движение, как таковое, есть не что иное, как совокупность всех чувственно воспринимаемых форм движения; *слова, вроде материя и движение, это—просто сокращения, в которых мы резюмируем согласно их общим свойствам различные чувственно воспринимаемые вещи. Поэтому материю и движение можно познать лишь путем изучения отдельных форм вещества и движения; поскольку мы познаем последние, постольку мы познаем материю и движение, как таковые*»¹.

Итак, нет абстрактной истины, истина всегда конкретна. Она познается лишь в процессе изменений материи, как побочный продукт этих изменений, обусловленный существованием познающего субъекта.

Наши понятия—своеобразный продукт кристаллизации объективной связи природы в нашем мышлении.

¹ Фр. Энгельс, Диалектика природы, стр. 151—153. Подчеркнутый курсив—Энгельса, обыкновенный—наш.

VIII

«Раздвоение единого и познание противоречивых частей его... есть суть (одна из «сущностей», одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики... Правильность этой стороны содержания диалектики должна быть проверена историей науки. На эту сторону диалектики обычно (напр., у Плеханова) обращают недостаточно внимания: тождество противоположностей берется как сумма примеров (напр., зерно, напр., первобытный коммунизм—тоже у Энгельса. Но это для популярности...), а не как закон познания (и закон объективного мира).

В математике + и —. Дифференциал и интеграл.

В механике действие и противодействие.

В физике положительное и отрицательное электричество.

В химии соединение и диссоциация атомов.

В общественной науке классовая борьба»¹.

Противоречие есть всеобщая форма изменения материи. Оно неотделимо от движения материи *точно так же*, как движение неотделимо от материи. Движение путем противоположностей есть движение, наполненное реальным, конкретным содержанием, нераздельно слитое с ним. Противоречие составляет специфическое, конкретное содержание движения. *Движение путем противоположностей, развитие в противоречиях, вытекает из неразрывности материи и движения,—в целом и во всех их конкретных проявлениях. Об'ективная связь природы² основывается на неразрывности материи и движения, противоречие адекватно выражает их сущность, именно, поэтому, закономерность и необходимость принимают форму разрывающегося противоречия.* Наше мышление отражает объективные процессы.—«Диалектическое мышление есть только отражение господствующего во всей природе движения путем противоположностей, которые и обуславливают жизнь природы своими постоянными противоречиями и своим конечным переходом друг в друга, либо в высшие формы»³. Движение путем противоположностей есть «самодвижение» или саморазвитие материи. Каждый конкретный вид этого движения выявляет отдельную конкретную форму «самодвижения» материи. Только тождество бытия и небытия, «становление», дает возможность уяснить внутреннюю закономерность явлений, составляющих предмет познания той или другой области науки. «При предположении абсолютной раздельности бытия и ничто, начало или становление (das Werden), разумеется,—нечто непонятное, о чем зачастую и приходится слышать»⁴.

Противоположность между материалистической диалектикой и субъективным идеализмом наиболее глубока как раз в этом вопросе, в

¹ «К вопросу о диалектике».—«Большевик», № 5—6, 1925 г., стр. 101—102. См. Фр. Энгельс, Диалектика природы, стр. 61—62.

² Как целого, охватывающего и собственно природу и общество.

³ Фр. Энгельс, Диалектика природы, стр. 61.

⁴ «Wissenschaft der Logik», I Teil. S. 91.

вопросе об определении сущности движения. Субъективный идеализм исходит из дуализма, из противопоставления движения материи. По этой причине он органически неспособен понять «внутреннюю объективную логику эволюции и борьбы различий». Метафизически отрицая неразрывность материи и движения, он отвергает и диалектику, как закон объективного мира и закон познания.

Противоречие—всеобщее начало развития потому, что весь мир находится в процессе «становления» и может быть понят только в процессе «становления». Диалектика—вовсе не искусственная формальная схема, навязываемая извне познанию, как пытались ее изображать бесчисленные «критики Маркса». Наоборот, искусственным и формально-надуманным предприятием является ее отрицание.

«Точка—не только граница линии в том смысле, что последняя исчезает в ней и является чем-то существующим вне ее,—линия не только граница поверхности в том смысле, что последняя прекращает в ней свое существование; так же, как и поверхность — не только граница тела. В точке также *начинается* линия; она—ее абсолютное начало. Поскольку же линия в обе стороны не имеет границ, или—как выражаются—может быть продолжена до бесконечности, точка составляет ее элемент—так же, как линия—элемент поверхности, поверхность—элемент тела. Эти границы суть принцип того, что они ограничивают»¹.

Это диалектическое определение границ объекта познания—гегелевски-гениальная формулировка, до которой бесконечно далеко всем схоластическим критикам диалектики. Всякая реальная граница данного явления или данной группы явлений представляет собою, в то же время, *границу между бытием и ничто*, принцип «становления» данного явления или данной группы явлений. Диалектика требует такого определения границ явлений, при котором бы вскрывался закон их движения. Любая граница явления обусловлена всеобщей объективной связью явлений, связана с переходами от данного явления к другим явлениям. Уже в силу этого, она представляет *переменную* величину. Дифференциальное и интегральное исчисление научно выразило количественные законы изменения переменных. Переменная величина предполагает наличие, нарастание и суммирование *бесконечно-малых* изменений. Бесконечно-малые величины стремятся к определенному пределу. Но, поскольку, границы данного явления или процесса познаются в качестве переменной величины, подчиненной известному закону изменения, постольку самое явление или самый процесс превращаются в *функцию* этой переменной. Закон изменения границ явления или процесса становится «законом движения» явления или процесса, —*dx* бесконечно мало, но в то же время действительно и производит все». Уже тут мы встречаем «диалектическое отношение» между категориями тождества и различия².

Не одностороннее, а *научно-всестороннее* определение *постоянных* границ явления или процесса приводит к определению этих границ как

¹ «Wissenschaft der Logik», стр. 115 нем. текста.

² «Диалектика природы», стр. 53.

переменной величины, стремящейся к определенному *пределу*. Обще-значимым началом познания опять оказывается все тот же *исторический закон, закон движения путем противоположностей*.

Важнейший, существенный признак каждого периода истории Фурье называл его *pivot*, его стержнем или осью, вокруг которой вращается все. Это приложимо не только к истории развития человечества. Всякий существенный признак явления или процесса служит его *осью вращения при переходе* от данного состояния к новому состоянию. Это узловое звено при переходе от одного этапа к другому.

В понимании имманентного, внутренне-необходимого характера развития в *противоречиях* заключается отличие диалектического материализма от эклектического и поверхностного «объективизма», не умеющего подняться до усвоения *внутренне-необходимой* исторической обусловленности всего происходящего. В. И. Ленин превосходно выяснил эту сторону диалектики в борьбе со струвизмом. «Объективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею *антагонистические* отношения. Объективист, доказывая *необходимость* данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые *противоречия* и тем самым определяет свою *точку зрения*. Объективист говорит о «непреодолимых исторических тенденциях»; материалист говорит о том классе, который «заведует» данным экономическим порядком, создавая такие-то *формы противодействия* других классов. Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и *глубже, позднее* проводит свой *объективизм*. Он не *ограничивается* указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает *содержание* этому процессу, какой именно класс *определяет* эту *необходимость*»¹.

Только познание *внутренней* необходимости и обусловленности явлений позволяет сводить их эмпирическое, поверхностное многообразие к *внутреннему единству*. Но внутренняя необходимость и обусловленность явлений познаваемы лишь при изучении объекта исследования в процессе развития, в движении. Не случайно, что прежде всего *общественная* наука стала краеугольным камнем в области применения диалектического метода. Здесь мы—известным образом—имеем дело с самопознанием. Естественная необходимость в области общественных явлений — не что иное, как фетишистское облачение общественной необходимости, скрываемой противоположностью между общественным характером производства и частным характером присвоения. *Стихийная* необходимость общественных явлений—продукт своеобразного «отчуждения» воли и сознания общественного целого. Без познания тех *внутренних противоречий*, которые превращают субъекта трудового процесса—общество—в объект, нельзя уяснить внутренне-необходимую *связь* общественных явлений.

¹ «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». Собр. соч., т. II, изд. 1924 г., стр. 65.

Но всякое противоречие ведет за пределы данного, исторически-условного и исторически-обусловленного. Диалектические выводы общественной науки неизбежно носят революционный характер. Обобщающий синтез противоречивых тенденций здесь ведет к общественно-историческому *предвидению будущего*.

Истина познания обнаруживается в классовой борьбе. Потому-то буржуазная наука видит свою «научную» и «государственную» обязанность в «опровержении» марксизма. От «непознаваемости» общественного субъекта ведь зависит «субъективное» положение всего буржуазного общества! Переход от незнания к познанию здесь равнозначен переходу от капиталистического порядка к пролетарской *революции*.

Поверхностный «объективизм» в общественных науках стремится поменять движение путем противоположностей опустошением реального содержания движения и превращением его в безжизненное тождество, в мертвую, неизменно повторяющуюся форму. Струвизм, напр., взял у марксизма категорию развития производительных сил, но ограничил ее чисто-количественной стороной: развитие производительных сил равносильно их простому, качественно-неизменному росту. Специфически-общественную форму этого развития, развитие производственных отношений и классовую борьбу, он отбросил под тем предлогом, что развитие производительных сил является *безусловной*, априорной предпосылкой существования общества и *всех* его отдельных частей, всех его классов. Позже струвизм стал теорией всей международной социал-демократии. Важнейшим доводом против пролетарской революции и классовой борьбы у Каутского, Бернштейна и других стала ссылка на возможность «перерыва постепенности» в развитии производительных сил, ссылка на возможность нарушения непрерывности производства. Единство противоположностей, выражающееся в эксплуатации труда капиталом и в классовой борьбе труда с капиталом, было подменено абстрактно-метафизическим «единством» интересов труда и капитала.

Буржуазная наука вообще любит кичиться точкой зрения «научного беспристрастия». В общественных науках эта точка зрения разоблачена до конца: «научное беспристрастие» в этой области выливается в форму фальшивых попыток подняться «над» классовыми противоречиями. В естествознании это «научное беспристрастие» приводит к попыткам отрицания конкретных научных выводов и обобщений, к подмене диалектики идеалистическим релятивизмом. Точкой зрения, имманентно или внутренне-необходимо вытекающей из познания действительности, может быть только точка зрения «развивающегося противоречия», точка зрения единства противоположностей, диалектическая точка зрения. «...Диалектика является для современного естествознания самой правильной формой мышления, ибо она одна представляет *аналог и, значит, метод* объяснения происходящих в природе процессов развития, для всеобщих связей природы, для переходов от одной области исследования к другой»¹.

¹ «Диалектика природы», стр. 125—127.

Единство познающего субъекта с объектом познания, единство мышления и бытия достигается исключительно лишь с помощью диалектического метода. Если этот метод применяется бессознательно, он применяется непоследовательно. Когда он применяется *сознательно*, он в *последовательной* форме отображает «самодвижение» материи.

«*Классификация наук*, из которых каждая анализирует отдельную форму движения или ряд связанных между собой и переходящих друг в друга форм движения, является также классификацией, иерархией, согласно присущему им порядку самих этих форм движения, и в этом именно и заключается ее значение. *Подобно тому, как одна форма движения развивается из другой, так и отражения этих форм, различные науки, должны с необходимостью вытекать одна из другой*»¹.

По мере развития техники и науки превращение одних форм движения в другие все больше и больше становится *общим* достоянием всех отраслей знания. Данные одной отрасли контролируются, проверяются, дополняются и оплодотворяются данными других отраслей знания. Чем более *диалектическим* становится человеческое знание, тем более всеохватывающим и всесторонне-связанным, *единым* становится оно. Диалектика прокладывает дорогу материалистическому монизму мировоззрения. *Относительность* научных понятий и методов приобретает, благодаря этому, более глубокий смысл: они не только воспроизводят свой специфически-ограниченный объект познания, они также воспроизводят объективную связь природы в данном конкретном проявлении.

Никто лучше В. И. Ленина не выразил подлинную суть диалектики: «Диалектика как *живое*, многостороннее (при вечно увеличивающемся числе сторон) познание с бездной оттенков всякого подхода, приближения к действительности, с философской системой, растущей в целом из каждого оттенка—вот неизмеримое богатое содержание по сравнению с «метафизическим» материализмом, основная *беда* коего есть неумение применить диалектики к Bildertheorie (?); к процессу и развитию познания»².

IX

Наука и философия в современном смысле—продукт определенного общественного уклада. Идеалистическая философия считает единственно-реальным субъектом познания—отдельную личность, индивидуума или, вернее сказать, его духовное «я». Ей кажется это само собой разумеющимся. Но уже здесь она вырывает пропасть между теорией и практикой. Практика не знает такой отвлеченно-взятой личности. Субъективизм идеалистической философии неудержимо тянет ее к солипсизму. Но то, что проделывает буржуазная философия,

¹ «Диалектика природы», стр. 31—33.

² «К вопросу о диалектике». «Большевик», № 5—6, 1925 г., стр. 104.—В тексте напечатано: Bildertheorie и переведено—«теория развития» (?!). Очевидно, Abbildungstheorie—теория отображения.

это же проделывает и вся буржуазная наука. Всюду она ищет единичное и неповторяемое. Это единичное и неповторяемое, по неизвестным причинам врывается в объективный ход явлений, творит субъективный произвол. Маркс разоблачил этот *методологический солипсизм* в политической экономии, в наши дни нашедший свое завершение в теории предельной полезности, с такой полнотой и очевидностью, что одновременно обнажил *корни* этого извращения действительности *вообще*. «Производящие в обществе индивидуумы, следовательно, общественно-обусловленное производство индивидуумов», — писал он, — «конечно, исходный пункт. Отдельные и обособленно-взятые охотники и рыбаки, с которых начинают Смит и Рикардо, относятся к нестроеным продуктам воображения восемнадцатого века. Это — робинзонады, которые вовсе не выражают реакции против изнеженности и стремления вернуться к непонятой естественной жизни, как воображают историки культуры. Это столь же мало соответствует действительности, как и то, что «*Contrat social*»¹ Руссо, связывающий и соединяющий независимых от природы индивидуумов, основывается на подобном натурализме. Это только видимость и, притом, эстетическая видимость больших и малых робинзонад. На самом деле, это — *предвосхищение «буржуазного общества»*, подготовлявшегося с шестнадцатого века и гигантски шагнувшего к своей зрелости в восемнадцатом. В этом обществе свободной конкуренции отдельное лицо кажется свободным от естественных уз и т. п., в прошлые исторические эпохи делавших его принадлежностью известного, замкнутого человеческого конгломерата. Пророкам XVIII столетия, на плечах которых все еще стоят Смит и Рикардо, этот индивидуум восемнадцатого столетия — продукт, с одной стороны, распада феодальных общественных форм, с другой — производительных сил, заново развившихся с шестнадцатого столетия, представлялся идеалом, существовавшим в прошлом. Не историческим результатом, а отправной точкой истории. Так как этот индивидуум казался естественным и соответствовал их представлению о человеческой природе, то он казался не происшедшим исторически, а данным от природы. Это заблуждение до сих пор было присуще каждой новой эпохе... Чем дальше вглубь истории мы пойдем, тем больше индивидуум, а следовательно, и производящий индивидуум, будет несамостоятельным, принадлежащим к более значительному целому: сначала — совершенно естественно в семье и в племени, выросшем из семьи, позже — в обществе в его различных формах, слившемся из противоположности и слияния племен. Только в XVIII столетии, в «гражданском обществе», различные формы общественной связи для отдельного лица оказываются лишь средством для его частных целей; внешней необходимостью. Но эпоха, порождающая эту точку зрения, точку зрения обособленной личности, — эпоха самых развитых общественных (всеобщих в этом смысле) отношений»².

¹ «Общественный договор».

² Einleitung. «Zu einer Kritik der politischen Oekonomie».

Маркс показал не только, что точка зрения обособленной от общественного целого личности есть точка зрения буржуазного общества. Он также показал, что эта точка зрения есть *точка зрения формально-абстрактного тождества субъекта*. Этим путем он вскрыл *историческую обусловленность философии*, и — в частности — теории познания буржуазной эпохи, которая также исходит из формально-абстрактного тождества индивидуализированного субъекта познания. Он установил историческую обусловленность буржуазной идеологии *вообще*. И в религии буржуазного общества он нашел те же характерные элементы, что и в его политической экономии. «Для общества товаро-производителей, характерное общественно-производственное отношение которого состоит в том, что продукты труда являются здесь для них товарами, т. е. стоимостями, и что отдельные частные работы приравниваются здесь друг к другу в этой *единообразной* форме как одинаковый человеческий труд, — для такого общества наиболее подходящей формой религии является христианство с его *культулом абстрактного человека*, в особенности в своих буржуазных разновидностях, каковы протестантизм, деизм и т. д.»¹.

Мышление неотделимо от языка. Только с помощью языка возможно образование понятий. Но язык, как и понятия, образуемые при его посредстве, — продукт общественного сотрудничества людей, и, в то же время, орудие или средство этого общественного сотрудничества. *Сведение индивидуального к социальному* служит основой *социологического* метода. Но сведение индивидуального к социальному с помощью понятий, суждений, методов составляет, в известном смысле, жизненную суть процесса мышления, как такового. Этим путем, так сказать, *обобществляется в формальном смысле* содержание опыта каждого отдельного человека. Этот опыт становится понятен другим людям, он приобретает *общезначимую* форму, он становится достоянием общества. *Процесс мышления по форме своей — социальный процесс, так как и назначение его социальное*. Покойный эмпириомонист Богданов на этом основании пытался изобразить всю действительность как *продукт* социально-организованного опыта. Он извратил истину диалектического материализма, решив, что сведением индивидуального к социальному *исчерпывается* сущность мышления. Как все идеалисты, он выбросил за борт сведение мышления к бытию, к закономерности объективной связи природы.

В. И. Ленин превосходно разоблачил эту фальсификацию марксизма: «Всякий человек знает — и естествознание исследует — идею, дух, волю, психическое, как функцию нормально работающего человеческого мозга; *оторвать же эту функцию от, определенным образом, организованного вещества, превратить эту функцию в универсальную, всеобщую абстракцию, «подставить» эту абстракцию под всю физическую природу, — это бредни философского идеализма, это насмешка над естествознанием*. Материализм говорит, что «социально-организованный опыт живых существ» есть производное от физической при-

¹ «Капитал», том I, стр. 46—47.

роды, результат долгого развития его, развития из такого состояния физической природы, когда ни социальности, ни организованности, ни опыта, ни живых существ не было и быть не могло»¹.

Общезначимая тех или иных продуктов мышления есть общественно-необходимая форма мышления, обусловленная необходимостью познания природы, действительности, материи. Она обуславливает лишь формальную возможность перехода от незнания к знанию. Самый этот переход обуславливается соответствием между мышлением и бытием. «...Несомненно, что католицизм есть социально-организованный опыт; только отражает он не объективную истину (которую отрицает Богданов и которую отражает наука), а эксплуатацию народной темноты определенными общественными классами»².

Если Богданов пытался подкрепить махизм социологическим методом, то «австро-марксист» Макс Адлер попытался подновить марксизмом новокантианство. Формально-социальную обусловленность мышления он приравнял к синтетической способности мышления. Таким образом опороченное от всякого реального содержания, «сознание вообще» (*Bewusstsein überhaupt*) у него стало демиургом действительности³.

Марксистская социология не стремится подменить собой науку и философию. Напротив, она прокладывает им дорогу, расчищая ее от идеалистических предрассудков и пугал фидеизма. Социологический метод дает возможность распознать общественно-обусловленные, исторически-необходимые границы познания. Вместе с тем марксистская социология обнаруживает внутренне-необходимую связь мышления с общественным бытием, зависимость его от общественного производства материальных предпосылок человеческого существования. «Чтобы исследовать связь между духовным и материальным производством, прежде всего необходимо рассматривать это последнее не как общую категорию, а в его отдельной исторической форме. Так, например, капитализму соответствует другой вид духовного производства, чем средневековому способу производства. Если само материальное производство берется не в его специфической исторической форме, то невозможно сделать сколько-нибудь определенных выводов насчет соответствующего ему духовного производства и насчет их взаимодействия. Определенной формой материального производства обуславливается, во-первых, определенное расчленение общества, во-вторых, определенное отношение человека к природе. Тем и другим определяется его государственный строй и его мирозерцание. А следовательно, и характер его духовного производства»⁴.

Процесс мышления, взятый не изолированно, в отдельных абстрактных определениях, а во всей его совокупности, как целое, внутренне-

¹ «Материализм и эмпириокритицизм», стр. 190—191.

² Там же, стр. 191.

³ См. 1) Marx—Studien. I Band 1904. «Kausalität und Teleologie im Streite um die Wissenschaft». 2) «Marxistische Probleme». Dietz Verlag, 1913.

⁴ К. Маркс, Теории прибавочной ценности, том I, перевод под ред. Г. В. Плеханова, изд. Комуниверситета им. Зиновьева, 1922 г., стр. 250.

связанное со своим содержанием, находится в неразрывной диалектической связи, с общественным бытием. «Развитие богатства человеческой природы» происходит противоречивым путем. «Это развитие способностей рода-человек, совершаясь прежде всего насчет большинства человеческих индивидуумов и известных человеческих классов, в конце концов уничтожает этот антагонизм и совпадает с развитием отдельного индивидуума»¹. Субъект познания определяется общественным бытием. Оно же определяет и границы, условия и предпосылки перехода от незнания к знанию. Но «границы суть принцип того, что они ограничивают». Действительность искажается, отдельные элементы и моменты движения материи застывают и кристаллизуются в сознании, как вечные и неизменные нормы и категории, разрывается диалектическая связь с действительностью, поскольку субъективные предпосылки познания оказываются в противоречии с действительностью. Такая общественно-обусловленная ограниченность становится «осью» отклонения от действительности, стержнем такой идеологии, которая «самочинно» развивается за счет действительности. В процессе познания происходит не только переход от незнания к знанию, но и обратный переход от знания к незнанию.

Только материалистическое понимание истории делает возможной монистическую теорию познания, так как оно включает и общество в сферу естественного развития, рассматривает общественное развитие как продолжение естественного развития, а процесс развития мышления как производный продукт общественного развития.

X

Социология начинает с того, чем кончат политическая экономия. Научная социология невозможна без марксистской политической экономии. Она основывается на выводах последней, она заимствует у нее свои методы, она расширяет и развивает ее обобщения. Разоблачение тайны товарного фетишизма кладет начало экономическому анализу. Стихийная необходимость общественных взаимоотношений, вырастающая из обмена товаров помимо воли и сознания людей, перестает слепить глаза, как только выясняется ее реальная основа—разделение рабочего и средств производства; как только становится понятной историческая обусловленность разделения и соединения рабочего и средств производства.

Предпосылки научной, то есть диалектической и материалистической, социологии создаются только развитием капитализма. Именно при капитализме «становление», возникновение и разрушение, распад различных общественных форм принимают доселе невиданный размах. В общественной жизни «все течет, все движется». Общество распадается на мельчайшие атомы, на обособленных индивидуумов, но, наряду с этим, миллионы отдельных песчинок, «свободных личностей», на-

¹ «Теории прибавочной ценности», т. II, стр. 205.

чинают действовать по команде экономической необходимости, не прикрытой никакими обманчивыми идеологическими облачениями. Наиболее массовое, все заслоняющее общественное явление при капитализме, это—обмен товаров. Рынок господствует над индивидуальными стремлениями и рабочего, и капиталиста. Приравнение отдельных частных работ друг к другу в единообразной форме означает сведение индивидуального к социальному. Всесторонняя, всеохватывающая и всепронизывающая зависимость *всех* продуктов материального и *духовного* производства от рынка не подлежит ни малейшему сомнению. *Сведение индивидуально-случайного к социально-закономерному* составляет основной социологический прием.

Но индивидуально-случайное может быть сведено к социально-закономерному лишь *на основе экономики*. Единство мира общественных явлений, как и мира вообще, заключается в его материальности. Правильное познание отношения общественного сознания к общественному бытию служит непременным условием познания социальной закономерности. Фантом товарного фетишизма расплывается и исчезает, *поскольку* товары оказываются сгустками, кристаллами общественно-необходимого труда, поскольку из субъективной деятельности общественного человека выделяется ее материальный стержень— *практическое отношение человека к природе*. С другой стороны, сведение общественных взаимоотношений людей к этой материальной основе разрушает и кажущуюся окаменелость объективированных, овеществленных общественных отношений, нераздельно спаянных со своим материальным содержанием. На рынке рабочая сила выступает как товар, так как всестороннее развитие товарного производства неминуемо ведет к превращению в товар *всех* элементов общественного производства. Благодаря превращению рабочей силы в товар производство товаров превращается в производство прибавочной стоимости и, следовательно, в производство капитала. Однако, в силу этого, купля-продажа рабочей силы—главнейшее условие капиталистического способа производства—становится источником его неустойчивости. Противопоставление средств производства рабочей силе облекается в форму *развивающегося противоречия* и завершается кризисами. Кризисы обнаруживают, что вследствие отделения рабочего от средств производства происходит как *перерыв в функционировании и развитии производительных сил*, так и *нарушение равновесия системы капиталистических производственных отношений*. Общественная форма производства вступает в конфликт с самим производством. Марксов экономический анализ кризисов вскрывает *необходимость исторической смены способов производства*, историческую закономерность развития общественного производства, *диалектику развития производительных сил и производственных отношений, сталкивающихся в моменты кризисов как полярные противоположности и потому легко различимых*. Стихийная необходимость всеобщего обмена товаров оказывается в то же время стихийной необходимостью группировки людей по классовому признаку и классовой борьбы. *Вытекающая из условий капиталистического производства неизбеж-*

ность кризисов оказывается, одновременно, и неизбежностью развития классовой борьбы вплоть до высших форм ее, до диктатуры пролетариата.

Таким образом, основы социологического метода—сведение индивидуального к социальному, сведение социального к его материальной основе, сведение социальной закономерности к историческим законам развития производительных сил и производственных отношений, сведение социального познания к классовой борьбе—опираются на внутренне-необходимую закономерность капиталистического развития. «Буржуазное общество—самая развитая и сложная историческая организация производства. Категории, выражающие ее отношения, понимание их расчленения, позволяют одновременно понять расчленение и производственные отношения всех погибших общественных форм, на развалинах и элементах которых она воздвигнута, часть которых в качестве неопределенных пережитков продолжает еще существовать в ней, другая же часть которых развилась из слабых намеков в оформленные элементы и т. д. Анатомия человека—ключ к анатомии обезьян. Но указания на высшее у более низких животных видов могут быть поняты только тогда, когда само высшее уже известно. Буржуазная экономия—ключ к античной и т. д.»¹ В буржуазном обществе все общественные противоречия проявляются в наиболее резкой и концентрированной форме. Огромный *размах развития производительных сил* придает особую *взрывчатую силу* этим противоречиям. Невиданно-быстрый *темп* развития производительных сил дает возможность понять, как и почему общественное бытие не покрывается общественным сознанием, почему сознание *отстает* от бытия. Безжизненная неподвижность тех продуктов «независимого» мышления, которые претендуют на звание вечных норм, категорий и законов, показывает их субъективную ограниченность.

Идеология—политическая, правовая, философская, научная, религиозная и художественная—оказывается *надстройкой* в силу внутренних законов *самого* капитализма. «На базисе капиталистического производства масс непосредственных производителей противостоит общественный характер их производства как строжайше регулирующей авторитет, как развившийся в совершенно законченную иерархию общественный механизм их трудового процесса,—причем, однако, авторитетом этим носители его пользуются *лишь в качестве олицетворения условий труда в противоположность самому труду, а не в качестве политических или теократических властителей, как это было при более ранних формах производства*»².

Отображенная в кривом зеркале буржуазных политических представлений, правовых норм, религиозных верований, философских взглядов и т. п., общественная связь играет лишь строго подчиненную роль. Авторитет же капиталиста, как олицетворения капитала, по-

¹ Einleitung zu einer Kritik. S. XLI—XLII.

² «Капитал», т. III, ч. 2, стр. 420.

стоянно подрывается и все более разрушается вследствие неизбежного роста классовых противоречий и классовой борьбы.

Техника капиталистического общества возникает и развивается на научном базисе. Этого не было при докапиталистических общественных формациях.—«Условие их существования—низкая ступень развития производительных сил труда и соответственная связанность отношений людей в рамках процесса, создающего их материальную жизнь, а вместе с тем *связанность их отношений друг к другу и к природе*. Эта реальная связанность отражается идеально в древних естественных и народных религиях»¹.

— «В основе этих различных неправильных представлений о природе, о строении самого человека, о духах, волшебных силах и т. д. лежит по большей части лишь *отрицательно-экономическое* (nug negativ Oekonomisches): низкое экономическое развитие доисторического периода имело в качестве своего дополнения, а порой даже в качестве условия и даже в качестве причины *ложные представления о природе*»².

Объективирование субъективной деятельности в форме материального процесса производства наталкивалось на недостаточность материальных средств. Современный охотник с дальнобойным ружьем центрального боя не нуждается в подражании движениям и ухваткам животного с целью его привлечения к себе. Над ним не тяготят приметы, злые духи и неведомые силы. Но весь этот арсенал условных рефлексов необходим там, где материальные условия охоты связаны со случайностью и неизвестностью, зачастую приводящими к смерти. При докапиталистических способах добывания средств существования идеология, до известной степени, выполняет *роль суррогата* в борьбе с природой. Она консервирует, закрепляет определенные трудовые навыки и формы общественного сотрудничества с помощью высшего слепого авторитета, способствуя *этим* путем общественному самоохранению. В мистической форме перед людьми предстает естественная необходимость.

Капитализм, технически подчиняя природу, противопоставляет отдельному индивидууму, освободившемуся от прежней связанности, слепую *общественную* необходимость. А наряду с этим, развитие производительных сил все больше и все резче *отделяет* знание от незнания и самообмана, *об'ективно-научное содержание идеологии от его суб'ективно-условного содержания*. Вследствие этого, суб'ективно-условное содержание идеологии, в основном, отражает не отрицательно-экономическое, не стихийность природы, но *стихийность общественной жизни* при капитализме. Научная идеология все больше срастается, с одной стороны, с техникой, с другой стороны, с классовой борьбой. Идеология же буржуазного общества становится все в более возрастающей мере *охранительной идеологией капитализма*. Именно поэтому она все ретивее стремится навязать науке строгие и непреодолимые гра-

¹ «Капитал», т. I, стр. 47.

² Письмо Энгельса Конраду Шмидту—27 октября 1890 г. *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Письма, стр. 285.

ницы познания. Будучи бессильна оспорить ее выводы *по существу*, она старается добиться ее *формального* подчинения себе. В этой форме конфликт между производительными силами и капитализмом переходит в высшую стадию—в конфликт между научным знанием и капитализмом. Социология, следовательно, вскрывает необходимость не только пролетарской революции вообще, но и необходимость *пролетарской культурной революции*. Развитие производительных сил выдвигает на очередь дня обобществление и производительных сил и науки. Марксистская социология служит сознательным выражением этого. Она является теорией социального познания.

XI

«Философский идеализм есть только чепуха с точки зрения материализма грубого, метафизического. Наоборот, с точки зрения диалектического материализма философский идеализм есть одностороннее, преувеличенное, чрезмерное (*überschwänliches*—*Dietzgen*) развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолют, *оторванный* от материи, от природы, обоженный. Идеализм есть поповщина. Верно. Но идеализм философский есть (*«вернее» и «кроме того»*) дорога к поповщине *через один из оттенков* бесконечно сложного познания (диалектического) человека.

Познание человека не есть (*resp.* не идет по) прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую прямую линию, которая, если за деревьями не видеть леса, ведет тогда в болото, в поповщину (где ее *закрепляет классовый* интерес господствующих классов). Прямолинейность и односторонность, деревянность и окостенелость, субъективизм и субъективная слепота—*voilà* гносеологические корни идеализма. А у поповщины (=у философского идеализма), конечно, есть *гносеологические* корни, она не беспочвенна, она есть *пустоцвет*, бесспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве живого плодотворного, истинного, могучего, всесильного, объективного, абсолютного человеческого познания»¹.

Эти, замечательные по своей глубине, строки определяют взаимоотношения между социологией и теорией познания. Теория познания диалектического материализма учит, что познание представляет собою процесс приближения к объективной истине, бесконечную по своему многообразию цепь переходов от субъективного к объективному, но это диалектический процесс. Каждый такой переход неизбежно несет на себе отпечаток известной односторонности и ограниченности. Каждый из них, взятый в отдельности, условен, относ-

¹ Ленин, К вопросу о диалектике. «Большевик» № 5—6, 1925, стр. 104—105. Курсив В. И.

телен, содержит в себе зародыш своего дальнейшего отрицания. По этой причине, любой из них заключает в себе возможность отклонения от действительности, отображения ее в безжизненной, противоречивой форме. Только всесторонняя увязка всех отдельных элементов познания указывает на внутреннюю необходимость и закономерность процесса познания, выясняет *абсолютную* необходимость перехода от субъективного к объективному. Применение этого критерия к процессу человеческого познания в *целом* ведет к пониманию того, что *развитие* человеческого познания нераздельно связано с развитием производительной силы общественного *труда*, что оно является *одной из сторон* этого развития. Отделение познания в узком смысле, обособление познания, как особой сферы *умственной* деятельности, от непосредственного участия в процессе общественного производства происходит лишь на известной *исторической* ступени. Образование и накопление *прибавочного* продукта труда служит объективной *предпосылкой* самостоятельного развития познания и определяет материальные *рамки* этого развития.

«Капиталистическое производство,—отмечал Маркс,—враждебно некоторым отраслям духовного производства, каковы искусство и поэзия. Не понимая этого, можно притти к выдумке французов восемнадцатого столетия, осмеянной уже Лессингом: так как мы в механике и т. д. ушли дальше древних, то почему бы нам не создать и эпоса? И вот является Генриада взамен Илиады»¹.

Даже погрязший в филистерстве Каутский, фальсифицируя материалистическое понимание истории применительно к практике II Интернационала, признает эту непреложную истину. «Прогрессирующая культура,—пишет он,—несет с собой массовое производство, производство немногих типов для целого мира. И это обеднение форм промышленных произведений, как и обнищание природы по части форм, идет рука об руку с обеднением языка. Каждое из этих упрощений означает возрастающее экономизирование времени и силы. Но монотонность массового производства и растущая монотонность природы возбуждают духовную деятельность гораздо слабее, чем колоссальное многообразие продуктов ручного труда. Эксплуатирующие классы в состоянии устранять это, парализующее дух, влияние массового производства с помощью художественной роскоши, не обусловленной экономическими мотивами, и с помощью путешествий в чужие страны»².

Только капитализм превратил общественное производство в производство прибавочной стоимости. Только он покорила природу. Однако вместе с тем капитализм полностью устранил из производственного процесса искусство и поэзию, бывшие раньше своеобразной мотивировкой, условными рефлексамии трудовой деятельности. Изгнав искусство и поэзию из своего производства, он удалил их и из быта большинства населения. Количественное накопление при-

бавочного продукта на этой стадии перешло в качество: искусство и поэзия стали излишеством, предметом роскоши, принадлежностью привилегированного быта. Но, благодаря этому, коренным образом изменилось и художественное восприятие мира. Оно сделалось крайне индивидуалистическим и по форме, и по существу, и по методам передачи переживаний, и по выбору тем, оно утратило прежнюю общественную значимость, бившую ключом из гомеровских творений. Оно стало способом сведения социального к индивидуальному, субъективистским отречением от уныло-однообразного мира массовых переживаний, мотивов и интересов. Бальзак, которого нельзя понять без Великой французской революции, еще занимался социологическим описанием— и одновременно объяснением общественного быта. Концентрирующая сила общественных противоречий порождала художественную потребность в отражении социальной действительности. Когда бытом стало капиталистическое производство, когда биение революционного пульса жизни перестало будить художественные эмоции в культурном слое буржуазного общества, исчезли и бальзаковские полотна. Тонкая художественная ирония Анатоля Франса, невозможная без классовой борьбы пролетариата, уже далека от стремления охватить и художественно освоить *всю* социальную действительность. Эта ирония—отражение новых растущих социальных противоречий, но она, в известном смысле, проникнута и определенной примиренностью с существующим. Это—зеркало, в которое можно смотреться и в буржуазных салонах. Но и оно—слишком большое для пресыщающихся рванье, которым бесконечно ближе фальсификаты крайнего индивидуализма формы и содержания.

Всякий исторический способ материального производства выделяет, «выпирает», преувеличивает ту или иную *форму или сторону* человеческой деятельности. Любая из этих сторон легко отрывается от общей связи явлений, превращается в абсолюте, в априорную предпосылку, рассматриваемую как необходимое условие познания вообще. Любая из этих сторон связана с определенным *способом присвоения прибавочного продукта*.

«Аристотелевское определение утверждает, строго говоря, что человек по самой своей природе есть гражданин городской республики. Для классической древности это столь же характерно, как для века янки определение Франклина, что человек есть создатель орудий»¹.

Политика, как занятие свободных граждан, живущих трудом рабов, поглощала большую часть их досуга. Поддержание и распространение политического могущества торговых и рабовладельческих республик древности было условием их существования. При капитализме машина становится орудием господства над людьми, орудием накопления капитала. Отсюда разница исторической установки у Аристотеля и Франклина.

С древне-греческой философией нечего делать в киргизской степи. Но море, земля, небо—естественные элементы культурного мира

¹ «Теории прибавочной ценности», т. II, стр. 250.

² K. Kautsky, Die materialistische Geschichtsauffassung, I Band, S. 734.

¹ Маркс, Капитал, т. I, стр. 303.

греков, во всем их многообразии и связанности они обуславливали их существование, как торговой и культурно-господствующей нации. Условия их материального существования, толкавшие их в сторону распространения их *влияния* на другие народы, толкали их и к познанию мира, к выработке таких *общих* основ знания, которые бы суммировали и резюмировали их богатый опыт. Ни диалектика, ни софистика не могли первоначально развиваться вне греческой демократии. В патриархально-родовой общине или в барской деревне все вопросы решаются традицией. Чем полнее и глубже *связь* всех сторон общественной жизни, тем *продуктивнее* мышление.

Точно так же наука о первобытном обществе не могла развиваться помимо колониальной политики, столкнувшей лбами резко-противоположные хозяйственные политические и культурные уклады. Теория эволюции также была бы невозможна без развития мирового хозяйственного оборота, расширившего рамки естествонаучного опыта, показавшего известное сближение между условиями первобытного человеческого существования и жизнью животных, без развития рационального домашнего животноводства — прежде всего в Англии и т. д.

Определенному уровню развития производительных сил соответствует известный *объем* научного знания, известные *формы его подразделения*, известные *формы связи* между подразделениями научного знания. В зависимости от способов использования сил и свойств природы находится и та *мера* движения материи, которая *поддается* учету и контролю, познанию. Из общей связи природы *мысленно обособляются* те причинные связи и зависимости, которые так или иначе захватываются «обменом веществ» между человеком и природой при *данных* средствах производства. Средства производства служат одновременно и трансформатором сил и свойств природы, и своеобразной трансмиссией, передающей движение материи познающему субъекту. Развитие производительных сил выдвигает *то ту, то другую сторону* процесса движения материи. И точно также *диалектика* развития производительных сил и производственных отношений дает перевес то той, то другой стороне *духовного* производства, то той, то другой форме его.

Чем более *застойным* характером отличается данное состояние производительных сил и производственных отношений, тем более *неподвижно* духовное производство, тем больше над ним тяготеет *данная* форма, тем более неподвижны его внутреннее содержание и методы, тем меньше *дифференциация* между объективным и субъективным содержанием идеологии, тем меньше дифференциация между тем, что *отражает* действительность, и тем, что *извращает* ее, ограничивает познание.

Феодально-средневековое мировоззрение — продукт феодального способа разделения физического и умственного труда. Церковь — придаток и продолжение феодальной иерархии, а средневековый мир религиозных представлений, охватывающий своими инквизиционными тисками все духовное производство, — придаток и продол-

жение церковной иерархии. Присвоение прибавочного продукта здесь освящено божественным произволом, но этот же божественный произвол освящает и ограниченность знания варварски-феодальным уровнем развития производительных сил. Способ присвоения прибавочного продукта здесь определяет условия духовного производства так же адекватно, как способ присвоения прибавочного продукта в классической Греции определял развитие политической идеологии, элементов естествознания, философии и искусства. Здесь априорные предпосылки познания столь же свирепо-неподвижны, священны и неприкосновенны, как и общественные устои феодализма: «нет земли без господина», «чья земля, того и вера» и т. д. В Греции накопление прибавочного продукта — благодаря эксплуатации рабов, войнам, взысканию дани с покоренных, торговле — достигло такого уровня, что позволило и народной массе привилегированной нации принять участие в политике и культурном развитии. На рабовладельческом фундаменте здесь выросла свободно мыслящая личность, служащая *своему* коллективу. Феодальное средневековье держится по преимуществу на натуральном хозяйстве. В его образах и представлениях естественная зависимость натурального производителя от природы неотделима от феодальной общественной зависимости.

Только *выход* из рамок натурального производства, ограничивающего человека слепой естественной необходимостью, вносит революционный фермент в познание человека, *дифференцирует* его, приводит к движению путем противоположностей. При всех *докапиталистических* способах производства, вырастающая из условий материального производства *государственная* надстройка, особая классовая организация господства *непосредственно* определяет условия *духовного* производства. Только капитализм, до известной степени, *уравнивает* условия материального и духовного производства, превращает последнее в отрасль первого. Поэтому только при капитализме создается наука в собственном смысле слова. Только при капитализме наука всесторонне увязывается с материальной техникой, становится, с одной стороны, неотъемлемым фактором развития производительных сил, с другой стороны, двигателем классовой борьбы пролетариата.

При докапиталистических формах экономическая обусловленность духовного производства и взаимоотношений всех его частей приводят к тому, что общественная обусловленность границ познания превращается в абсолюте. Чем больше пропасть между непосредственными производителями и их эксплуататорами, тем больше познание и художественное восприятие ограничиваются мыслящей головой представителя *господствующих* классов, тем больше он рисует мир по своему образу и подобию.

«Едва ли, — замечает Гаузенштейн, — можно представить себе более удивительную форму выражения художественной идеи количественного стиля, чем пирамиду. Она является объяснением и древне-восточного стиля изображения нагого тела. Что такое пирамида? Она есть наиболее общая художественная форма для количественной культуры; она в наиболее строгом смысле слова суммарна; она

есть чудовищная совокупность тысяч энергий, обреченных на отбытие барщины... Таков *метод образования форм деспотизма*: помпезное сложение многих равных отдельных сил, функции которых не квалифицированы и не дифференцированы, но являются просто количественными единицами»¹. И вот антитеза этому: «Лукиан передает, что почетные статуи атлетов—победителей в Олимпии—не должны были превышать человеческий рост. Никакой факт не освещает лучше социально-эстетической противоположности между древне-восточным и греческим искусством, чем этот принцип гелландодиков². Он обозначает преодоление количественной эстетики формы, переход от экспансивного стиля к интенсивному, от высокой степени феодального стиля к относительно-демократическому»³.

Воспроизводство конкретного на пути мышления, сведение единичного к общему, формы абстрагирования и дедукции—все это определяется историческими условиями мышления, а значит, и теми условными рефлексами, которые возникают из общественных условий духовного производства, из его общественного назначения. Там, где «свободное» познание, то есть переход от субъективного к объективному, является *привилегией* господства, там *общезначимость* познания естественно и неизбежно сужается. Общезначимость мышления и его продуктов—общественно-необходимая форма мышления. Тут она становится общественно-необходимой формой мышления (и художественного восприятия) *господствующего* класса. Бессознательно, автоматически он рассматривает условия *своего* общественного бытия, как условия перехода от незнания к знанию, как *всеобщие* условия бытия и познания.

Вследствие образования и накопления прибавочного продукта труда, продукты труда приобретают власть над трудом и его живыми представителями. В силу этой же зависимости продукты духовного производства теряют связь со своим социологическим эквивалентом, становятся «независимыми» продуктами мышления, господствующими над обществом и природой. *Забвение пропорций между обществом и природой*, вытекающее из *отрыва* от материального производства, вызывает «*экссесс инстинктов господства, шизоцидные формы*»⁴,—за счет *объективного познания мира*. Природа, весь мир, обращаются как бы в пьедестал *классового* господства,—представляемого или в форме египетских пирамид, или в форме опустошенной, абстрактной личности богочеловека, освящающего своим невидимым присутствием грязные делишки буржуазного мира.

Иррационализация продуктов духовного производства происходит вследствие того, что они утрачивают свою общественно-целесообразную мотивировку. Общезначимость—общественно-необходимая форма процесса мышления. Искаленная и изуродованная применительно к уровню классовых интересов, она из формальной возможно-

сти перехода от незнания к знанию превращается в абсолют, подпадаемый классовым господством, в преграду для знания. Вместо воспроизводства конкретного на пути мышления получается пустоцвет. Аллегория, абстракция или отвлеченный образ воспроизводят лишь неподвижность материального быта и духовного уровня эксплуататорских классов, *атрофирование их познавательных способностей и «уход в себя»*. Диалектика общественного развития обосновывает и объясняет диалектическую закономерность идеологического развития. Там, где мышление порывает свою диалектическую зависимость от бытия, оно оказывается «излишеством» классового господства. Всякая идеология выполняет известную *общественную функцию*. По этой причине в пределах *всякой* идеологии происходит подбор методов, руководящих идей, принципов в соответствии с их общественной значимостью, следовательно, в соответствии с *тенденциями* общественного развития. Восходящий общественный класс в максимальной степени выступает выразителем общественной тяги к познанию на основе новых запросов развития производительных сил. Класс умирающий ищет спасения в самоуглублении, в классовом субъективизме. «Независимость» идеологии от общественного бытия поддерживается известной, хотя и довольно относительной, *преемственностью традиций*. Однако то, что наследуется от прошлого, также подвергается отбору и в новых условиях приобретает *новое* функциональное значение, изменяющее его существо. Нельзя представить себе кантианскую философию в обстановке античного мира, сколько бы Наторп и другие ни пытались обращать Платона в правоверного неокантианца Марбургской школы.

Буржуазная философия прилагала немало стараний с целью истолкования истории как культурно-преемственного целого. Худосочный плод этих попыток—фактическое фиаско. Единство исторического процесса, оказывается, может быть распознано лишь путем «отнесения к ценности» (Риккерт и др.), путем гастрономического отбора «культурных ценностей». Субъективизм неизбежно склоняется к потребительской точке зрения! «Независимые» продукты мышления не могут выдержать *исторического* экзамена. Они гибнут, расщепляются, распадаются на составные части—на отдельные приемы, методы, элементы знания—вместе с породившими их общественными формами. Единственной *синтетической* силой оказывается движущая сила общественных противоречий, диалектика развития производительных сил и производственных отношений. Абсолютная, независимая ни от каких общественных форм, необходимость перехода от субъективного к объективному, необходимость приближения к объективной истине обнаруживается в том, что *преемственность* исторического развития определяется *экономической* необходимостью. При переходе от одной исторической формации к другой меняется *уровень развития производительных сил*, меняется форма взаимодействия между материальным и духовным производством, меняется *классовое* расчленение общества. Таким образом изменяются и *объективные предпосылки познания и субъект познания*.

¹ В. Гаузенштейн, Искусство и общество.—«Новая Москва», 1923, стр. 49.

² Судьи на олимпийских играх.

³ Гаузенштейн, стр. 56.

⁴ Выражение Гаузенштейна.

Диалектический материализм не стремится упростить объяснение идеологического развития *непосредственным* сведением всего субъективно-условного содержания идеологии к экономике, он только показывает, что «границы суть принцип того, что они ограничивают». Обусловленность мышления известными формами и тенденциями общественно-экономического развития может быть и формой превращения незнания в знание и формой превращения знания в незнание— в зависимости от движущей силы противоречий. *Единство труда и познания* возможно лишь на почве обобществленного машинного производства, на почве превращения всего продукта общественного труда в общественный фонд производства и потребления. Уничтожение разницы между физическим и умственным трудом есть предпосылка всемирно-исторической культурной революции.

XII

Диалектика—алгебра революции, а революции—локомотивы истории. Раньше филистеры высмеивали эту истину, как агитационную фразу. Пролетарская революция доказала не на словах, а на деле, что в этом—«смысл философии всей».

Политика есть также *специфический способ воспроизводства конкретного на пути мышления*. Всякая классовая борьба есть борьба политическая. Она приобретает *сознательный* характер тем больше, чем больше классовые *противоречия* переходят в классовую борьбу. Условия познания и здесь определяются развитием противоречий в самой действительности. «Чем больше *размах*, чем больше широта исторических действий, тем больше *число* людей, которые в этих действиях участвуют, и наоборот, чем *глубже* преобразование, которое мы хотим произвести, тем больше надо поднять интерес к нему и *сознательное* отношение, убедить в этой необходимости новые и новые миллионы и десятки миллионов»¹. Политика, как особая отрасль познания, подчиняется своему особому историческому закону превращения количества в качество и качества в количество. Разбирая скачок вперед в смысле ускорения исторического развития за десятилетие, протекшее с основания «Правды», Владимир Ильич констатировал: «Основная причина этого громадного *ускорения* мирового развития есть вовлечение в него новых сотен и сотен миллионов людей»². В другом месте он с такой же твердостью и решительностью подчеркивал значение миллионов. «Теперь каждый день пробуждения новых классов к жизни и борьбе на Востоке (Япония, Индия, Китай), т. е. тех сотен миллионов человечества, которые составляют большую часть населения земли и которые *своей исторической бездеятельностью и своим историческим сном обуславливали до сих пор застой и гниение*

¹ Ленин, VIII Всероссийский съезд советов. Доклад совета народных комиссаров, 22 декабря 1920 г., т. XVII, стр. 413.

² Ленин, VIII Всероссийский съезд советов. Доклад Совета народных комиссаров, 22 декабря 1920 г., т. XVII, стр. 413.

во многих *передовых* государствах Европы,—каждый день пробуждения к жизни новых народов и новых классов все больше и больше подтверждает марксизм»¹.

Ускорение исторического движения неотделимо от его *революционного* характера, от революционной формы развития общественных противоречий. «Метафизические, полярные противоречия в действительном мире существуют только *во время кризисов*»². Революционные кризисы обнажают экономику, выдвигают на первый план основную *историческую* пружину развития—диалектику развития производительных сил и производственных отношений, показывают самую *всестороннюю*, всеобщую зависимость всех надстроек от экономики и обуславливают превращение экономической борьбы в политическую, превращение политической борьбы в «самочинное» действие масс, *непосредственные* условия существования которых целиком определяются *экономикой*.

Именно понимая это, В. И. Ленин в первую революцию доказывал: «Если исходная точка—интересы масс, то гвоздь русской революции—*аграрный* (земельный) вопрос. О поражении или победе революции надо заключать не на основании насилий правительства и проявления «реакции» (которая всецело заполняет внимание многих кадетообразных с.-д.), а на основании учета положения массы в борьбе за землю»³.

Именно исходя из этого, В. И. Ленин формулировал свою точку зрения о перерастании аграрно-демократической революции в социалистическую: «Пытаться поставить искусственную китайскую стену между той и другой, отделить их друг от друга чем-либо иным, кроме степени подготовки пролетариата и степени объединения его с деревенской беднотой, есть величайшее извращение марксизма, оплошление его, замена либерализмом. Это значило бы посредством квази-ученых ссылок на прогрессивность буржуазии по отношению к средневековой протаскивать реакционную защиту буржуазии по отношению к социалистическому пролетариату»⁴.

Пролетариат—самый крайний антагонист буржуазного общества. По этой причине противоречие всегда ведет *его* вперед, классовая борьба всегда подтверждает преимущество *пролетарских методов* борьбы, «выпирает» на авансцену его *организующую* роль, *всесторонне развивает* его организаторские качества. Говоря о первой революции, тов. Ленин указывал, что «своеобразие русской революции заключается именно в том, что она была по своему социальному содержанию *буржуазно-демократической*, но по средствам борьбы была *пролетарской*»⁵.

¹ Ленин, О значении воинствующего материализма, т. XX, дополнит., ч. II, стр. 497.

² Энгельс, Письмо Конр. Шмидту, 27 октября 1890 г. «Письма», стр. 287.

³ Ленин, Пролетариат и его союзник в русской революции, т. VIII, стр. 53. Курсив В. И.

⁴ Ленин, Пролетарская революция и ренегат Каутский, т. XV, стр. 472—473. Курсив В. И.

⁵ Ленин, Девятое января, т. XX дополнит., ч. II, стр. 30.

Отношение к массовой борьбе, таким образом, является мерилем познания. Оно определяет *истинность*, «действительность и силу» пролетарской политики. «Либерально-буржуазная интеллигенция всегда и везде *кажется в парламентах* во сто раз сильнее, чем она есть в действительности (и в нашей революции оппортунисты с.-д. принимали кадетов за то, чем они кажутся), и, наоборот, очень широкие демократические слои мелкой буржуазии (городской—в эпоху буржуазных революций 1848 г., деревенской—у нас) проявляют себя нередко как чрезвычайно важный фактор в *открытой* борьбе масс, будучи совершенно ничтожны с точки зрения их представительства в парламентах»¹. В 1917 г. эта же парламентская видимость привела меньшевиков и эсеров в ряды буржуазной контрреволюции.

Но марксизм-ленинизм не только разоблачает показную видимость парламентаризма, он выясняет и «объективность кажущегося» в рамках известного застойного состояния классовой борьбы.—«Конституционные иллюзии выступают на первый план тогда, когда кажется, что конституция есть, а на деле ее нет,—другими словами: когда дела вершатся в государстве не так, как они решаются в парламентах. Когда действительная политическая жизнь *расходится* с ее отражением в парламентской борьбе, тогда и только тогда борьба с конституционными иллюзиями становится очередным делом передового революционного класса, пролетариата»². Отсюда вытекает неизбежность использования парламентаризма в известных пределах. Парламентаризм *прикрывает* господство буржуазии и помещиков, но он не может его прикрыть в *революционной* обстановке. Здесь *массам* противопоставляется *военный и чиновничий* аппарат господства, так как в революционные периоды из классовой борьбы вырастает *гражданская война*. «Такой ход событий вынуждает революцию *«концентрировать все силы разрушения»* против государственной власти, вынуждает поставить задачей не улучшение государственной машины, а *разрушение, уничтожение* ее»³.

Маркс писал про парламентский режим: «Всякий интерес, всякое общественное учреждение *превращаются* здесь в *общие идеи* и обсуждаются, как идеи—как же могут при таких условиях какой-либо интерес, какое-либо учреждение стать *выше мышления* и импонировать в качестве религиозного догмата»⁴. Но и в этой области абстракция ограничивается экономикой, поскольку классовые противоречия разрушают *устойчивость* капиталистической системы, с присущим ей *автоматизмом*, подавляющим волю масс. Экономика переходит в политику, и господствующие классы противопоставляют штыки массам революционных классов, больше уже не верящим в силу буржуазного мышления. *Убедительность* пролетарских методов борьбы, их *революционная «общезначимость»* для широких масс трудящихся, вскры-

вается в том, что пролетариат не только срывает идеологическое покрытие с классовых интересов эксплуататоров, но и разрушает реальные предпосылки их господства.

«Решение голосованием, т. е. формальным волеизъявлением *при сохранении капиталистических определителей (мотиваций) воли*—буржуазная демократия. Решение классовой борьбой и гражданской войной против эксплуататоров—пролетарская демократия. Пролетариат своей борьбой разрушает капиталистические отношения собственности, его капиталистические определители (и мотивации) воли и решения для колеблющихся»¹.

В борьбе классов прорывается наружу обусловленность *всей* надстройки капиталистического общества его экономикой. Вся его идеология поступает на службу *государственному* порядку, и, до известной степени, *уравниваются исторические отличия* капиталистического способа производства и его взаимодействия с его надстройкой и *докапиталистических* форм. *Империализм* означает переход от свободной конкуренции к монополии, к срастанию государственного аппарата с экономическим аппаратом буржуазного господства. *Фашизм*—форма буржуазной самозащиты от пролетарской революции. *Загнивание* экономическою строя ведет к загниванию *всех* областей надстройки.

«*Неравномерность* экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма»². Эта неравномерность проявляется и во взаимоотношениях отдельных отраслей производства, города и деревни, передовых и отсталых стран, и в *переходных формах классового расчленения общества* по отдельным странам и в международном масштабе. Эта неравномерность развития не может удержать развития классовых противоречий в рамках мирной, постепенной эволюции,—наоборот, она вызывает *революционизирование* масс в *более широком* масштабе, чем *непосредственная* борьба между трудом и капиталом. Пролетарская классовая борьба, вследствие этого, *усложняется*, но, вместе с тем, и *расширяется и всесторонне развивается*. И здесь совершается переход количества в качество. Чем напряженнее и острее классовая борьба, тем большую роль в ней играет пролетариат, как организатор не только пролетарских, но и *полупролетарских* и *крестьянских* масс. Сам пролетариат связан бесконечной цепью переходов с *переходными* слоями полупролетариев и крестьян, ремесленников и т. п. Преемственной *связи* форм экономической, политической и культурной *борьбы* соответствует преемственная *связь разнообразных форм организации масс*. *Авангард* пролетариата, в лице коммунистической партии, обобщает и организует классовую борьбу во всех ее проявлениях. Разнообразные формы организации масс служат его «приводными ремнями».—«Диктатуру пролетариата через его поголовную организацию осуществить нельзя, ибо не только у нас, в одной из самых отсталых капиталистических стран, но и во всех других капиталистических странах пролетариат все еще так раз-

¹ Ленин, Об оценке текущего момента, т. XI, ч. I, стр. 161.

² Ленин, Доклад об объединительном съезде РСДРП, т. VII, ч. I, стр. 203.

³ Ленин, Государство и революция, т. XIV, ч. II, стр. 321.

⁴ К. Маркс, Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта. Пер. В. Базарова, стр. 55.

¹ В. И. Ленин, О диктатуре пролетариата, III, Ленинский сборник, стр. 496.

² В. И. Ленин, О лозунге Соединенных штатов Европы, т. XIII, стр. 133.

дроблен, так принижен, так подкуплен кое-где (именно, империализмом в отдельных странах), что поголовная организация пролетариата диктатуры его осуществить не может. Диктатуру может осуществить только тот авангард, который вобрал в себя революционную энергию класса»¹. Тут мы имеем дело с диалектическим взаимодействием форм классовой организации, с диалектикой превращения стихийности в сознательность, раздробленности в организованность.

Но, строя свою классовую организацию, пролетариат не замыкается в ней, а стремится *всесторонне* охватить с помощью ее революционные массы полупролетариев и крестьянства. Уже в 1905 г. Владимир Ильич настаивал на том, что пролетариат должен «стремиться расширить рамки и содержание своей классовой борьбы до *охватывания* этими рамками не только *всех* задач настоящей, демократической всенародной русской революции, но и задач *дальнейшей социалистической революции*»². Советский строй, как форма диктатуры пролетариата, мог родиться только на основе всестороннего развития и закрепления пролетарского руководства полупролетарскими и крестьянскими массами, только на основе расширения и углубления союза с ними в революционной борьбе. Из диалектики международной классовой борьбы выросла эта форма перехода от капитализма к коммунизму. Еще в 1916 году тов. Ленин показывал необходимость этого. «Социалистическая революция в Европе,—писал он,—не может быть ничем иным, как взрывом массовой борьбы всех и всяческих угнетенных и недовольных. Части мелкой буржуазии и отсталых рабочих неизбежно будут участвовать в ней—без такого участия не возможна *массовая* борьба, не возможна никакая революция—и столь же неизбежно будут вносить в движение свои предрассудки, свои реакционные фантазии, свои слабости и ошибки. Но *объективно* они будут нападать на капитал, и сознательный авангард революции, передовой пролетариат, *выражая эту объективную истину*³ разношерстной и разногласной, пестрой и внешне-раздробленной массовой борьбы, сможет объединить и направить ее, завоевать власть, захватить банки, экспроприировать ненавистные всем (хотя по разным причинам!) тресты и осуществить другие диктаторские меры, дающие в сумме ниспровержение буржуазии и победу социализма, которая далеко не сразу очистится от мелкобуржуазных шлаков»⁴.

Синтез и дедукция в политике, как и во всех других отраслях познания, обуславливаются не нахождением формально-абстрактного тождества, а объективной логикой движения, диалектикой. К пролетарской революции, как к своему объективно-неизбежному пределу, тяготеют *все* движения полупролетарских, крестьянских и национально-угнетенных масс, движения, которые *не могут* дойти до своего победоносного завершения в *своих* ограниченных рамках. Гибкость пролетар-

¹ Ленин, О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибке тов. Троцкого, т. XVIII, ч. I, стр. 9.

² «Две тактики», т. VI, стр. 388.

³ Курсив наш. В остальном—В. И.

⁴ «Итоги дискуссии о самоотделении», т. XIII, стр. 431.

ской тактики, умение правильно маневрировать, умение подводить массы к последовательно-революционным решениям на основании их собственного опыта, с необходимостью следуют отсюда.

Тип пролетарского государства и социалистического строительства радикальным образом отличается от исторического типа буржуазного завершения революции. И это опять-таки—*следствие иного соотношения между базисом и надстройкой, иного соотношения между стихийностью и сознательностью, иного «функционального назначения» массы.*—В буржуазных революциях главная задача трудящихся масс состояла в выполнении отрицательной или *разрушительной* работы уничтожения феодализма, монархии, средневековья. *Положительную* или созидательную работу организации нового общества выполняло имущее, *буржуазное меньшинство* населения. И оно выполняло эту задачу, вопреки сопротивлению рабочих и беднейших крестьян, сравнительно легко не только потому, что сопротивление эксплуатируемых капиталом масс было тогда, в силу их распыленности и неразвитости, крайне слабо, но и потому, что основной организующей силой анархически построенного капиталистического общества является стихийно растущий *вширь и вглубь рынок*, национальный и интернациональный.—Напротив, главной задачей пролетариата и руководимого им беднейшего крестьянства¹ во всякой социалистической революции,—а следовательно, и в начатой нами 25 Октября 1917 г. социалистической революции в России,—является *положительная или созидательная работа налаживания чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений*, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей. Такая революция может быть осуществлена только *при самостоятельном историческом творчестве* населения, прежде всего *большинства трудящихся*².

Преодоление рыночной стихии, автоматически развивающейся не только классовые противоречия, но и их идеологическое отражение, возможно только с помощью всесторонней и всеохватывающей организованности *масс* под пролетарским руководством, только с помощью их *культурного* развития и подъема на основе *социалистической* индустриализации хозяйства. Социалистическое строительство является живым отрицанием капитализма и порочного круга его противоречий. Россия стала СССР в силу закона неравномерности развития капитализма. Естественно, что люди, игнорирующие революционную диалектику развития противоречий капитализма, «не заметили» и *своеобразия* соединения определенного уровня производительных сил и культуры с *высшими* формами классовой борьбы пролетариата. Тут снова сказалось забвение специфического характера превращения количества в качество!

¹ Это писалось в 1918 г., когда втягивание среднего крестьянства в социалистическое строительство—по условиям классовой борьбы—еще не могло быть очередной задачей.

² В. И. Ленин, Очередные задачи Советской власти, т. XV, стр. 180.

«Если для создания социализма,—возражал им В. И. Ленин,—требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать—каков этот определенный «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»¹.

Автоматизм капиталистической системы социал-демократия перенесла и на условия перехода от капитализма к социализму. Ограниченность буржуазного «парламентского» мышления, «примиряющего» в абстракции противоположные классовые интересы, она перенесла и в обстановку катастрофического крушения всех «норм» и условий подневольного классового «сотрудничества».

Понятно, что при этом неизбежно выпало и значение революции для масс, для бурного развития их организованности и сознательности. Выпало и значение *масс* для *ускорения* экономического, политического и культурного развития.

«Нет ни одного исторического *переворота*, сколько-нибудь крупного, без целого ряда случаев *несоответственности* сил. Силы растут в процессе борьбы с ростом революции»².

Этому учит диалектика. Она и есть теория революционного познания. Недаром же в своей новой библии социал-филистерства Каутский громогласно заявляет о своем коренном расхождении с марксизмом как раз из-за диалектики!

Движущая сила противоречий—основной источник познания и исторического творчества.

Только критические эпохи и порождают великие идеи. Темп исторического движения не только накладывает отпечаток на духовный облик эпохи, но и определяет возможность решающих, крутых переломов в идеологической области. «Скачки» в идеологической области всегда являются результатом скачков и крутых переломов в области развития общественных противоречий. Бытие определяет сознание в диалектическом смысле: движущая сила противоречий передается в самые отдаленные этажи надстройки и проявляется в трансформированном виде. Идеология влияет на экономику как раз в силу того, что экономикка избирает ее своим орудием, придавая ей соответствующую форму и наполняя ее определенным конкретным содержанием. Способность идей действовать на большом историческом расстоянии на чрезвычайно большие массы объясняется не их самодовлеющей силой, а тем, что они правильно отражают действительность в определенных исторических рамках,—тем, что они не теряют связи с источником, их породившим. Движущая сила противоречий находит свое обобщающее выражение в крупных идеях эпохи, она их наполняет жизнью, вливает в них новую жизнь в каждый данный момент, кон-

¹ «О нашей революции» (по поводу записок Н. Суханова). т. XVIII ч. II, стр. 111.

² Ленин. Речь на съезде Советов народного хозяйства, 26 мая 1918 г., т. XV, стр. 283.

кретизирует их. Как только она их оставляет, они блекнут и сохнут, превращаются в формальное и показное облачение существующего.

До сих пор в *непролетарской* революционной борьбе идеи революционных эпох не находили себе адекватного, *то есть* диалектического, выражения. Так было с Великой французской революцией. «При всем характеризующем буржуазное общество отсутствии героизма оно нуждалось в героизме, самопожертвовании, терроре, гражданской войне и битве народов, чтобы появиться на свет. И для гладиаторов буржуазного строя классически строгие традиции римской республики давали те *идеалы, те художественные формы и средства самообмана*, в которых они нуждались, чтобы *скрыть* от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы и поддерживать свой *энтузиазм* на *высоте* великой исторической трагедии»¹.

То же самое относится и к утопическому социализму и мелкобуржуазному демократизму. Они не могут обойтись без экономического самообмана. «Надо помнить»,—подчеркивал Вл. Ильич после первой революции в России,—«замечательное изречение Энгельса: «ложное в формально-экономическом смысле может быть истиной в всемирно-историческом смысле». Энгельс высказал это глубокое положение по поводу утопического социализма: этот социализм был «ложен» в формально-экономическом смысле. Этот социализм был «ложен», когда объявлял прибавочную стоимость *несправедливостью* с точки зрения законов обмена. Против *этого* социализма были правы в формально-экономическом смысле теоретики буржуазной политической экономии, ибо из законов обмена прибавочная стоимость вытекает вполне «естественно», вполне справедливо. Но утопический социализм был *прав* в всемирно-историческом смысле, ибо он был симптомом, выражителем, предвестником того класса, который, порождаемый капитализмом, вырос теперь, к началу XX века, в массовую силу, способную положить конец пределу капитализму и неуклонно идущую к этому. Глубокое положение Энгельса необходимо помнить при оценке современной народнической или трудявической утопии в России (может быть, не в одной России, а в целом ряде азиатских государств, переживающих в XX веке буржуазные революции). Ложный в формально-экономическом смысле народнический *демократизм* есть истина в *историческом* смысле; ложный в качестве социалистической утопии, *этот* демократизм есть *истина* той своеобразной, исторически-обусловленной демократической борьбы крестьянских масс, которая составляет неразрывный элемент буржуазного преобразования и условие его полной победы»².

Объективную истину разношерстной и разноголосой массовой борьбы пролетариат может выразить, *лишь* ясно распознавая классовые корни «освободительных» идей и идеологическую условность их исторической формулировки. Меньшевики в России не поняли сначала прогрессивного в народнической утопии, а потом—по той же

¹ К. Маркс, Восемнадцатое Брюмера, стр. 10—11.

² Ленин, Две утопии, т. XX дополнит., ч. I, стр. 359—360.

самой причине—не поняли они реакционного в народническом демократизме, когда он уже исчерпал свое реальное содержание. Превращения сун-ят-сенизма в Китае, как и судьба народничества в России, доказали, что идеологический самообман никогда не проходит даром.

Только пролетариат отдает себе отчет в объективных условиях превращения «идеального в реальное»¹. Только он один строит «идеальное» по образу и подобию реального. Только в его сознании и историческом творчестве реальное сливается с «идеальным». Пролетарская революция представляет собою подлинное «саморазвитие» революционной идеи, которая, претворяясь в действительность, обогащается опытом массового исторического творчества, развивается и формируется, трансформируется сама и трансформирует действительность. Пролетарская идеология—адекватное, диалектическое выражение и орудие пролетарской революции.

В. И. Ленин применил материалистическую диалектику к условиям перехода от капитализма к коммунизму. В этом—всемирно-историческое значение ленинизма, как высшей формы развития марксизма. Развитие теоретико-познавательной стороны диалектики и в то же время ее практическо-революционного значения в ленинизме получило поистине универсальный характер. И это исторически-необходимое следствие того, что с победой революционной диктатуры пролетариата техника и наука, экономика и политика, «базис» и «надстройка» во всех своих разветвлениях—сталились средством всестороннего саморазвития трудящихся масс, рычагом исторического движения от капитализма к коммунизму.

Г. Сафаров

ДИАЛЕКТИКА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ У МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА

I

а. Общие замечания

Человек есть часть природы.

Но, как животное, активно приспосабливающееся к природе, он есть принципиально особая часть ее.

Активность человека в отношении к природе с самого начала обусловлена двумя моментами: трудом и обществом. Причем труд всегда являлся и является общественным трудом, трудом общественного человека, а общество—трудовой организацией людей. Поэтому труд—всегда общественный труд, а общество—прежде всего трудовое объединение людей.

Общество—часть природы. Часть в том смысле, что природа является материальной базой общества и элементы, входящие в состав общества, сами по себе являются элементами природы. Но общество—не природа, в том особом смысле, который необходим для теоретического анализа.

Законы природы обязательны для общества, как части природы, но общество живет по своим особым законам, в конечном счете являющимся, конечно, законами природы же, но проявляющимися исключительно внутри этой части. Отдельные предметы природы и целые комплексы их, будучи вовлекаемы в сферу воздействия общества, приобретают, кроме своих природных свойств, еще новые свойства, свойства общественных предметов.

Природа развивается в истории,—природа исторична.

Но история общества есть принципиально отличный от истории природы процесс.

Природа в своем развитии выделила из себя качественно особую часть, которая живет и развивается со своей собственной закономерностью, но не устраняя, а лишь дополняя закономерности самой природы. Этой качественно особой частью и является общество.

Отсюда следует то заключение, что общественные явления в их, так сказать, чистом виде можно представлять лишь в качестве особой абстракции, а в реальном процессе в них входят и элементы, даваемые

¹ См. Ленин, Конспект «Науки логики» Гегеля, «Под знаменем марксизма» 1925 г., № 1—2, стр. 26.

природой. Эти последние, становясь общественными, не теряют своих природных свойств, более того, они именно *ради этих свойств* вовлекаются в общественный процесс. И *природные* свойства этих элементов становятся *общественными* свойствами.

Иначе и не могло бы быть, поскольку общество развивается в природе, среди природы, на основе материальных ресурсов, предоставляемых природой.

Сам человек, как животное, есть только часть природы, но, как человек, он есть продукт общественного развития, и не только продукт, но и основа этого развития. Но даже и в такой своей общественной роли человек остается в то же время элементом, силой природы.

Правда, как уже сказано, эта сила природы стала общественной и притом настолько, что мы склонны порой считать ее *исключительно*, без остатка, общественной.

Любой предмет природы, вошедший в общественный процесс в виде ли орудия труда человека или в виде предмета труда, не теряет своих природных свойств. Более того, он осуществляет эти свои свойства, будучи общественным элементом. Претерпевая длиннейшие ряды превращений в общественном процессе, но не теряя от этого своих природных свойств, этот элемент становится органической частью общественного целого. Его также, как и человека, нельзя оторвать от тех основных свойств, которыми его снабдила природа, но в то же время в своем последнем состоянии он является сугубо общественным элементом.

Поэтому в общественных явлениях мы наблюдаем действующими силы природы, но в форме общественных сил и сообразуясь с общественным назначением этих сил.

И совершенно очевидно, что помимо этих сил, взятых из природы и ассимилированных обществом, в обществе действуют еще силы, являющиеся исключительно общественными и по своему происхождению (например, сознание, наука, кооперация и т. п.). Если те силы в своей естественности есть силы природы, то эти силы—силы общества. Оба рода этих сил внутри общества одинаково «общественны», но они различны по своей родословной. Различны они и по своей роли внутри общества. Но это является предметом нашего доказательства, и поэтому дальше этого утверждения мы пока не пойдем.

Человек, общественный человек, предполагает двоякого рода отношение: отношение людей к природе и отношение друг к другу.

То и другое осуществляется в процессе производства.

С нашей точки зрения производство может быть рассматриваемо с трех сторон: во-первых, со стороны материальных элементов, входящих в процесс производства, во-вторых, со стороны общественной роли этих элементов и, в-третьих, со стороны влияния на производственный процесс общественного взаимодействия людей, как такового, с историческими особенностями этого влияния на разных ступенях развития.

Эффективность производства нас здесь не интересует, так как она выходит из круга наших вопросов.

б. Материальные производительные силы общества

«Каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами» («Кап.», II, стр. 12).

Как рабочих, так и средств производства не бывает вне общественной формы, но как те, так и другие, присущи всем этапам общественного развития. В этой их роли они и будут фигурировать у нас сейчас. Абстрагируя их от данной конкретной формы их реального существования, мы оставляем за ними пока лишь то, что они *суть* реальные элементы общества вообще.

Но они не только реальные элементы общества, но и материальные его элементы. Они как раз являются теми «предметами» природы, которые, войдя в общественный процесс производства, имеют сугубо общественный характер, но в то же время несут в себе свойства своего «природного» происхождения. В обществе они развивают те потенции, которые заложены в них от природы.

Формой деятельности рабочего является труд. Сам по себе труд свойственен исключительно обществу. Но этим не устраняется тот факт, что труд есть проявление силы природы, материальной силы, проявляющейся в качестве *рабочей силы* в процессе труда.

Рабочей силы в том смысле, в котором мы здесь ее принимаем, в смысле *человеческой* рабочей силы, в природе, вне общества, не существует. Но в то же время она есть проявление силы природы. Обезьяноподобное существо, в результате бесчисленных случаев употребления готовых предметов природы в качестве орудий, инстинктивно овладевает способностью делать орудия, искусственно удлиннять и усиливать свои естественные органы. Этот факт перед нами развертывает *качественно* иную силу природы, приобретающую в причинно-следственную цепь развития еще момент цели. Это—сила природы, целесообразно направляемая ее носителем. Сама по себе природа не имеет этого момента—цели; он явился лишь в качестве фактора, свойственного его общественному носителю—человеку. Поэтому сила рабочего в процессе труда есть сила природы, но качественно отличная от всех остальных сил природы, это есть материальная сила целесообразного труда. Это и отличает ее прежде всего от всех остальных элементов производства.

Но этим дело не ограничивается. Рабочая сила подвержена постоянному изменению. Если она своим появлением обязана процессу целесообразного воздействия на природу, то, существуя, проявляясь в этом процессе, она вместе с ним подвержена изменению в историческом смысле. В процессе труда, действуя на природу и изменяя ее при посредстве своих естественных сил (рук, ног, головы и пальцев), человек изменяет и свою собственную природу. «Он изменяет дремлющие в последней способности и подчиняет игру этих сил своей собственной власти» («Кап.», I, стр. 148). Но это изменение, его раз-

меры, ограничиваются всякий раз данным процессом производства и, следовательно, его материальными участниками. Воздействие на природу и изменение ее всякий раз проводятся человеком при посредстве искусственных добавлений к его естественным органам, и поэтому изменение его «собственной природы» имеет границы в этих искусственных органах. Это изменение проводится при посредстве изменения этих органов. Изменение этих органов позволяет изменить природу самого человека, а это последнее становится вновь условием дальнейших изменений искусственных органов.

Между обоими процессами есть строгое взаимодействие, и один является историческим показателем и для другого.

Но между развитием рабочей силы и ее искусственных органов существует не только эта историческая взаимозависимость. Между ними в каждый данный момент есть еще и связь органическая. Рабочая сила проявляется в труде, но «во время процесса труда, труд постоянно переходит из формы деятельности в форму бытия, из формы движения в форму вещи» («Кап.», I, 160). «Рабочий прял и продукт есть пряжа» («К.», I, 152). «Труд соединился с предметом труда. Он овеществился» («К.», I, 152). Поэтому между искусственным органом рабочего и его рабочей силой существует лишь то различие, что первый является овеществленным носителем прошлого труда, а второй — носителем живого труда. Их соединение в процессе производства представляет поэтому исторически накопленную силу общественного человека, *производительную силу* этого человека. Логично было бы сказать — его *рабочую силу*, но это неверно, так как тут мы сразу же выкинули бы ее историчность и ее органичность, *качественность* ее состава, так резко выделяющую ее из природы.

Средства производства слагаются из средств труда и предметов труда. Это — предметы природы, вырванные из нее человеком и вовлеченные в общественный производственный процесс. Все они вовлечены ради их природных свойств, нужных человеку в его производительной деятельности, и эти их свойства в известной степени предопределяют и их роль в этом процессе. Но решающее значение имеет то качество, которое сообщает этим предметам природы человек путем трудового воздействия на них и укрепления за ними того или иного *места* в производственном процессе.

Поскольку в процессе производства они являются элементами общественными, то различие их роли — прежде всего общественное различие. Оно определяется их местом в общественно-производственном процессе, на котором они развертывают свои природные качества. И эти последние становятся тут общественными качествами, качествами общественного труда, несмотря на то, что в основе своей они содержат даровые свойства природы. Природные силы, привносимые этими элементами, становятся общественными силами.

Рассмотрим их с обеих сторон: природной и общественной.

По линии своих *природных* свойств элементы природы исторически входят в процесс общественного производства в известной после-

довательности, что нашло отражение даже в названиях целых эпох. По материалу, из которого делались орудия труда, названы «века» — каменный, бронзовый, железный. И это не случайность, а известная закономерность. Материал, к которому обращался человек, должен был соответствовать развитию его рабочей силы. Рука человека была органом, в основном воплощавшим это развитие. Рука определяла (вплоть до промышленной революции XVIII века) технические возможности данного человеческого общества и имела всякий раз границы в том природном материале, из которого делались орудия труда (инструменты, оружие)¹. Как только достигались все объективно возможные для руки операции над тем материалом, который являлся предметом труда при изготовлении орудий, техническое развитие не двигалось дальше, пока не находились новые более прочные или удобные материалы. С нахождением новых материалов старые постепенно вытеснялись, и развитие продолжалось, пока не доходило до своих естественных пределов, заключенных в развитии руки и качествах материала. Так на смену палке, кости и рогу пришел камень, затем — бронза, железо. В металле человек нашел свойства, позволившие ему вооружиться такими инструментами и довести развитие руки до такого совершенства, при котором произошел скачок к качественно иному орудию (машине), освободившему человека от естественных границ его дошедшей до виртуозности руки и открывшему новые бесконечные перспективы его технического совершенствования.

Использование человеком естественных условий вообще также зависит от развития его рабочей силы. На ранних ступенях развития его средства производства слабы, и «естественное богатство средствами существования, следовательно, плодородие почвы, обилие рыбы в водах и т. п.» играют решающую роль. В то время как на высших ступенях развития в средства производства включаются «водопады, судходные реки, дерево, металлы, уголь и т. д.» — «естественное богатство средствами труда» («Кап.», I, 493).

Следовательно, со стороны своих *естественных* свойств материальные элементы природы, входящие в состав средств производства, оказывают влияние как на темп развития средств производства, так и на характер этого развития, обуславливая в известной мере технические возможности человека.

Будучи введены в общественный процесс производства, предметы природы становятся элементами его в виде орудий и средств труда, предметов труда или вспомогательных материалов. *В этой своей роли они уже не предметы природы, а силы общественного процесса производства.*

Поскольку мы сейчас рассматриваем материальные элементы общественного производства, не касаясь их влияния на общественные отношения, постольку мы отметим здесь лишь две стороны вопроса: 1) принципиальную разницу предметов природы, вовлеченных в обще-

¹ Мы не устрояем, конечно, социальных условий этого развития.

ственный производственный процесс, в зависимости от их места в этом процессе (орудия воздействия или предмета воздействия), и 2) о силах природы, функционирующих при посредстве этих элементов в общественном процессе производства.

Человек воздействует на природу при посредстве самой же природы, при посредстве предметов, вырываемых из этой природы и подвергаемых предварительной обработке, сообразуясь с назначением изготавливаемого орудия. Прежде чем стать орудием, предмет природы бывает предметом труда. В этой своей стадии он ничем не отличается от другого предмета труда, из которого затем будут изготовлены, напр., сапожные гвозди. Оба вносят в производственный процесс вещества не больше, чем они одарены от природы. И оба пассивно отдают это вещество, согласуясь с целями, которые преследует производитель-человек. Но во второй стадии участия в производственном процессе роли их значительно различаются. Сапожные гвозди, как сырье, войдут в качестве вспомогательного материала при изготовлении сапог, а молоток, который был изготовлен параллельно с ними в другой мастерской, будет фигурировать в качестве орудия труда. Сапожные гвозди внесут в общественный процесс производства, помимо впитанного ими живого труда, естественного вещества не больше, чем они имеют в результате предыдущих превращений. По существу, они вносят ровно столько, сколько они имеют от природы. Но другое дело орудия труда. Их задача не в том, чтобы отдавать те естественные силы, которые они в себе несут, как предметы природы, хотя и подвергнутые обработке. Они являются проводниками энергии, заложенной не только в них, но, с одной стороны, в человеке, а с другой— во всей остальной природе, в значительной своей части в общественно-производственный процесс не вовлеченной. Они трансформируют двоякого рода энергию и поэтому вносят в производственный процесс гораздо больше естественных сил, нежели они имеют сами по себе. И в этом их главное отличие, как предметов природы, вовлеченных в общественный процесс производства.

В «Капитале» Маркс говорит об электричестве и магнетизме, существующих в природе, использование которых в телеграфии возможно только при посредстве телеграфного аппарата. Естественные силы воды, пара требуют водяного колеса или паровой машины («К.», I, 364). Но ведь телеграфный аппарат не содержит в себе самом электричество или водяное колесо—энергию воды. Это просто куски определенным образом обработанного металла, дерева и пр., в которых вещества природы не больше, чем в сапожных гвоздях, когда эти последние лежат на складе без употребления; но эти куски металла и пр., функционируя в процессе труда, способны вовлекать в производственный процесс энергию, существующую в природе помимо них, и быть проводником энергии живой рабочей силы.

Кроме того, в отношении предметов труда, орудия труда исполняют роль агентов человека, заменяя или усиливая его естественные органы. Отсюда и значительная разница между отдельными предметами при-

роды, вовлекаемыми в общественно-производственный процесс, разница, обусловливаемая местом этих предметов в процессе производства.

Но, с точки зрения слагаемых сил производства, все элементы средств производства совершенно равны. Все они суть элементы общественного производства, впитавшие в себя то или иное количество живого человеческого труда, и все они вносят в это производство те естественные силы природы, из-за которых они привлечены в производственный процесс. Все они суть *силы* этого производства, *общественные производительные силы*.

Предметы труда в процессе труда отдают те естественные силы, которые они имеют и которые входят уже как общественные в качестве составной части в производительные силы. Но орудия труда ведь только трансформируют естественные силы, находящиеся вне их материального тела¹, и поэтому они как-будто не могут являться той естественной силой, о которой здесь идет речь, как слагаемой общественных производительных сил. Поэтому мы уточним роль орудий: естественные силы, развиваемые этими орудиями, как предметами природы, входят в общественно-производственный процесс, входят, так сказать, и своим «естеством», подобно тому, как входит предмет труда, и расходуются по мере участия в этом процессе. В орудиях ручного труда это вхождение само по себе ничтожно, но в крупной промышленности машина развивает свои силы настолько, что ее функционирование, как силы природы, а не только как трансформатора этих сил, является совершенно очевидным. В машинах химического производства, где химическое вещество входит в качестве орудия, это сказывается с наибольшей отчетливостью. Живые орудия труда—рабочий скот—отдают лишь то, что имеют, «трансформируя» ту энергию, которую они имеют от природы и в результате прокорма их человеком.

Поэтому, несмотря на различную роль в процессе общественного производства предметов природы, входящих в этот процесс, все они, как материальные элементы этого процесса, входят в качестве средств производства в состав общественных производительных сил, каковы они и составляют вместе с живым агентом этих сил—рабочей силой. Иначе говоря, *материальными производительными силами общества являются рабочая сила и средства производства в их реальной совокупности в процессе производства*.

в. Производительные силы и общественные отношения

Орудия труда с самого начала—орудия общественного человека, хотя история орудий начинается с усиления органов индивидуально-го человека. Но этот индивидуальный человек владеет орудием не

¹ Кроме разве живых орудий—скота.

иначе, как член общественной организации, в целом имеющей задачей производство средств к существованию.

Орудия труда и средства производства вообще, как мы видели, суть предметы природы, вырванные из этой природы и приобщенные посредством живого труда, воплощенного в них, к общественному процессу производства. И в этой своей роли они оказывают влияние на характер самого производства, на его способ, а этот последний определяет общественные отношения людей.

Под способом производства мы понимаем характер соединения средств производства и рабочей силы.

Способы производства изменяются вместе с изменением и ростом средств производства, а следовательно и рабочей силы. Различное сочетание этих слагаемых в разных условиях образует исторические способы производства.

В первобытном коммунизме мы наблюдаем коллективное владение средствами труда и предметами труда—в лице природных богатств, используемых племенем, но при индивидуальном владении орудием труда. Из-за слабости и несовершенства орудия труда основные процессы производства были коллективные, причем определяющее значение имело богатство окружающей природы средствами существования.

Родовой строй дает довольно высокое развитие индивидуальных же орудий труда и с этим связано дробление самого общественного процесса производства на ряд специальностей. Коллективность этого процесса исчезает, хотя остается еще общность владения естественными богатствами. Место коллективного процесса заступает разделение труда. Развитие орудия труда, таким образом, изменило роль остальных средств производства и характер пользования ими, внедрения в них индивидуальной рабочей силы, еще подчиненной коллективному регулированию. Мы имеем, таким образом, способ производства родового общества.

Феодальный способ производства основан на раздроблении как рабочей силы, так и всех средств производства. Этот способ производства, принявший от предыдущего разделение труда, дробление всего производственного процесса, необычайно углубил это дробление, обосновав его на социальном антагонизме, определяемом отношением к средствам производства. На одной стороне оказались ремесленник и земледelec со своими индивидуальными орудиями, на другой—владелец сырья и природных богатств. Но в данном разрезе нас интересует факт необычайного развития орудия труда, в лице инструмента ремесленника, определявший самый способ производства феодальной промышленности. Рабочий и его инструмент срослись как улитка с раковиной, но остальные средства производства были от них отделены. И этот последний факт послужил исходным пунктом для перехода к новому способу производства, когда от рабочего отделены все средства производства, в том числе и рабочий инструмент. Мы не можем вдаваться в какое бы то ни было описание этого процесса—это не наша задача,—но подчеркнем и здесь лежащий в основе всего

факт роста орудия труда и рабочей силы. Развившийся индивидуальный рабочий инструмент вместе с виртуозом-ремесленником явился основой мануфактуры и появления машинной стадии промышленности. Но в мануфактуре начался процесс отделения индивидуального орудия от индивидуального рабочего. Процесс шел таким образом: сначала рабочий стал коллективным рабочим (чему послужило новое разделение труда), но с индивидуальными инструментами, затем появился инструмент, по самой своей сущности приспособленный к коллективному рабочему—машина, система машин, фабрика.

Капиталистический способ производства основан на отделении обобществленных (т. е. действующих лишь в коллективном процессе производства) орудий и средств производства от рабочего, тоже в свою очередь коллективного, т. к. лишь значительными массами рабочих может осуществляться самый процесс производства даже на отдельной единице капиталистического производства—на фабрике.

Следующий исторический способ производства—коммунистический—устранит отделение обобществленных средств производства от коллективизированного рабочего и, таким образом, завершит крупнейший исторический этап диалектического развития общественного процесса производства от первобытного коммунизма к коммунизму будущего. В самом деле, если там мы имеем коллективность рабочей силы с индивидуальным орудием и общественное владение остальными средствами производства, то тут процесс исторического развития заместит индивидуальные орудия общественными (по самой своей материальной сути общественными) и создаст принципиально тот же способ производства, но на качественно иной основе, на основе высокого развития орудий труда и средств производства вообще.

На основе способа производства, на основе характера соединения средств производства и рабочей силы, следовательно, на основе производительных сил складываются и общественные отношения. С развитием средств производства и рабочей силы развиваются и отношения между людьми.

Обратимся к этому вопросу.

В процессе своего воздействия на природу люди определенным образом сочетают свои усилия. Производя, они становятся в те или иные отношения друг к другу. Эти отношения называются производственными или общественными отношениями. Тот и другой термин совершенно однозначащи, так как человеческие общественные отношения могут быть только производственными отношениями, потому что само общество образуется на основе труда, и, в свою очередь, производственные отношения являются общественными, в силу того, что это есть отношения между членами общества, как производственного коллектива.

Самый способ производства есть уже общественное сочетание усилий людей в процессе производства. Способ производства порождает общественную группировку людей в процессе производства, и в частности свойственную всем историческим формациям общественную

группировку людей, известную под названием технических отношений в производстве, ту или иную кооперативную форму их.

Эта форма общественных отношений, наиболее близкая к производственному процессу, как таковому, по существу охватывается понятием способа производства.

Но на основе ее развиваются более широкие общественные отношения, захватывающие отношения к владению средствами производства и распределению произведенных продуктов.

В обществах до-антагонистических общественные отношения непосредственно вытекают из технической роли, выполняемой в процессе производства. Но с отделением части средств производства от производителя, следов., в обществе феодальном, общественные отношения вообще стали шире технических общественных отношений. Это случилось потому, что благодаря выросшей производительности на основе развившегося орудия и рабочей силы появилось разделение труда в обществе при посредстве обмена. Обмен повлек за собой значительные накопления прошлого труда в руках отдельных лиц¹ и, вследствие появившейся возможности жить за счет произведенного трудом других людей,—захват источников естественного богатства, общественных сырьевых ресурсов.

Разложение родового общества, таким образом, отделило рабочую силу и орудия труда от остальных средств и условий производства, создало институт собственности на эти последние. До того собственник рабочей силы был индивидуальным собственником принадлежащих ему орудий труда и, на основе этого, коллективным собственником остальных средств производства и естественных богатств. Теперь, при новом способе производства, обе эти роли разделились. Появились владельцы источников сырья, общественной функцией которых стала эксплуатация владельцев рабочей силы и орудий труда. Общественные отношения стали антагонистическими отношениями. Развитие общественных отношений послужило к развитию антагонизма между людьми в силу того факта, что из-за развившегося орудия и средств производства вообще человек становился в большую зависимость от этого орудия, значит, в зависимость от прошлого овеществленного труда. Поэтому накопление или захват прошлого труда² являлся всякий раз стимулом господства над людьми, благодаря господству над самой возможностью трудиться. Антагонизм в феодальном обществе не достигал такой резкости, какую мы наблюдаем в обществе капиталистическом, благодаря и тому факту, что непосредственный производитель был собственником своего (хотя и мизерного) орудия труда, в то время как в капиталистическом обществе он лишился и этого условия.

Выше мы сделали исторический обзор способов производства для того, чтобы показать, что, несмотря на активную роль в развитии

¹ В чем сыграло значительную роль и насилие, вообще игравшее значительную роль в историческом развитии общественных отношений.

² Или захват источников сырья.

производительных сил орудий труда, остальные средства производства оказывают огромное влияние на образование общественных отношений и что одними орудиями возникновение этих отношений и формы их объяснить нельзя¹. Совершенно очевидная взаимозависимость между орудиями труда и остальными средствами производства поразному выступала в процессе исторического развития, ложась в основу разных способов производства у людей.

Поэтому и *рост материальных производственных сил не является процессом количественного накопления прошлого труда, в виде орудий труда, наоборот, это процесс постоянного перемещения ролей отдельных элементов, его составляющих, среди которых орудия труда являются всякий раз лишь наиболее точным показателем его общего развития.* Орудия, так сказать, закрепляют качество роста, но сам этот рост не только в них, а, в значительной своей части, и в остальных средствах производства. В самом деле, нельзя искать в технических внешних особенностях орудия ответ на вопрос об общественных отношениях. Точно так же, с другой стороны, орудие (как правило) принадлежало непосредственно рабочему вплоть до капиталистического способа производства, а общественные антагонизмы появились и развились за тысячи лет раньше. Люди меняли способы производства. Изменялись орудия. Мы не можем за каждым способом производства закрепить качественное иное орудие. Даже капиталистический способ производства не потому капиталистический, что в развитой своей форме это машинный способ производства. *Способы производства изменялись потому, что изменялись соотношения между элементами, составляющими производительные силы.* Капиталистический способ производства появился и вызрел внутри феодального общества при специфически «феодальных» орудиях труда. *Орудия труда были те же, а способ производства изменился.* Это изменение вызвано было за счет развития остальных средств производства. Выросшие благодаря этим последним производительные силы вызвали изменение способа производства, и только после этого изменения мы наблюдаем появление нового орудия, соответствующего новым производительным силам. Этим орудием явилась машина, ставшая с тех пор и символом самого способа производства. Паровая мельница характеризует промышленно-капиталистическое общество, а ручная—феодальное², но буквальное понимание этого примера ничего не дает кроме вульгаризации. Такой пример полезен и необходим для того, чтобы заострить свою точку зрения в полемических целях, а взятый сам по себе он не дает ответа на вопрос о связи материального производства с общественными отношениями. А ведь часто из технического характера орудия труда мы ищем непосредственных выводов об общественных отношениях.

¹ А тем более нельзя объяснить этого развитием отдельных частей орудий, как это пытается делать г. Бернштейн в своей статье о производ. силах. «ВКА», кн. 21.

² «Нищета философии», ред. Рязанова, 1920, стр. 92.

С изменением способа производства изменяются и все общественные отношения, отношения людей друг к другу. Определенному способу производства соответствуют определенные общественные отношения. Выше мы уже заметили, что сам способ производства есть общественное отношение, техническая форма его, носящая всякий раз ту или иную историческую (социальную) физиономию. И, установив зависимость и характер этой зависимости между производительными силами и способом производства, мы тем самым осветили вопрос о влиянии производительных сил на общественные отношения.

К этому вопросу, но под другим углом, мы подойдем в следующем разделе этой части нашей работы.

г. Общественные отношения и производительные силы

Перейдем к третьему вопросу нашего плана—вопросу об обратном влиянии общественных отношений на материальные производительные силы.

Человек, с известной точки зрения, существо двуликое. Так, для нас он—с одной стороны—со стороны рабочей силы—элемент материальных производительных сил общества, а с другой—он член этого общества. И разделить это диалектическое единство нельзя, кроме как в теоретической абстракции. Как первое, так и второе лицо одинаково составляют «существо» нашего объекта. В процессе производства, в лице рабочих, участвует не только материальная сила, одаренная сознанием¹, но и общественно-организованная сила, сила, организованная обществом. Мы уже говорили выше о сочетании усилий отдельных единиц-людей в процессе труда. И это сочетание само по себе есть сила, влияющая на успешность производства, на его производительность. Больше того, оно есть необходимое условие целого ряда производств, начиная с самых примитивных его форм. Вспомним коллективность производственного процесса в первобытном коммунизме. В «Немецкой идеологии» Маркс называет это сочетание «производительной силой». В тексте у авторов этого произведения соответствующее место выражено так: «...определенный способ производства или промышленная ступень всегда связаны с определенным способом сотрудничества и определенной общественной ступенью (рукою Маркса: и этот способ совместной деятельности есть сам некоторая «производительная сила»)» (Арх., I, 220). Таким образом, на основе материальных производительных сил общества развивается еще «некоторая производительная сила» самого общества. Здесь как-будто бы нарушается вся та градация, которой мы выше придерживались, именно то, что производительные силы это категория одного ряда, а общественные отношения—другого. Общественные отношения встали, как-будто, в ряд производительных сил.

¹ Вернее, с приобретенным сознанием.

Самой ранней формой общественности человеческого труда, существующей и до сих пор, является кооперативная его форма. В наиболее примитивных из известных нам общественных организаций простая кооперация ее членов в процессе производства средств существования выступает в качестве решающей силы всего производственного процесса. Примитивное орудие индивидуального пользования не могло бы дать нужного эффекта без кооперативного сочетания рабочей силы всего коллектива.

Проследим, в общих чертах, дальнейшее развитие этой формы человеческого труда.

В родовом обществе мы наблюдаем уже более сложную форму кооперативной организации труда—разделение труда, в зачатке представляющее будущее общественное его разделение. Но разделение труда в основе предполагает ту или иную широту специализации, а следовательно, развития орудий труда. Ремесленное разделение труда феодального периода дает нам необычайно сложную картину кооперативного труда с громадной специализацией и развитием орудия труда, попрежнему остающегося орудием индивидуального рабочего.

В этом обзоре для нас важно выявить тот факт, что развитие производительных сил, в данном случае орудий труда, происходит не иначе как в определенной общественной форме труда и что эта форма обуславливает существование самого производства, данного способа его и дальнейшего его развитие. Развитие ремесла совершенно невозможно без данной кооперативной формы его. Больше того, эта форма обеспечивает переход его к следующему этапу развития—мануфактуре, где кооперативный характер процесса труда выступает с такой выпуклостью, что без него невозможно изготовление не только готовой вещи, но и отдельной части этой вещи. В машинной промышленности капиталистического общества кооперативная форма общественной организации труда *овеществляется* в самом орудии труда, и кооперация рабочих здесь, как нигде, выступает с очевидной зависимостью от орудия труда, в качестве технического условия производства. Но, по существу, эта же зависимость выступает и во всех остальных способах производства, где она также складывается на основе наличных производительных сил и, являясь общественным условием существования производства, воспроизводится каждым актом этого производства. В машинной же промышленности она слилась с орудием производства, с вещностью этого орудия, до осязаемой наглядности. Кооперация людей здесь вылилась в кооперацию вещей—машин, системы машин. Кооперация здесь действительно превратилась в производительную силу в том смысле, как мы понимаем эти последние (в смысле совокупности *вещественных элементов* производства),—она овеществилась, но это выразилось лишь в том, что орудия приняли ее общественную форму, облачились в нее всем своим материальным строем. Так что производительной силой в данном случае явились опять-таки не общественные отношения, не распределение людей в производстве, а определенная историческая форма развития средств производства, в данном случае машинная их форма.

В связи с разбором этого вопроса небезынтересно отметить такой факт. Кооперация, являющаяся техническим производственным отношением, способом производства, присуща, как таковая, всем этапам исторического существования человечества. Простая форма ее в первобытном коммунизме основывалась на общности отношения к источникам средств существования, при слабом индивидуальном орудии. Правда, уже тогда она спорадически превращалась в орудие коллективного пользования,—напр., рылись ямы для ловли крупного зверя. Сами предметы труда (напр., объекты охоты) вызывали кооперативную форму сотрудничества у общества. *Здесь об'единяло не орудие, как таковое, а как раз другие средства и условия производства.* Орудие было слабо, оно было просто ничтожно (но оно все же показатель состояния производительных сил), оно само по себе не могло обусловить строения общественной организации. И тут, как и в следующие эпохи, другие элементы производительных сил выступали и играли решающую роль: процесс труда носил общественную форму в виде простой кооперации. Но ввиду того, что предметы труда и сами средства производства вообще содержали в себе еще слишком мало прошлого труда, так как они в значительной своей части до того не подвергались воздействию труда¹, то и сама общественность была еще условно человеческой общественностью; в нее слишком много привносилось звериного, биологически унаследованного человеком. Но это между прочим.

Теперь взглянем на ту же кооперативную форму общественности в эпоху развитого машинного производства. Орудие приняло такую форму, что сила, развивавшаяся рабочим в кооперативном процессе производства, здесь стала силой исключительно машины. Сама по себе кооперация людей стала играть роль не в простой своей непосредственной форме, а как кооперация лиц, никогда не видевших и не знавших друг друга, более того, живших и живущих в разные эпохи и в различных частях земного шара, следовательно, как кооперация не только живого труда, но труда живого и прошлого. И естественно, что эта кооперативная форма общественного труда с наибольшей яркостью подчеркивает свою зависимость от орудия труда, от материальных производительных сил.

Поскольку мы здесь разбираем проблему с точки зрения теории исторического материализма, постольку для нас совершенно неуместен вопрос о производительности, что, впрочем, мы выше и заметили. Мы изучаем строение и взаимозависимость отдельных слагаемых общества, и ответ на вопрос: а влияет ли данное слагаемое на производительность труда—для нас ничего не даст. На производительность труда могут влиять самые разнообразные обстоятельства, вплоть до хронического насморка у рабочих данного округа, но это не значит, что насморк может войти или не

¹ Напр., животное, являвшееся объектом охоты, заключало в себе лишь тот «труд» общества, что в определенные времена года на него не охотились и давали ему размножиться.

войти в число слагаемых, по признаку строения, исторических этапов общества.

При изучении производительности (или производительной силы труда) в отдельные эпохи человеческой истории общественная форма труда, конечно, влияет на результаты труда, выступая, таким образом, в качестве силы, поднимающей производство производительной силы, но производительной силы общественного труда, т. е., иными словами, в качестве производительности, появляющейся сверх усилий отдельных индивидуальных производителей, взятых порознь, в качестве результата от общественного сочетания усилий этих индивидуальных производителей. Но вся эта группа вопросов выходит за пределы теории исторического материализма, а входит в узкий круг проблем политической экономии.

Вернемся к нашему вопросу.

Антагонистические, классовые, общественные отношения безусловно влияют на состояние производительных сил. В «Ницете философии» Маркс замечает, что думать, будто люди потому стали предаваться производству предметов высшего порядка, что все потребности всех рабочих были удовлетворены,—значит исказить действительность. «Без антагонизма нет прогресса; таков закон, которому подчинялась цивилизация до наших дней. До настоящего времени производительные силы развивались благодаря господству антагонизма классов» («Н. ф.», стр. 60). Примеров влияния на рост производительных сил классовой вражды можно привести бесчисленное множество. Достаточно хотя бы факта введения предпринимателями новых более усовершенствованных машин во время стачек рабочих в борьбе за улучшение условий труда и заработной платы.

Но следует ли из этого, что общественные отношения классового общества являются производительной силой. Совершенно не следует. Приведем такой исторический пример, говорящий о громадном влиянии общественных отношений на производительные силы. Самого факта мы уже касались в другой связи: капиталистический способ производства зародился и вызрел в недрах феодального общества; это произошло на основе роста производительных сил, выразившегося в необычайном развитии всех средств производства; но, по существу, новый способ производства, оперировал старыми орудиями труда,—инструментами ремесленника, разве лишь еще более расчлененными в новом разделении труда в мануфактуре; машина же—как орудие, являющееся истинным выразителем нового способа производства—появилась уже как результат этого способа его общественных отношений: раньше машины изобретались, но старый способ производства не вмещал их в свои рамки, это сделали только новые общественные отношения. И этим же отношениям мы обязаны той бешеной скачкой машинизма, какую мы наблюдаем в течение всего развития капиталистического общества.

Общественные отношения складываются на основе того или иного способа производства, а этот последний зависит от состояния производительных сил. С ростом этих сил необходимо следует изменение

способа производства, а затем и всех отношений в производстве. В приведенном примере мы можем наблюдать это чередование: производительные силы выросли в недрах старых отношений, дальнейший их рост уже находил препятствие в этих отношениях, — изобретавшиеся машины, технически уже выношенные развившимися силами производства, не вводились или просто уничтожались. Общественные отношения, следовательно, отставали от роста производительных сил. Из сил, содействующих производству, они обратились в силы, тормозящие это производство. Сочетание людей в процессе производства перестало соответствовать новому состоянию производительных сил, и оно должно было измениться под угрозой гибели этих сил и изменилось. Новый способ производства и новые общественные отношения двигают развитие производительных сил дальше, что, наконец, и выражается в машинизме.

Все сказанное выявляет глубокую разницу между категорией производительных сил и категорией общественных отношений и, по нашему, снимает с обсуждения вопрос об общественных отношениях, как какой-то производительной силе в марксовской методологии истории.

В заключение, коснемся вскользь такой «производительной силы», каковой является наука. Ведь наука больше, чем что бы то ни было другое, содействует росту производительных сил и лежит, как будто, в основе этого роста. Но что такое наука? Наука есть идеальное отражение в головах людей того фактического процесса, который происходит вне этих голов и который воплощен в материальных производительных силах общества. Так не может же это отражение быть смешиваемо с отражаемым, так как это значило бы не делать различия между идеей о вещи и самой вещью. Наука играет огромную роль в развитии производительных сил в силу того факта, что человеческий труд — целесообразный труд: «в конце процесса труда получается результат, который уже перед началом этого процесса имелся идеально, т. е. в представлении работника» («Кап.», 1, 149). Но идеальный результат может превратиться в материальный только в силу действия таких материальных факторов, какими являются сила рабочего, действия которого координируются этой идеей, и сила средств производства, — машин, сырья и других далеко не «идеальных» вещей. Гегелевская «идея» в руках рабочего потому превращается в свое «инобытие», в материю, что сама она предварительно есть «инобытие» этой материи.

II

а) Общие замечания

Вторую часть нашей работы мы отводим иллюстративному обоснованию темы и воспользуемся для этого текстуальным материалом из сочинений Маркса и Энгельса, так широко, кстати и некстати, используем при всяком случае, где речь заходит о производительных

силах. Предыдущее изложение мы не считаем чем-то оригинальным, — оно есть изложение теории производительных сил с точки зрения марксистской методологии истории и заключает в себе, в данном индивидуальном изложении автора статьи, мысли Маркса и Энгельса и их идейных последователей. Казалось бы, что этим задача выполнена. Но, оказывается, не совсем. Считаюсь со специфическими условиями, вызвавшими эту работу¹, нам придется еще некоторое время пропутешествовать по вырезкам из того живого материала, каким являются наши источники — произведения Маркса и Энгельса.

Маркс и Энгельс не написали «курса» теории исторического материализма, они не дали нам сочинения, стройно, систематически излагавшего эту теорию, но они работали методом исторического материализма и учили применять этот метод к действительной жизни и в научных произведениях. Поэтому мы, не располагая, к сожалению², определением производительных сил в их тексте, в той форме, как это требуется теперь, все же можем, на основании их работ, при правильном подходе, это определение сделать и дать его в практически удобной форме. Формулировка тов. Бухарина нам кажется наиболее правильной с этой точки зрения, и ее обоснование мы поставили себе в качестве практической задачи нашей работы. Одна половина этой задачи уже выполнена, а вторая сейчас будет проведена, но по несколько иному плану, нежели первая.

Маркс изучал определенную экономическую структуру общества, капиталистическую, и поэтому огромное большинство случаев, где он высказывается по существу вопросов, нас интересующих, выражает точку зрения, относящуюся больше всего или исключительно к данной общественной формации. А это значит, что дело представляется в его конкретной исторической форме, с маской сил, действующих в разных направлениях, с целой системой взаимодействующих, среди которых порой трудно сразу различить искомое.

Поэтому мы поведем изложение путем освещения роли производительных сил и отдельных элементов этих сил в том или ином конкретно-историческом положении их, иллюстрируя изменчивость их как общественной, так и естественной физиономии, в зависимости от исторического момента.

Может показаться чрезмерным то своеобразное подчеркивание естественной стороны общественных производительных сил, которое мы допускаем на протяжении всего нашего изложения. Вначале мы уже оговорили основание для такого подхода к вопросу, а теперь воспользуемся приемами Маркса при анализе подобных же вопросов. Почти в самом начале I тома «Капитала», на стр. 9—10 он говорит: «Человек в своем производстве может оперировать лишь так, как

¹ Дискуссия в журнале «ВКА».

² Да, — к сожалению, — иначе, надеемся, несколько уменьшилось бы число их «толкователей»-талмудистов.

оперирует сама природа, т. е. может лишь изменять формы различных вещей. Мало того, в этом труде формирования *он непрерывно опирается на содействие сил природы*. Следовательно, труд не единственный источник производимых им потребительных стоимостей, материального богатства» (подч. мною. В. Л.). Природа и есть второй источник этого богатства, не теряющий своей естественной сущности¹ и в качестве общественной вещи. Но как природа, так и труд сами по себе не являются элементами производительных сил, несмотря на то, что ведь оба эти элемента всегда принимают решающее участие в производстве. Производство, по существу, и есть реальное соединение двух элементов, а результат производства выражается в слиянии этих элементов в одно целое, приобретающее значение вещей природы в общественном бытии.

Производство (конечно, мы говорим о материальном производстве) может совершаться только при наличии этих двух элементов. Но оно совершается не иначе, как при посредстве особых материальных агентов, являющихся вещественными носителями и посредниками обоих этих элементов. Эти-то вещественные посредники в своей совокупности и являются производительными силами.

Посредники эти (средства производства и рабочая сила) сами есть результат предыдущего производства, значит, они вещи природы в общественном бытии. В этом именно и смысл нашего подчеркивания естественной стороны общественных производительных сил. Это — необходимое подчеркивание, так как лишь те элементы, которые имеют в себе обе эти стороны, могут входить в материальные производительные силы общества. Этим определяется решение вопроса о природе, как таковой, и об обществе, как совокупности отношений людей: природа входит в состав производительных сил общества, поскольку она *овеществляется*, а общественные отношения — поскольку они *овеществляются* в материальных средствах производства (см. выше пример с машиной, овеществившей в себе кооперацию людей в процессе производства) и рабочей силе². Поэтому теперь мы можем сказать, что процесс производства есть процесс обобществления природы и одновременного овеществления общественных отношений. На ранних ступенях исторического развития оба момента были представлены слабо, поэтому и производительные силы были слабы. Но современное нам общество отличается необычайным развитием обоих моментов в процессе производства. Масса «вещей природы в общественном бытии» (средств производства и рабочих сил) возрастает с быстротой, по характеру похожей на геометрическую прогрессию. «Менее чем во сто лет своего господства буржуазия создала более могущественные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествующие поколения, вместе взятые.

¹ Материальности.

² Поэтому и наука, овеществленная в технике, в средствах производства или в рабочей силе, есть производительная сила. А сама по себе наука есть результат общественных отношений, особый род этих отношений.

Подчинение сил природы, машины, применение химии к земледелию и промышленности, пароходы, железные дороги, электрические телеграфы, распашка целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые как бы из земли выросшие населения... В каком из предшествующих столетий можно было предполагать, что подобные производительные силы дремлют в недрах общественного труда» («Комм. ман.», 68, ред. Рязанова). Как видим, приводя эту цитату, при разборе вопроса о производительных силах можно и не пожимать плечами перед читателем¹, а, наоборот, восхищаться красочностью ее формы и богатством содержания. Но это между прочим.

Взгляд на процесс производства, как на процесс обобществления природы и овеществления общественных отношений, уместен лишь с точки зрения развития производительных сил, когда эти последние являются субъектом. В то время как в реальном процессе производства субъектом является общество, для которого производственный процесс в своем развитии дает каждый раз известную массу материальных условий (в том числе и производительных сил) и общественных отношений между людьми, соответствующих этим условиям. Таким образом, каждый акт производства поглощает существующие отношения между людьми и производит новые отношения, соответствующие новым, только что одновременно произведенным, материальным условиям. Старые отношения являются всякий раз воплощенными в готовых продуктах производства. в том числе и производительных сил. Поэтому, *со стороны общественной*, производительные силы всегда являются *отставшими* от общественных отношений, т. к. в них воплощены всего лишь старые, хотя и только что пройденные отношения. *Отношения людей поэтому всегда двигают вперед производительные силы*: новые более высокие общественные отношения в процессе производства соединяются со старыми, уже овеществленными, и поднимают их до своего уровня. Но этот процесс в результате, как уже сказано, дает новое несоответствие, отличающееся лишь более высокой базой обоих элементов.

Но при всем этом нужно помнить, что *общественные отношения, о которых сейчас шла речь, захватывают лишь отношения людей, принимающих непосредственное участие в производстве, в создании материальных продуктов*. Именно отношения этих лиц подвергаются столь быстрой модификации. Отношения других людей складываются уже на основе отношений, создаваемых среди людей, непосредственно участвующих в материальном производстве. И эти отношения, наподобие убегающей зыби при бросании камня на спокойную поверхность воды, чем дальше, тем медленнее и слабее воспринимают силу проявляемую первыми, и нарастание этой силы сравнительно очень медленно изменяет отдаленные формы общественных отношений людей. Поэтому-то *общественные отношения в целом всегда отстают от развития производительных сил*. Поэтому-то производительные силы пере-

¹ Как это делает в своей статье т. Ефимов, «ВКА», кн. 22.

растает общественные отношения и вызывают ломку всего общественного строя. Но нетрудно теперь заключить, что эта ломка, по существу, есть ломка отношений не вещами, а людьми, это есть революция людей среди людей, а не вещей среди людей. Революционный класс при этом является не только представителем передовых производительных сил, но и более передовым, чем эти силы: он сам есть залог грядущего развития этих сил, он сам есть носитель тех общественных отношений, которые лишь завтра овеществятся в производительных силах и поднимут их до своего сегодняшнего состояния, чтобы самим уйти опять вперед. Здесь вполне уместно напомнить знаменитое место из «Нищеты философии», где Маркс замечает, что «изо всех орудий производства наибольшую производительную силу представляет сам революционный класс. Организация революционных элементов в класс уже заранее предполагает существование всех тех производительных сил, которые могли зародиться в недрах старого общества» («Н. ф.», 135, ред. Рязанова, 1920).

Возвратимся к прерванному изложению. Наша задача продолжить общую характеристику производительных сил у Маркса и Энгельса. Мы осветили естественную и общественную стороны этих материальных сил. Теперь коснемся их историчности.

«Благодаря тому простому факту,—пишет Маркс Анненкову,— что каждое последующее поколение находит производительные силы, добытые прежними поколениями, и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства, благодаря этому факту, возникает связь в человеческой истории, образуется история человечества, которая в тем большей степени становится историей человечества, чем больше выросли производительные силы людей, а следовательно, и их общественные отношения. Отсюда необходимый вывод: общественная история людей всегда есть лишь история их индивидуального развития, сознают ли они это или нет. Их материальные отношения образуют основу всех их отношений. Эти материальные отношения суть лишь необходимые формы, в которых осуществляется их материальная и индивидуальная деятельность» (Письма Маркса и Энгельса, под ред. Адоратского, 1923, стр. 8). Но форма эта не остается на месте, она постоянно подвержена количественному изменению и качественному перемещению элементов, ее составляющих, и ее развитие в данных конкретных формах является индивидуальным неповторимым развитием, как индивидуальна и неповторима общественная история людей.

Но эта индивидуальная и неповторимая в своей конкретности история людей протекает с закономерностью естественно-исторического процесса, тенденции которого сходны при наличии сходных элементов, его образующих. Этими элементами являются прежде всего материальные его элементы, производительные силы, составляющие основу этой общественной закономерности. Но, с другой стороны, производительные силы, благодаря этому, вносят и общность в индивидуальное развитие различных обществ, позволяя, до из-

вестной степени, проводить параллели между ними, а уж предполагать будущие тенденции этого развития—безусловно. Иными словами, теория производительных сил лежит в основе материалистического понимания истории и научного социализма.

б) Рабочая сила

«Машина, которая не служит в процессе труда,—бесполезна. Кроме того, она подвергается разрушительному действию естественного обмена веществ. Пряжа, которая не будет использована для тканья или вязанья, представляет испорченный хлопок. Живой труд должен охватить эти вещи, воскресить их из мертвых, превратить их из только возможных в действительные и действующие потребительные стоимости. Охваченные пламенем труда, который ассимилирует их, как свое тело, призванные в процессе труда к функциям, соответствующим их идее и назначению, они хотя и потребляются, но потребляются целесообразно, как элементы для создания новых потребительных стоимостей, новых продуктов, которые способны войти как средства существования в сферу индивидуального потребления или как средства производства в новый процесс труда» («Кап.», I, 154. Подч. мною. В. Л.). Здесь Марксом очень отчетливо выражена антитеза средств производства и рабочей силы. «Человеческая рабочая сила в текучем состоянии» («К.», I, 18) (в процессе труда) является действительным элементом производительных сил, активным фактором, обуславливающим реальность производственного процесса¹.

В процессе производства средства производства становятся телом функционирующего живого труда, целесообразность которого определяет плановость всего производственного процесса. Мозг рабочего управляет не только естественными органами самого рабочего, но и искусственными органами и всеми превращениями, которым подвергается предмет труда в процессе обработки.

Но это утверждение роли живого труда и, следовательно, рабочей силы в производственном процессе претерпевает огромные превращения в процессе исторического развития человечества. При рассмотрении этих превращений мы коснемся лишь двух исторических этапов—феодализма и капитализма—вполне достаточных для наших целей, тем более, что в принципе они содержат все возможные превращения этого рода.

¹ В «пассивном» своем состоянии, т. е. когда рабочий остается вне производства, безработным, «человеческая машина имеет свойства ржаветь от бездействия, сколько бы вы ее ни смазывали и ни чистили. К тому же человеческие машины, как нас учит опыт, способны самопроизвольно производить пары и взрываться или безумствовать на улицах наших больших городов в дикой виттовой пляске» («Кап.», I, 561, выдержка из Times).

Три момента войдут в поле нашего зрения: ремесленный рабочий (индивидуальная рабочая сила, оперирующая индивидуальным инструментом), мануфактурный рабочий (коллективная рабочая сила, оперирующая индивидуальными инструментами) и машинно-промышленный рабочий (коллективная рабочая сила при коллективном орудии труда). Этими тремя моментами вполне может быть иллюстрирована роль живой рабочей силы внутри производительных сил.

Приведем следующее место из «Капитала», частично раскрывающее вопрос: «Пока процесс труда является чисто индивидуальным, один и тот же рабочий объединяет все те функции, которые впоследствии разделяются. Он сам контролирует свое индивидуальное присвоение предметов природы для своих жизненных целей. Впоследствии его контролируют. Отдельный человек не может воздействовать на природу, не приводя в движение своих собственных мускулов под контролем своего собственного мозга. Как в самой природе голова и рука принадлежат одному и тому же организму, так и в процессе труда соединяются головной и ручной труд. Впоследствии они разъединяются и доходят до враждебной противоположности. Продукт превращается вообще из непосредственного продукта индивидуального производителя в общественный, в общий продукт коллективного рабочего, т. е. в продукт рабочего персонала, комбинированного таким образом, что различные члены его ближе или дальше стоят от непосредственного воздействия на предмет труда. Поэтому уже самый кооперативный характер процесса труда неизбежно расширяет понятие производительного труда и его носителя, производительного рабочего. Теперь для того, чтобы трудиться производительно, нет необходимости непосредственно прилагать свои руки; достаточно быть органом коллективного рабочего, выполнять одну из его подчиненных функций» («К.», I, 489). Следующее место из «Капитала» же наиболее четко подчеркивает вопрос: «Отделение интеллектуальных сил процесса производства от ручного труда и превращение их во власть капитала над трудом получает свое завершение... в крупной промышленности, воздвигающейся на базе машин. Частичное искусство отдельного машинного, подвергшегося опустошению, рабочего исчезает как ничтожная и не имеющая никакого значения деталь перед наукой, перед колоссальными силами природы и перед общественным массовым трудом, воплощенным в системе машин» («К.», I, 403. Подч. мною. В. Л.). Индивидуальный рабочий ремесленного способа производства перестает быть силой, способной привести в действие весь механизм производства, его заменяет коллективный рабочий, с совершенно иными функциями, среди которых в значительной степени отошла к машине и главнейшая функция живого труда — целесообразная деятельность. За рабочим остался контроль этой деятельности, к тому же и тот очень ограниченный, т. к. эта сторона дела в сильной мере воплощена в механизме, — в измерительных приборах, манометрах и т. п.

Индивидуальный рабочий потерял всякое самостоятельное значение, он стал играть роль лишь в качестве частичного рабочего одного

коллективного целого, каковым являются все рабочие данного предприятия, данной фабрики.

Процесс такого изменения роли живой рабочей силы шел через мануфактуру. Если в крупной промышленности исходной точкой переворота в способе производства является *средств труда*, то в мануфактуре эта роль принадлежала *рабочей силе* («Кап.», I, 348). Именно мануфактура подготовила подлинную коллективность и всего производственного процесса и его отдельных элементов — рабочей силы и средств производства. Но сама она выполнила эту роль только в отношении живой рабочей силы, затронув средства производства лишь тем, что еще более индивидуализировала их, приспособив к простейшим операциям, что, впрочем, явилось необходимым этапом для перехода к машине.

«Специфическим для мануфактурного периода механизмом остается сам коллективный рабочий, составленный из многих частичных рабочих» («К.», I, 327). Но этот факт уже внес принципиально нового. Рабочий хотя и оперировал попрежнему индивидуальным инструментом, но от него отделились «духовные потенции производства» («К.», I, 340). «Все те познания, понимание и воля, которые развивают в себе самостоятельный крестьянин или ремесленник, хотя и в малом масштабе — подобно тому, как дикарь все военное искусство воплощает в приемах своей личной хитрости, — все это в мануфактуре требуется лишь от мастерской в целом» («К.», I, 340). «Собирательный рабочий обладает теперь всеми способностями производителя в одинаково высокой степени и в то же время тратит их самым экономным образом, так как каждый свой орган, *индивидуализированный в особом рабочем*, он применяет лишь для отправления своей специфической функции» («К.», I, 327. Подч. мною. В. Л.).

Живая рабочая сила в мануфактуре претерпевает качественное превращение в сравнении с предыдущим историческим этапом производства. Опириуя попрежнему индивидуальным инструментом в мануфактуре, она имеет значение лишь как часть целого, живого рабочего механизма, из которого образуется мануфактура.

«...Мануфактура, раз она уже введена, развивает рабочие силы, по самой природе своей пригодные лишь к односторонним специфическим функциям» («К.», I, 327). И это развитие, сыграв свою историческую роль, привело к полному отрицанию роли живого труда в той ее форме, в какой она являлась на протяжении всего исторического развития¹. ...Изобретения Vaucanson 'а, Arkwright 'а, Watt 'а и т. д. могли получить осуществление только благодаря тому, что эти изобретатели нашли значительное количество искусных механических рабочих, уже подготовленных мануфактурным периодом» («К.», I, 359).

¹ «Мануфактурный период упрощает, улучшает и умножает рабочие инструменты путем приспособления их к исключительным, обособленным функциям частичных рабочих. Тем самым он создает материальные предпосылки машины, которая представляет комбинацию многих простых инструментов» («Кап.», I, 319).

Машина, появившаяся благодаря необычайному развитию искусства живого работника, со временем лишила всякого значения это искусство, сделав его символом отсталости производственного процесса. За отдельным рабочим при машине сохранилась лишь та роль, что естественными возможностями этого рабочего стала определяться быстрота движения рабочего механизма, а в некоторых отраслях, правда, ими еще определяются размеры и производительность машины¹.

Но машина не только окончательно устранила значение искусства индивидуального рабочего, она внесла коренные изменения и в функции созданного мануфактурой коллективного рабочего. «В мануфактуре рабочие образуют члены одного живого механизма. На фабрике мертвый механизм существует независимо от них, и они присоединены к нему как живые придатки» («К.», I, 402). «В мануфактуре расчленение общественного процесса труда чисто субъективно, представляет просто комбинацию частичных рабочих; в системе машин крупная промышленность обладает вполне объективным производственным организмом, который рабочему приходится взять, как готовое материальное условие производства» («К.», I, 364).

Таков, в общих чертах, процесс качественного изменения рабочей силы и роли этой силы в процессе производства, происходящий параллельно количественному и качественному росту производительных сил вообще. Диалектика этого процесса, просмотренного нами на протяжении перехода от индивидуального ручного труда к коллективному машинному, по нашему мнению, позволяет вывести, и в данном аспекте, следующее заключение о рабочей силе, как элементе, входящем в состав производительных сил: помимо своего значения орудия одаренного сознанием, вносящего в производственный процесс момент целесообразности этого процесса, рабочая сила является элементом, движущим весь процесс, *созидающим* рост и качественные превращения средств производства. В нашем обзоре сначала появился коллективный *рабочий*, а *затем было* создано коллективное *средство труда*. Впрочем, это можно подтвердить и тем фактом, что всякому новому экземпляру орудий *предшествует* добавочный *живой труд*, так сказать, авансированный, затраченный сверх нормы, необходимой для восстановления рабочей силы и средств производства, добавочный труд, застывший в виде орудия, которое войдет только в следующий процесс производства и там будет играть свою роль. Поэтому *тайна роста средств производства не в них самих, а в рабочей силе*. Эта мысль у Маркса является основной мыслью «Капитала». Рабочая сила, в специфической для данного общества форме—капи-

¹ «...Рабочий-пудлинговщик, занятый тем, чтобы освободить чугун от углерода, должен выполнять ручной труд такого рода, что величина печи, которую он в состоянии обслуживать, ограничивается его личными способностями, и эта граница задерживает в настоящее время (1874 год) тот изумительный подъем, который начался в металлургической промышленности с 1780 года, со времени изобретения пудлингования» («К.», 611—12).

тала, переменного капитала, является источником прибавочной стоимости, а поэтому и источником возрастания постоянного капитала, иначе—средств производства¹.

в) Средства производства

Помимо рабочей силы, в состав производительных сил входят средства производства,—материальные элементы природы, приобщенные трудом к производственному процессу. Они составляют осязаемый остов материального производства, и их развитие служит всякий раз показателем общего развития производительных сил.

Ведущую роль орудий труда в этом процессе мы показали выше. Но количественный рост и качественные изменения орудий труда бывают возможны всякий раз на основе развития остальных средств производства (и, конечно, рабочей силы). Орудия и средства труда являются показателем развития производственного процесса и производительных сил. «Та часть постоянного капитала, — говорит Маркс, — которую А. Смит называет основной, — *средства труда*, как, напр., сооружения, машины и т. п., всегда полностью функционирует в процессе производства, но снашивается лишь постепенно и лишь мало-по-малу переносит свою стоимость на товары, производству которых она мало-по-малу содействует. Она является истинным показателем развития производительных сил. С ростом этой части постоянного капитала растет разница между применяемым капиталом и тем, который потребляется в каждый момент. Другими словами—растет материальная масса и стоимость средств труда, каковы: строения, машины, дренажные трубы, рабочий скот, всякого рода аппараты и т. п.» («К.», I, 595. Подч. мною. В. Л.). Но сами по себе средства труда в разных сферах материального производства играют неодинаковую роль в качестве показателей развития производительных сил всего общества и поразному влияют на это развитие.

Точно так же, как среди средств труда в одном и том же производственном процессе «...механические средства труда, совокупность которых можно назвать костной и мускульной системой производства, представляют более характерные отличительные признаки определенной эпохи общественного производства, чем такие средства труда, которые служат лишь хранилищами предметов труда и совокупность которых в общем можно назвать сосудистой системой производства,

¹ «Труд, овеществленный в форме машин, не создал, конечно, ни одного нового рабочего, но он дал возможность небольшому числу рабочих с небольшой сравнительно затратой дополнительного живого труда производительно потребить шерсть, присоединить к ней новую стоимость и сохранить ее старую стоимость в форме пряжи и т. д. Тем самым он создал средство и импульс к расширенному воспроизводству шерсти. *Живому труду по самой его природе присуща способность, присоединяя новую стоимость, сохранять старую*» (Энгельс, Полож. раб. кл. в Англии, цит. по «Кап.», I, 593. Подч. мною, В. Л.).

как напр., трубы, бочки, корзины, сосуды и т. д. Лишь в химической фабрикации они играют важную роль» («К», I, 151).

Нам хочется сейчас обратить внимание на одно маленькое примечание Маркса, которым снабжено классическое место в «Капитале», трактующее о решающем значении останков средств труда при изучении исчезнувших общественных организаций. («Таковую же важность, как строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций. Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд» («К», I, 151). Примечание к этому месту говорит: «Изо всех товаров предметы собственно роскоши имеют наименьшее значение при технологическом сравнении различных эпох производства» (Прим. 5, стр. 151). Следовательно, Маркс не подходил к вопросу так односторонне, как это делают теперь его некоторые «интерпретаторы», которые на основе только что приведенного места (основного) пытаются даже в самой машине найти те части, которые, по их мнению, должны являться «показателем тех общественных отношений, при которых совершается труд». Примечание показывает, что Маркс допускает возможность сравнения даже и по товарному признаку, хотя это сравнение и не имеет столь решающего значения, как сравнение со средствами труда¹. Для нас, ведь, далеко небезразлично—работает ли современный трактор в нашей советской деревне, поднимая зерновые культуры, или он интенсифицирует переход к культурам техническим. В первом случае мы, в результате, должны вывозить произведенный хлебный излишек за границу и уже оттуда ввозить техническое сырье для нашей промышленности, давая наживаться при этом иностранному капиталисту, т. е. усиливая его положение; при собственном же техническом сырье мы усиливаем и экономические и социальные основы нашего строя, содействуя коренному преобразованию общественных отношений. Иначе говоря, один и тот же трактор поразному влияет на изменение отношений в производстве (между рабочим и крестьянином) в зависимости от предмета своей обработки².

Выводы ясны: средства труда—показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд, но всякая конкретная обстановка вносит значительные особенности в характер общественных отношений, складывающихся на основе этих средств, в зависимости

¹ Маркс говорит даже о средствах производства, что вполне, конечно, отвечает его методологическому подходу к вопросу: «В зависимости от характера средств производства... общественные отношения, в которые вступают производители друг к другу... условия, при которых они обмениваются своими работами и участвуют в совокупном производстве, конечно, будут различны» (Наемн. труд и кап., 1922, стр. 46. Подч. мною, В. Л.).

² Переживаемый кризис зернового хозяйства, конечно, не устраняет приведенного примера в данном его контексте.

и от предметов, подвергаемых обработке. Игнорировать этой стороны дела нельзя.

Обратимся к разнице между отдельными отраслями материального производства, под углом исторического развития средств производства.

Добывающая промышленность, земледелие и индустрия являются теми основными сферами материального производства, на которые делится это последнее в наше время. Но в этой своей последовательности, как мы их здесь перечислили, они образуют и основу главнейших исторических способов производства.

Но «кроме экстрактивной промышленности, земледелия и индустрии,—пишет Маркс в своих материалах при работе над «Капиталом»,—«существует еще четвертая сфера материального производства, которая постепенно проходит также ступени ремесленного производства, мануфактурного и механического производства; это транспортная промышленность, безразлично, передвигает ли она людей или товары» («Теории приб. ценн.», т. I, приложение, стр. 267, 1906. Подч. автором). Это такой род промышленности, который обычно определяется состоянием первых трех и особенно той из них, которая в данное время, в данную историческую эпоху является основной, как, напр., в наше время машинной промышленности, индустрии. Правда, в истории развития материального производства транспортная промышленность играет все время возрастающую роль, с особенной рельефностью проявляющуюся впервые при переходе от ремесленного производства, когда транспорт, особенно морской, играл решающую роль при внедрении самого способа производства, определяя этим развитие производительных сил и изменение общественных отношений.

Вывод отсюда тот, что транспортные средства, входя в состав средств производства, вместе с рабочей силой, занятой на транспорте, входят в состав материальных производительных сил общества.

Транспорт—это род промышленности, обслуживающий разделение труда в обществе, и поэтому он, как правило, всегда связан с ростом этого разделения, основанного на росте основных сфер производства. Историческое развитие транспорта связано с историей развития материального производства в целом и отдельных его сфер.

Экстрактивная промышленность—самая ранняя историческая форма человеческого производства, безраздельно господствовавшая неизмеримо долгое время. Как мы выше уже имели случай указать, средства труда при господстве этого рода промышленности так мало содержат в себе овеществленного человеческого труда, что между ними и предметом труда по существу очень небольшое различие. Земля в это время является главнейшим средством труда, снабжающим человека орудиями, требующими для своего изготовления подчас очень небольшого количества труда. Она же довольно легко снабжает и предметами труда, главнейшими из которых являются средства существования. Слабые производительные силы определяются этими слабыми общественными средствами производства и незначительным

развитием рабочей силы, компенсируемым чисто животными способами добывания себе средств существования.

Развитие производительных сил прошло через развитие земледелия к индустрии.

Земледелие характеризуется уже значительным развитием производительных сил, хотя в период своего господства—до отделения ремесла, да и много позже—оно в значительной степени несло в себе все черты своей прародительницы—экстрактивной промышленности.

Очень рано появившаяся ремесленная деятельность в недрах господствующего земледелия создает предпосылки для появления и развития индустрии, определившей собою развитие общих производительных сил общества и изменившей состояние этих сил в обеих предшествующих в историческом развитии сферах материального производства. Теперь, несмотря на наличие у нас всех трех сфер материального производства, *ведущая*, основная роль принадлежит *индустрии*, которая своим развитием не только определяет орудия и средства производства в своем производстве, но и распространяет это свое влияние и на добывающую промышленность и на земледелие. Причем само это влияние таково, что оно революционизирует обе первые сферы настолько, что позволяет сравнивать современную добывающую промышленность или земледелие с первобытными их формами лишь по отношению к предмету труда (земле), в основе общему обеим эпохам, хотя глубоко различному по количеству и качеству его.

Для нас здесь важно выявить то, что к средствам производства в смысле их роли в составе производительных сил следует подходить не только с точки зрения их организательного деления (средства труда, орудие труда, предмет труда, вспомогательный материал), но и с точки зрения их места в исторически развившихся сферах материального производства. При этом, средства производства индустрии играют определяющую роль в социальной структуре общества. Но в случае несоответствия этой исторической форме развития индустриальных средств производства какой-либо из других сфер производства—это сильно сказывается на общественных отношениях страны. Примером может служить современная Англия с ее угольной промышленностью, где средства производства сильно отстали от развития средств производства в индустрии и являются главной причиной социальных столкновений наших дней: английской забастовки горняков, всеобщей забастовки середины 1926 года и др.

Исторического развития орудия труда в индустрии мы уже коснулись в предыдущем разделе о рабочей силе. Развитие это связано с развитием самой рабочей силы, и если диалектический процесс развития ее на трех этапах шел по линии: индивидуальный рабочий ремесла, коллективный рабочий мануфактуры и коллективный рабочий машинной промышленности, то процесс развития орудия труда отличался от этого процесса, проходя таким образом: индивидуальное орудие ремесленника, индивидуальное орудие мануфактурного рабочего и коллективное орудие в машинном производстве. Причина

различий этих процессов пояснена там же, в разделе о рабочей силе.

Теперь нам хотелось бы несколько остановиться на средствах производства в капиталистическом обществе.

Развитие средств производства показательно для развивающегося производства. Количественное его расширение выражается в увеличении количества вырабатываемых продуктов и в увеличении количества того типа орудий, который существует в этом производстве. На известном этапе этого количественного роста появляется качественно новое орудие, определяющее весь дальнейший строй материального производства. В до-капиталистических способах производства качественные изменения средств производства были довольно редким явлением, чему соответствовала большая продолжительность периодов господства этих производств.

Иное дело при капитализме. «Накопление капитала,—говорит Маркс,—которое первоначально представлялось лишь его количественным расширением, сопровождается... непрерывным качественным изменением его состава, постоянным увеличением его постоянной составной части за счет переменной и таким образом относительно уменьшает спрос на труд» («К.», I, 620). Другими словами, здесь мы имеем постоянное качественное изменение средств производства. Количественное возрастание их скоро делает качественные скачки. «...В высшей степени развившаяся возможность больше и больше совершенствовать современную машину,—пишет Энгельс в «Анти-Дюринге»,—превратилась, благодаря анархии производства, в принудительный закон для каждого отдельного капиталиста, заставляющий его постоянно улучшать свои машины, постоянно превышать их производительную силу» («Анти-Дюринг», 1923, Гиз, стр. 250). «Современная промышленность,—читаем в «Капитале»,—никогда не рассматривает и не трактует существующую форму известного производственного процесса, как окончательную. Поэтому ее технический базис революционный, между тем как у всех способов производства базис был по существу консервативен. Посредством машин, химических процессов и других методов она постоянно производит перевороты в техническом базисе производства, а вместе с тем и в функциях рабочих и в общественных сочетаниях процесса труда» («К.», I, 467—68).

В этой революционности технического базиса капиталистического способа производства причина столь быстрого качественного изменения средств производства и той социальной борьбы, которая непрерывно ведется внутри капиталистического общества.

г) Общественные отношения

Чтобы закончить нашу статью, осталось еще немного сказать об общественных отношениях.

«В производстве люди воздействуют не только на природу (но и друг на друга). Они производят только так, что определенным образом *действуют сообща и взаимно обмениваются* своими работами.

Чтобы производить, они должны вступать в определенные связи и отношения друг к другу, и только в рамках этих общественных связей и отношений совершается их воздействие на природу, совершается их производство» («Наем. труд и кап.», 46. Подч. мною. В. Л.). Действия сообща и взаимный обмен работами—это два основных момента общественных отношений людей в процессе производства. Каждый из этих моментов, в свою очередь, может быть подвергнут разбору с двух точек зрения: с точки зрения технического строения, содержания—во-первых, и с точки зрения *формы*—во-вторых. По отношению к каждому из них это выразится: 1) в рассмотрении «действия сообща» в производстве с точки зрения технической, расстановки людей, кооперативного сочетания их усилий—во-первых, и общественной *формы* «действия сообща», в смысле отношения их к обмену—во-вторых; 2) в рассмотрении «взаимного обмена работами»—с точки зрения строения, в отношении к той или иной кооперативной расстановке людей в производственном процессе—во-первых, и вопроса о внешнем проявлении технического строения этого момента общественных отношений, формы обмена—во-вторых.

Иначе говоря, кооперация людей в процессе производства всегда имеет на себе отпечаток формы обмена, а форма обмена, складываясь на основе данной кооперативно-производственной формы, есть результат того или иного развития этой формы, результат способа производства.

Проследим все это более подробно в связи с вопросом о влиянии обоих моментов на развитие производительных сил.

«...Производительные силы,—говорит Маркс,—возникающие из кооперации и разделения труда... суть естественные силы общественного труда» («К.», I, 364). Маркс далее ставит знак равенства между естественными силами общественного труда и естественными силами пара, воды и т. п. «Но как человеку для дыхания необходимы легкие,—так он нуждается в «Создании человеческой руки» для того, чтобы производительно потреблять эти естественные силы» (364). Иными словами, выявление силы кооперативного труда, влияющей на производительность, всецело зависит от наличных средств труда, благодаря которым у людей образуется то или иное сочетание своих усилий в производственном процессе. «История мануфактуры в собственном смысле этого слова показывает, каким образом характерное для нее разделение труда приобретает целесообразные формы, сначала чисто эмпирические, как бы за спиной действующих лиц, а затем, подобно цеховому ремеслу, стремится закрепить раз найденные формы в виде традиции и, в отдельных случаях, упрочить их на целые века. Если эти формы изменяются, то, если исключить совершенно второстепенные перемены, всегда лишь *под влиянием революции в орудиях труда*» («К.», I, 342—43. Подч. мною. В. Л.).

Имеющиеся в приведенной выписке оговорки о стремлениях закрепить ту или иную кооперативную форму труда все же бессильны перед изменяющимся орудием труда, очень ярко подчеркивают зави-

симость кооперации от орудий труда. Ниже Маркс говорит: «Машина... функционирует только в руках непосредственно обобществленного или совместного труда. Следовательно, кооперативный характер процесса труда становится здесь технической необходимостью, диктуемой природою самого средства труда» («К.», I, 364).

В главе о первоначальном накоплении Маркс, говоря о мелком производстве, пишет: «Этот способ производства предполагает раздробление земли и остальных средств производства. Он исключает как концентрацию этих последних, так и кооперацию, разделение труда внутри одного и того же производственного процесса, общественное господство над природой и общественное регулирование ее, свободное развитие общественных производительных сил» (К., I, 755. подч. мною. В. Л.).

Все это, по существу, лишь подтверждение той точки зрения на разбираемый вопрос, которая изложена в первой части нашей работы. Сейчас нас должно интересовать другое: вторая сторона кооперации людей в производстве не строение и зависимость этого строения от орудий и средств труда, а та форма, которая придается кооперации людей взаимным обменом продуктами их работ.

Историческое развитие производства, складывающееся на основе способа производства (зависимого, как мы видели, от состояния производительных сил) всегда имеет ту или иную общественную форму, как некоторый результат данного способа производства. «Мануфактурное разделение труда... на той исторической основе, на которой оно возникает,... может развиваться только в капиталистической форме» («К.», I, 343). «Привилегия, учреждение цехов и корпораций—весь порядок средневековой регламентации были общественными отношениями, соответствовавшими приобретенным производительным силам и тому состоянию общества, которое существовало раньше, из которого эти учреждения вышли» (Письмо Анненкову, «Письма», 9). «...В капиталистическом обществе средства производства не могут действовать, не превратившись предварительно в капитал» («Анти-Дюринг», 251).

Являясь следствием развития производительных сил и изменения способа производства, общественная форма сношений людей, до известной степени, характеризует развитие как производительных сил, так и способа производства, и безусловно влияет на состояние их в каждый данный момент. «Только от развития сношений зависит то, сохранится или нет для дальнейшего развития достигнутый в какой-нибудь местности уровень производительных сил, в особенности сделанные в ней изобретения» («Немецк. идеол.», арх., I, 236).

О влиянии общественных антагонизмов в классовом обществе на развитие производительных сил мы уже говорили; здесь отметим это влияние с других сторон.

Исходным моментом мануфактурного способа производства является известная численность одновременно занятых рабочих в одном производственном процессе. Это есть материальная предпосылка разделения труда внутри мануфактуры («К.», I, 331), а следовательно, и образо-

вания той кооперативной организации людей, которая образует живой механизм мануфактуры, коллективного рабочего, являющегося основой производного переворота в способе производства. Но организатором самого коллективного рабочего был капитал.—известная форма общественных отношений. «Сосредоточение значительного числа рабочих под командой одного и того же капитала образует естественный исходный пункт и кооперации вообще и, в частности, мануфактуры» («К.», I, 338). То разделение труда, которое является известной основой мануфактурного способа производства, не явилось и не является как следствие гениальности организаторов производственного процесса. «Большее или меньшее разделение труда зависит от величины кошелька, а не от размеров гения», —замечает Маркс («К.», I, 343, прим. 75).

Производительные силы труда,—как исторически развившиеся, общественные, так и обусловленные самой природою,—кажутся производительными силами капитала, когда последний овладевает трудом» («К.», I, 496). Мы сейчас приведем еще ряд выписок из «Капитала», где говорится о производительной силе капитала или капитале, как производительной силе, но предварительно оговорим, что для нас теперь совершенно очевидно, что речь идет об общественной форме кооперативного строя людей на основе известного развития производительных сил, о форме, которая является зависимой от этих сил и, в свою очередь, влияет на развитие этих сил. В виду же того, что производительные силы принадлежат людям (а не наоборот), их существование в конкретной форме всегда носит на себе облик той общественной формы, которую имеют люди, владеющие этими силами в данный исторический момент, и поэтому *производительные силы в каждый данный момент можно назвать производительными силами данной общественной формы,—например, капитала.*

«...Кооперирующие между собой рабочие, как члены одного развивающего деятельность организма, представляют лишь особые способы существования капитала. Поэтому та производительная сила, которую развивает рабочий, как общественный рабочий, есть производительная сила капитала. Общественная производительная сила труда развивается безвозмездно, как только рабочий поставлен в определенные условия, а капитал как раз и ставит его в эти условия. Так как общественная производительная сила труда ничего не стоит капиталу, так как, с другой стороны, она не развивается рабочим, пока его труд не принадлежит капиталу, то она *кажется производительной силой, принадлежащей капиталу по самой его природе*, имманентной «капиталу производительной силой» («К.», I, 310—11. Подч. мною. В. Л.). «В мануфактуре, как и в простой кооперации, функционирующее рабочее тело есть форма существования капитала. Общественно-производственный механизм, составленный из многих индивидуальных частичных рабочих, принадлежит капиталисту. Вследствие этого производительная сила, возникающая из сочетания различных работ, является производительной силой капитала» («К.», I, 338—39).

Но влияние той «производительной силы», какой является капитал, весьма изменчиво. Как общественная форма материальных производительных сил, капитал лишь дает внешний облик этим силам, и то только до поры до времени. На известной ступени развития этих сил он превращается из формы, содействующей развитию этих сил, в форму, тормозящую это развитие. «...Капиталистический способ производства, с одной стороны, обнаруживает свою собственную неспособность к дальнейшему управлению этими производительными силами, а с другой стороны, сами эти производительные силы с возрастающим напором добиваются устранения этого противоречия, освобождения их от их характера капитала, *фактического признания их в качестве общественных производительных сил*» («Анти-Дюринг», 251—52. Подч. автором). Это с одинаковым значением относится и ко всем предыдущим общественным формам: «Под охраной корпоративного строя и его регламентаций,—пишет Маркс Анненкову,—накапливались капиталы, развилась морская торговля, были основаны колонии, и люди лишились бы плодов всего этого, если бы они захотели сохранить формы, под защитой которых созрели эти плоды. Поэтому разразились два громовых удара—революции 1640 и 1688 гг. Все старые экономические формы, общественные отношения, им соответствующие, политический строй, бывший официальным выражением старого общества,—все это в Англии было разрушено. Таким образом, экономические формы, при которых люди производят, потребляют, обменивают, являются преходящими и историческими формами» («Письма», 9).

В наше время на очереди исторического развития людей—уничтожение капитала. И само собой разумеется, что здесь имеется в виду не уничтожение какой-то материальной производительной силы общества, а лишь общественной формы, в которой пребывают эти силы, того костюма, в котором они когда-то щеголяли и из которого они теперь выросли, да и сам костюм достаточно поистрепался. Людей мы часто встречаем по костюму, хотя прекрасно знаем, что костюм это не то, что сам человек, но, как правило, он все же в известном смысле достаточно его выражает¹. Точно так же и в отношении производительных сил нужно всегда различать сами эти силы и общественные формы этих сил, строй людей, ими владеющих. Форма выражает, до известной степени, эти силы, но она сама не есть эти силы, она преходяща и всякий раз зависит от роста этих сил.

Капиталистический способ производства, «как и всякий другой определенный способ производства, предполагает данную ступень общественных производительных сил и данные формы их развития, как свое историческое условие,—условие, которое само является исторически сложившимся результатом и продуктом предшествующего процесса и из которого, как своей данной основы, исходит новый способ производства; ...соответствующие этому специфическому,

¹ Костюм ведь есть идеологическая форма.

исторически определенному способу производства производственные отношения, т. е. отношения, в которые становятся люди в своем собственном жизненном процессе, в производстве своей собственной жизни, имеют также специфический, исторический, преходящий характер;... наконец, отношения распределения существенно тождественны с производственными отношениями, представляют лишь обратную сторону последних, так что те и другие носят один и тот же исторический преходящий характер» («К.», III, ч. 2, 416—17).

Совсем кратко коснемся общественной формы, как таковой, т. к. в размерах, необходимых для нашей темы, мы ее уже разобрали, и дальнейший анализ вопроса вывел бы нас из рамок нашей работы к совершенно особой теме—об экономических структурах общества.

Формы общества, складываясь на основе способа производства и обмена, развиваются и изменяются в диалектическом взаимодействии со своей основой. Диалектика эта выражается не только в факте изменения формы, но и в ее развитии от скачка до скачка, в диалектике взаимодействия с основой. Складываясь в зависимости от производства, как основного момента, она содействует этому производству путем, в частности, развития обмена. Формы и способы обмена являются обратной стороной способа производства, определяемой этим способом, они являются общественной формой в полном смысле этого слова. Господство в производстве определяет господство и в обмене. Но в процессе исторического развития происходят различные вариации отступлений от этого верного (в целом) положения, вплоть до обратных положений. «В настоящее время,—говорит Маркс,—промышленная гегемония влечет за собой торговую гегемонию. Напротив, в собственно мануфактурный период торговая гегемония обеспечивает промышленное преобладание. Отсюда та выдающаяся роль, которую в то время играла колониальная система» («К.», I, 747). А ведь этот исторический факт вносит очень много следствий, которые при конкретном изучении их могут быть противопоставлены теории, выше изложенной. Но это может быть сделано лишь в случае забвения метода, которым работали Маркс и Энгельс и который является основой теории исторического материализма.

При разборе теории производительных сил, как и всякого вопроса исторического материализма, не следует забывать материализма и диалектики.

В. Лебедев

ШКОЛА СВОБОДНОГО ПРАВА И ЕЕ МЕСТО В БУРЖУАЗНО-ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ¹

«Я боюсь, что, при виде заглавия, читателя охватит ужас и на устах его станет вопрос: не достаточно ли типографских чернил пожертвовано Молоху «свободного права?»—Так справедливо вопрошал, начиная одну из своих статей о проблеме свободного права неизвестный германский юрист Регельсбергер². Еще правомерней был бы этот вопрос в устах марксиста в наше время; неужели недостаточно та гора литературы, которая уже накопилась по этому вопросу, неужели в этом пестром хоре бесконечных юридических и схоластических рассуждений должен участвовать и голос марксиста?

Дабы рассеять этот вопрос, оговоримся с самого начала: предметом исследования в настоящей работе служит не проблема свободного права сама по себе, т. е., конкретнее, не тот круг вопросов, которым занималась и пыталась разрешить школа свободного права (проблемы применения права, взаимоотношения суда и закона, толкования закона и т. д.), а самая школа свободного права, т. е. то движение, которое выступило на арену буржуазно-юридической науки в конце минувшего и начале нынешнего столетия с целью реформирования всего буржуазного правопорядка, но которое оказалось всего-на-всего лишь этапом современного буржуазно-юридического декаданса.

Таким образом рамки данной работы ясно очерчиваются школой свободного права, ее местом в буржуазно-юридической науке, социально-политическими и идеологическими тенденциями, которые она персонифицирует собой; проблема применения права по существу (как в капиталистическом, так и в советском обществе) остается, стало быть, вне поля настоящего рассмотрения.

Движение свободного права, Freirechtbewegung, ставшее чрезвычайно популярным в конце минувшего и начале нынешнего века и пределавшее в несколько лет «путь от парадокса до банальности»,

¹ Сокращенная стенограмма доклада, прочитанного в Секции права и государства Коммунистической академии 31-го января т. г.

² «Gesetz und Rechtsanwendung». «Iherings Jahrbücher für die Dogmatik des bürgerlichen Rechts», Bd. 58.

как выразился Г. Радбрух,¹ идеологически представляет собою могучую реакцию против доктрины юридического позитивизма, господствовавшей почти безраздельно в буржуазно-юридической науке в течение очень долгого времени. Юридический позитивизм с его культом положительного закона, возникший при совершенно иных экономических, социальных и политических условиях, в эпоху финансового капитала, т. е. в эпоху всеобщего кризиса капиталистической системы, дает роковую трещину. На положение *господствующей* доктрины претендует его идеологический антипод — движение свободного права. Ясно, поэтому, что для того, чтобы понять предпосылки, генезис и сущность последнего, необходимо проследить, хотя бы в общих чертах, развитие юридического позитивизма, условия возникновения культа позитивного закона и ту роль, которую ему надлежало выполнить в истории буржуазной юриспруденции. К выполнению этой задачи мы прежде всего и приступим.

Доктрина юридического позитивизма, «беспробельности права» («Lückenlosigkeit des Rechts») или «логической законченности права» («logisches Geschlossenheit des Rechts»), получившая свою наиболее полную научную формулировку в начале 90-х гг. прошлого века у Bergbohm², фактически существует очень давно. Можно сказать, не рискуя ошибиться, что юридический позитивизм в той или иной формулировке сопровождает, в сущности, позитивно-догматическую юриспруденцию на всем ее историческом пути, достигая, конечно, высшего расцвета в эпоху развернутого товарно-капиталистического хозяйства, становясь тогда юридической идеологией *par excellence*.

Уже рецепция римского права принесла с собой не только основное положение доктрины юридического позитивизма о беспробельности права, которое имеется уже у Юстиниана, но оно утвердило римское право в роли универсального субсидиарного источника права, из которого надлежало черпать ответы на все пробелы местного права. Вместе с тем рецепция римского права принесла с собой и тот арсенал *технических* средств, которым приходится орудовать юристу при применении юридических норм, классическую юридическую технику (приемы толкования, аналогия, конструкция и т. д.), которая еще в Риме достигла высокой степени совершенства. Таким образом сложилось учение о том, что законы кажутся неполными и «пробельными» лишь внешне, что на самом деле они в скрытом виде содержат ответы на все вопросы жизни, что правовая система составляет нечто логически-законченное целое, к которому стоит только применить некоторые логические приемы, и необходимое решение появится. Компетенция судьи ограничивается этими логическими действиями; он не в праве оказать в какой бы то ни было форме своего субъективного влияния на решение дела, он — логический аппарат, но не больше.

Это учение в основном было воспринято абсолютистским государством, которому оно, естественно, весьма импонировало. Всемогущество абсолютистско-королевской власти и ее закона не терпит никакого посягательства или вмешательства в ее монопольное отправление всех общественных нужд и потребностей. Мистическая воля законодателя — абсолютистского короля священна и нерушима; задача судьи, как и всякого другого гражданина, познать ее и, повинувшись ей, беспрекословно осуществлять ее. Применение права сводится к рабскому осуществлению воли законодателя, формулированной им в законе; толкование закона сводится лишь к уяснению судьей этой таинственно-мистической воли законодателя. Прерогатива восполнения пробелов закона, как и разрешения спорных вопросов, принадлежит тому же, кто властен создавать и самые законы, т. е. королю; поэтому, в случаях неясности, недостаточности или противоречивости выраженной законодателем воли, вменяется в обязанность судей обращаться к верховной власти за соответствующими разъяснениями и указаниями.

Но любопытней всего то, что те, кто явились революционными отрицателями, историческими могильщиками абсолютизма и феодализма, и у тех культ закона остался священным. «Нет другой эпохи в истории, — пишет П. И. Стучка, — когда жажда закона так охватила бы целый класс, как это было у «третьего сословия» во Франции XVIII века. Его основной лозунг — конституция и закон... Слово «закон» делается как бы абстрактным символом революции... Как «Разуму» и «Высшему существу», так и закону еще по решению Законодательного собрания 1792 г. был введен особый праздник в первое воскресенье 9-го июня с участием властей и национальной гвардии»¹. Конечно, третье сословие, когда превозносило закон, имело в виду *свой* закон, закон победившей буржуазии, но характерно, что культ закона, как такового, культ абстрактной общей юридической нормы, исходящей от соответствующих инстанций «народного суверенитета», остался непоколебимым. Конечно, старые абсолютистские и феодальные законы не годятся, — развивающаяся буржуазия на этот счет не питает никаких иллюзий, — их нужно разбить, уничтожить: «если вы хотите иметь хорошие законы, — провозглашает она устами Вольтера, — сожгите старые и напишите новые», законы «разумные», «справедливые», соответствующие вечным принципам *естественного* права, но закон, закон верховный, общий, единообразный и вечный, и только он, должен остаться монопольным общественным императивом².

Концепция закона, выдвинутая французской революцией, имеет, разумеется, глубокие реальные предпосылки.

Победоносная буржуазия, будучи заинтересованной в том, чтобы установить максимально благоприятные правовые условия для то-

¹ Введ. в науку права, М., 1915, стр. 70.

² «Jurisprudenz und Rechtsphilosophie», I, 1892.

¹ Энциклопедия права и государства, вып. 5-й, стр. 425, см. также: М. Leroi, La loi, Paris, 1928 г.

² Справн. М. Leroi, La loi, Paris, 1908 г. стр. 102 и след.

варно-капиталистического оборота, стремится создать прочную, четкую, логически-законченную позитивно-правовую систему. Нормальный капиталистический оборот требует властного, прочного, устойчивого закона, но в то же время он требует гарантии того, чтобы, *кроме* закона, исходящего от авторитетной государственной инстанции, единого, постоянного, наперед ему известного, никакая другая сила не вторгалась в его экономическую деятельность, не подвергала ее всякого рода случайностям, субъективному произволу и т. д. Принципы манчестерства и либерализма в сфере судебной должны были выразиться в «свободе» товаровладельца от субъективных прихотей, капризов и произвола судьи. Судья не властен иметь своего собственного мнения; он—слуга позитивного закона, постулируемого суверенною властью. Нужно отметить, что недоверие, которое питала в то время буржуазия к судьям, имело особенные основания потому, что судьи тогда вербовались еще зачастую не из среды буржуазии, а из среды классов докапиталистических—дворян, юнкеров и др., которых буржуазия по политическим мотивам, естественно, не могла облечь чересчур большой властью. Дабы использовать их для блага буржуазного государства, но в то же время обезвредить их политически, их нужно было связать определенным и точным *буржуазным* законом.

Существенной причиной роста значения положительного закона для революционной Франции,—эта же проблема возникла позже и для Германии,—является также партикуляризм и чрезвычайная пестрота юридической карты дореволюционной Франции. Дореволюционная Франция состояла из множества маленьких «государств», в которых бароны являлись полновластными хозяевами. Вся Франция делилась на две крупные части: в южной господствовало писаное римское право, в северной—неписаное, обычное; во всей Франции насчитывалось более 360 разновидностей местного обычного права.

Буржуазия, пришедши к власти, была заинтересована в том, чтобы, в целях облегчения и ускорения товарооборота, вырвать с корнем этот юридический партикуляризм и установить единую правовую систему для всей Франции.

Установление монополии позитивного закона, исходящего от буржуазного государства, и означало для французской буржуазии ликвидацию старых пережитков абсолютистско-феодалного прошлого и объединение всей Франции под властью буржуазии.

Идеологическая же почва для превознесения позитивного права, с одной стороны, и сужения прав судьи, с другой, была подготовлена идеями рационализма и теорией Монтескье о разделении властей. Закон является высшим выражением вечных начал Разума и Справедливости, *ratio scripta*; ничто и никто не может быть разумнее и справедливее закона, исходящего от наиболее авторитетных и компетентных инстанций «народного суверенитета».

Весьма ясно формулировал назначение судьи и его отношение к закону в соответствии со своим учением о разделении властей Монтескье. «Природа республиканского правления требует,—пишет он,—

чтобы судья не отступал от буквы закона. Там нельзя истолковывать во вред гражданину, где дело идет о его имуществе, его чести или его жизни»¹. И дальше: Судья решает лишь вопрос о том, «виновен ли подсудимый во вменяемом ему в вину деянии или нет; и если он объявлен виновным, то судья произносит наказание, определенное в законе за такое деяние, для чего ему нужны только глаза (*«et pour cela, il ne lui faut que des yeux»*)»².

Дальше Монтескье выражается еще более ясно: решения судьи должны быть «не более, как точным применением текста закона. Если же в них выражалось бы лишь частное мнение судьи, то людям пришлось бы жить в обществе, не имея определенного понятия об обязанностях, налагаемых на них этим обществом»³... «Судьи народа... не более, как уста, произносящие слова закона, безжизненные существа, не могущие ни умерить его силу, ни смягчить его суровость»⁴.

Отсюда сам собой напрашивается вывод, который Монтескье и делает: «Из трех властей, о которых мы говорили,—пишет он,—судебная в известном смысле как бы совсем не власть»⁵.

Известно, как оказалось живучим учение Монтескье в дальнейшей публичной и конституционной жизни государств континентальной Европы; что касается его концепции закона и взаимоотношения последнего с судьей, то она стала официальным знаменем буржуазных государств и господствующей доктриной буржуазно-юридической идеологии эпохи промышленного капитализма. Судья—раб закона, он лишь «уста, произносящие слова закона» применительно к каждому конкретному делу, он ни в коем случае не властен вносить каких-либо оценочных внесудебных или субъективных суждений.

Таким образом абсолютистское и либеральное понимание закона и функций судьи достигли, повидимому, одинаковых результатов. Для обоих закон—единственный источник права, и судья имеет лишь одну задачу—применять закон. Но, стремясь достигнуть одной и той же цели—вручить в руки судьи как можно меньше власти, они внутренне, однако, совершенно различны. Абсолютистское государство стремится подчинить себе судью, связать его положительным законом, дабы не дать возвыситься другому какому-либо общественному авторитету рядом с монопольным авторитетом абсолютистского законодателя; либеральное же государство, имеющее своей задачей, на заре своего развития, преодолеть остатки феодальной старины в виде юридической раздробленности и партикуляризма и феодально-дворянских чиновников администрации и суда и создание максимально-благоприятных условий для беспрепятственного капиталистического развития, провозглашает монополию позитивного закона,

¹ Монтескье, «О духе законов», пер. под ред. А. Горнфельда со вступ. статьей М. Ковалевского, С.-П., 1900 г., кн. VI, гл. III, стр. 81.

² Ibid., стр. 81.

³ Ibid., кн. XI, гл. VI, стр. 158.

⁴ Ibid., кн. XI, гл. VI, стр. 164.

⁵ Ibid., кн. XI, гл. VI, стр. 160.

основанного на «вечных» «рациональных» основах, и принцип невмешательства личности судьи в общественные отношения.

Но как быть судье в случае неполноты, неясности или противоречивости закона?

Такой порядок, какой практиковался в эпоху абсолютистского государства, т. е. система восхождения к центральной власти в сомнительных случаях за дополнительными указаниями и разъяснениями для буржуазии, очевидно, был невыгоден. Эта система могла иметь *raison d'être* при малоразвитых экономических отношениях и при весьма ограниченном политическом влиянии буржуазии на государственные дела. При интенсивном же экономическом обороте и политическом господстве буржуазии медлительность судопроизводства, связанная с необходимостью восхождения через ряд промежуточных инстанций к законодателю, и возможность непредвиденных вторжений воли законодателя в «нормальный» порядок вещей, разумеется, не могла быть терпима.

Нужен был другой выход из положения. И вот старая доктрина фетишизации позитивного закона, рожденная задолго до французской революции, но освященная ореолом последней, так сказать, конденсируется и мистифицируется до крайних пределов. Создается теория о том, что несовершенным, неполным, неясным, противоречивым может быть тот или иной *частный* закон, тот или иной параграф закона, весь же правопорядок в целом, отождествляемый со всей системой положительного права, рассматриваемый в некотором более глубоком или более высоком смысле как логическое единство, обладает совершенством, ясностью, отсутствием противоречий и пробелов. Стоит лишь судье вникнуть в сокровенные мистические тайны закона и уметь при этом пользоваться всесильным оружием логики, и закон никогда не оставит без ответа вопрошающего судью. Закон не имеет и не может иметь пробелов, всякий жизненный вопрос имеет свой ответ в законе.

Отсюда происходит ст. 4-ая Code civil, принятая с небольшими словесными модификациями почти всеми европейскими буржуазными законодательствами и гласящая, что «судья, который откажется судить под предлогом молчания, неясности или недостаточности закона, может быть преследуем, как виновный в отказе в правосудии» (статья эта имеет и уголовную санкцию в ст. 185-й Code pénal).

Эта явная фикция совершенства и беспробельности закона была весьма выгодна буржуазии; она гарантировала ей суд скорый и устойчивый, а иных требований буржуазия и не ставила ведь в ту пору, в пору, когда правовая форма, как таковая, еще в общем была адекватна экономическим отношениям, т. е. была «справедлива», «разумна».

Эта концепция позитивного закона осталась в общем господствующей в буржуазно-юридической науке на всем протяжении XIX века¹.

¹ Я здесь не касаюсь отношения исторической школы права к закону, ибо по социальным интересам и устремлениям, которые она выражала, ее следует рассматривать не как буржуазную теорию, а как своеобразный идеологический продукт феодально-юнкерских элементов.

Здесь снова мы встречаемся с тем любопытным фактом, что концепция сама по себе сохранялась, хотя предпосылки ее — социальные и политические — существенно менялись. По мере увядания пафоса и блеска буржуазной революции, по мере развития капиталистических отношений и одновременного роста социально-классовых антагонизмов все больше и больше вырастает необходимость идеологического обоснования принудительной власти государства и его предписаний. Эта проблема необходимости укрепления государственного авторитета и положительного закона становится во весь свой рост уже к середине XIX века. Мюленбрух, Линде, Кирхман, Иеринг и его последователи — все они, исходя из якобы научно-реалистических посылок, занимаются на разные лады обоснованием идеи государства, как высшего общественного и нормоустанавливающего авторитета, и положительного закона, как единственного монопольного общественного императива, которым надлежит руководствоваться судье при отправлении своей деятельности.

Эта доктрина стала господствующей в государственном и гражданском праве.

Вот что пишет по этому вопросу один из крупнейших германских государствоведов, Лабанд: «Правовое решение состоит в подведении данного факта («Subsumtion eines gegebenen Tatbestandes») под действующее право, оно, как всякий логический вывод, независимо от воли; нет никакой свободы решения о наступлении или ненаступлении результата... Судья не создает себе нормы, он получает ее, как данную властью, *над* ним стоящей»¹. Ту же мысль выражает крупнейший германский цивилист Б. Виндшейд: «При пробелах, — пишет он, — необходимо, исходя из *слов закона*, плести дальше мысли *законодателя*, следствием чего может получиться аналогия (расширение закона); наука, однако, должна лишь *додумывать* мысли законодателя, а не подсовывать ему ее собственные мысли»².

Понятия о «природе вещей», «потребностях оборота», об «обязательно-разумном» и т. д. нужно отбросить, ибо, в виду того, что в их отношении можно быть различных мнений, они не годятся в качестве судебного критерия. Выход, с точки зрения Виндшейда, возможен только один: «Судья должен возможно полнее вздуматься в *душу* законодателя» и «понять, как бы тот сам выразил свое мнение, о котором он не подумал, создавая закон»³.

В новейшее время наиболее полная научная формулировка доктрины юридического позитивизма дана была, как известно, Бергбомом⁴. Нет нужды, после прослеженного нами генезиса юридического позитивизма, останавливаться подробно на воззрениях Бергбома; они знаменательны не столько тем, что обогащают буржуазно-юридическую

¹ Laband, «Staatsrecht». Aufl. 3. Bd. I, S. 646.

² B. Windscheid, Lehrbuch des Pandektenrechts. B. I. Aufl. IV, D. 1875. S. S. 52.—67.

³ Ibid. §§ 21, 22; срав. также Д. И. Мейер — «Русское гражданское право». П. 1915, стр. 21, 23.

⁴ «Jurisprudenz und Rechtsphilosophie», I, 1892.

науку новыми мыслями и идеями, сколько тем, что подводят как бы итог всему историческому пути доктрины юридического позитивизма. Бергбом категорически утверждает «беспробельность права», «логическую законченность права», традиционную технику применения и толкования права. Единственным источником права он признает положительный закон, который в согласии с господствующей доктриной, на его взгляд, обладает «логической силой экспансии» («Vermöge seiner logischen Expansionskraft»).

Сочинение Бергбома является лебединой песней доктрины юридического позитивизма; все последующее ее развитие является лишь ее вырождением, свидетельствующим о глубоком кризисе буржуазной юриспруденции.

Каковы же те предпосылки, которые подготовили дискредитацию доктрины юридического позитивизма и вместе с тем подготовили почву для конструирования новой теории, пытавшейся ее вытеснить?

II

Громадный рост промышленности и необычайно быстрый процесс сосредоточения крупнейших предприятий в руках магнатов финансового капитала, процесс, который в основном определился уже к началу нынешнего столетия, и который в сфере экономической ознаменовался превращением свободной конкуренции в монополию, процесс этот не мог, конечно, не внести глубочайших изменений и в правовую форму этих новых производственных отношений.

Но, как всегда, эта правовая форма пробивается наружу не в чистом, так сказать, изолированном виде, а осложненная множеством социальных, политических, исторических и идеологических моментов.

В аспекте классовом, эпоха финансового капитала характеризуется дальнейшим углублением и обострением классовой борьбы; международный рабочий класс, все возрастающий в своей мощи, уже не ограничивается мелкими политическими реформами и крохоборческими экономическими подачками; социалистическая революция все более и более становится в порядок дня международного рабочего движения.

Но процесс монополизации капиталистического хозяйства вызывает обострение интересов не только между полярными классами финансово-капиталистического общества, но и в среде самой буржуазии между различными ее фракциями.

«Гнет многих монополистов над остальным населением,—говорит Ленин,—становится во сто раз тяжелее, ощутительнее, невыносимее»¹. В «Империализме...» Ленин, со слов немецкого экономиста Кестнера, который посвятил особое сочинение «борьбе между картелями и посторонними», приводит «перечень тех средств современной, новейшей, цивилизованной борьбы за «организацию», к которым

прибегают союзы монополистов: 1) лишение сырых материалов, 2) лишение рабочих рук; 3) лишение подвоза; 4) лишение сбыта; 5) договор с покупателями о ведении торговых сношений исключительно с картелями; 6) планомерное сбивание цен для разорения «посторонних», т. е. предприятий, не подчиняющихся монополистам; 7) лишение кредита; 8) объявление бойкота.

«Перед нами,—говорит Ленин,—уже не конкурционная борьба мелких и крупных, технически отсталых и технически передовых предприятий. Перед нами *удушение монополистами тех, кто не подчиняется монополии, ее гнету, ее произволу*»¹.

Этот же процесс «вытеснения» и «удушения» средних и мелких капиталистов происходит и в области торговой деятельности. Ленин приводит слова Кестнера, которые следующим образом характеризуют этот процесс: «Даже в области чисто хозяйственной деятельности,—пишет Кестнер,—происходит известная передвижка от торговой деятельности в прежнем смысле к организаторски-спекулятивной. Наибольшим успехом пользуется не купец, умеющий на основании своего технического и торгового опыта всего лучше определить потребности покупателей, найти и, т. с., «открыть» спрос, остающийся в скрытом состоянии, а спекулятивный гений, умеющий наперед учесть или хотя бы только почуять организационное развитие, возможность известных связей между отдельными предприятиями и банками»².

Факт усиления противоречий в среде самой буржуазии констатирует в «Финансовом капитале» и Р. Гильфердинг, хотя он из этого положения извлекает существенно иные выводы³.

Этот натиск—экономический и политический—финансового капитала на мелкую и среднюю буржуазию вызвал в среде последней,—хотя и робкую, и неустойчивую, как это свойственно этим социальным группам,—оппозицию к существующему порядку.

«Так как политической особенностью империализма,—пишет Ленин,—является реакция по всей линии..., то *мелко-буржуазно-демократическая оппозиция империализму выступает едва ли не во всех империалистических странах начала XX века*»⁴.

Эта мелко-буржуазная оппозиция империализму никаких новых теорий не выдвигает; почти единственное ее «новое» слово, это—желание вернуться к старому, «мещански-реакционная критика капиталистического империализма,—говорит Ленин,—мечтает о возвращении назад, к «свободной», «мирной», «честной» конкуренции»⁵.

Мелкий и средний буржуа, оказавшиеся между империалистической Сциллой и пролетарско-революционной Харибдой, больше всего на свете боящиеся социалистической революции, робко «просят» империалистическое государство вернуться к старым порядкам, когда

¹ Курсив мой. Б. М. *ibid.*, стр. 13.

² *Ibid.*, стр. 13—14.

³ «Финанс. капитал», стр. 350—351.

⁴ «Империализм...», стр. 74.

⁵ *Ibid.*, стр. 14.

¹ «Империализм, как новейший этап капитализма», 1922, стр. 13.

Каждый товаропроизводитель был равноправным членом «честной» конкурентной борьбы, когда каждый товаровладелец был желанным участником «свободной» игры экономических сил; они просят у империалистического государства и, в частности, у его судебных органов *внимательного, индивидуализированного, «справедливого» отношения к их интересам*, которое было бы в соответствии с «природой вещей», «народным правосознанием», «высшими принципами морали и культуры». Мелкий буржуа не прочь даже напомнить империалистической буржуазии, что, ведь, и она на заре своей юности была за свободу, за равенство, за «честную» конкуренцию, за «справедливость», одним словом, за естественное право. Во имя будущего мелкий буржуа предлагает вернуться к «славным традициям» прошлого. Но процесс монополизации, конечно, неумолим; беспощадно «монополия» пролагает себе дорогу всюду и всяческими способами, начиная от «скромного» платежа отступного, — как говорит Ленин, — и кончая американским «применением» динамита к конкуренту»¹.

Существенно иной становится в эпоху финансового капитала роль государственной власти; функции последней уже не ограничиваются, как в эпоху промышленного капитализма, только охранением общих условий эксплуатационного процесса; всасывая одни отрасли производства, подчиняя другие своему финансово-кредитному аппарату, государственная власть все более и более переходит к *непосредственной* организации и руководству производством, все более и более становится *непосредственным* эксплуататором трудящихся и душителем мелкой и отчасти средней торгово-промышленной буржуазии.

Империалистическое государство, олицетворяя весь этот грандиозный эксплуатационный процесс, навлекает на себя революционное возмущение рабочего класса и, наряду с ним, сеет также скептицизм и недоверие в среде некоторых прослоек самой буржуазии.

Авторитет государства, который во вторую половину XIX столетия возрос до небывалых размеров, к концу этого столетия заметно увядает; государство, которое после ликвидации метафизических сущностей доктрины естественного права и исторической школы — «разума», «справедливости», «народного духа» и др. — стало *высшей* общественной и нормоустанавливающей инстанцией, государство это все более и более теряет свой былой теоретический блеск и свой практический кредит. Государство и его императивное веление — позитивный закон, которые некогда вызывали пафос и преклонение в среде средней и мелкой буржуазии, теперь даже у последней вызывают разочарование, скептицизм и уныние.

Мистифицирование и фетишизирование «воли законодателя», которую некоторые сравнивали с «божественным всемогуществом», доведенные доктриной юридического позитивизма до крайних пределов, пришли к своему собственному отрицанию. «Как ни полно божественное всемогущество, — говорит известный французский ученый Франсуа Жени, — теологи все-таки признают его обусловленность; я по-

лагаю, следует признать, что законодательное всемогущество также имеет свои логические и необходимые границы»¹.

Известный ученый Максим Леруа тоже вынужден притти к аналогичным выводам: «Закон перестал быть категорическим императивом; он лишился своих старых атрибутов», и в другом месте: «Что действительно исчезает, так это концепция диктаторского закона, — закона, который является делом рук маленькой группы выборных суверенов и который формулируется в терминах столь повелительных, что он почти не оставляет места для свободы действия граждан, судей, коллективных публичных органов, исчезает концепция дедуктивного закона, сводящегося к тому, чтобы насиловать факты в угоду формулированным им принципам»².

С ниспровержением культа позитивного закона, этого фундамента доктрины юридического позитивизма, естественно, должны были заколебаться и все устои последнего. Идеологическая реакция против теории юридического позитивизма, разлившаяся широкой волной в конце минувшего и начале нынешнего столетия, вынесла на поверхность буржуазной юриспруденции все коренные вопросы методологии права и его применения. Проблема закона, взаимоотношение суда и закона, проблема «логической замкнутости права» и «беспособности права», вопросы толкования права и т. д., и т. п. стали актуальными вопросами юридической жизни. На все эти вопросы попыталась дать ответ возникающая почти одновременно — в конце прошлого и в начале нынешнего века — в различных странах школа свободного права.

Но наряду с фактором социальной оппозиции со стороны некоторых групп буржуазии по отношению к империалистическому государству и его позитивному закону, возникновению движения свободного права способствовал еще другой, не менее важный, фактор — *непосредственно экономический*.

Могучий хозяйственный подъем, которым ознаменовалась новейшая фаза в развитии капитализма, вызвал необычайное усложнение всей хозяйственной и торговой жизни. Хозяйственный оборот, развивавшийся в последние десятилетия прошлого века с исключительно быстрым темпом и выдвигавший на каждом шагу все новые и новые отношения, властно требовал как юридического регулирования этих новых отношений, так и юридической защиты «экономически-слабых» элементов общества.

Правовая же форма, которая в основном сложилась в эпоху раннего промышленного капитализма, оказалась не в состоянии удовлетворить эти запросы. Гражданский оборот на каждом шагу оставлял позади себя нормы позитивного закона. С этими новыми отношениями — необыкновенно динамичными и неустойчивыми, — не предусмотренными позитивным законом, в первую очередь сталкивался судья, положе-

¹ Fr. Geny, Methode d'interpretation et sources en droit privé positif, 1899, стр. 102.

² М. Леруа, Эволюция госуд. власти, 1907 г., стр. 132—143.

¹ «Империализм...», стр. 15.

ние которого в этих случаях, естественно, оказывалось очень затруднительным. С одной стороны, он обязан в своем решении сослаться на те или иные конкретные параграфы положительного закона, с другой—решение в связи с обстоятельствами *данного* дела, решение, соответствующее хозяйственной целесообразности, решение «справедливое» либо вовсе невозможно на основании положительного закона, либо возможно лишь путем самых искусственных и чудовищных перетолковываний его.

Таким образом, в то время, когда господствующая доктрина юридического позитивизма продолжала рассматривать положительный закон, как *единственный* монопольный источник права, судебная практика и те представители юридической науки, которые стояли наиболее близко к ней,—представители крупного финансового капитала не меньше, чем мелко-буржуазные идеологи—все более и более резко настраивались против этих «бездушных бумажных тиранов».

Вот как один из авторов школы свободного права характеризует общее настроение современности: «Надо признать,—пишет он,—что верховные постулаты старой философии права—именно регулирование отношений законом наперед, уничтожение судебного произвола и принцип писаного права—оказались чистой утопией. Тирания мертвых текстов для современных культурных народов является, очевидно, более тяжелой, чем то, чего исключительно боялись прежде,—т.е. произвола личных властителей. Пусть лучше маленькие ошибки и несправедливости думающих и чувствующих судей, чем капризы этих бездушных бумажных тиранов»¹.

Это глубокое недовольство устаревшим и недостаточным позитивным законом, недовольство техникой применения права, логизировавшей до крайности «юриспруденцию понятий», превратившей юриспруденцию в «пандектологию», в «шахматную игру параграфами», недовольство это охватывает все более и более широкие круги практиков и близких к ним теоретиков-юристов.

Вину за дурную судебную практику, за разлад между положительным правом и практикой юристы эти возлагают на юридическую науку. Эту юридическую науку один из наиболее рьяных критиков ее Ernst Fuchs перекрещивает в «пандектологию», которую он определяет следующим мало-лестным для нее образом: «Пандектология,—пишет он,—это шахматная игра параграфами, обостряемая с каждым днем все более и более сложной игрой прецедентами и смягчаемая небольшою долей рационализма... Она убеждена, что юрист нуждается только в понятиях, тогда он может свободно судить об электричестве, земледелии, морском деле, табаке, хлебе, изобретениях, машинах, одним словом—обо всех божеских и человеческих вещах на воде, суше и воздухе, во всех областях материального и духовного

¹ W. Eggenschwyler Das freie Ermessen des Richters und die Gleichheit vor dem Recht, журн. «Recht und Wirtschaft», Декабрь 1912 г.—Цитир. по Покровскому—«Прагматизм» и «релятивизм» в правосудии»—«Вестн. гражд. права», № 5, 1916 г., стр. 29.

мира, во всех науках, искусствах и промыслах, в промышленности и торговле... Современная пандектологико-софистическая юриспруденция не развивает, а составляет помеху для развития истинного права»¹.

Ту же мысль о том, что правовая форма сильно отстала от конкретной экономической жизни и не в состоянии ее больше удовлетворить, пытается социологически обосновать во всех своих многочисленных произведениях другой вождь движения свободного права—проф. Эрлих.

«Едва ли,—пишет он в одной из своих работ,—необходимо подробно рассмотреть, как мало сказочное развитие последних 30—40 лет... отразилось на законодательстве, правосудии и правовой науке»...².

Эрлих на многочисленных примерах показывает не только то, что современное положительное право сильно отстало от реальных жизненных отношений и не содержит норм для их регулирования; в своем капитальном труде «Grundlegung der Soziologie des Rechts», он на обильном историческом и практическом материале пытается доказать, что положительное право *вообще*, а при сложности современных отношений—в особенности, бессильно удовлетворить эти запросы. На помощь позитивному праву, с его точки зрения, необходимо привлечь «внегосударственное право» («*ausserstaatliche Recht*»), которое отличается от права, исходящего от государства, не принципиально, а лишь, так сказать, своим легальным статусом.

«Неправильно думать,—говорит Эрлих,—что правовые учреждения покоятся исключительно на правовых нормах. Нравственность, религия, обычаи, приличие, такт так же, как добрый тон и мода, регулируют не только внеправовые отношения; они на каждом шагу проникают в область права. Ни один из правовых союзов не может покоиться только на правовых нормах, последние должны быть подкреплены внеправовыми нормами... Лишь сотрудничество общественных норм всех родов дает нам полную картину общественного механизма»³.

Проанализировав богатый исторический и фактический материал, Эрлих приходит к следующему, весьма неутешительному для права, выводу: «Право,—говорит он,—это порядок государственной общественной, духовной и хозяйственной жизни, но во всяком случае не ее единственный порядок; ему приходят на помощь еще другие порядки—равноценные, а может быть, и более влиятельные. Действительно, жизнь должна была превратиться в преисподнюю, если бы она регулировалась только правом»⁴. Именно все эти внеправовые нормы должен судья,—на взгляд Эрлиха,—иметь в виду при решении конкретного дела, наряду с нормами позитивного права.

¹ Ernst Fuchs, Die Gemeenschädlichkeit der konstruktiven Jurisprudenz, 1909 г., стр. 73—74.

² Prof. E. Ehrlich, Die Tatsachen des Gewonheitsrechts, 1907 г., стр. 41.

³ «Grundlegung der Soziologie des Rechts». 1913. S. 44—45.

⁴ Ibid., стр. 46—47.

Вся «социология права» Эрлиха заключается именно в обосновании необходимости изучения этого «живого права» («das lebende Recht»), в попытке намечения необходимых методологических линий его исследования, ибо, как он говорит, «в результате этого (традиционного. Б. М.) методологического направления современного правоведения, в действительности наше современное правовое состояние в большей части неизвестно. Мы не знаем ничего не только о вещах, далеко от нас лежащих, но также и о вещах, которые ежедневно проносятся мимо наших глаз... Мы всюду блуждаем в потемках»... (Wir tarren überall im Dunkeln)¹.

Но изучение этого «внегосударственного права» нужно вовсе не для того, чтобы кодифицировать его; наоборот, Эрлих заранее объявляет безнадежным и ненужным «уложить, — как он выражается, — его в параграфы». «Желание все право какого-нибудь времени или народа уложить в параграфы законодательного уложения вообще так же, приблизительно, разумно, — говорит он, — как если бы желать поток вставить в пруд: то, что из этого получится, больше не будет потоком, а только мертвой водой; многое же из него и вовсе не поместится там»².

Таким образом, Эрлих пришел к тому выводу, что право не только сильно отстало от реальных жизненных отношений (это теоретически при известных условиях еще поправимо); он пришел к выводу, что позитивный закон вообще не способен уже регулировать общественные отношения, он пришел к выводу, что для того, чтоб спасти положение, необходимо использовать весь арсенал общественных норм вплоть до доброго тона и моды.

Так с разных концов, по разным мотивам, приблизительно одновременно, разлилась волна недовольства монополией положительного закона и доктриной юридического позитивизма.

Больше, чем выразителем какой-либо одной определенной социальной группировки (в ней можно найти представителей самых разнообразных социальных групп, хотя и преобладают, впрочем, представители мелко-буржуазных течений), школа свободного права является своеобразным продуктом всеобщего кризиса капиталистической хозяйственной, государственной и правовой системы.

В школе свободного права, беря ее в целом, нашли себе яркое выражение тенденции распада, разложения и «загнивания» капиталистической системы в целом и ее права в особенности.

Рамки точно фиксированной юридической законности и, следовательно, в научной сфере последовательного юридического позитивизма — и хозяйственно, и, особенно, политически — стали слишком стеснительными для самых разнообразных прослоек буржуазии.

Мелко-буржуазные, как и крайне правые элементы, реформистские, как и «фашиствующие» группы — все они, в большей или меньшей мере, заинтересованы в расширении рамок судейского усмо-

трения, в возможном освобождении от оков строгой позитивной законности, в расширении возможностей судебного маневрирования, которое так необходимо в нашу эпоху всеобщей хозяйственно-политической и юридической неустойчивости.

Старый научный инвентарь доктрины юридического позитивизма отказывается служить: кого может удовлетворить концепция «беспроблемности права», когда на каждом шагу натыкаешься на все новые и новые пробелы? Кого удовлетворит теория «логической замкнутости или законченности права», когда, как никогда, в практической жизни ощущается «тирания мертвых текстов»? Какую цену имеет традиционный метод толкования законов, т. н. «юридическая герменевтика», когда она, по выражению Густава Радбруха, всего лишь «учение о том, как сделать вид, что закон толкуют, когда на самом деле его создают»¹?

Перед лицом сложнейших и крайне неустойчивых социально-экономических и юридических отношений эпохи империализма доктрина юридического позитивизма стояла совершенно безоружной и не могла удовлетворить интересам самых различных социальных групп.

Экономическое и политическое развитие привело право к такому парадоксальному пункту, когда высшее осуществление законности стало, с точки зрения буржуазии же, максимальным проявлением беззакония: *summum jus—summa injuria*.

III

Важно отметить, что, вопреки мнению некоторых писателей, проблема свободного права гораздо более широкая, чем проблема толкования законов, ибо, если последняя в основном сводится к определению приемов и методов точного выяснения содержания текста закона, в целях установления его «истинного смысла», то первая стремится дать ответ не только на эту сторону вопроса, но и, главным образом, на проблему источников права в широком смысле этого слова, проблему применения права (толкование законов следует рассматривать лишь как часть последней проблемы) и проблему восполнения пробелов.

Одним словом, движение свободного права следует, безусловно, рассматривать, как движение в методологии буржуазной юриспруденции. Именно так же полагают сами идеологи этого движения. «Мы унаследовали, — говорит Франсуа Жени, один из крупнейших представителей этого движения, — (по крайней мере, мы в это верим) известный метод, который мы (по-бараньи — *moutonnierement*) применяем, не задаваясь вопросом об его научной ценности»²...

¹ G. Radbsuch, Rechtswissenschaft als Rechtsschöpfung. «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik»—1906 г., стр. 364—5.

² Цит. соч., стр. 169.

¹ «Grundlegung der Soziologie des Rechts», стр. 395—396.

² Ibid, стр. 394.

Жени не пытается предложить новых методов толкования на базе традиционной позитивной доктрины, он видит задачу нового метода в том, чтобы, как он выражается: «доказать непригодность всех приемов толкования (курсив мой. Б. М.), которое стремится во что бы то ни стало оставаться всецело верным воле законодателя»¹, ибо «законодатель не может сказать всего», нельзя «надеяться во всем на него, как-будто он может удовлетворить все потребности»².

Что «движение свободного права есть движение в методологии права», пытается также доказать признанный вождь школы свободного права Hermann Kantorowicz во всех своих работах³. «Учение о свободном праве,—пишет он,—охватывает всю область юридического учения о методе, строится на основе новой философии права, зачастую на новой юридической теории познания и на новой психологии юридической деятельности и влечет за собой важные результаты для общей теории, практики и учения о праве»⁴. Так же смотрит на движение свободного права цитированный нами уже Эрнст Фукс: «У всего движения свободного права,—говорит он,—речь идет не только о толковании права, но, главным образом, вопрос о существовании самого права. К чему стремится оно, так это к совершенно новому учению о праве»⁵.

Каковы же те новые методологические принципы, которые пытаются установить идеологи движения свободного права?

Нам кажется, что, как ни разнообразны и пестры взгляды отдельных представителей школы свободного права, как ни различны, зачастую, их отправные точки зрения, являющиеся продуктом пестроты социальных интересов, которые они выражают, методологические принципы, общие им всем, можно свести к следующим:

1. Резко отрицательное отношение к доктрине юридического позитивизма, к фетишизированию позитивного закона, к учению о «беспособности» права и к традиционной технике толкования законов.

2. Признание фикцией того положения, будто судья при отправлении своих функций руководствуется лишь положительным законом, пользуясь при этом лишь юридической логикой (в частности силлогизмами), и утверждение, что судья фактически всегда, наряду с законом, руководствуется *внезаконными* общественными и субъективными критериями.

3. Требование юридической легализации этого характера судебной деятельности, т. е. предоставления судье свободы решать дела не только *intra legem*, но и *praeter legem* (а некоторые требуют и *contra legem*),

¹ Цит. соч., стр. 138.

² Ibid., стр. 586.

³ См., в особенности, его последнюю работу 1925 года: «Aus der Vorgesichte der Freirechtslehre».

⁴ Ibid., стр. 4—5 и сл.

⁵ Цит. соч., стр. 131.

руководствуясь при этом внепозитивными критериями в тех случаях, когда закон «молчит»¹.

Школа свободного права, как уже было указано выше, своей основной разрушительной задачей считает критику и преодоление доктрины юридического позитивизма и культа позитивного закона.

Идеологи «движения свободного права» подвергают резкой критике учение юридического позитивизма об источниках права, согласно которому единственным источником права является беспособное положительное право. «Никакая теория применения права,—говорит Эрлих,—не может упразднить действительного факта, что всякая система твердо установленных правовых правил по собственной своей природе всегда имеет пробелы, что, в сущности, она устаревает в тот самый момент, когда она установлена; никакая теория не может воспрепятствовать общественным явлениям, к которым применяется право, продолжать постоянно развиваться и ежеминутно пополнять новым содержанием установленные для решения нормы»².

Эрлих указывает, что и в настоящее время практическая юриспруденция оставила далеко позади себя позитивное право. «Кто знает,—говорит он,—не больше, чем Code civil, тот о действующем гражданском праве, применяемом французскими судами, имеет в высшей степени ограниченное представление... И, как ни юно германское Гражданское уложение, тем не менее германская судебная практика, как это отмечают Hedemann, Jung и др. приверженцы движения свободного права, бесчисленное число раз выходила за его пределы»³.

Аналогичными рассуждениями изобилуют буквально все работы приверженцев школы свободного права; одни исходят при этом из «потребностей оборота», другие из принципов «справедливости», «правосознания», «естественного права», третьи из явно политических посылок,—все они, однако, приходят к одному и тому же выводу: положительный закон, как единственный источник права, утратил свое значение, он не способен больше удовлетворить необычайно усложнившиеся потребности оборота.

Они не верят также в действенность юридической логики, которая, по воззрениям доктрины позитивного права, должна служить универсальным орудием раскрытия тайн позитивного закона и выполнения его «мнимых» пробелов.

С презрением клеймят они юридическую логику, которая загромодила перед юриспруденцией богатые источники сверхпозитивного права. «Точно так же,—говорит Эрнст Фукс,—как фактически нет более нелогичного, чем специфическая правовая логика, так и нет более произвольного, чем юридические конструкции и неземное

¹ Ст. А. В. Завадский. К учению о толковании гражд. законов, Казань, 1916 г., стр. 117—118; С. Раевич, Из вопросов учения о толковании и применении права, «Сов. право», № 3 (9), 1924 г., стр. 64.

² Цит. соч., стр. 17.

³ Ibid., стр. 350.

юридическое доктринерство. *Механическое обсуждение внутренне-различных жизненных отношений конструктивной юриспруденцией и восполнение пробелов последней диалектическими конструкциями— это самое тираническое господство произвола, какое только можно себе представить»*¹.

Школа свободного права зовет юриспруденцию покончить с «абсолютизмом позитивного закона» так же решительно и смело, как некогда буржуазия покончила с абсолютизмом королевским; она зовет юриспруденцию ниспровергнуть современную «логику-акробатическую пандектологию» и поставить на ее место живые источники «живого права».

Лучшим доказательством и подтверждением своих воззрений школа свободного права считает тот факт, что в действительности судьи не руководствуются исключительно позитивным законом и правилами доктринальной германевтики, что на самом деле они не являются лишь логическими автоматами, подводящими факты под определенный закон, но неустанно самостоятельно творят право своим разумом, чувствами, волей, всей своей личностью.

«Принцип,—говорит Эрлих,—согласно которому при совершенно оосударственных континентальных судах... правосудие отправляется только по праву, является не более, чем иллюзией. Сама правовая норма отсылает ежеминутно к другим общественным нормам, противостоит злоупотреблению *нравственностью, обычаями или приличием*, она запрещает *противонравственные* договоры, предписывает толкование и исполнение договоров по *Treu und Glauben* и *обычаям оборота* («Verkehrssitte»), карает штрафом за оскорбление чести, нарушение *приличия*, грубое *бесчестие*, предоставляет решение свободному... *судейскому усмотрению*. Но судебная практика, фактически всегда идет гораздо дальше, чем закон»².

Развивая эту же мысль, и Густав Радбрух указывает на то, что судья всегда бывает не только активен, но и субъективен. «Научная разработка,—пишет он,—как и применение права на практике, состоит, таким образом, в разъяснении, исправлении и дополнении положительных норм права в смысле наших собственных оценочных суждений, которые выбирают между многими возможными значениями и между несколькими взаимно противоречивыми правовыми нормами и восполняют пробелы законодательства. И в этом творении права ученый и судья выступают, как и все творцы, всею своею личностью, не только мысля, но и чувствуя и желая»³.

Исходя, таким образом, из критики позитивного закона и из личного положения вещей, школа свободного права требует «легальной эмансипации судьи от закона», расширения рамок его свободного усмотрения и раскрепощения его от пут «юридической логики».

Нужно оставить гипотезу о том, «будто законодатели суть боги, а судьи—даже не люди»¹, нужно предоставить судьям право корректировать законы, восполнять их пробелы и толковать их в соответствии с конкретными обстоятельствами данного дела.

IV

Эти воззрения движения свободного права, разделяемые почти всеми его сторонниками, заставили, однако, последних, особенно, под ударами критики, обратиться к проблеме установления *пределов* судейского усмотрения. Многие из приверженцев, и особенно ожесточенная критика, стали указывать на то, что ничем не ограниченный судейский субъективизм грозит подорвать основные устои правовой жизни, первым условием которой является определенность и прочность права («*Rechtssicherheit*»). Предоставление судье, говорили они, права решать дела сообразно своему абсолютно ничем не ограниченному усмотрению означало бы водворение в область правосудия «судебной анархии», «судебной тирании». Необходимо эмансипировать судью от оков положительного закона, но тогда вместо последнего нужно ему дать другие, хотя и незаконные, но обязательно *объективные* критерии.

И все внимание теоретиков свободного права устремилось на отыскание и формулирование этих критериев.

Но если в отношении к критике и преодолению доктрины юридического позитивизма представители школы свободного права были более или менее единодушны, то в отношении построения своих конструктивных взглядов у них оказалось чрезвычайно много разногласий. Не рискуя впасть в ошибку, можно сказать, что в этом вопросе обнаружилось почти столько же теорий, сколько теоретиков.

Если, однако, попытаться классифицировать эту огромную кучу мнений, высказанных по этому вопросу, то их можно было бы разделить на две группы².

Одна группа видит гарантию правильности применения права в личности судьи; отказываясь предложить какие-либо *объективные* критерии, она, таким образом, превращает проблему применения права в проблему личного подбора судейской магистратуры; таковы Эрлих, Радбрух, Фукс, Штампе и др.

Другая группа требует установления незаконного объективного критерия в виде «справедливости» («*Billigkeit*»), «общественного право-

¹ См. *H. Kantorowicz*, [Aus der Vorgeschichte der Freirechtslehre, 1925 г., стр. 32.

² Разумеется, эта классификация (как, впрочем, и всякая другая) является весьма условной и не непогрешимой: некоторых из представителей школы свободного права можно с одинаковым правом отнести к обеим группам, иных, быть может, нельзя определить ни в одну из этих групп; во всяком случае, нам кажется, что для огромного большинства этих представителей она вполне подходит и для выяснения сущности школы свободного права весьма полезна.

¹ Цит. соч., стр. 130 (Курсив автора).

² Эрлих, цит. соч., стр. 104.

³ ASW. II. szp., цит. соч., стр. 365 366.

сознания», «культуры», «природы вещей», «социального идеала» и т. д. К ней примыкают Жени, Салейль, Канторович, Юнг, Шмельдер, Брютт, Штаммлер и др. Эту группу можно рассматривать, как идеологическую разновидность того движения, которое получило название «возрождение естественного права» или, вернее, как группу, олицетворяющую программу *практических* домогательств «возрождения естественного права».

Первая группа—Эрлих, Фукс, Радбрух и др.—«социологическая», исходит из непосредственных потребностей капиталистического рынка, является как бы «социологическим юрисконсультом» последнего.

Наблюдая современный капиталистический оборот во всем многообразии его конкретных проявлений, во всей его неустойчивости, сталкиваясь на каждом шагу с фактом устарения и недостаточности позитивного закона, представители этой группы не только объявляют последний не отвечающим современным потребностям, но выдвигают теорию, что он *в принципе* не способен регулировать жизненные отношения. Они низвергают культ позитивного закона, как единственного источника права, и вместо него в качестве источника права предлагают судье *всю* совокупность общественных норм, начиная с закона и кончая тактом, приличием и модой.

Спасением, с их точки зрения, должен явиться новый метод применения права—социологический.

«Судья,—говорит Эрлих,—должен всегда сам отыскивать норму для решения дела, независимо от того, решает ли он данное дело на основании правовой нормы или без таковой; в первом случае норма для решения дела определена правовым положением, во втором—она находится совершенно свободно. Правовое положение, таким образом, содержит лишь *по видимости* норму для решения; фактически, однако, это лишь указание судье самостоятельно найти соответствующую норму. Создается такое положение, точно правовая норма предоставляет решение всецело свободному судейскому усмотрению... Из этого следует, что между решением по правовой норме и без оной существует лишь разница в степени»¹.

Задача суда, с точки зрения этого «социологического» крыла, применять «живое право», которое противопоставляется действующему положительному праву; задача правоведа—подготовить это «живое право» для нужд суда посредством его изучения и исследования.

При такой концепции, какой критерий судебной деятельности может предложить эта «социологическая» группа? Ясно, что никакого. «Живое право» чересчур мало исследовано, чтоб из него можно было извлечь какие-нибудь руководящие принципы; других социологических критериев нет и не может быть. Остается личность судьи; в нем спасенье. Нет и не может быть никаких иных гарантий правосудия, кроме самой личности судьи, эмпирически или теоретически впитавшей в себя «социологию живого права».

¹ Цит. соч., стр. 140.

«Разница между технической системой толкования,—говорит Эрлих,—и новым свободным нахождением права сказывается именно в том, что в то время, как первая смотрит на личные влияния судей, как на неизбежное зло, второе готово с радостью их приветствовать»¹...

Смертным грехом современной техники Эрлих считает именно то, что «она заслоняет от нашего глаза единственное истинное средство создать не только прочную и непартийную, но и проникнутую великими идеями судебную практику; таким средством является только *личность судьи*»².

Развивая последовательно свою концепцию, Эрлих приходит к логически совершенно ясному выводу: «*Проблема свободного правотворения,—пишет он—есть, таким образом, не проблема материального права, а проблема выбора судей, т. е. проблема судоустройства, которое должно обеспечивать простор сильной личности*»³.

К таким же точно выводам приходит и Густав Радбрух.

Его мысль является как бы продолжением мысли Эрлиха. «Свободно-правовое движение,—пишет он,—сводится в конечном счете к требованию реформы судебного строя, которая... должна уменьшить число судей и сделать, следовательно, возможным, чтобы лишь достойнейшие—напр., заслуженные в долгой практике адвокаты—занимали место судей»⁴.

Близко к этой группе подходит известный французский ученый Эдуард Ламбер. Он, хотя и видит критерий деятельности судьи в сравнительном праве культурных стран, тем не менее, и он, в конце концов, приходит к тому же выводу, что полностью «устранить риск судейского субъективизма мы можем не тем или иным методом толкования, а только усилением мер для обеспечения *лучшего подбора магистратуры* и для развития в ее среде чувства профессиональной ответственности»⁵.

V

Но если «социологическое» крыло движения свободного права исходит из непосредственных нужд финансово-капиталистического рынка, то второе крыло—«естественно-правовое»—поднимает проблему свободного права на философско-историческую высоту, наряжает будничные экономические интересы и политические чаяния буржуазии в торжественную, возвышенно-философскую, естественно-правовую мантию.

¹ «Freie Rechtsfindung und freie Rechtswissenschaft», 1903 г., стр. 32.

² Ibid., стр. 21.

³ Ibid., стр. 30.

⁴ «Введение в науку права», рус. пер., 1915 г., стр. 71. Сравн. рассуждения Радбруха к Герлицкой программе германской социал-демократии о великой роли германских судей, которые-де призваны «существить лучшие идеалы «социального народного государства» и должны вербоваться по всем правилам «истинной демократии» из представителей всех классов *G. Radbruch*, «Rechtspflege. Erläuterungen zum Görlicher Programm». Berlin, 1922, S. 10.

⁵ «Revue Générale de droit», 1904 г., V, p. 461.

И снова, как не раз уже «в эпоху революционных кризисов, люди, — выражаясь словами Маркса, — озабоченно вызывают на помощь себе духов прошлого, берут у них имена, боевые пароли, костюмы, чтобы в этом освященном веками одеянии, этим заимствованным у предков языком разыгрывать новое действие на всемирно-исторической арене»¹.

Рассматривая в своих «Основных проблемах гражд. права» движение свободного права, И. Покровский там отмечает, что «мы... здесь имеем полное возвращение на те же принципиальные позиции, на которых стояла эпоха естественного права» (стр. 72). Это, разумеется, глубоко неверно. «Возрождение естественного права» вовсе не означает возвращения буржуазно-юридической науки на революционные позиции XVIII в. Между этими движениями существует именно глубоко-принципиальная разница.

Естественное право XVIII в. заключало в себе целую программу радикального революционного переустройства тогдашнего общества на совершенно новых социально-политических и правовых началах; современное же «возрождение естественного права» является политическим и идеологическим протестом главным образом ублюдочной трусливой мелкой буржуазии против «силового давления» финансово-капиталистической плутократии, мелкой буржуазии, у которой хватает лишь храбрости «дерзнуть» осуществления «естественных» прав человека (читай — мелко-буржуазного человека), но на деле она не только не выступает *против* существующей социально-правовой системы, она не только признает ее достойной существования, но всячески стремится укрепить и улучшить ее.

П. И. Новгородцев, посвятивший исследованию «возрождения естественного права» специальную монографию, дает этому движению следующую социологическую характеристику: «В качестве идеала, создаваемого в виду несовершенств существующего порядка, естественное право может служить для самых различных стремлений; но с давних пор оно сроднилось с индивидуализмом, как с наиболее законной формой своего выражения... Дело в том, что вместе с протестом против положительного права естественно-правовая теория всегда несет с собою и протест против власти, от которой исходят положительные законы. Такой именно смысл имеют естественно-правовые теории нового времени... Рассматриваемое с этой точки зрения, естественное право является выражением того самостоятельного абсолютного значения личности, которое должно принадлежать ей при всяких формах политического устройства. В этом виде оно является более, чем требованием лучшего законодательства: оно представляет протест личности против государственного абсолютизма, напоминающий о той безусловной моральной основе, которая является единственным правомерным фундаментом для общества и государства»².

В этой характеристике есть крупная истина, в ней правильно отмечены два момента. Во-первых, «возрождение естественного права» знаменует собой не только недовольство положительным правом, но оно теснейшим образом связано с некоторым недовольством существующей государственно-политической властью, и, во-вторых, естественное право в качестве противовеса этой абсолютной государственной власти выставляет притязания *отдельных лиц*, интересы *отдельной личности*. Именно внимательное и осторожное отношение к интересам каждой отдельной личности, или, выражаясь юридическим языком, к интересам каждого субъекта права, должно явиться, по воззрениям естественного права, «высшей моральной основой» всякого политического порядка. Социологический смысл возрождения естественного права заключается, именно, в критике империалистического правопорядка, с точки зрения среднего и мелкого буржуа, придавленного этой громадной машиной экономической эксплуатации и политического гнета современного империалистического государства, «мечтающего, — как говорит Ленин, — о возвращении назад, к «свободной», «мирной», «честной» конкуренции»¹ и требующего активной защиты со стороны суда в соответствии с абстрактно-метафизической идеей естественного права и конкретной «справедливостью» («Billigkeit») данного дела, пусть ценою выступления судьи за пределы позитивного закона.

Конечно, «конкуренция» между естественным и положительным правом, *in concreto* проявляющаяся в проблеме взаимоотношения суда и закона, в истории права не нова, несмотря на то, что она каждый раз воспроизводится на совершенно новом социально-политическом фоне и приобретает каждый раз принципиально-специфические очертания.

«В истории западно-европейского права, — как замечает И. Покровский, — могут быть отмечены периодические колебания в разрешении этой проблемы (взаимоотношение суда и закона)... При этом смена этих эпох находится в известной зависимости от падения или повышения естественно-правового настроения»².

Как известно, И. Покровский предпринял даже специальное исследование исторической борьбы этих двух тенденций³; ведя начало борьбы тенденций юридического позитивизма и естественного права со времени разногласий по этому вопросу в среде ранних глоссаторов между двумя ближайшими преемниками Ирнерия, основателя Болонской школы глоссаторов, Мартино и Булгаром, Покровский приходит к выводу, что вся «история юриспруденции была до сих пор нескончаемым спором между Мартином и Булгаром»⁴. Мартин олицетворяет естественно-правовые тенденции, требует предоставления большого простора судейскому усмотрению, требует признания

¹ К. Маркс, «Der achtzende Brumaire des Loies Bonaparte, F., 1924 г., S. 8.

² П. И. Новгородцев, сб. «Проблемы идеализма», ст. «Нравственный идеализм в философии права», стр. 294—5.

¹ «Империализм»... стр. 14.

² «Осн. проблемы гр. права», 1917 г., стр. 66—7.

³ «Естественно-правовые течения в истории гражд. права». С.-Пет., 1909 г.

⁴ *Ibid.*, стр. 53.

естественного права и *aequitas* самостоятельным источником права Булгар, напротив, горячо протестует против этого, говорит, что *aequitas* есть, в сущности, только суб'ективный произвол судьи, и требует беспрекословного подчинения последнего букве позитивного права. В школе свободного права Покровский видит возрождение старого спора между Мартином и Булгаром и «новый подъем естественно-правового настроения»¹.

Действительно, как было указано выше, если не вся школа свободного права, то значительная группа ее примыкает к т. н. «возрождению естественного права», исходя из его философских и методологических принципов.

Так, еще в 1872 г. провозвестник движения свободного права, Adickes предпринял частичную реабилитацию естественного права, указывая на «частичную правильность мысли, лежащей в основании школы естественного права»².

Затем и Франсуа Жени, в поисках объективного критерия для судебной, не связанной с позитивным законом, деятельности, в конце концов приходит к естественному праву. В результате анализа закона и процесса его возникновения, Жени приходит к выводу, что критерием конструирования новых законов служат, с одной стороны, идеи справедливости и общей пользы³, с другой стороны — «природа вещей»⁴.

Вот эти — «справедливость» и «природа вещей» так же, как законодателю, должны служить и судье источником толкования действующего положительного закона и конструирования новых норм в случае необходимости восполнения его пробелов.

Предвидя, что на его теорию обрушатся те же удары, которые обыкновенно сыпались на естественное право, Жени заранее пытается объяснить, как он понимает и в каком виде принимает естественное право. «Конечно, — говорит он, — уже одно упоминание о природе вещей вызовет по отношению к моему учению все те упреки, которые обыкновенно делаются теориям естественного права. Разумеется, эти теории в таком виде, как они развивались в течение XVIII века, не могут быть защищаемы; но, с другой стороны, и полное отрицание всякого основания за этими теориями может быть объяснено лишь крайностями позитивистической реакции. Вне позитивного порядка вещей, складывающегося из элементов материальных и подвижных, и над этим порядком есть другой порядок — высшая природа вещей, состоящая из рациональных принципов и неизменных моральных сущностей»⁵.

Еще более ясную расшифровку понятия «природы вещей» дал единомышленник Жени Erich Jung⁶. Эрих Юнг приходит к заклю-

¹ Цит. соч., стр. 47 и след.

² «Zur Lehre von den Rechtsquellen, insbesondere über die Vernunft und die Natur der Sache als Rechtsquellen», стр. 19.

³ Цит. соч., стр. 477.

⁴ Ibid., стр. 498, 589 и др.

⁵ Ibid., стр. 481.

⁶ «Das Problem des natürlichen Rechts». Leipzig, 1912.

чению, что «для работы по исследованию «природы вещей» совершенно достаточно улучшенное представление о естественном праве, как о естественном праве определенного исторического общественного состояния при своеобразной хозяйственной национальной обстановке, т.е. представлении о естественном праве с меняющимся содержанием, по выражению Штаммлера» (стр. 39).

Приверженцы движения свободного права склонны признать в реабилитации естественного права, предпринятой Жени, весьма крупную заслугу последнего.

Так, Румпф, видный представитель школы свободного права, солидарный с Жени в вопросе об оценке естественного права, пишет, что великая заслуга Жени и его полная научная самостоятельность видна из того, что он тогда, «когда в Германии собственно никто еще не смел высказать этого, отметил, какие великие стороны имело оклеветанное естественное право, как мало критика исторической школы была справедлива и как жалок был этот чистый скепсис в отношении естественного права»¹.

На генетическую и идеологическую связь движения свободного права с возрождением естественного права указывает и сам Канторович, признанный вождь этого движения².

Рассматривая там критерии судебной деятельности, выдвинутые разными представителями движения свободного права, как, напр., «справедливое право» Штаммлера, «свободное право» Эрлиха, «культурные нормы» Мейера, «взвешивание интересов» Штампе, «оценочные суждения» Рюмелина, «природу вещей» Жени, Канторович находит в них то общее, что они, наряду с правом, исходящим от государства, признают другие нормы, назначение которых оценить, развить, опрокинуть или восполнить право позитивное. Это право, не исходящее от государства, но стоящее выше его, Канторович впервые тогда назвал «свободным правом», которое, однако, с его точки зрения, может быть обобщено, как возрождение естественного права³.

Канторович видит подтверждение своих воззрений в факте роста приветствуемых новым движением третейских судов, «каучуковых» норм и «суррогатов» закона, как, напр., «добрая совесть» («Treu und Glauben»), «добрые нравы», «воззрения оборота», «справедливое усмотрение» и т. д. Идеалом законодательного разрешения вопроса Канторович, как и почти все остальные приверженцы движения свободного права, считает ст. 1-ую Швейцарского гражданского уложения, которая, в случае пробелов положительного права, предоставляет судье право решить дело по норме, «которую он сам установил бы в качестве законодателя»⁴.

¹ M. Rumpf, Gesetz und Richter, Berlin, 1906 г., стр. 22.

² «Der Kampf um die Rechtswissenschaft», изданная в 1906 г. под псевдонимом Gnacus Flavius.

³ Ibid., стр. 10—11.

⁴ См. по этому вопросу Prof. Max Rümelin Das neue schweizerische Zivilgesetzbuch und seine Bedeutung für uns. Tübingen, 1908, стр. 27 и сл.

Наконец, как бы «личной унией», воплощающей идеологическую связь «возрождения естественного права» со свободным, является Рудольф Штаммлер; этой проблеме в значительной мере посвящена его работа «Die Lehre von dem richtigen Recht» (1902) и в некотором отношении все его остальные работы.

Как и все представители «естественно-правового крыла» школы свободного права, Штаммлер считает необходимым установление объективного критерия в качестве руководящего принципа для восполнения пробелов и толкования позитивного права. Таким критерием он признает «справедливое право» («richtiges Recht»). Что же представляет собою «справедливое право»? Штаммлер отвечает, что «справедливое право» есть то право, которое соответствует социальному идеалу или общей идее человеческого общения. Социальным же идеалом, как известно, Штаммлер считает такое общество, где интересы каждой отдельной личности будут рассматриваться, как самоцель, т. е. «общество свободно хотящих людей» («Gemeinschaft der freiwillenden Menschen»). Задача всего права, с точки зрения Штаммлера, как известно, заключается в регулировании общественных отношений, с точки зрения социального идеала—в попытке принудительного осуществления справедливости («Zwangsversuch zum Richtigen»).

Соответственно требованиям социального идеала, на взгляд Штаммлера, должен создавать законы законодатель, соответственно этим же требованиям должен создавать нормы для решения дела и судья в тех случаях, когда к нему отсылает сам законодатель¹.

В этой концепции «справедливости» и «справедливого права» нетрудно разглядеть фигуру мелкого буржуа, на которого с роковой силой напирала вся мощь финансово-капиталистической экономики и все фатальное могущество империалистического государства; робко, но настойчиво, мелкий буржуа молит защиты у суда, он взывает к «справедливости», он требует внимания к конкретному случаю, к конкретным обстоятельствам. Пусть ценою ущемления общей нормы позитивного права воеторжествует конкретная «справедливость».

Можно согласиться в основном с современным исследователем естественного права, Юнгом, который, обсуждая значение всевозможных внепозитивных критериев, приходит к след. выводу: «Всюду, где решение основано не только на отдельных позитивных правовых положениях, но и на ссылках на потребности оборота, на состояние интереса, на природу вещей, на целесообразность, разум, Treu und Glauben, справедливость и т. д., фактическое решение вопроса в этих случаях лежит в том, что единичный результат познан из общего основания правового чувства и что последнее решило в ту или другую сторону»². «Общим же основанием правового чувства» Юнг считает естественное право.

¹ Сравни. J. Brie, Billigkeit und Recht в «Archiv für Rechts und Wirtschaftsphilosophie» III т., 4 кн., а также: Schmölder, Die Billigkeit als Grundlage des bürgerlichen Rechts.

² «Das Problem des natürlichen Rechts», 1912 г., стр. 43.

Было бы ошибкой думать, как уже было указано выше, что между обеими группами движения свободного права существует какая-то принципиальная глубокая пропасть; так же, как у представителей естественно-правового крыла, метафизические принципы естественного права сочетаются с некоторым «социологизмом», так и у «социологов» свободного права, как, напр., у Эрлиха, Фукса и др., нет полного отрицания принципов естественного права; напротив, и они склонны признать в естественном праве некоторое преимущество перед схоластической догматикой позитивного права, в отличие от естественного права, не задающей и не могущей задавать себе целью изучение сущности и природы права, как такового¹.

VI

Существенный теоретический интерес представляет отношение русской юридической науки к движению свободного права.

Своеобразные условия развития русского капитализма и его носительницы—русской буржуазии—выработали у последней своеобразный и на первый взгляд странный подход к проблеме свободного права. На разных этапах своего развития русская буржуазия в лице своих идеологов разрешала эту проблему поразному: в то время как Муромцев еще до возникновения этого движения на Западе, а именно еще в 1879 и 1880 гг., формулировал в основных чертах те принципы, которые позднее легли в основу концепции свободного права, позднейшие идеологи русской буржуазии эпохи первой и вплоть до второй революции (Покровский, Винавер, Гессен и др.) выступали противниками этого движения.

Еще в своей работе «Определение и основное разделение права», вышедшей в 1879 г.² а затем в статье «Суд и закон в гражданском праве»³, Муромцев сжато и ясно формулирует принципы взаимоотношения суда и закона так, как это сделало впоследствии движение свободного права. Подвергнув историческому и критическому анализу господствующую доктрину толкования и восполнения пробелов положительного права, Муромцев приходит к выводу о необходимости изменения взаимоотношения между законодателем и судьей в сторону предоставления большей свободы усмотрения последнему. «Конечно,—говорит он,—было бы нелепостью проповедывать открытое неповиновение закону наперекор существующему учению... Но законодатель должен сознать пределы своего влияния. Он должен узнать, что есть область, в которой первое место принадлежит судебному творчеству. Он должен отрешиться от иллюзий на счет своего неограниченного могущества»⁴. Это же должен сознать и судья, который, в случае несовершенства или пробельности закона, должен,

¹ См. Эрлих Grundlegung..., стр. 11; Фукс, Die Gemeinshädlichkeit..., стр. 130.

² См. стр. 43.

³ Опубликована в ноябрьской книжке «Юрид. вестника» 1880 г.

⁴ Ibid., стр. 391.

не дожидаясь законодателя, «серьезно приступить к регламентации гражданско-правового порядка».

Отвечая заранее на возможные упреки по поводу судебного произвола, которому этим открывается дверь, Муромцев говорит там: «Нечего опасаться произвола со стороны судей. Необходимо приложить все меры к улучшению его качества»... «Высокие качества, которые требуются от судей, рвутся за прогрессивный характер в истории развития плодов такого усмотрения. Суд присяжных есть идеал, к которому приблизится рано или поздно гражданский суд»¹.

Муромцев, как впоследствии и идеологи свободного права, видит подтверждение своих воззрений в том, что современные судьи, несмотря на то, что они формально связаны положительным законом, фактически проявляют значительную свободу усмотрения².

Диаметрально-противоположную позицию заняла русская буржуазия позднейшей эпохи. Любопытно, что у последней энергичная борьба с идеями свободного права сочеталась с официальным признанием естественного права. Еще в 90-ые годы прошлого столетия с кличем возрождения естественного права в русской литературе выступили Петражицкий и Новгородцев. Затем официальным выразителем этого направления явился журнал «Вестник права»³. В программной передовой статье, которой открылся этот журнал, авторы ее припоминают заслуги естественного права. «Эта старая наука естественного права, — читаем в этой передовой, — боролась за свободу, за равенство, за мир, правду и братство между людьми и народами. Мощное слово ее разрушало вековые предрассудки и суеверия в праве, насаждало просвещение и гуманное истинное право и справедливость»⁴.

Известно, что на позициях естественного права стояли корифеи буржуазной политической и юридической идеологии в России, Петражицкий, Новгородцев, Покровский и др.; чем же объяснить, что не в пример западным теоретикам «возрождения естественного права» они резко выступили *против* идеи свободного права, за «законность», «конституционность» и «порядок», чем также объяснить и то, что в вопросе о взаимоотношении суда и закона они так резко разошлись во мнениях с Муромцевым конца 70-х годов?

Ответ на эти вопросы коренится в условиях конституирования, развития и роста политического влияния русской буржуазии, как класса.

Муромцев (его ранний период) и *Покровский* олицетворяют собою два этапа развития русской буржуазии. В эпоху своего зарождения, когда она еще не дерзала политически конкурировать с абсолютистско-самодержавным деспотизмом, но уже была в состоянии *больше* доверять судьям (во всяком случае, части из них), чем архаическому позитивному закону, буржуазия устами своего политического вождя

¹ «Суд и закон в гражданском праве», стр. 392.

² *Ibid.*, стр. 385—6.

³ Начал выходить в 1899 г.

⁴ *Ibid.*, передовая, январь 1899 г.

С. Муромцева (в 1879, 1880 гг.) провозглашает в основных чертах концепцию свободного права. Она в этом видит паллиатив, но паллиатив на данном этапе ее развития выгодный и приемлемый.

Иное дело эпоха Покровского, эпоха, когда русская буржуазия, созревшая, как класс, стала предъявлять свои претензии на политическую власть. Она, как сто с лишним лет тому назад французская буржуазия, выступает тогда на арену борьбы с феодально-бюрократическим самодержавием, — не удовлетворяясь уже «свободно-правовыми» и прочими паллиативами, — со знаменем естественного права в одной руке и знаменем «конституционность» и «закон» — в другой. Идя к власти, русская буржуазия требует осуществления принципов естественного права посредством воплощения их в положительных законах, посредством конструирования судебной магистратуры из представителей *своего* класса; идеи свободного права, свободного усмотрения судьи ей не только бесполезны, но ввиду нарастания мощного революционного пролетарско-крестьянского движения прямо вредны и опасны; для защиты от последнего ей нужны *определенные* строгие и решительные законы.

Отсюда — необходимость со знаменем естественного права драться с отживающим феодально-самодержавным деспотизмом и со знаменем «конституционность» и «закон» обороняться от нагоняющего шквала пролетарско-социалистической революции.

«Законодательство, — говорит Покровский, — есть естественная форма сознательного и планомерного социального строительства. Отказаться от законодательства для каких-либо иных форм правотворения так же невозможно, как невозможен возврат от сознательной жизни к бессознательной»¹. «Как в области публичного, так и в области гражданского права, залогом истинного праворазвития может быть только одно — *законность и правовой порядок*»².

Покровский вовсе не скрывает своих политических чаяний и замыслов; он открыто признает, что «не в замене «традиционной методы» толкования закона методом «свободного права» заключается задача будущего, а в *оживлении и одухотворении законодательства, в усовершенствовании аппарата, дабы оно могло лучше улавливать голос жизни и живет реагировать на него*», т. е., иначе говоря, в передаче его в руки буржуазии. (Курсив наш. Б. М.)³.

Если же уйти на «ложный путь» школы свободного права, т. е. на путь мелких реформ, который для буржуазии, рвущейся к власти, неприемлем, то ее постигнут весьма невыгодные последствия, ибо, — как говорит Покровский, — «борьба, которую ведут между собой различные социальные группы, утратит свой организованный и концентрированный характер *борьбы за закон* (курсив автора) и превратится в бесконечную массу частных схваток в суде, в действительную «судебную анархию»⁴.

¹ «Гражд. суд. и закон», — «Вестник права», 1905, I, стр. 43.

² *Ibid.*, стр. 51.

³ «Осн. пробл.»..., стр. 82.

⁴ «Ест.-правов. теч. в гр. праве», стр. 52.

Но как же тогда быть с естественным правом? Как увязать принципы естественного права с отрицанием свободного права и утверждением принципа позитивной законности? Покровский не оставляет этих вопросов без ответа. «Все те,—говорит он,—которые дорожат господством в праве таких или иных высших начал, т. е. все истинные носители идеи «естественного права» должны понять, что нет большего врага этой идеи, как вульгаризация ее в практическом судебском субъективизме. Это такой враг, который появляется под маской друга и под маской же друга, только осуществляющего идею, быстро и верно роет ей могилу. Борьба за высшее начало права также может быть только концентрированной борьбой за закон»¹.

«Позитивное право должно принять в себя *душу* естественного права, должно проникаться его высшими принципами. То же «естественное право»,—пишет Покровский,—которое носится теперь в воздухе в виде «свободного судебного правотворения»... есть именно не что иное, как тот вампир, который высосет кровь не только из тела позитивного права, но и из самого права естественного»... Одним словом, «*нужно быть в теории права Мартином, а в практике Буларом*»².

Вот как специфические условия развития русского капитализма и русской буржуазии заставили последнюю оказаться энергичной поборницей естественного права и, одновременно, горячей противницей осуществления его в рассрочку в форме свободного права.

VII

Пора, однако, подвести итоги. Наша задача облегчается тем, что движению свободного права больше чем за четверть века его существования успела уже подвести некоторые итоги сама жизнь. С какими задачами и надеждами выступила на теоретическую арену школа свободного права? Выше уже было указано, как Канторович, Эрлих, Фукс низвержением юридического позитивизма и построением новой методологии права и его применения имели в виду исцелить все социальные и юридические недуги. Такие же надежды возлагали на движение свободного права, несмотря на всю их социальную и идеологическую пестроту, и другие его теоретики. Так, напр., Салейль, один из французских представителей этого движения, след. образом изображает назначение свободного права: «Понять—пишет он—что условия изменения назрели, и выступить инициатором этих назревших изменений,—в этом и должна заключаться весьма благодарная социальная роль судьи. Явившись в роли такого социального примирителя («*consiliateur social*»), судья превратит то, что было лишь идеалом меньшинства, в окончательный обычай и, таким образом, путем осторожных опытов без радикальной ломки приспособит жизнь к новым социальным условиям, и самое право, бла-

годаря этому, станет в руках судьи орудием социального прогресса»¹.

Буржуазный ученый Салейль надеется, что, благодаря свободному праву можно будет «без радикальной ломки приспособить жизнь к новым социальным условиям». Но вот какие надежды возлагает на движение свободного права германский социал-демократ Густав Радбрух: «Великая задача,—пишет он,—ждет его (движение свободного права. Б. М.): примирение права с народом. Преимущественно на догме совершенства правопорядка покоится современное «недоверие праву»... Только искреннее признание судейского правотворчества способно исцелить отчуждение народа от права»².

Каковы же, однако, *реальные достижения* школы свободного права? Здесь пока можно назвать лишь ст. 1-ую Швейцарского гражданского уложения, которая дает право судье, в случае пробела в законе, решать дела по норме, которую «он сам бы установил, будучи законодателем». Но и эта статья, по свидетельству компетентных ученых, имеет весьма ограниченное практическое действие и, как в известном отношении подобные статьи в новейших чехо-словацком и польском проектах гражданских уложений, является лишь теоретической данью времени, некоторым «социальным украшением», без которого сейчас не составляется почти ни один буржуазный юридический акт.

Но не только практически, но даже теоретически нельзя признать победу на стороне движения свободного права. Против него ополчились не только представители позитивистической доктрины, которая оказалась гораздо устойчивей, чем предполагалось, но и адвокатура, которая в случае осуществления идей свободного права лишилась бы объекта своего промысла—позитивного закона. Но, как это ни странно, против школы свободного права вотиrowали даже судьи, т. е. те, о которых так заботилось свободно-правовое движение; очевидно, общеклассовый интерес взял и у них верх над цеховым, невзирая на то, что свободно-правовая пропаганда его так усердно разжигала.

На втором съезде союза герм. судей, представлявшем собою свыше шести тысяч судей Германской империи, происходившем в сентябре 1911 г., после обсуждения вопроса о свободном праве, была принята резолюция (правда, небольшим большинством голосов), отвергающая концепцию свободного права³.

Эти весьма скромные итоги, которых добилась школа свободного права за более, чем четверть-вековое существование, заставили даже Канторовича в своей последней, дошедшей до нас работе, относящейся к 1925 г., притти к весьма неутешительным выводам:

«Некоторые говорят теперь,—пишет он там,—что движение свободного права победило. Я очень далек от такого оптимизма..., я не могу признать, что движение свободного права победило... как в теории, так и на практике»⁴.

¹ «De la déclaration de volonté», стр. 286—287.

² «Archiv für Soz. und Sozpol.», 1906 г., стр. 370.

³ Подр. см. И. Штейнберг, Что такое движ. своб. права, М., 1914, стр. 21.

⁴ «Aus der Vorgeschichte...», стр. 39—40.

¹ «Естеств.-правов. течения в гражданском праве», стр. 52.

² Ibid., стр. 53.

Эти неудачи движения свободного права не являются неожиданными.

Движение свободного права с самого начала, в силу тех противоречивых социальных источников, которые его питали, должно было остаться бесплодной литературной кампанией, разделяя в этом смысле участь всех промежуточных эклектических, политических и философских теорий.

Быше уже указывалось, на примере Радбруха, Салейля, Эрлиха и др., что движение свободного права отнюдь не лишено определенной политической подоплеки; нам остается лишь добавить, что политические построения теоретиков свободного права гораздо ближе к политической идеологии международного реформизма, чем это обыкновенно полагают.

Боясь, благодаря резкой критике, которой они подвергли господствующую доктрину, навлечь на себя обвинение в «революционности», идеологи движения свободного права всячески стараются иммунизировать себя от подобных упреков. Они подчеркивают, что свободное право является «революционным по отношению к падектологии, но вовсе не по отношению ко всей прочей культуре» (Фукс), что они «не революционеры», а хотя и лишь «сделать суд относящимся сознательно к своему творчеству, а самое творчество методически улучшить, но *praeter non contra legem*» (Канторович) и т. д.

Развернутая реформистская идеология, которую мы находим в различных работах Эрлиха, весьма существенно дополняет и разъясняет его свободно-правовое сredo. В статье, посвященной Антону Менгеру, Эрлих, полемизируя с теоретиками *Zusammenbruchstheorie*, развивает последовательный вульгарный реформизм. Он считает, что «наша жизнь может сложиться красивее и лучше лишь в том случае, если будет увеличена наличная сумма благ, будь это посредством увеличения производства, будь это путем увеличения производительности труда. Все *остальное*,—пишет он,—это *народно-хозяйственная алхимия*... Мне кажется,—пишет он ниже,—что социальный вопрос в рамках индивидуализма вполне разрешим: это такое понимание социального вопроса, которое в передовых странах мира, в Англии и в Америке, также и среди рабочего класса, является господствующим... Для меня социальный вопрос есть прежде всего вопрос технического прогресса производства благ, который, благодаря организации рабочих масс и социально-политическим мероприятиям, в конце концов должен пойти на пользу всего народа»¹.

В другом месте Эрлих пишет о своих взглядах в таких выражениях, что они кажутся буквально списанными с работ Эдуарда Бернштейна. «Современный правопорядок,—говорит он,—должен быть по мере нравственного усовершенствования человеческого рода не устранен, а заменен другим социалистическим правопорядком... Проницательные социалисты уже давно говорят о медленном, постепенном возра-

¹ «Anton Menger»—«Süddeutsche Monatshefte»—Stuttgart, 1906, September, стр. 19—21.

нии «социалистического хозяйства» в капиталистическое... вопрос о «конечной цели» («Endziel») должен быть спокойно оставлен в стороне: практически для социалистически настроенного пролетариата Европы речь идет лишь о таком улучшении современного правопорядка, который обеспечил бы ему скромный, но достижимый общественный прогресс». Идеи свободного права и должны, на взгляд его идеологов, начиная с Эрлиха и кончая Радбрухом, «улучшить» этот современный правопорядок и, таким образом, послужить орудием «врастания» в социализм. Еще более открыто этот реформистско-политический характер доктрины свободного права выступает в работах ее идеологов *последнего* времени, как это видно из иностранной юридической печати¹. *Оставаясь всецело на почве буржуазного правопорядка, стремясь установить на этой почве социальную гармонию, игнорируя в своих социологических построениях классовую борьбу, отрицая необходимость революционной диалектики при применении права, школа свободного права неизбежно должна была дать лишь ничтожные научные результаты* (в виде некоторых скромных попыток изучения конкретной правовой жизни, которых переоценивать нельзя) *и остаться на позициях вульгарного эмпиризма и реформизма*.

Школа свободного права, сама являясь порождением непримиримых противоречий современной буржуазной правовой системы, подобно своей идеологической предшественнице—доктрине юридического позитивизма,—оказалась бессильной вывести юриспруденцию на путь подлинного научного знания.

Единственно на что она оказалась способной, это—лишний раз подчеркнуть, в какой безвыходный тупик зашла современная буржуазная юридическая наука. Именно, поэтому, революционно-марксистское правоведение находит в литературе школы свободного права так мало научно ценного и так много подлежащего критике.

Б. Манелис.

¹ См., в частности, журнал «Die justiz».

II. СТЕНОГРАММЫ ДОКЛАДОВ, ЧИТАЕМЫХ В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЖЕНСКОГО ТРУДА ¹

(Доклад А. Л. Рязановой)

Прежде, чем перейти к главному предмету своего доклада, я хотела бы указать на тот возросший интерес и усиленное внимание, которое уделяют в настоящее время различные организации женскому вопросу.

Вот новый журнал Академии наук «Человек». В первом номере, Академия наук, учреждение, как известно, солидное и высоко ученое, сообщает, что еще осенью 1926 г. ею организована была комиссия по изучению положения женщины в СССР и ее охране.

«Осенью 1926 года в Академии наук была внесена проф. Преображенским записка о желательности образования при Академии наук совещания по изучению положения женщины в СССР и ее охране. Записка была внушена рядом соображений, вызванных значительным распространением за последнее время среди женщин социальных вредностей (аборт, превентивные средства, табак), профессиональных вредностей на производствах, куда женщины устремились в силу, главным образом, экономических причин, и, наконец, жалобами некоторых союзных республик на вымирание, в обследовании причин которого нельзя не обратить внимания на женщину. Записка основывает свое предложение на том, что современное положение женского вопроса является важной государственной задачей вообще, а особенно в СССР, как социалистической стране; что государство и общество для рационализации своих мероприятий должны опираться на научные основы, а эти научные основы могут быть даны только таким мощным учреждением, как Академия наук, ввиду крайней многогранности и сложности представляемых вопросом задач» ².

Академия наук существует более 200 лет. Чем же объясняется, что она только теперь заинтересовалась женским вопросом? Она ведь до сих пор этим вопросом не занималась.

Не только у нас, но и на Западе мы видим то же явление. И в странах Западной Европы, и в Америке за последние десять лет создана обширная литература по женскому вопросу. Там учреждаются всякого рода правительственные комиссии по изучению женского труда, вопросы, связанные с ролью женщины в общественном процессе производства, ставятся в порядок дня с'ездов и конференций разных партий и организаций. Интересно, что одним из основных вопросов, стояв-

ших в порядке дня последнего с'езда австрийской социал-демократии, был вопрос о проблеме народонаселения. В принятую на с'езде программу, наряду с пунктом (4) об отношении с.-д. к женскому вопросу, внесен был пункт (5) о политике в вопросе о народонаселении. Правда, проблема народонаселения обсуждалась и раньше на некоторых социалистических с'ездах, говорил докладчик с'езда по вопросу о партийной программе, Отто Бауэр, но в данном случае социал-демократическая партия впервые делает попытку формулировать в своей программе свое отношение к проблеме народонаселения ¹.

До сих пор женский вопрос на социал-демократических и профессиональных с'ездах обсуждался главным образом в связи с вопросом о женском труде и избирательном праве женщин, ибо при господстве буржуазии в капиталистических странах предоставление избирательного права женщине пока что приводит к усилению буржуазных партий в парламенте, а распространение женского труда к понижению заработной платы, к понижению уровня жизни рабочего класса.

Сейчас еще на страницах руководящего органа австрийских профсоюзов «Arbeit und Wirtschaft» дискутируется вопрос о целесообразности лозунга: «равная зарплата за равный труд». Дело в том, что в порядке дня предстоящего с'езда профсоюзов (июнь 1928 г.) поставлен вопрос о женском труде. В первый раз за существование австрийского профдвижения этому вопросу посвящен будет специальный доклад. Так же, как некоторые социал-демократические партии не ведут борьбы за предоставление женщинам избирательных прав, за предоставление женщинам политических прав, ибо это на первых порах приводит к увеличению парламентских мест для буржуазных партий, так же и часть профессионалистов высказывается против равной зарплаты, так как в капиталистических странах проведение этого лозунга в большинстве случаев приводит не к повышению зарплаты женщин, а к понижению зарплаты мужчин. И те и другие понять не хотят, что развитие классовой сознательности, классовой солидарности приобретает только в процессе классовой борьбы. Для того, чтобы работницы могли принимать такое же участие в этой борьбе, их нужно поставить в одинаковые условия с рабочими.

Проблема народонаселения начала беспокоить и господствующие классы Западной Европы. И почему? Дело в том, что за последние десятилетия во всех странах заметно сильное уменьшение прироста народонаселения. До войны особую тревогу в этом отношении обнаруживала главным образом Франция, а после войны прирост населения начал сильно уменьшаться во всех странах Западной Европы.

Так на десять тысяч жителей приходилось ежегодно нормальных рождений:

	1901—1905 (в среднем)	1923	1924	1925	1926
В Австрии	295	220	212	202	187
» Германии	343	210	205	206	195
» Англии и Уэльсе	282	197	189	283	—
» Франции	212	194	194	196	188
» Бельгии	275	204	199	197	—
» Швейцарии	278	194	187	184	182

¹ См. Protokoll des sozialdemokratischen Parteitages in Lins (30 Oktober bis 3 November 1926), стр. 314.

¹ Доклад, читанный в Секции по изучению теории и практики международного женского движения Комм. академии. 5 мая 1928 г.

² «Совещание по изучению положения женщины в СССР и ее охране». «Человек» № 1, 1928 г., стр. 79.

Мы видим, что во всех капиталистических странах наблюдается сильное уменьшение рождаемости. Несмотря на уменьшение смертности, перевес рождаемости над смертностью теперь невелик. Так перевес рождаемости над смертностью населения составлял в 1901—905 гг. в Австрии—78, в Германии—144, в Англии—121, в Швейцарии—103; в 1925 году соответственные цифры составляли 59, 87, 61, 62, а в 1926 году уже только 39 в Австрии и 78 в Германии.

Если раньше так называемая система двух детей практиковалась буржуазией и зажиточным крестьянством во Франции, то в настоящее время эта система распространяется по всей Европе и захватывает уже и рабочий класс. В данном случае действуют, конечно, другие причины.

Чем больше детей в рабочей семье, тем труднее их воспитывать, тем выше среди них заболеваемость и смертность. Даже высококвалифицированному рабочему не под силу содержание большой семьи. И не лучше обстоит дело, если работают оба родителя. Вот почему рабочий класс отказывается иметь детей, огромной части которых не суждено дожить и до одного года. Ограничивая рождаемость, рабочий класс требует от господствующих классов принятия мер по охране жизни и здоровья матерей и младенцев, принятия мер для сохранения рождающихся детей. Если бы господствующие классы приняли меры к сохранению всех родившихся, вполне была бы обеспечена жизнеспособность этих народов.

Еще Каутский в своей книге «Размножение и развитие в природе и обществе» указывает, что вопрос о народонаселении тесно связан с способом применения женской рабочей силы, «что изменение в плодовитости человека при перемене общественных условий больше всего зависит от изменения положения женщины»¹.

Спор, как вы помните, шел о том, не приведет ли организация социалистического общества, которое снимет с родителей заботу о воспитании детей, к перенаселению, т. е. к такому положению, при котором обществу не хватит средств содержания, средств питания для всего народа. Указав на те широкие возможности, которые в социалистическом обществе предоставит развитие техники при рациональной организации труда в деле увеличения средств производства и потребления, Каутский, между прочим, говорит, что «как только женщина приобретает интерес, выходящий за узкие рамки семьи и брака, она начинает отрицательно относиться к слишком большому числу детей». Социалистическому обществу нечего бояться ни перенаселения, ни вымирания.

В виду уменьшения прироста населения, наряду с требованием принудительного деторождения (запрещение и наказуемость аборт), выставляется и требование, в особенности со стороны гигиенистов (Гротьян, Цан, Гирш и др.), широкой охраны женского труда, страхования материнства, вознаграждения многодетных родителей и т. д., и т. д. Все эти вопросы тесно связаны с главным вопросом, с вопросом об участии женщины в производстве и вообще с вопросом об участии женщины в экономической жизни.

Темой моего доклада является только один вопрос—вопрос о тенденциях развития женского труда. Секция по изучению теории и практики женского рабочего движения намеревается в дальнейшем поставить ряд докладов по вопро-

¹ К. Каутский, Размножение и развитие в природе и обществе.—Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. Гиз, 1923 г., стр. 198.

сам женского труда: о заработной плате, охране труда и охране материнства, участии женщины в профсоюзах и т. д.

Чем больше женщин принимает участие в производственной жизни и общественных процессах труда, чем больше женщин отрывается от домашнего очага, тем скорее совершается развал сложившегося уклада жизни, тем скорее меняются старые установленные условия быта, тем скорее совершается развал старого общества. Все это не может не вызывать тревоги в рядах буржуазных классов.

Другое дело в советской стране. Наша партия, как известно, считает, что применение женского труда в крупной промышленности не только неизбежное, но и прогрессивное явление. Надо только проводить соответственные меры по охране труда. Реорганизация современного строя, переход к социализму немислим без того, чтобы женщина не принимала участия в общественных процессах труда. Вся программа, вся деятельность партии направлена к тому, чтобы каждый трудящийся в советской стране—мужчина или женщина—мог бы принимать участие в производственной и политической жизни.

Втянувшись позже в общественный процесс производства, скованные старыми условиями быта, женщины в настоящее время составляют у нас менее трети общего числа занятых в промышленности рабочих (28,5% к 1 января 1927 г.). Неудивительно, что мы с таким вниманием следим за развитием женского труда.

Мы все знаем, что, в силу исторических условий, главная масса женской рабочей силы сосредоточена в трех отраслях промышленности (у нас около 70% работниц) в текстильной, производстве одежды и пище-вкусовой. Мужская рабочая сила преимущественно занята в горной и горно-заводской промышленности, обработке металлов и машиностроении. Последние годы, в особенности со времени империалистической войны, женский труд начал применяться и в так называемых «мужских» отраслях промышленности. В нашей прессе мы часто читаем о желательности «внедрения» женщин в эти новые отрасли труда. Возможно ли и желательно ли распространение женского труда во всех отраслях промышленности? Чтобы вынести правильное решение по этому вопросу, нам необходимо познакомиться с теми изменениями, которые происходят в экономической жизни, с той реорганизацией, которая совершается в народном хозяйстве.

Если мы проследим рост и распределение рабочей силы в крупных капиталистических странах за последнее столетие, то придем к выводу, что все те отрасли промышленности, в которых применяется женская рабочая сила,—текстильная, производство одежды,—как по значению в народном хозяйстве, так и по количеству занятых в ней рабочих, переходят на второе и на третье место, а на их места выдвигаются другие отрасли. А между тем, во второй половине XIX столетия, текстильная промышленность, как по техническому оборудованию, так и по значению в народном хозяйстве и количеству рабочей силы, занимала первое место в самой промышленной стране того времени, в Англии. Большинство фактов о положении рабочего класса, приводимых Марксом в «Капитале» и Энгельсом в «Положении рабочего класса в Англии», касаются текстильной промышленности.

Вот перед нами данные о развитии народного хозяйства Англии за последние сорок лет. (От 1881—1921). В 1881 году во всем народном хозяйстве Англии занято было 12 738 000 человек (8 851 000 мужчин и 3 887 000 женщин). Из них 1 191 000 человек (714 000 (60%) женщин и 477 000 (40%) мужчин) были заняты в текстильной промышленности; 927 000 человек (889 000 (95,9%) муж-

чин и 38 000 (4,1%) женщин) в металло-промышленности и 438 000 (434 000 (92,1%) мужчин и 4 000 (0,9%) женщин) в горном деле.

Мы видим, что 40 лет тому назад первое место по количеству занятой рабочей силы и по технике производства занимала текстильная промышленность. Совсем другую картину мы видим в 1921 году. Теперь уже первое место занимает металло-промышленность, в которой занято 2 491 000 человек (2 251 000 (90,4%) мужчин и 240 000 (9,6%) женщин), за ней следует горное дело с 1 305 000 (1 294 000 (99,2%) мужчин и 11 000 (0,8%) женщин) и только на третьем месте находится текстильная промышленность с 1 293 000 (540 000 мужчин и 753 000 (58,2%) женщин). В то время, как численность рабочих металло-промышленности увеличилась почти в 2½ раза, а в горной в 3 раза, количество рабочих в текстильной промышленности едва увеличилось на 100 000.

Наряду с этими отраслями в одно из первых мест по значению в хозяйственной жизни выдвигается химическая промышленность. В 1881 году в этой отрасли промышленности было занято 52 000 человек (44 000 (84,6%) мужчин и 8 000 (15,4%) женщин), а в 1921 году общее число рабочих повысилось до 270 000 (195 000 (72,2%) мужчин и 75 000 (27,8%) женщин). Тут мы имеем дело не только с расширением производства всевозможных препаратов и удушливых газов, употребляемых империалистами при ведении современных войн, не только с развитием массового производства всяких лекарств, но и с развитием и расширением предметов широкого потребления, как искусственных роговых вещей, искусственной кожи и искусственных тканей. Интересно, что с производством искусственного вискозного шелка совершенно отпадает одна из основных профессий в текстильной промышленности, одна из старинных женских профессий, — прядильное дело.

Та же картина наблюдается в Германии. Металлургия занимает первое место в народном хозяйстве страны: в ней занято более 3 000 000 человек. Численность рабочих текстильной промышленности увеличилась к 1925 году в сравнении с 1907 г. на 17,7%, в промышленности по производству одежды на 5,8%, в горной на 57,4%, в производстве машин и аппаратов на 74,9%, а в электрической промышленности, точной механике и оптике на 231,8%.

В последних отраслях металло-промышленности женский труд находит все большее и большее применение.

Интересно, что именно женщины, как указывают испытания, устраиваемые фабрикантами в целях определения пригодности рабочих для той или иной профессии, обладают всеми качествами, необходимыми для этих работ. Недавно, в одном специальном английском журнале (мы берем эти факты из «Umschau» Heft 19, 1926 г., где заметка напечатана под кричащим названием: «Женские руки более искусны, чем мужские») были напечатаны результаты испытания, устроенного для подбора рабочих на определенные процессы труда в электропромышленности. На фабрике, где работало 1 021 женщина, был поставлен вопрос о «выдвижении» группы работниц для работ по точной механике в мастерских одного из крупных электрических заводов. В целях испытания пригодности к этой работе, каждой из работниц была подана металлическая доска, в которой наподобие решета, просверлено было сто отверстий, тут же на верстаке лежало триста медных гвоздей. Задача состояла в том, чтобы как можно быстрее распределить эти гвозди по три в каждом отверстии доски. При этом указывалось на необходимость брать 3 гвоздя одновременно. В то время, как искусные работницы

исполняли эту работу менее чем в 6 минут, другим работницам необходимо было 12—15 минут. 77 наиболее искусных работниц были «выдвинуты» на точную механическую работу, в которой требуется ловкость пальцев. 85% из этих работниц оказались более пригодными к этой работе, чем работавшие до них мужчины.

Не напоминает ли это старые отзывы о работницах в текстильной промышленности?

Мы думаем, что предприниматели в настоящее время так же, как их предшественники на заре капитализма, отдают предпочтение женскому труду еще и потому, что в капиталистических условиях производства женская рабочая сила является наиболее дешевой, что женщины и теперь еще поддаются эксплуатации.

Старые, «женские» отрасли промышленности не в состоянии впитать всю женскую рабочую силу, и молодые отряды женского пролетариата ищут приложения своей рабочей силы в новых отраслях. И они это делают тем более охотно, что условия труда, заработная плата в отраслях с широким применением женского труда значительно хуже, чем в отраслях труда, в которых преимущественно занята мужская рабочая сила. Более того. Зарботная плата квалифицированных работниц в женских профессиях зачастую ниже, чем у чернорабочих мужчин, а нередко и женщин в мужских отраслях промышленности.

«Бегство» молодых работниц из текстильной промышленности отмечается в английской прессе. Недостаточность рабочей смены в производстве одежды отмечается и отчет бельгийской фабричной инспекции за 1926 год. Девочки зачастую предпочитают тяжелую работу на заводе, чем женские профессии. Из поступивших в отчетном году на работу 14-летних девочек, только 10% выбрали женские профессии, 50% поступили на фабрики, где выполняют обычные для женского труда работы, а 40% пошли на заводы и, как сообщается в отчете, на тяжелые, несвойственные женщине, работы.

Чтобы изжить кризис в кружевной и швейной промышленности, бельгийское правительство проектирует обязательное обучение девочек в возрасте от 14—16 лет шитью и плетению кружев. Особенно большие опасения вызывает кризис в последней отрасли, ибо она является одной из старинных национальных отраслей бельгийской промышленности.

Профессии, в которых спрос на учениц был выше предложения в 1927 году в Вене, были также женские профессии: белошвейное ремесло, вышивка гладью и производство искусственных цветов.

Женская рабочая сила начинает направляться в новые отрасли труда, расширение которых обеспечивается дальнейшим развитием техники, дальнейшим развитием производственной и культурной жизни. Они направляются также в разные отряды служащих, места для которых предоставляют развивающаяся торговля, пути и средства сообщения, развитие здравоохранения, народного образования.

В виду того, что численность среди служащих увеличивается быстрее, чем среди работниц, и быстрее, чем среди мужчин, один из работников Коммакадемии, покойный тов. Иванов, пришел к заключению, что при регулировании вопроса распределения рабочей силы мы должны направлять женщин в отряды служащих, работа которых, по его мнению, является более подходящей для женщины.

Недавно в органе германской социал-демократии появилась статья В. Войтинского: «Труд и мащина в народном хозяйстве Германии». Войтинский

пришел к заключению, что не только рост численности служащих среди женщин идет быстрее, чем работниц, что совершенно правильно, но что численность работниц по отношению к числу рабочих уменьшается, что не совсем правильно.

«Интересно,—говорит он,—что численность рабочих относительно увеличилась больше, чем работниц». Мужчины составляли в этой группе в 1907 г. 75,9%, а в 1925 г. 76,0%. Приток женской рабочей силы направляется, главным образом, в группу служащих. В этой группе мужчины составляют в 1907 г. 83,8%, а в 1925 — 73,2%. Равновесие на рынке труда обеспечивается тем, что одновременно с изменением состава самостоятельного населения по полу, изменился также и спрос на рабочую силу: развитие новых хозяйственных форм и прогресс техники привели к повышению спроса на работников, от которых требуется не физическая сила, а внимание и аккуратность. Здесь женщина нашла применение своей рабочей силы, без того, чтобы вытеснить мужчину из его промысла¹.

Эти выводы не совсем правильны. И вот почему. При изменившихся условиях техники, увеличение женского труда, например, в металло-промышленности не всегда означает вытеснение мужчин из определенных процессов производства, так как при новом расчленении процессов труда на заводах новой конструкции создается масса новых профессий, которых раньше не было. Кроме того, метод исчисления по нашему неправилен.

Войтинский приходит к выводу об относительном уменьшении работниц следующим путем. Он составляет общую группу рабочих, занятых во всех областях народного хозяйства: в сельском хозяйстве, в промышленности и ремесле, в торговле, в путях и средствах сообщения, здравоохранении и т. д. В этой общей группе рабочих женщины составляли в 1907 г.—24,1%, а в 1925 г. только 23,7%, но если мы проследим развитие женского труда по отдельным отраслям народного хозяйства, то увидим, что уменьшилось число батрачек в сельском хозяйстве с 42,1% общего числа рабочих (1 213 400) в 1907 г. до 40,4% (1 053 900) в 1925 г., а увеличилась абсолютно и относительно численность работниц в промышленности и ремесле, где они составляли 17,6% (1 327 800) в 1907 г. и 20% (1 959 500) в 1925 г., т. е. увеличение произошло именно в той отрасли народного хозяйства, которая нас в данном случае преимущественно интересует.

Среди служащих рост женского труда идет значительно быстрее, чем рост мужского труда. Число служащих мужчин во всех отраслях народного хозяйства Германии увеличилось на 1 193 100, а женщины на 706 600. Женщины составляли 16,7% общего числа служащих в 1907 г. и 26,8% в 1925 году.

Но и среди мужчин число служащих увеличилось быстрее, чем число рабочих. Так с 1907 года число рабочих мужчин увеличилось на 1 961 000, или на 23%, а служащих на 76%.

Рост числа служащих является характерной особенностью современной эпохи. Развитие таких отраслей, как почта, телеграф, телефон, радио, развитие народного образования, здравоохранения, органов страхования и надзора, рост культурных учреждений, как театр, кино и т. д., и т. д.,—все эти отрасли труда отличаются большим или исключительным применением труда служащих.

Кроме того, и так называемая рационализация промышленности, как показывают американские и германские данные, приводит к сокращению численности

¹ W. Woytinsky, Arbeit und Maschine in der deutschen Wirtschaft. Nach den Ergebnissen der Berufs- und Betriebszahlung vom Jahre 1925. Die Gesellschaft № 2, 1928, стр. 135.

пролетариата при одновременном повышении количества выпускаемых продуктов.

Мне вспоминается доклад тов. Ногина о его поездке в Америку в 1924 г. Виктор Павлович был одним из лучших знатоков текстильной промышленности.

«При посещении фабрик,—говорил он,—нас поразило полное отсутствие рабочих. На фабриках не видно людей среди машин. Когда вы спрашиваетесь о количестве занятых в производстве рук, вас поражает небольшое число рабочих, которое называют вам. На фабриках в 40—50 тысяч веретен вы найдете не более 300—350 рабочих... Если вы входите в какую-либо ткацкую мастерскую, вас опять поражает отсутствие рабочих. Здесь вы можете видеть, как на автоматических ткацких станках один ткач работает сразу на 24—30 машинах. Одну ткацкую мы посетили в обеденное время и были свидетелями того, как одна половина рабочих, оставшаяся в это время при машинах (на фабрике освобождаются для обеда сначала одна половина, затем другая половина рабочих), легко выполняли работу на 48—60 станках».

Проводимая во всех капиталистических странах рационализация производства приводит к повышению интенсификации труда каждого отдельного рабочего, приводит к увеличению и расширению производства при одновременном уменьшении применяемой рабочей силы. Так в Америке почасовая производительность труда каждого отдельного рабочего повысилась в 1925 г. в сравнении с 1914 г. в металлической и сталелитейной промышленности на 59%, в консервной на 27%, в бумажной на 34%, автомобильной на 172% и т. д. и т. д.

При этом во всех отраслях промышленности идет увеличение численности служащих за счет рабочих. Обследование, произведенное союзами служащих в Германии на 600 предприятиях в разных отраслях промышленности показало, что из каждых ста человек, занятых на трех автомобильных заводах в 1913 году, было 9,9 служащих, а в 1926 г.—18,2; на 45 машиностроительных заводах соответствующие цифры составляли 13,5 и 20,1; на 11 фабриках по производству вагонов было 7,7 в 1913 г. и 12,9 в 1926 г. и т. д. Всяких надсмотрщиков, мастеров, техников приходится в настоящее время больше, чем в довоенное время.

В 1882 году в германской промышленности насчитывалось 99 000 служащих, в 1907 году их численность повысилась до 700 000, а в настоящее время, как показывают данные переписи 1925 года, их уже больше 2 000 000.

Согласно последней переписи (1921 г.) в Англии около 8 000 000 человек заняты в профессиях обслуживающих, остальные 9 300 000 рабочих в добывающей и обрабатывающей промышленности, т. е. чуть ли не на каждого рабочего приходится один служащий, включая почту, телеграф, транспорт и т. д.

Теперь обратимся к нашей стране. Увеличивается или уменьшается применение женского труда в СССР? Некоторые товарищи, как напр., тов. Полонская, в своей книге «Пролетарки в хозяйстве СССР и профсоюзы» указывает, что соотношение между мужским и женским трудом менее благоприятно, чем в 1913 г., но она делает еще большую ошибку, чем Войтинский. Нельзя сравнивать данные фабричной инспекции, которые относились только к крупной промышленности, из которых были исключены военные заводы, горное дело, в которых, как известно, женский труд применялся в незначительных размерах, с цифрами современной статистики, охватывающими всю промышленность целиком.

Более точные данные об изменении процента работниц к общему числу рабочих по отдельным производствам в 1913 г. и на 1-е января 1927 г. дает тов. Рашин¹.
Следующая таблица показывает процент работниц к общему числу рабочих по производству в 1913 г. и на 1-ое января 1927 г.

Производства	1913 г.	1927 г.
Обработка шелка	67,6	64,7
Обработка хлопка	56,1	60,4
Льняное и пеньковое	53,9	63,0
Обработка шерсти	41,1	48,9
Химическое	34,8	34,4
Фарфоро-фаянсовое	36,8	39,4
Бумажное	31,4	29,8
Пище-вкусовое	21,4	26,7
Стекольное	19,4	28,3
Полиграфическое	9,1	21,6
Обработка дерева	8,2	15,8
Обработка металла	4,8	9,3

Мы видим, что за исключением бумажного производства, в котором процент женщин понизился с 31,4 до 29,8, обработки шелка, где процент женщин понизился с 67,6% до 64,7%, и химической промышленности, где заметно незначительное уменьшение на 0,4%, по всем другим производствам применение женского труда заметно повысилось. Не только «женские» отрасли промышленности, но и новые для женского труда производства, как обработка металлов и машиностроение и, в особенности, полиграфическое производство, показывают увеличение женской рабочей силы.

Интересно, что одна из групп полиграфического производства, переплетное дело, постепенно становится чисто женской профессией. Так, в Австрии из десяти рабочих, занятых в переплетном деле, в 1888 г. было 9 мужчин и 1 женщина; в 1912 г. 5 мужчин и 5 женщин, а с 1919 года по настоящее время (1927 г.) 3 мужчины и 7 женщин.

Если мы обратимся к данным, относящимся ко всем отраслям народного хозяйства СССР, то и здесь увидим непрерывный рост женского труда.

Так, из 4 840 000 организованных в 1923 году в всесоюзном профдвижении рабочих и служащих было 1 356 100 женщин, а из 9 827 800 общего числа членов профсоюзов в 1927 было 2 569 800 женщин. При этом численность работниц в промышленных союзах повысилась с 531 800 до 934 400 (количество мужчин повысилось с 1 402 000 до 2 521 700), а среди работников государственных и общественных учреждений и торговых предприятий с 578 100 до 994 300 (число мужчин в этой группе повысилось с 741 700 до 1 562 400).

Мы видим, что и у нас в СССР замечается приток женского труда в группе служащих, численность которых превышает количество промышленных работниц.

Из приведенных мною данных ясно видно, что численность работниц увеличивается во всех странах. И не только ширится число профессий, в которых применяется женский труд, но и в каждой профессии увеличивается число работниц. Так, в Соед. шт. Сев. Америки за десятилетие с 1910 по 1920 г. количество профессий, в которых занято 1 000 и более работниц, повысилось с 203 до 232. Но надо

¹ А. Г. Рашин, Женский труд в СССР. Изд. «Вопросы труда», 1928 г., стр. 10.

отметить, что относительно рост служащих среди женщин во всех странах идет быстрее не только чем среди мужчин, но и чем среди работниц. Причины этого явления можно объяснить только историческими и социальными условиями. Огромная часть женщин, которая направляется в категорию служащих, являются выходцами из тех слоев населения, среди которых женщины до последних десятилетий не занимались самостоятельным трудом. Разложение средней и мелкой буржуазии, рост дороговизны и недостаточная оплата труда всякого рода государственных чиновников и лиц свободных профессий, невозможность для значительной части женщин найти «обеспечение» в замужестве, рост общественной сознательности среди женской части населения—все эти факторы, обостренные войной, привели к тому, что и эти женщины «без профессии» вошли в ряды трудящихся, заполнив ряды служащих всех категорий.

«Прошло то время,—пишет проф. Г. Ренар,—когда гордость родителей состояла в том, что они при регистрации брака своей дочери в мерию могли отметить: «мадемуазель без профессии». В настоящее время родители сами толкают своих дочерей к самостоятельному заработку, и дочери сами не меньше своих родителей понимают, что обладание хорошо оплачиваемой профессией является лучшим средством найти мужа»¹. Современная семья не в состоянии жить на один заработок «главы семьи». Это признают и буржуазные экономисты.

Именно из этих слоев главным образом рекрутируются 635 207 школьных учительниц и 356 321 музыкантш и учительниц музыки в Сев. Америке и миллионы таких же учительниц, фельдшерц, клерков и т. п. служащих во всех странах.

В начале развития капитализма основная масса трудящихся женщин рекрутировалась исключительно из наиболее бедных классов населения, которые не могли дать своим дочерям никакой профессиональной подготовки. В настоящее время это дело резко меняется. Среди трудящихся женщин заметное место занимают теперь выходцы других классов населения. Чтобы получить службу хотя бы средней квалификации, нужна предварительная подготовка. А между тем не только высшее, университетское образование, но и среднее образование во всех капиталистических странах доступно только детям высших и средних классов населения. Так, в Пруссии, согласно официальной статистике 1921 года, 22,13% учеников, обучавшихся в средних школах (гимназиях и всякого рода реальных училищах), принадлежали высшим классам населения, 67,9%—к средним и только 9,88% к низшим классам.

Из девочек, обучавшихся в соответственных школах, только 6,37% принадлежали к низшим слоям населения, 68,24% к средним классам и 25,39% к высшим классам населения. Дети рабочих составляли только 5,47% среди мальчиков и 3,4% среди девочек.

Еще хуже обстоит дело в университетах. Согласно официальному обследованию из 73 136 студентов, учащихся в германских университетах в 1924—25 г. (66 989 мужч. и 6 147 женщ.), 40% являются детьми чиновников, 37%—промышленников, фабрикантов и кушцов, 10%—лиц свободных профессий, 8%—помещиков и землевладельцев и только 1% всех учащихся в высших учебных заведениях являются детьми рабочих.

¹ G. Renard (Prof. au College de France), Du travail feminin dans les classes moyennes. Rev. écon. Intern. Vol. IV. № 1, 1924.

Совершенно другой состав учащихся у нас. Рабочие и крестьяне составляют большинство не только в средних школах, но и в высших учебных заведениях. Так, по данным приема 1925 г., рабочие составляют 32,4% и крестьяне 28,8% всех принятых в этом году студентов.

Таким образом у нас состав служащих средней и высшей квалификации все больше и больше будет пополняться выходцами из рабочей среды и в конечном счете явится одним из факторов, которые должны привести к уничтожению классово-разницы между этими слоями трудящихся в нашей стране.

В дополнение позвольте привести данные американской статистики, которые дают нам представление о происходящих изменениях в составе самостоятельного женского населения.

Из 100 трудящихся женщин в Соед. штатах Сев. Америки приходилось:

	1880	1900	1920
Домашние служащие и личное услужение	44,6	39,4	25,6
Промышленность	23,8	24,6	22,6
Сельское хозяйство	22,5	18,4	12,7 ¹
Пути и средства сообщения и торговля	2,4	9,5	10,3
Общественная служба и свободн. професс.	6,7	8,1	12,6
Клерки	—	—	16,6
	100	100	100

Вы видите, что сорок лет тому назад 44,6 из 100 т. е. половина всех трудящихся женщин была занята в качестве домашних работниц и в личном услужении. Сейчас их только 25, и то огромная часть этой категории трудящихся — негритянки.

Женщины, имеющие возможность найти другое применение своей рабочей силе, все более и более покидают эту профессию. Характерно, что из 1 571 989 занятых в народном хозяйстве Америки негритянок 790 631 (50,3%) работают в качестве домашних работниц и 612 261 (39%) в сельском хозяйстве². Уменьшается абсолютно и относительно к общему числу трудящихся женщин численность работниц в сельском хозяйстве, увеличивается абсолютно, но мало меняется относительно численность работниц в промышленности, но сильно увеличивается участие женщин в группах «пути и средства сообщения, общественная служба», и среди лиц свободных профессий растет число клерков, которые до 1910 года, по видимому ввиду незначительности их удельного веса в общей численности пролетариата, не выделялись даже в особую группу.

Какова же квалификация женского труда? Вам всем уже не раз приходилось слышать и читать, что женский труд является трудом неквалифицированным. Мы все об этом говорим. Один очень ответственный товарищ пришел даже на этом основании к заключению, что применение женского труда при наших условиях невыгодно. Но почему? Может быть, расходы по охране женского труда, по охране материнства ложатся слишком тяжелым бременем на промышленность, как думают некоторые? Нет, не потому. А видите ли «женщина у нас работает, преимущественно, как чернорабочий, а потому, естественно, физически она значительно уступает чернорабочему мужчине. В дореволюционное время промышлен-

¹ Цифры неточные, ибо последняя перепись произведена была зимой, а в предыдущие годы летом.

² Facts about working women. Un. St. Department of Labor. Bulletin of the Women's Bureau, № 46.

ность, привлекая женщин к работе, значительно ниже оплачивала ее труд, примерно в размере 40—50% от заработка мужчин. В настоящее время в оплате чернорабочей силы при повременной системе разницы обычно не делается, а потому применение женского труда в настоящих условиях его оплаты экономически перестает быть выгодным»¹.

Такой подход к вопросу не выдерживает критики.

Применение женского труда, конечно, выгодно и у нас: на это указывает его дальнейшее расширение. Он выгоден не потому, что женщина подвергается эксплуатации, как в капиталистических странах, а потому, что в некоторых областях труда женщины доказали свою способность и умение работать. Он так же выгоден, как и труд мужской. Но самим женщинам, конечно, не выгодно оставаться на том уровне квалификации труда, на котором они находятся по настоящее время. Выделяются, правда, отдельные группы женщин квалифицированных работников по всем отраслям труда, но количественно по отношению ко всей массе трудящихся женщин эти группы незначительны.

Вопрос о повышении квалификации женского труда поднимается всюду во всех странах, в особенности остро стоял этот вопрос по окончании войны. Наученные горьким опытом, женщины убедились в необходимости большей подготовки к профессиональному труду. § 145 Германской конституции, наряду с обязательным бесплатным общим образованием для всех детей до 14-летнего возраста, провозглашает и обязательность дополнительного специального обучения до окончания 18-летнего возраста. Таким образом признана необходимость подготовки всего подрастающего поколения — и мальчиков, и девочек к профессиональной деятельности, к выполнению общественно-необходимого труда в общественных процессах производства. Тов. Кржижановский в докладе, читанном здесь в Академии, заметил, что некоторые экономисты указывают на необходимость подготовки всего подрастающего поколения к профессиональной деятельности. Об этом говорят сейчас не только «некоторые экономисты».

Правда, все эти разговоры и торжественные обещания пока что остались только на бумаге. Как пишет в своем докладе Ежегоднике за 1925 год Всегерманское объединение Профсоюзов, точных данных о состоянии профессионального образования не имеется: этими школами, по всей вероятности, охвачено не более 10% девочек. Если в первое время после революции были устроены школы, где мальчики и девочки обучались различным профессиям, то в настоящее время большинство этих школ прекратило свое существование, оставшиеся школы для обучения женщин производственному труду выродились в школы по обучению девочек домоводству. В Германии ведется до сих пор большая агитация за то, чтобы каждая девочка подготавливалась к роли домашней хозяйки, чтобы каждая женщина была приспособлена к ведению домашнего хозяйства. И вот все остатки этих школ выродились в школы по домоводству. Девочки 14 лет кончают народные школы, а затем попадают на год в школы, где их обучают домоводству. Что каждая женщина обязательно должна быть хорошей домохозяйкой, твердо убеждены и вожди германского профдвижения.

Указывая на всякие трудности, возникающие с профессиональным обучением девочек, на нехватку мест для приложения обученной женской рабочей силы, они пишут: «к этому надо прибавить, что профшколы для девочек, по-

¹ А. Халатов, К вопросу о производительности труда. Гиз., 1925, стр. 45.

сколькx они еще существуют—обычно должны учитывать и то обстоятельство, что значительной части работниц в дальнейшем когда-нибудь понадобятся знания по домоводству, а в том возрасте, для которого обязательно профессиональное обучение, трудно предвидеть, как сложатся обстоятельства для каждой из них. Идеальным нужно было бы считать тот метод, при котором, если не все девочки, то по крайней мере те, которые не выбрали и не обучаются домоводству, как профессии, обучались двум профессиям¹.

Но этот «идеал» не осуществим, ибо девочки по окончании школ ищут работы для заработка, родители против того, чтобы девочки тратили столько лет на обучение. Кроме того, и самим девочкам такой метод невыгоден, ибо тогда они только по окончании школы по домоводству, т. е. с 15-ти лет, смогут обучаться определенной профессии в то время, как мальчики попадут туда в 14-летнем возрасте. В настоящее время ищут выход в том, чтобы в профессиональных школах девочек обучали и домоводству. Пока что вопрос об обязательном профессиональном обучении девочек, как видите, остается только в области проектов.

Таким образом мы приходим к выводу, что квалификация труда широких масс работниц немногим повысилась в сравнении с довоенным временем.

И у нас в этом отношении пока не лучше. Профессиональное образование пока еще мало развито; оно охватывает только незначительную часть подрастающего поколения, но в этих рамках пролетарское государство берет на себя защиту трудящихся женщин. Во всех учреждениях профессионального образования женщина составляет 35% учащихся. Характерно, что процент женщин в высших и средних учебных заведениях выше чем в низших. Женщины составляют 31,1% среди учащихся вузов, 39,5% в техникумах и только 20,4% в школах фабзауча, а из 68 972 учеников индивидуального и бригадного ученичества в ценовой промышленности 18 581 женщина, т. е. 26,4%.

Большинство учащихся женщин и у нас, и в капиталистических странах все еще выбирают старые, «испытанные» женские профессии: педагогику, медицину, музыку, театральное искусство, социально-экономические науки. Только незначительная часть женщин учится в высших и средних индустриально-технических школах.

Известно, что педагогическое дело во всех странах более, чем на половину находится в руках женщин. Недаром правительство Индии в своем официальном отчете объясняет плохое состояние первоначального образования, огромный процент неграмотных в стране тем, что там мало учительниц. В культурных странах всеобщее обучение стало, мол, возможным только потому, что три четверти учительского состава в начальных школах составляли женщины. Мы думаем, что не только отсутствие достаточного количества учительниц служит причиной плачевного состояния народного образования в Индии. Для этого имеются более глубокие причины. Но интересно во всяком случае, что официальные круги объясняют этот факт тем, что не находят женской рабочей силы для выполнения этих обязанностей.

Несмотря на то, что педагогика является «женской» профессией, огромная часть женщин и по настоящее время являются преподавателями низших народных школ. Чем выше школа, тем меньше преподавателей женщин. Так, у

нас среди преподавательниц школ первой ступени женщины составляют 63,4%, а второй ступени только 38,2%.

А среди профессоров и совсем мало. Так, на днях в газетах промелькнула заметка о составе научных работников. Оказывается, что из 5 307 научных работников московских вузов только 721 женщина и из них всего лишь 8 являются профессорами (мужчин профессоров 1 028).

Казалось бы, что и рост женского труда, и внедрение его во все отрасли народного хозяйства и все увеличивающееся количество замужних женщин среди работающих должны были привести к уничтожению старых предрассудков, что женщина работает только до замужества, должны были привести к признанию за женщиной «права на труд», права на самостоятельное, независимое в материальном отношении от мужа существование. Однако это далеко не так.

Несмотря на развитие промышленности, расширение производства, во всех капиталистических странах растет и армия безработных. Безработица достигла колоссальных размеров. И вот время от времени подымается вопрос о борьбе с безработицей путем сокращения женского труда.

Не за счет женского труда вообще. Сейчас вопрос так не ставится: во-первых, капиталисты сами на это не пойдут, ибо женский труд—до сих пор самая дешевая рабочая сила и притом в некоторых отраслях промышленности незаменим, во-вторых, и работницы не останутся к этому вопросу безразличными, потому что значительная часть их не только совершенно самостоятельны, но очень часто еще поддерживают семью. Таким образом от безработицы пострадают не только они сами, но и их семьи.

Вы знаете, что женщин сейчас больше, чем мужчин, и в особенности в работоспособном возрасте. До войны во всей Европе было больше женщин на 5 200 000. После войны на 15 000 000. В одном Советском союзе на 5 000 000 женщин больше, чем мужчин. Из 147 000 000 жителей СССР приходится 71 000 000 мужчин и 76 000 000 женщин. В Германии на 1 000 мужчин приходилось в 1910 г. 1 029 женщин, а в 1925 г.—1 073, в Англии в 1911 г.—1 068, а в 1921 г.—1 095. В брачном возрасте от 25 до 40 лет дело обстоит еще хуже. Так, в Бремене, например, в 1910 г. на 1 000 мужчин приходилось 941 женщина, а в 1925 г.—1 186.

На основании этих данных один исследователь положения Англии пришел к заключению, что в Англии назревает кризис, который, может быть, является более грозным и будет иметь более серьезные последствия, чем имела последняя война,—это так называемая проблема незамужних женщин, не имеющих возможности выйти замуж, которые должны искать самостоятельного заработка. В виду этого трудно говорить о запрещении женского труда вообще.

Некоторые выезжают на том,—как это имеет место в Германии,—что в одной семье должен работать только один человек. Этим человеком должен быть, конечно, мужчина. Недавно в одном германском журнале один ученый писал о том, как избавиться от безработицы. Речь в данном случае идет о служащих. Капиталисты уволили почти всех стариков, в силу этого создался кризис среди служащих старше сорока лет. Правительством создана даже специальная комиссия, которая должна выработать меры борьбы с создавшимся положением. Как известно, в сорок лет у человека обычно имеется семья, поэтому страдает от безработицы не только один человек, а вся семья. Вот что пишет этот ученый, он многим из присутствующих вероятно известен, как чиновник министерства труда и сотрудник «Soziale Praxis». Он пишет: «Одной из двух основных групп, которые несправедливо

¹ Jahrbuch 1925 des Allgemeinen Deutschen Gewerkschaftsbundes, стр. 141—2.

отнимают хлеб у остающихся без работы служащих, являются люди с так называемым двойным заработком (Doppelverdiener), т. е. члены семьи, которые без особой нужды зарабатывают наряду с главой семьи: если зарабатывает жена, когда муж находится на хорошей службе, или если дочь занимает место в бюро, когда родители хорошо зарабатывают. В социальных интересах, во всяком случае, желательнее, чтобы эти жены и дочери не отнимали работу у самостоятельных служащих. Поскольку существует излишек в рабочей силе, этим членам семьи лучше заняться полезной работой в домашнем хозяйстве, в котором существует неограниченная потребность в дельной рабочей силе. Министр труда уж давно обратился к союзам предпринимателей с настоятельным указанием заменить этих людей с двойным заработком безработными¹.

Надо сказать, что редакция в примечании к статье высказывается против запрещения труда взрослым дочерям, но не возражает против снятия со службы жен. Что жена не должна работать, признается нормальным явлением. Следует признать, что Поттоф вносит предложение о запрещении совместительства и для мужчин. Есть много работников, имеющих определенную службу и кроме того занимающихся еще литературным трудом. Пусть люди, — говорит он, — которые имеют службу, не занимаются литературным трудом. Люди, которые могут жить, ведя домашнее хозяйство, должны заниматься только им, а мужчины служащие, вместо того, чтобы писать книги, могут работать в саду, заниматься полевыми работами и т. д.

Германский рейхстаг еще в 1925 году принял решение, в силу которого замужние женщины, находящиеся на государственной службе, могут быть уволены, если они, по мнению надлежащих инстанций, «экономически обеспечены», т. е. если доходы других членов семьи являются достаточными для содержания семьи.

Вы видите, что здесь создается особая теория совместительства. Поттоф и министерство труда считают, что литературный труд является совместительством, что если женщина замужем, то должен работать ее муж, а не она. Надо сказать, товарищи, что недавно и в Москве одна весьма авторитетная организация издала циркуляр, в силу которого всем женам ответственных работников надо было оставить работу. Если ответственная организация издает подобного рода циркуляры, то неудивительно, что на этой почве могут происходить всевозможные курьезы. Недавно в наших газетах напечатана была такая заметка. Я уже указала, как мало женщин получают техническое образование. И вот одной из этих немногих работниц удалось окончить институт инженеров путей сообщения. Окончив институт, она поступила на завод, у нас здесь, в Москве. Вдруг, в один прекрасный день, она получает известие, что ее увольняют, что ей отказывают от работы. Почему, спрашивает товарищ, сообщивший этот факт. Может быть, она плохой инженер? Нет. За ней числится другая, более тягостная вина, в которой она не оправдывается до конца дней своих. Она, Бабичева — женщина. Вот причина ее увольнения. В справке, данной администрацией, мы читаем, что из числа инженеров-конструкторов равной квалификации товарищ Бабичев намечена к сокращению, как находящаяся в более благоприятных, по сравнению с остальными, материальных условиях, как имеющая мужа, состоящего на службе.

¹ Dr. Heinz Potthoff, Not und Sicherung der älteren Angestellten und geistigen Arbeiter. «Soziale Praxis» 1928, Heft 9.

Это, товарищи, происходит здесь у нас, в Москве. Недавно один завод обратился в университет с заявлением, что нужен работник на постоянную работу, но непременно мужчина. В требовании не говорится о том, что нужен работник такой-то квалификации, такой-то специальности, работник определенной квалификации, а именно мужчина. Вы видите, товарищи, что по этому вопросу необходимо поработать, очевидно в этой области еще много недочетов.

Наряду с теми фактами, которые говорят о том, что женщин выталкивают из производства, мы вдруг наталкиваемся на статью, помещенную в центральном органе наших профсоюзов под заглавием: «Дорогу — мужчине». Раньше все говорили дорогу — женщине, а теперь вдруг пишут дорогу — мужчине. В чем же дело? Оказывается, что на одной из фабрик по производству обуви, — мы знаем, что в кожевенной промышленности развитие техники, рационализация страшно упростили процессы труда, а потому там очень сильно начал применяться женский труд, как у нас в СССР, так и в Англии, и Америке, — на «Скороходе» работает около 6 000 рабочих, из них 54% женщин, — причем некоторые отделения всецело находятся в руках у женщин. В связи с безработицей туда, в эти отдельные «женские» категории труда, направились рабочие. Мужчины просили принять их на работу, но их не принимали: это, мол, женская работа, и только женщины должны здесь работать. «Биржа труда» направляла рабочих на фабрику, но фабричная администрация упорно отказывалась принимать их и возвращала обратно, требуя присылки женщин, или же в требованиях на рабочую силу прямо указывалось, что нужны только женщины. Это мне напоминает случай, о котором сообщает Беатриса Вебб. Когда в английской кожевенной промышленности были введены новые машины, союз кожевников на вопрос — могут ли на этих машинах работать женщины, ответил, что об этом и речи не может быть: мужчины работали в этих отделениях раньше, будут продолжать работать и теперь, это была и есть мужская работа. В Англии мужчины не допускают женщин работать, а у нас женщины мужчин. Но лучше ли это? Казалось бы, что у нас, в СССР, таких нелепых выходов не может быть.

Но почему, по каким причинам, отдается предпочтение женскому труду? Судя по корреспонденции, хозяйственники руководствуются теми же мотивами, что и бывшие фабриканты. Как об'ясняла старая фабричная инспекция рост женского труда в текстильной промышленности? Женщины вытесняют мужчин потому, что они сговорчивее, скорее идут на уступки, соглашаются на большую интенсификацию труда, соглашаются на меньшую зарплату и т. д., и т. д. Все это вполне верно по отношению к капиталистическому обществу, но сейчас?

Чем об'ясняется упорство фабрик и нежелание принимать мужчин — спрашивает и корреспондент «Труда». С одной стороны, здесь играет роль консерватизм: работали, мол, на этих операциях женщины, отчего же заводить «новшества»? А с другой, — есть скрытое нежелание принимать мужчин потому, что они «более требовательны», могут проявлять недовольство размерами зарплаты, разрядом и т. д. А женщины на этот счет «сговорчивее». Это было напечатано 22 апреля 1928 г., т. е. несколько дней тому назад в газете «Труд». А ведь у нас, в советской стране нет разницы в оплате труда между мужчиной и женщиной, труд оплачивается по тарифу, разработка оплаты идет через профсоюзы. Нужно ли прибавить, что в нашей стране подобного рода формулировки или об'яснения недопустимы. Я думаю, что стоило бы обратиться к Ленинградскому совету профсоюзов с просьбой выяснить, чем об'ясняется вся эта история. Когда подходят к

вопросу о применении женской рабочей силы, часто не думают, а берут старые положения, старые отношения, как они сложились в дореволюционное время. А иногда издаются совершенно безграмотные в этом отношении вещи. Союзом металлистов издана была книжка «Профессиональный состав ВСРМ в 1923 г.», в которой, между прочим, дается такое объяснение развитию женского труда в металло-промышленности у нас и в Западной Европе. У нас женщина работает по нужде, а в Англии женщины устремились в металло-промышленность в целях женского равноправия.

Таких суждений, показывающих, как велика еще неразбериха в этом вопросе у нас, можно было бы привести еще не мало. Но как бы ни относились те или другие группы населения к женскому вопросу, как бы ни оценивал тот или иной директор в нашей стране, та или другая группа предпринимателей в капиталистических странах женскую рабочую силу, численность женщин в производстве и в общественных процессах труда вообще неизбежно будет увеличиваться. Ибо развитие, женского труда диктуется всем ходом экономического и технического развития, и нечего бояться, что проведение «равной оплаты труда за равный труд», что проведение специального законодательства по охране женского труда, могут приостановить рост применения женской рабочей силы. Но вместо квалифицированного труда в промышленности все более будет применяться труд неквалифицированных, труд необученных. И это, конечно, не только по отношению к работницам.

Вам, вероятно, известны факты, приводимые в нашумевшей книжке Форда. Из 7 882 разнородных функций, которые выполнялись на его автомобильных заводах «949 были обозначены, как трудная работа, требующая абсолютно здоровых, сильных людей; 3 338—требовали людей с нормально развитой физической силой. Остальные 3 595 функций не требовали никакого телесного напряжения; они могли бы выполняться самими хилыми, слабыми мужчинами и даже с одинаковым успехом женщинами или подростками. Эти легкие работы были классифицированы, чтобы установить, какие из них требуют нормального функционирования членов и органов чувств, и мы констатировали, что 670 работ могут выполняться безногими, 2 637—людьми с одной ногой, 3—безрукими, 715—однорукими, 10—слепыми»¹.

Работы, которые могут выполняться безногими, безрукими и слепыми, могут выполняться, конечно, и женщинами.

Как же обстоит дело с квалификацией труда в этой области промышленности? «Для обучения различного рода работам требуется следующая затрата времени: для 43% общего числа работ достаточно одного дня, для 36%—от одного до восьми, 6%—от одной до двух недель, 14%—от месяца до года, 1%—от одного до шести лет. Последнего рода работа, как, например, изготовление инструментов и паяние, требует и совершенно особого искусства»². На работах (14%), для обучения которым требуется от одного месяца до года, женщины составляют ничтожный процент, а на работах, на которых срок обучения длится от одного года до 6 лет, женщин совершенно нет. Последние данные германской статистики показывают, что среди технического персонала женщин всего 4,1%, а среди мастеров и инспекторов только 1% женщин.

¹ Генри Форд, Моя жизнь, мои достижения, Изд. «Время» 1926 г., стр. 129.

² Там же, стр. 132.

Следует ли из этого, что современные методы, современная техника облегчает труд рабочих? Далеко не так.

Мне приходилось говорить с работницами швейной промышленности. Надо сказать, что наши работницы не привыкли еще к конвейеру, не привыкли к «американскому» темпу труда: «в голове шумит»,—говорят они. Текстильщицы, работающие на автоматических станках, жалуются, что трудно работать, голова болит. Современный тип работы требует особого нервного напряжения.

Недавно тов. Н. К. Крупская в своем докладе сообщала, что один из рабочих рассказывал ей, как он, подучившись политграмоте, вернулся на завод работать. Его квалификация значительно повысилась, и он стал гораздо лучше справляться со своей работой. Для повышения квалификации своего труда, современному рабочему необходимо поработать над повышением своего образования, над расширением своего умственного развития. Один из известных знатоков промышленности указывает, что разница между рабочим, работающим в механическом ткачестве, и конторщиком или счетоводом не так уж велика. Потому что работа на механическом станке требует значительного повышения качества труда, повышения внимания, четкости приема на работе, словом, требует умственного напряжения.

«Механическое прядение на селъфакторе с 900—1 040 веретен при числе оборотов их от 5 000 до 1 200 в минуту, требует много напряжения внимания рабочего, чем ручная «самопрялка». Механическое ткачество при работе на двух и до шести станков или на 8—20 автоматических станках дает в Англии и Соед. штатах на одного ткача в неделю выработки от 600—2 400 аршин ткани на первых и до 8 000 аршин на вторых. Очевидно, здесь требуется и иное напряжение внимания, иной темп операций, чем на ручном ткацком станке. Оно требует значительного повышения качества труда в отношениях: 1) *внимания и бдительности*; 2) *отчетливости и систематичности приемов работы. То мускульное напряжение*, которое характеризовало производство на низших стадиях его технического развития, в некоторых отраслях сохраняется и даже форсируется теперь, но в общем все более и более заменяется *нервным напряжением*. Когда рабочий наблюдает за быстроходной машиной, когда он должен улавливать слухом, зрением или комбинированным ощущением недочеты работы, ориентироваться в их месте и причине, и возможно быстро исправлять,—труд физический все более и более приближается к умственному, и граница между ними сглаживается. В современной промышленности обстановке вопросом является, кто несет больше физического труда: машинист или электрик, наблюдающий за работой паровой турбины или же конторский переписчик на машине, счетовод, чертежник и т. д. Между тем нервное напряжение действует на физически здоровых, но интеллектуально неразвитых людей часто более утомляюще, чем тяжелый физический труд»¹.

На то же явление указывают Уваров и Лялин в своей работе: «Охрана жизни и здоровья работающих». Один из них врач, другой инженер-технолог, фабричный инспектор. Они доказывают, что между ткачом, работающим на ткацком станке, и профессором, который из года в год читает одни и те же лекции, нет большой разницы, неизвестно, для какой из этих работ требуется большее умственное напряжение.

¹ Проф. В. И. Гриневецкий, Послевоенные перспективы русской промышленности, Москва, 1919 г., стр. 155.

Вы видите, что этот вопрос требует совершенно другого подхода. Чтобы поднять квалификацию женского труда, квалификацию труда женщин-работниц, надо, кроме профессиональной подготовки, обратить еще и внимание на развитие их умственных способностей, на общее развитие, на образование вообще.

И еще. Необходимо ли для того, чтобы оставить женщину в производстве, чтобы, как это многим кажется, не выталкивали женщину из производства, ставить вопрос о нарушении нашего законодательства по охране труда? Некоторые товарищи считают, что охрана женского труда, за исключением специальных законов по охране материнства, совершенно не нужна, что женщины могут допускаться на так называемые вредные работы, могут допускаться к ночному труду одинаково с мужчинами.

Вы все знаете, что наша партия стоит на точке зрения запрещения работ в особо вредных производствах и запрещения ночного труда для женщин. В нашей программе признается «запрещение ночного труда и труда в особо вредных отраслях, а равно запрещаются сверхурочные работы всем лицам женского пола и лицам мужского пола, не достигшим 18-летнего возраста». Когда партия принимала программу, она, как видно, учитывала не только физиологические особенности женского организма, выполнение женщиной функций материнства, но учитывала и условия, в которых женщине приходится жить и работать. Принимая положение об охране женского труда, партия во всяком случае не делала этого для того, чтобы вытолкнуть женщину из производства. А сейчас некоторые говорят, что если женщина не будет работать ночью, если она не будет работать во вредных производствах, то она будет выброшена из производства. Такая постановка вопроса в корне неправильна.

Вы, вероятно, знаете, что с'езд буржуазных равноправов в 1926 году тоже высказался против запрещения ночного труда женщин и против охраны женского труда вообще. Они говорили, что мужчины и женщины должны работать одинаково. Нам не нужна охрана материнства, говорили они, лучше улучшайте процессы труда. Вы видите, что таких взглядов придерживаются очень многие. Что касается советской России, то вспомним только выступление тов. Шмидта на последнем с'езде профсоюзов и в статье «Задачи Наркомтруда», где он говорит что женщин выталкивают из производства. Но какие причины?

«Отмеченное с'ездом и учитывавшееся еще раньше Наркомтрудом вытеснение из производства женщин и подростков выдвигает вопрос о необходимости принятия серьезных законодательных мер против этой тенденции. Изучение вопроса показало, что причиной вытеснения женщин и подростков является не увеличение накладных расходов, связанных с применением их труда, и не административное воздействие со стороны инспекции труда на хозорганы, а ограничительные законы, воспрепятствующие применению труда женщин и подростков в ряде вредных производств и профессий, в ночное время и т. п.»¹

Сравним этот вывод с тем положением, которое выдвигают буржуазные равноправки. Вот он: «Всякая интернациональная система различного законодательства для мужчин и женщин должна превратиться, невзирая на временную пользу, в тиранию и приведет в конечном счете к вытеснению работниц и уменьшению их жалования и зарплат».

¹ В. Шмидт, Задачи Наркомтруда. «Вестник труда», № 1, 1925 г., стр. 58.

Вы видите, что это то же самое, что говорит тов. Шмидт по отношению к ночному труду и вредным отраслям производства. Я думаю, что такую точку зрения нам принимать нельзя. Надо сказать, что тогда заведующие охраной труда СССР и РСФСР высказались против допущения женщин на ночную работу и за осторожный подход к вопросу о применении женского труда на вредных производствах. Тов. Каплун тогда совершенно правильно доказывал, что ночная работа плохо отражается на здоровье работниц, что работнице труднее работать ночью, чем мужчине, что производительность работницы на ночной работе ниже и т. д., и т. д.

В настоящее время тов. Каплун изменил свою точку зрения. Он читал недавно доклад по вопросу о ночном труде женщин¹, где он, доказывает, что, работая ночью, рабочий гораздо более, чем при дневной работе, подвергается действию солнечных лучей, проходящих не через стекло, что женщина как будто легче приспосабливается к нарушению обычных условий жизни ночным трудом, чем мужчина и т. д. Одним из доказательств, подтверждающих его точку зрения, он считает опрос рабочих ночных смен, проведенный Кафедрой гигиены труда 2-го МГУ, который дал следующие результаты: предпочтительность работы днем указано 93% мужчин и 87% женщин. Вредные влияния ночной работы отмечают 92% мужчин и 80% женщин. Даже из этих данных мы видим, что большинство рабочих и работниц высказываются против ночного труда, что этот вопрос так просто решить нельзя.

Исследования, правда, буржуазных ученых показывают, что при ночных работах падает производительность труда (Вернон), что рабочее время, необходимое для производства одного и того же предмета, все более повышается в поздние часы ночи (Ли). Более того. Работа на разных сменах—дневной и ночной—часто приводит к тому, что рабочий отвыкает спать и по ночам, вследствие чего падает и его дневная производительность труда. А «главная вредность» ночного труда, что признает и тов. Каплун, состоит в невозможности получить достаточный отдых после ночного труда, невозможности спокойного сна, который так необходим для восстановления сил после работы².

А между тем каждому должно быть ясно, что при тесноте и устройстве современных рабочих жилищ рабочему днем выспаться не удастся, а при современных условиях быта, когда работница, наряду с производственным трудом, должна выполнять обязанности домашней хозяйки, когда ей приходится самой следить и ухаживать за детьми, она лишается и того недостаточного отдыха, который получает мужчина.

Известно, что вся совокупность условий труда и быта работниц приводит к тому, что ее профессиональная карьера кончается к 35 годам.

Конечно, сейчас, ввиду недостатка товаров, ввиду невозможности в короткий срок построить новые фабрики, в которых можно было бы более рационально разместить всю рабочую силу, отказаться от приема женщин на ночную

¹ Нужно отметить, что работа в три смены стала применяться только недавно. Вместе с переходом к 7-часовому рабочему дню введена была третья ночная смена. Раньше только небольшая часть работниц работала ночью. Делать заключения на основании нового опыта довольно затруднительно, ибо никаких исследований не было.

² См. Prof. Dr. Arnold During, Die Theorie der Ermüdung и Die Ermüdung im praktischen Betrieb. Körper und Arbeit. Handbuch der Arbeitsphysiologie. Herausg. von prof. Dr. Edgar Atzler. Leipzig, 1927.

работу трудно. Применение женского труда вызывается необходимостью. Но зачем эту необходимость превращать в добродетель, зачем говорить, что «ночная работа отражается на организме здоровой женщины в такой же степени, как на организме мужчины» и «что запрещение ночного труда женщинам является для нас до известной степени роскошью».

Такая защита ночного труда вредна не только нам, но приносит вред и рабочему движению в капиталистических странах. Ибо борьба за недопущение женщин к ночному труду началась на заре рабочего движения, и запрещение ночного труда для женщин работниц является одним из немногих законов, который более или менее проводится в крупных капиталистических странах Европы. Требование о закреплении этого закона выставлено и последним съездом Профинтерна. Входящие в Профинтерн союзы призывают рабочий класс во всех странах вести борьбу за проведение всех мероприятий по охране труда, проводимых в нашей республике, и в том числе и за запрещение ночного труда для женщин.

В своей агитации, в своей пропаганде, мы должны указать причины, вызвавшие необходимость применения женского ночного труда, но в то же время не запутывать вопроса, а указывать на желательность перехода к дневной работе, доказывать, что при первой возможности пролетарское государство примет все меры для уничтожения ночного труда вообще и женского в первую очередь.

Известно, как трудно перевести на дневную работу беременных и кормилок, какие споры вызывает этот вопрос на наших фабриках. Тут большую роль играет несознательность наших работниц, неосведомленность наших рабочих в вопросах охраны труда. Нередко и сами заинтересованные отказываются от перехода на дневную работу. Так, на прядильной фабрике имени Вагжанова в Твери, — как сообщает «Экон. жизнь», — кормилки и беременные отказались перейти на дневную работу, ибо переход понижает их зарплату (отмена ночных) процентов на 5 и, кроме того, переход этот не встречает сочувствия со стороны остальных рабочих и работниц. Даже там, где переход на дневную работу возможен, работницы, не понимая вреда ночного труда, ибо вредность эта сказывается не сразу, а подтачивает силы постепенно, часто отказываются, как мы видим, от такого перехода. Недавно в «Голосе текстилей» сообщалось, что работницы одной из фабрик заявляли, что они предпочитают работать ночью, ибо днем открыты все базары, магазины, можно все купить; ночью, поработав, а днем можно выполнить все домашние дела.

На днях я, к своему удовольствию, прочла в газетах, что запрещены подземные работы для женщин и что союзами приняты меры для перевода женщин на более подходящие для них работы. А ведь многие не только требовали сохранения женщин на этих работах, но требовали закрепления за женщиной профессии горнорабочего, требовали установления определенного процента мест в школах ученичества горной промышленности для девушек. И под давлением представителей женотделов профсоюзы все эти требования приняли. Но эти два года привели союзы к убеждению, что проведение такого рода «равноправия» не приносит пользы рабочему классу. Я убеждена, что то же повторится и по отношению к ночному труду.

Что же делать, чтобы женщины выполняли посильную работу и чтобы их не «выталкивали» из производства? Я думаю, что для этого нет необходимости нарушать наше законодательство по охране труда. Наоборот, необходимо обратить внимание Наркомтруда и ВСНХ на этот вопрос. Чем серьезнее отнесутся эти организации к вопросу о рациональном размещении рабочей силы, чем вниматель-

нее они подойдут к вопросам охраны труда, тем скорее будет проведено оздоровление труда в промышленности, тем скорее будет уничтожен и ночной труд для женщин.

Нужно придерживаться нашей программы, которая стоит на точке зрения запрещения ночного труда для женщин.

Кроме того, надо проводить в жизнь и другое положение нашей программы из области общеполитической. Если нам удалось так или иначе втянуть женщину в производственную и политическую жизнь, то в этом деле большую роль сыграли агитация партии и ее просветительная работа. Но еще мало сделано в смысле разъяснения значения женского труда для реорганизации старых условий жизни. В этом отношении среди рабочих, а часто даже среди ответственных работников, можно встретить неправильные взгляды. Здесь нужна еще большая работа со стороны партии. Нельзя, конечно, предоставить эту работу женотделам. Поскольку эта работа ведется отдельными группами населения и отдельными группами партии, рабочим всегда будет казаться, что дело касается одной только части рабочего класса, что вся партия в этом не заинтересована. «Задачей партии является в настоящий момент преимущественно идейная и воспитательная работа над тем, чтобы уничтожить до конца все следы прежнего неравенства или предубеждения, особенно среди отсталых слоев пролетариата и крестьянства».

Если мы эту работу проведем, если у нас будет поставлена более широкая просветительная, более широкая разъяснительная работа, мы эту косность преодолеем. Тогда не будет такого положения, что замужняя женщина, которая училась, которая работала в определенной области, приобрела соответственную квалификацию, должна оставить работу только потому, что имеет счастье или несчастье быть женой работающего мужа. Нам нужно не забывать старой испытанной тактики, которая изложена в нашей программе, и тогда мы сделаем гораздо больше и достигнем куда больших успехов в деле применения женского труда и в деле участия женщин в общественной работе.

А. Рязанова

НА ПУТЯХ К МАРКСИСТСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

(Н. Я. Марр. Яфетическая теория. Общий курс учения о языке. Изд. Восточного факультета Азербайджанского государственного университета им. В. И. Ленина. Аз. Гиз, Баку, 1928. VIII, 156 стр.).

«Яфетическое языкознание... с трудом высвобождается последние годы из пелен буржуазного мышления и соответственно построенной методологически научной работы».

Н. Я. Марр. Классифицированный перечень печатных работ по яфетиологии.

До самого последнего времени яфетическая теория¹, созданная академиком Н. Я. Марром, насчитывающая уже сорок лет своего непрерывного прогрессирующего развития², остается, по-истине, terra incognita не только для широких слоев читающей публики, но даже и для узких кругов специалистов, работающих в области общественных наук. Это, к сожалению, относится также и к нашим товарищам-марксистам, которые вообще мало внимания уделяют вопросам науки о языке, всецело предоставляя эту одну из важнейших и интереснейших частей общественно-научной разработки силами ученых-идеалистов с тем, чтобы самим воспользоваться впоследствии результатами их работы — готовыми обобщениями, которые в своем большинстве абсолютно неприемлемы для последовательно мыслящего марксиста. Если оставить в стороне вполне естественное в силу хорошо понятных причин замалчивание не только успехов, но и самого существования яфетического языкознания буржуазными по своей классовости и по идеологии учеными специалистами-лингвистами, которые, за исключением весьма немногих, очень дружно и организованно осуществляют старый, испытанный метод борьбы с враждебными им взглядами, проводя своеобразную «блокаду» Марра и его учеников, то одним из серьезнейших препятствий в деле широкого популяризации основных положений яфетической

¹ Термин «яфетический» всегда являлся условным, и тогда, когда он прилагался к особой группе языков, родственной семитической и хамитической («семьям»), по аналогии к которым он и взят, чтобы не нарушать единства научной терминологии, так, в особенности, и сейчас, когда он сохраняется только по традиции. По существу, в настоящее время, должно говорить не о «яфетической теории», а о материалистической лингвистике, или, как называет ее в одной своей работе сам Н. Я. Марр, «общественно-материалистической постановке науки о языке».

² Исходной работой следует считать первую печатную статью Марра (тогда еще студента СПб. университета) — «Природа и состав грузинского языка», которая появилась в № 86 ежедневной Тифлисской грузинской газеты «Иверия», от 21 апреля 1888 г.

теории нужно признать почти полное отсутствие работ, которые могли бы служить введением в изучение основных проблем материалистической лингвистики, обоснованной многочисленными изысканиями Марра.

Вся печатная литература, подводящая итоги достижений яфетиологии, сводится к четырем небольшим работам¹ самого Марра и к двум статьям проф. Н. Державина² и проф. И. Мещанинова³. Помимо присущей этим статьям сжатости, иногда доходящей до конспективности, все они страдают тем очень важным недостатком, что, по существу, отражают только вчерашний день яфетической теории, не поспевают за ее безудержным движением вперед, в процессе которого она быстро изменяется, все дальше и дальше уходя от старой буржуазной компаративной лингвистики, все больше и больше приближаясь в основных своих положениях и приемах исследования к методологии и взглядам марксизма. Во всех этих работах, вышедших в свет к 1926 году, естественно, не мог найти своего отражения последний, грубо датируемый с лета 1925 г., наиболее важный по существу и наиболее интересный для нас, марксистов, период развития яфетиологии, характеризующийся переходом с этнологической на социологическую базу, увязкой ее, как общего учения о языке, с историей материальной культуры, а тем самым и с развитием производительных сил и обусловленных ими производственных отношений, тот период, который начался с утверждения Марра, что «основной подход к разрешению... языковой проблемы возможен лишь путем изучения первобытной общественности, путем установления эволюции ее форм и мировоззрений по памятникам материальной культуры»⁴. Если для понимания истории развития яфетической теории все эти обзорные работы сохраняют и сейчас важное значение, то для полного ознакомления с современным состоянием ее они совершенно недостаточны. Несколько особо следует поместить сборник статей Марра, изданный в 1926 г. Научно-исследовательским институтом этнических и национальных культур народов Востока СССР под названием: «По этапам развития яфетической теории». В этот сборник, кроме отмеченных выше, вошли еще и другие, хотя далеко не все, важные для понимания эволюции взглядов Марра работы. Достоин сожаления, что до настоящего времени остаются не напечатанными такие капитальнейшие работы Марра, как читанные им студентам Ленинградского университета общие и специальные курсы: «Палеонтология речи», «Сравнительная грамматика сибилантной ветви яфетических языков», «Сравнительная грамматика языков семитической и яфетической систем» и др., а также два доклада: проф. В. Богаевского — «Основные проблемы яфетической теории» и

¹ Работы эти следующие: 1. Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидаании Средиземноморской культуры. Лейпциг, 1920, стр. 54. 2. Яфетиды (статья в журн. «Восток», Пг., 1922, кн. 1, стр. 82—92); 3. Об яфетической теории (статья в журн. «Новый Восток», М., 1924, кн. 5, стр. 303—336). 4. Основные достижения яфетической теории. Ростов-на-Дону, 1925, стр. 30.

² «Новое направление в истории культуры и языка». «Звезда», Ленинград, 1925, № 4(10), стр. 226—255.

³ «Основные начала яфетиологии» — «Известия об-ва обследования и изучения Азербайджана», 1, Баку, 1926, стр. 63—76 (издана также отдельной брошюрой).

⁴ Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в до-истории (К увязке языкознания с историей материальной культуры). Изд. Кавказск. Историко-археологического ин-та Академии наук СССР в Тифлисе, Ленинград, 1926 г., стр. 48.

С. И. Ковалева—«Марксизм и яфетическая теория»¹, которые несомненно, способствовали бы росту числа сторонников яфетидологии.

С появлением в свет рецензируемой нами книги, посвященной изложению общего учения о языке Марра, популяризация взглядов Марра делает, безусловно, большие успехи, так как, несмотря на крайнюю свою сжатость, курс дает полную возможность каждому прочитавшему его, даже и не-специалисту лингвисту, составить ясное представление как о задачах и методах, так и об основных достижениях материалистической лингвистики, тем более, что в книге даны два параграфа (10 и 11), посвященные технике, терминологии и транскрипции яфетического языкознания, чем весьма облегчается чтение не только данного, но и других специальных трудов Марра. В то же время эта работа подводит общий итог неутомимой сорокалетней творческой научно-исследовательской деятельности Марра.

Книга представляет собой краткий курс лекций по общему языкознанию, прочитанный в начале 1927 г. в Баку, по приглашению Восточного факультета Азербайджанского государственного университета им. В. И. Ленина. Программа курса включает в себя 51 параграф, из которых последние шесть (46—51) были не дочитаны. Последний факт является тем более печальным, что именно эти недочитанные параграфы должны были быть посвящены самым актуальным вопросам яфетидологии. В § 46 должна была быть трактована сравнительная грамматика языков различных систем (грамматика статическая-формальная и динамическая-палеонтологическая), в § 47—семантика, в § 48—образование семантических гнезд и полигенизм семантики, в § 49—взаимоотношение яфетического языкознания и индоевропейской лингвистики, в § 50—яфетидология и материальная культура и, наконец, в § 51—яфетидология и марксизм. За исключением §§ 47, 48 и 49, которые в печатном курсе, как самостоятельные разделы, выпали совершенно, изложение содержания остальных трех параграфов дано в виде сокращенного свода с пропусками. Не вошла в печатный курс также вторая часть вступительной лекции к курсу, посвященная вопросу: что такое язык².

Несмотря на свои небольшие размеры, всего около полутора ста страниц, труд Марра в буквальном смысле слова насыщен содержанием. Почти каждая фраза представляет собою богатый мыслями тезис, базирующийся на колоссальной эрудиции, реальном знании не только лингвистической, историко-археологической, этнографической и пр. литературы, но также изумительного количества непосредственных живых языковых фактов, относящихся к самым разнообразным общественно-языковым системам. Сила Марра, однако, обуславливается не одной лишь эрудицией,—гораздо важнее в этом отношении его методология, чрезвычайно близкая к диалектическому материализму, которую он сам создал в процессе своей работы, эволюционируя от идеалистическо-формальных приемов буржуазной науки к гибкому стальному методу материалистической диалектики, оружие революционного пролетариата.

¹ За время печатания нашей рецензии, доклад тов. Ковалева вышел в свет. Он напечатан в Ленинградском сборнике «Проблемы марксизма».

² Эта часть должна появиться в виде особого приложения к русскому переводу книги Карла Вейлэ «Этнология» в издании Гиз'а.

Не претендуя на исчерпывающее изложение всего содержания этой, «еросп-етачендес», как сказали бы немцы, книги, мы ограничимся только разбором наиболее важных методологических конструктивных идей Марра, не связывая себя, отнюдь, обязательством точно следовать плану, который положен автором в основу его труда.

I

Говоря о яфетическом языкознании, прежде всего необходимо иметь в виду, что в настоящее время оно раздваивается на два учения, на две исторически и органически связанные дисциплины, каждая из которых, однако, в то же время может и должна быть рассматриваема самостоятельно.

Первая составная часть яфетического языкознания—это общее учение о языке, то, к чему, собственно, и приложимо наименование «яфетическая теория».

Вторая, предшествующая ей в истории развития яфетической теории—специальное яфетическое языкознание, т. е. учение об яфетических языках, как об особой системе языков, «представляющих собой по типологии речи пережитки доисторических языков Афреврозии... и Америки с Океанией, и Австралии, и ныне ютящихся в трех горных странах, на востоке в Памирской полосе, на Западе в Пиринеях по одному языку, и на Кавказе в составе значительно многочисленной и разнотипной массы»¹.

Нас, как и Марра, в рецензируемой работе занимает сейчас только первая дисциплина—общее языкознание, построенное материалистически.

Развернувшаяся в стройную научную систему яфетическая теория, ставшая яфетическим языкознанием, синтезировала все то ценное, что было наблюде-но, установлено на практике в процессе исследовательской работы лингвистов-современников и предшествующих поколений. Дав краткий очерк развития яфетического языкознания (§§ 7—8, стр. 23—32), Марр заканчивает его указанием на то, что «яфетическое языкознание отнюдь не вылетало подобно Афине-Палладе из головы Зевса: 1) оно родилось в той же буржуазно сложенной и скроенной научной среде, более того—зачалось, разумеется, как антитеза, в нормах индоевропейской лингвистики, без которой его и не было бы, 2) оно с трудом высвобождается последние годы из пелен буржуазного мышления и соответственно построенной методологически научной работы»². С особой настойчивостью в нескольких местах книги Марр подчеркивает, что «Идеи, неразрывно связанные с языковедным построением яфетической теории, можно легко подобрать у различных писателей, даже у консервативных представителей старой лингвистической школы, не исключая ее современного столпа А. Мейе, профессора Сорбонны, тем более подобные встречи легко наблюдать с Шухардтом, материально шире, хотя и не глубоко ориентированным во взаимоотношениях языков различных систем, но и тогда, когда они выступают поборниками социологического подхода к вопросу человеческой речи (Мейе), и тогда, когда они трактуют о правильно подмеченном сродстве явлений языка различных систем (Шухардт), обычно определяемом по так наз. расовой принадлежности, с нами совпадения у них лишь в словах и отвлеченно взятых

¹ Стр. 16 реценз. книги.

² Стр. 32—33.

мыслях, отнюдь не по существу в самом языковедном построении. Такие совпадения, иногда разительные, в вопросе о происхождении языка, наблюдаются и с неокантианцем Кассирером, мысли которого в целом абсолютно не вытекают из языковедно добытых основных положений яфетической теории, оказавшихся обоснованными на историческом материализме и диалектизме. Естественно, ближе к нам в гносеологических вопросах стоят лингвисты, примыкающие к марксизму, в первую голову Людвиг Нуаре и его предшественники, а в вопросах взаимоотношений языков мира ученые по необходимости более, чем близко, вплотную подходившие исследовательски к живой речи в ее бесконечно переливающимся разнообразии, именно американцы и африканцы, как-то Boos, Rivet, Meinhoff, Schmidt и др., да часто историки материальной культуры, в числе их археологи, самими фактами наталкивающиеся, в их вынужденных высказываниях о смене языков в связи со сменой культур на такие кардинальные положения нового учения о языке, яфетического, как скрещение»¹ (Курсив наш. В. А.).

Объясняя сродством независимо выявившихся методов, или сродством в выборе продвигаемой в исследовательскую орбиту категории живых бесписьменных языков, наконец, сродством в исканиях увязки языковых явлений с историей материальной культуры и общественности и т. п., частые встречи основных положений яфетидологии с разрозненными, еще неуверенными в себе попытками отдельных ученых-лингвистов, историков, археологов и др. освободиться от власти построений старой индоевропейской лингвистики, сковывающей возможности дальнейшего научного исследования, Марр одновременно хорошо сознает, что и встреча яфетической теории с марксизмом отнюдь не является случайной. Причина близости к марксизму лежит в методологии яфетической теории. Встав на путь материалистического объяснения языковых явлений, трезво и внимательно учитывая факты, не ограничиваясь голым их описанием, но и не изобретая наскоро абстрактную научную схему, своеобразное прокрустово ложе, Марр должен был притти и пришел к марксизму. И здесь, как и в других областях науки, снова оправдалось положение, высказанное Фр. Энгельсом, что настоящее научное исследование, если оно идет вперед, а не назад, к ранее отброшенным теориям и гипотезам, «не может уже ускользнуть от диалектического обобщения». Ученый «стихийный» материалист, безбоязненно от книг перешедший к фактам живых языков, не останавливавшийся перед тем, чтобы в процессе своей работы несколько раз «изменить всю основу, если не выбросить, то перевернуть и переместить тот фундамент, на котором эволюционно возводились, ряд за рядом, кладки слой за слоем, стены нового здания—яфетического языкознания»², Марр должен был порвать с традициями старой идеалистической лингвистики, должен был стать основоположником новой материалистической науки о языке.

Оглядываясь на проделанную за сорок лет научную работу, Марр пишет: «за этот долгий исследовательский путь мы вынуждены были расстаться с целым рядом представлений, прежних, как казалось, незыблемых научных положений, о расовых языках, о существовании кустарно строившегося пра-языка, о вне исследуемой лингвистической среды за горами за долами нахо-

дившейся пра-родине тех или иных народов, да еще пра-родине с райским бытием фантастического пра-языка, о межязыковых китайских стенах, о хронологизации языковых явлений на основании письменных памятников и сосредоточении исследовательского внимания на письменных, особенно мертвых языках, в ущерб и умаление бесписьменных и живых, представляющих громадное значение для науки об языке, об исключительном значении морфологии, о неважности, во всяком случае второстепенности лексического материала сравнительно с грамматикой, о национальной или первородной племенной чистоте языков и т. д. и т. д. Пришлось постепенно расстаться со всем этим абсолютно ненужным, вредным багажом. Пришлось перенести бремя доказательств и направить острие интереса на другие явления и предметы, как-то: изначальное скрещение в звуковой речи, вместо простоты и чистоты, система вместо расы, живые языки вместо мертвых в первую очередь, идеологический анализ вместо формального, более того, качественное улучшение исследования формальной стороны идеологическим ее обоснованием, выдвижение вперед значения материальной культуры, хотя бы самой примитивной, вместо художественной стороны...»³.

Резко отмежевываясь от мистиков и идеалистов, для которых язык является то даром божьим, то первичным проявлением или органом души и т. п., и от представителей вульгарного материализма, которые рассматривают язык, как физиологическое отприродное явление, свойственное всем животным, или производят его непосредственно от трудовой техники и т. п., Марр устанавливает, что и звуковой, и предшествующий ему во времени линейный или «ручной» язык являются социальным продуктом. «Человечество сотворило свой язык в процессе труда в определенных общественных условиях и пересоздает его с наступлением действительно новых социальных форм жизни и быта, сообразно новому в этих условиях мышлению,... натуральных языков не существует в мире. Корни наследуемой речи не во внешней природе, не внутри нас, внутри нашей физической природы, а в общественности, в ее материальной базе, хозяйстве и технике. Общественность наследует, консервирует или перелицовывает свою речь в новую форму, претворяет ее в новый вид и переводит в новую систему»⁴.

Ценность и значение этого положения яфетической теории заключается не в том, что язык ею рассматривается, как социальное явление,—многие буржуазные лингвисты-индоевропейцы, прежде всего базирующаяся на социологии Дюркгейма французская школа Мейе, также стоит на этой точке зрения⁵—важно то, что, помимо констатирования факта, дается еще последовательно-материалистическое его объяснение. «Социология языка», разрабатываемая французской и американской лингвистическими школами, а также целым рядом буржуазных ученых других направлений, буквально висит в воздухе, так как самое общество рассматривается всеми ими идеалистически. Реальное познание общества, а следовательно, и верный анализ общественных явлений, в том числе и языка, для них, как и для всех прочих идеалистов, невозможно.

¹ Стр. 29—30.

² Стр. 19.

³ См. статью проф. М. Н. Петерсона, Язык, как социальное явление (в первом томе «Ученых записок» лингвистической секции Ин-та языка и литературы Ранион, М., 1927, Стр. 5—21), или книгу Р. О. Шор, Язык и общество (Изд. «Работник просвещения», М., 1926).

¹ Стр. V.

² Яфетич. Кавк., стр. 8.

В силу этого рокового обстоятельства буржуазная лингвистика, не имея возможности наличными у нее средствами разрешить проблему происхождения языка, отвергает самое существование такой проблемы, считая постановку ее ненаучной. Совсем по-иному подходит яфетическое языкознание: для него вопрос о происхождении языка не только существует и является научным, но оно считает эту проблему первоочередной, разрешение ее принимает за исходный момент в деле построения науки о языке. Этот вопрос—то диалектическое «звено», ухватившись за которое, можно вытянуть и всю «цепь» диалектически-материалистического понимания языка, и Марр хорошо это осознает, когда говорит, что «без интереса к происхождению языка не может быть никакой лингвистики, всякое учение об языке предполагает то или иное положительное отношение к этому вопросу, ту или иную концепцию возникновения языка, и только тогда специальные углубленные занятия отдельными языками могут явиться плодотворными, и чем правильнее поставлен и, разумеется, чем более и лучше освещен вопрос о происхождении языка, тем плодотворнее и вообще состоятельнее становится учение об языке, также и общее представление о взаимоотношениях языков»¹. Яфетическая теория подошла к решению, «перекинув бремя доказательств в истории языка с формальной стороны на идеологическую и создав особые в узязке с историей общественности обосновываемые отделы науки об языке, именно семасиологию, т. е. учение о значениях, и палеонтологию, учение о смене самих типов в хронологической друг с другом последовательности. Оба учения не по названию, а по существу в корне новой природы»². Таким образом основные положения яфетической теории могут быть сформулированы так: 1. Язык—создание человеческого трудового коллектива-общества. 2. Язык является одной из общественных надстроек. 3. Развитие языка, как надстройки, и конкретных языков зависит от смены общественных формаций, обусловленной развитием производительных сил. Это развитие идет революционным путем³. Характеризуя язык, как общественную надстройку, Марр говорит: «Язык во всем своем составе есть создание человеческого коллектива, отображение не только его мышления, но и его общественного строя и хозяйства—отображение в технике и строе речи, равно и в ее семантике. Следовательно, сам по себе язык не существует, весь его состав есть отображение или, скажем конкретнее, отложение, так обстоит со всеми языками различных мест и различных эпох, и, конечно, их взаимоотношения не могут представить ничего, кроме отвлеченности, и их и представить нельзя в иной, чем схематической диаграмме. Жизненные языковые явления лишь в их органической связанности с историей материальной культуры и общественностью»⁴.

II

Рассматривая эволюционно-революционный или, как часто выражается Марр, «мутационный» (отголосок биологизирующего влияния пережитого яфетидологией этнологического периода) процесс развития языков, как единый

¹ Стр. 78.

² Стр. 20.

³ Срв. стр. 21.

⁴ Стр. 79, срв. также стр. 130.

мировой глоттогонический процесс, идущий в такт с хозяйственно-социальным строительством в путях внеклассового омеждународования¹, причем движение его направлено в сторону создания единого общечеловеческого языка, яфетическое языкознание уже решило в важнейших частях вопрос о месте, занимаемом, в этом процессе всеми главными, более или менее цельно сохранившимися, системами. Все языки определяются им не как продукты независимого, так наз. расового, в разобренных районах, творчества, а «как отложения основных этапов развития человеческой речи, отвечающих основным этапам в эволюции хозяйственной жизни общественных форм и соответственной материальной и надстроечной техники»².

Еще в 1924 г. в своей работе «Индоевропейские языки Средиземноморья»³ Марр выступил с утверждением положения, что «индоевропейской семьи языков расово отличной не существует. Индоевропейские языки Средиземноморья никогда и ниоткуда не являлись ни с каким особым языковым материалом, который шел бы из какой-либо расово особой семьи языков или, тем менее, восходил к какому-либо расово особому пра-языку». Развивая в последующих своих трудах это положение, Марр распространил его и на другие группы сродных языков, отказавшись от употребления термина «семья» в пользу «системы».

Важнейшим следствием этого явилось уничтожение резкого противопоставления одной группы сродных языков другим, отказ от теории «чистых», «совершенных» и т. п. языков. Непроходимые пропасти между отдельными языками заполнились рядами переходных языковых форм, совмещающих в себе противоположные черты. Основной закон диалектики—единство противоположностей—тем самым был констатирован и в области лингвистики⁴.

Переходными оказались не только некоторые отдельные языки, как бы принадлежащие к какому-то особому промежуточному этапу развития человеческой речи, а все вообще языки, говоря словами Марра, «фактическое положение выявляет такие модальности во взаимоотношениях конкретных языков каждого в целом, что любой из них оказывается на том или ином переходном этапе развития»⁵.

Изучая проблему языка, как целого, Марр не сводит общее понятие «язык» к идентификации его с каким-либо одним, или даже какой-нибудь одной группой языков, как это делают индоевропейцы, которые превратили ряд наблюдаемых ими, но неправильно объясненных закономерностей в ограниченной группе так называемых индоевропейских языков во всеобщие законы науки о языке, насильственно укладывая бесчисленное множество живых индивидуальных явлений разнообразнейших по своим формам и конструкции языков всего мира в тесные рамки своей мертвенной схоластически-догматической классификации, вернее и попросту, грубой схемы. Яфетическое языкознание под-

¹ Стр. 30.

² Стр. 22.

³ Напечат. в «Докл. Акад. Наук», сер. В. 1924 г., стр. 6—7.

⁴ Интересно сравнить с этим чрезвычайно важное методологическое указание Фр. Энгельса на диалектику языковых фактов, разрушающую метафизику формальной индоевропейской лингвистики. См. его «Диалектику природы», Арх. Маркса-Энгельса, кн. 2, стр. 78—отрывок «Polarisation».

⁵ Стр. 10.

ходит к языку, как к единству, различая в то же время конкретные его формы, отличающиеся рядом особенностей, изучая отдельные фактически наличные в процессе исторической жизни человечества языки, беря их в «целостной их связанности—*conditio sine qua non*, т. е. условие, без которого невозможно правильное отношение к любой части самого учения или теории (яфетической, В. А.), невозможен конкретный подход к строю и системе речи, ко всем их особенностям как явлениям жизненным, а не к абстракции и схеме»¹. И конкретные языки и отдельные наблюдаемые языковые особенности не изолируются, как «исключения», которые настолько разрастаются в своем количестве при установлении индоевропейцами любого «закона», что сами рядовые, «законные» явления меняют свое качество, превращаясь в «исключения», частные случаи. Каждая особенность учитывается, но учитывается не как тот или иной лингвистический курьез, а в живой органической связи с рядом других явлений.

Поэтому-то и вопрос о классификации морфологической и генеалогической, который, подобно проблеме происхождения языка, для индоевропейцев является побочной и малосущественной частью общего языкознания, в материалистической лингвистике Марра превращается в один из важнейших, органически и неотъемлемо связанный с самими основами теории. Более того: буржуазная лингвистика до настоящего времени не может даже увязать между собой две системы классификации языковых явлений: морфологическую (по формальным признакам) и генеалогическую (по общности происхождения). Если первая из них в лингвистической компаративистике остается абстрактно-формальной, то вторая строится еще более упрощенно: сложные взаимоотношения языков учеными господствующих школ «просто и наивно сближаются до признания происхождения от особых прародителей и разлучаются до признания особых расовых семей в их так наз. родственных и неродственных чертах, собственно в схождениях и расхождениях в источнике хозяйственно-государственного порядка»².

Яфетическое языкознание проблему классификации принципиально уже разрешило, увязывая морфологические признаки, типологию того или иного языка с процессом его исторического развития, в свою очередь являющегося отражением истории развития его конкретного носителя—того общественного коллектива, который пользуется данным языком. В свою очередь, по имевшим место в конкретной действительности фактам родства или трудового и политического сближения обществ, могут быть сближаемы и самые языки. В ряде мест, материал для которых добыт долгими годами напряженной исследовательской работы, Марр показывает, что наличная в настоящее время согласованность «родство» нескольких языков, согласованность в конструктивных формах, в словаре, и даже в звуковой стороне, фонетике, является следствием не общности происхождения от одного и того же языка—прародителя Адама, а что истинная причина этого—«как бы договоренность двух сторон, двух раньше хозяйственно-коллективных организаций, каждая из которых представляет в свою очередь более тесный союз племенных единиц, также как бы договорившихся и в отношении речи в конечной форме социальной группировки»³). Так,

¹ Стр. 78.

² Стр. 78.

³ Стр. 73.

напр., наблюдающийся лингвистический факт чередования свистящих с шипящими (S || ш, t || t и т. п.)—«Это согласованность двух близких друг к другу кругов языков, двух групп, как бы договоренность двух хозяйственных коллективов, далее—двух классов, двух племенных групп»¹...

Уточняя целым рядом поправок свою первую генеалогическую таблицу языков², Марр говорит, что «по таблице можно будет подумать, что каждый язык или каждая однотипная группа языков представляет оформленное по новой системе порождение другой системы, точно процесс развития имеет узловые созидательные стоянки, различные творческие этапы, между которыми лишь прозябание. На деле же те стоянки или этапы—лишь поворотные или революционные. Они взрывают устоявшуюся среду и открывают новые пути, по которым постепенно и налаживается сложение нового типа и развитие, и на этих же путях зарождается расхождение, возникновение антитезы рядом с тезисом, дающее в итоге борьбы новое разрешение в революционном сдвиге на следующей узловой стоянке. Творчество в самом движении, не на стоянках, как не в начале, а в процессе непрерывного накопления и динамики материала»³. Процесс глоттогонии, процесс выявления типологических языковых систем идет, следовательно, по воззрениям Марра, революционно, путем развития единства, борьбы и перехода противоположностей, идет диалектически. При этом нужно иметь в виду, что особые типологические системы характеризуются не тем или иным признаком, как в буржуазной лингвистике, но совокупностью ряда явлений. В языке нет ничего постоянного, все его элементы, и звуки, и формы, и значения изменяются⁴. Вопреки старому канону сравнительного языкознания яфетидология дает многочисленные примеры того, что не только слова, но и формы заимствуются одними языками из других. Все движется, сменяется и растет.

Диалектика языка, как общественной надстройки, является только отражением диалектического развития общества. Изменения лингвистических элементов—фонетических, лексических, морфологических, семантических и др.—связаны с развитием производственных отношений. Передача—заимствование строя речи, морфологии, словаря, одним языком из других является ничем иным, как результатом общения их материальных носителей—конкретных общественных образований. Родство языков яфетическая теория объясняет не единством происхождения от кровно или так наз. расово-связанных общественных объединений, а их обеще или менее длительным общением, которое обусловило появление общих черт как в идеологической—словарной, так и в формальной части—фонетической и морфологической, «в результате чего у одних народов от такого общения менялась внешность, морфология, но не словарь, у других перемена сказывалась лишь в словаре, т. е. получается, что один и тот же язык в отноше-

¹ Стр. 73.

² Впервые генеалогическое древо языков в понимании яфетидологии было дано Марром в его статье «Über die Entstehung der Sprache» (Unter dem Banner des Marxismus, 1926, январь, стр. 558—599). Перевод этой статьи помещен в уже указанном нами выше сборнике статей «По этапам развития яфетической теории», стр. 286—335. В рецензируемой работе вопросу генеалогической классификации посвящены §§ 13—30 (стр. 40—80).

³ Стр. 76—77.

⁴ Индоевропейская лингвистика признает изменчивость только звуков и значений.

нии внешней типологии может родниться с одной группой языков, а в отношении словаря с другой группой языков»¹.

Как далеко отстоит это мощное диалектическое разрешение Марром проблемы генеалогической классификации языков от метафизических, узко-формальных попыток компаративистики!

III

Последовательно применяя свой материалистически диалектический метод к исследованию при помощи данных палеонтологии языка древнейших эпох человеческого общества, Марр выдвигает колоссальной важности для социологии тезис, что «первоначальные объединения... коллективы хозяйственно-общественно возникающие, агнатические, а не по крови, не когнатические, не по сродству крови, а по общности интересов и общности территориально определяемой техники для их удовлетворения»². В связи с этим Марр, окончательно порывая с буржуазным суррогатом обществоведения—этнологией, считает невозможным пользоваться при изучении начальных стадий и форм общественного развития всякими названиями объединений по крови, как-то—«*tribus*», «племени» и др.

Яфетическая теория совершенно отрицает существование когда-либо пра-языков, создаваемых идеалистическим языкознанием этих «Адамов», положенных краеугольными камнями в основу сравнительного изучения языков. Дело обстоит как раз наоборот: процесс глоттогонии идет не от единого пра-языка к все более и более дифференцирующимся отдельным членам такого языкового «рода», «семьи», а от первичной множественности к создаваемому усилиями всего трудящегося человечества на основе вовлечения и преобразования отдельных общественно-хозяйственных коллективов в единое бесклассовое коммунистическое общество, единому общечеловеческому языку.

Углубляя развитое Л. Нуаре, его предшественниками и последователями и вульгаризованное А. Богдановым положение о том, что происхождение языка причинно связано с процессом человеческого труда, Марр, на основании добытых при помощи палеонтологии речи данных, утверждает, что звуковой, фонетической речи предшествовала речь линейная, кинетическая или ручная, так как начало языка связано с появлением руки, которая являлась, с одной стороны, *продуктом труда*, а с другой—*орудием* этого труда.

Орудиями производства в кинетической речи являлись мимика и жесты, причем господствующую роль играла рука. «Роль руки, как основного объединяющего или организующего орудия речи, громадна. Рука в центре языковой жизни человечества так же, как в центре производства трудовой его жизни. На ней, руке, лежали все те функции, которые впоследствии отправлялись «камнем», «металлом».

И, понятно, длительное господство кинетической речи создало определенные ценности, завещанные следующим поколениям на неизбежное использование в возникшем у них звуковом языке»³.

¹ Стр. 63.

² Стр. 7.

³ Стр. 94—95.

«Была ли кинетическая речь даром природы? Или и она также стяжение трудовой жизни человечества?», спрашивает Марр и отвечает: «Сравнительно с звуковой речью кинетическая речь более, несомненно, натуральна, у основного орудия производства кинетической речи, руки, более непосредственная или наглядная связь с центром мышления, более непосредственная, физическая. Добрая часть кинетической речи могла происходить на начальной стадии ее развития автоматически, под влиянием аффекта, без способности воспринять последствие и причину и их связь, без надобности в мышлении, самопроизвольно, как акт физической деятельности плоти, ставшей носительницей человеческого образа с способностью к движению и передвижению, но тогда эта плоть, это физически человекообразное тело и не было человеческим, тогда не было еще человечества ни, конечно, и признака человечности, наоборот, постоянное хотя бы самопроизвольное повторение одного и того же действия или немногих сходных действий руки и содействовало техническому развитию и укреплению мышления путем накопления определенных навыков, становившихся постепенно, в связи с производством первобытного хозяйства, и создателем представления о причине и последствии, нормирующим началом, выразителем представления и причинности. В сумме эти повторные рефлексивные, накопленные навыки человеческого тела и его хозяйственно-общественной работы в их увязке, увязке физики с социальным творческим моментом создавали особую психологию первобытного человечества, психологию, отличную от животной. Длительное господство кинетической речи, многие десятки, если не сотни тысяч лет, и явилось источником создания мыслей и укрепления их работы, причем, если технически тут действовала рука, идеологически все зависело от общественности, следовательно, в конечном итоге и от хозяйственного строя, уже продуманного или планового хозяйственного строя, который осуществлялся хотя и без искусственного орудия производства, но с искусственным использованием натуральных предметов производства окружающей физической среды. Следовательно, даже кинетическая речь предполагает некий трудовой процесс как предпосылку его развития. И с кинетической речью развивалось в свою очередь общественное мировоззрение, не исключая и культового или магии, не исключая представления о таинственной силе и потребности с нею общаться, ее улаживать и ее чувствовать. Однако, при отсутствии звуковой речи все выявление своего отношения к неведомой силе не для забавы или непроизвольного экстаза, а в интересах намеченного производства у первобытного человечества могли сводиться лишь к уподоблению себя ему, его воплощению в себе движением тела и звуко-испусканием и неистово или уравновешенно, внесением размерности нормирующего такта, т. е. в конечном результате дело могло сводиться неразлучно к пляске с пением и музыкой. Ясное дело, что и в этих своего рода колдованиях, независимо от технически необходимых движений наравне с прочим общим телодвижением, в частности, и движением ног, руки играли и роль организующего или руководящего начала. Руки, вообще, являлись решающим моментом в новом, отличном от норм животных, направлении жизни человечества»¹.

Мы привели эту длинную выписку для того, чтобы, с одной стороны, показать, как далеко отстоит позиция Марра в этих вопросах от взглядов Л. Нуаре

¹ Стр. 88—89.

и, уж конечно, от идеалистической теории, развитой В. Вундтом, а с другой стороны, чтобы подчеркнуть необычайную близость учения яфетидологии о кинетической речи к энгельсовской трактовке вопроса о роли труда в процессе очеловечения обезьяны. Единый метод материалистической диалектики, несмотря на совершенно разный материал исследования, привел и Фр. Энгельса, и Марра к почти одной и той же постановке вопроса и формулировкам¹.

Сам Марр вполне оценил это, указывая, что «учение (марксистов. В. А.) и по языку, в том малом, что ими освещено по языку, почти исключительно по вопросу о происхождении, до мелочей оправдывается независимыми языковедными исканиями яфетидологии. Однако, правда ли независимыми путями, если метод яфетической теории оказался, неведомо для нее, марксистским?»².

Переходя от кенетической речи к речи фонетической, Марр усматривает ее зарождение в иных, новых условиях трудовой жизни человечества. Для звуковой речи, говорит он «происхождение... приходится искать в магических действиях, необходимых для успеха производства и сопровождавших тот или иной коллективный трудовой процесс»³.

Примыкая к известной теории первоначального синкретизма А. Н. Веселовского, с помощью нового лингвистического и этнографического материала творчески углубляя и материалистически обосновывая ее, Марр указывает, что первоначальная звуковая речь неразрывно связана с первичными искусствами—одним линейным—пляской и двумя звуковыми—пением и музыкой, т.е. игрой на инструментах, которые, в свою очередь, входили в состав примитивного культа, имея важное чародейственное значение. Огромное значение в древнейшей магии имели не только наиболее существенные для пляски органы человеческого тела—ноги, но также и руки, являвшиеся, как было сказано раньше, важнейшим орудием сигнализации движением или кинетической речи. Одной из первичных форм этого синкретического магического действия является известное и сейчас в Северной Азии шаманство. Само собою разумеется, что основной предпосылкой возможности коллективной или хоровой игры—чародейства является наличие уже довольно развитого общества. Первично оформившаяся пляска сопровождалась в течение весьма долгого периода бессловесным пением, пережитки которого сохранились и по сей день кой-где на Кавказе, пением, которое в буквальном смысле слова являлось вокальной музыкой, так как не только слова, но даже членораздельность звуков в нем отсутствовали. Специальные музыкальные инструменты, даже самые простейшие, как трещотка или кастаньеты, не говоря уже о барабанах, на этой стадии еще отсутствуют. Родоначальником инструментальной музыки, орудием для производства музыкальных звуков служила рука. «В процессе этого сложного магического действия, какой бы им ни сопровождался тяжкий производственный труд, не могли не нарасти дальнейшие ступени развития чародейственных рук и усиливающих значимость всего действия звуков, произносившихся устами, не-

¹ Срв. с этим псевдо-марксистскую «биосоциальную», доморощенную теорию И. Презента о происхождении речи и мышления, развитую без всякого учета работы, проделанной не только марксистами и яфетидологами, но даже современными буржуазными лингвистами. См. его книжку «Происхождение речи и мышления». Прибой, 1928.

² Стр. 20.

³ Стр. 100.

сомненно, не вполне еще приспособленными к точному и членораздельному их произношению, в начале более горлом и губами, чем наличным теперь распределением этой функции по всем частям гортани и полости рта»¹.

Произносимые людьми на этой стадии неформленные звуки являлись лишь аффективными выкриками, выражавшими радость—удовольствие, гнев—печаль—неудовольствие и т. д.

IV

Частое повторение в процессе магического действия аффективных выкриков вело к развитию органов речи, с одной стороны, а с другой—к тому, что произносимая звуковая, но еще бессмысленная, точнее, беспредметная речь начала, оформляясь сначала искусственно, музыкально, распадаться на первичные отдельные звуковые комплексы, отдельные слова, в которых при отсутствии членораздельности отдельных звуков, наличествовали членораздельно цельные основы,—те основные элементы, числом четыре,—SAL(A), BER (B), YON(C), ROH (D)—к которым сводится, а, следовательно, из которых в начале и слагался весь древнейший состав языков всего мира. Характеризуя фонетику этих четырех элементов, Марр говорит, что каждый из них представлял собою комплексный звук с невыделяемыми из его состава потенциальными звуками этого комплекса»².

Яфетидологический анализ звуковой речи доходит до выявления этих четырех элементов в лексике всех языков, но вопрос о числе их до сих пор остается открытым. Путь к решению этого вопроса, как полагает Марр, лежит через разъяснение техники магического действия, особенно в установлении роли числа в первичных искусствах—элементах этого магического действия—пляске, пении и музыке, и в их синтезе—эпосе. Датировка появления четырех элементов имеет в настоящее время только одно указание—они появились уже после того, как общество людей резко отмежевалось от животного состояния. К моменту их возникновения в процессе общественного труда, обусловившего собою возможность магического действия, человеческое общество уже перестало быть стадным об'единением, превратившись в довольно сложный по своей структуре коллектив, с уже наметившейся общественной дифференциацией, как в трудовых, так и в магических процессах. «Звуковая речь, говорит Марр,—по началу культовая речь, в начале сами элементы материально выразители магии, не потому, что мир начался с магии или человеческое бытие началось ею, а потому, что звуковая речь началась на той высокой ступени, отнюдь не животной, когда существовала уже организация работников магии и первые слова использовались естественно, для наречения сокровенных, не указуемых предметов, не указуемых по суеверному страху или физической невозможности, и, невольно, состав первичный звукового языка—культовый, и звуковая речь в этом смысле вскрывает на первых же порах вселенское мировоззрение, космическое»³. В обычной же некультовой практике люди продолжали пользоваться кинетическим языком, который являлся вполне достаточным для их крайне ограниченных потребностей. Имея крупный недостаток, именно—обязательную связь со зрительным общением (ночью, во мраке,

¹ Стр. 101.

² Стр. 99.

³ Стр. 112.

и мимика и жесты бесполезны),—кинетическая речь обладала крупнейшим преимуществом перед звуковой,—она была общепонятна. Звуковая же речь по существу требует установления условностей: понятная для членов одного коллектива, сначала только части его, она недоступна пониманию представителей другого человеческого сообщества¹. При этом нужно не забывать, что звуковая, магическая речь являлась первоначально достоянием не всего общественного коллектива, а только определенной, узкой его части.

Четыре первичных звуковых элемента—комплекса, являясь уже звуковыми величинами, не имели первоначально еще функций элементов речи. Существовая лишь слитно и неразрывно с пляской, музыкой и пением, они являются сначала только лишь орудием магии.

Четыре элемента появляются вместе, имея силу лишь в магическом действии, где они имеют значение лишь во всей своей совокупности. «Каждый из них имел то значение, доленое, что и все четыре вместе или каждый из остальных трех вместе»². Незвестная, но стоящая над человеком сила магии, сила тотема-покровителя данного общественного образования, которая в процессе своего развития оформляется как «бог», сигнализируется в примитивном магическом восприятии и всеми четырьмя и каждым в отдельности из этих элементов. Это магическое средство общения—воздействия на высшую силу, самый источник этой силы, рассматриваемое как одно из важнейших орудий борьбы с природой, подчиняющее ее своей власти, принадлежит не всему коллективу, но особой владеющей им сперва технически-профессиональной, затем и общественно-классовой группе работников магии. На самой заре звуковой речи мы встречаем уже существование, также только в начальных формах, классовой дифференциации.

V

Вырастая и оформляясь в процессе длительного и частого повторения, звуковые элементы начинают восполнять кинетическую речь, играя при этом лишь дополнительную, побочную роль. Приобретая постепенно словарное значение, четыре элемента начинают обозначать сначала источник культа, затем его предмет. Это значение вначале присуще лишь всему комплексу пляски, музыки, пения и четырех элементов, а затем уже и каждый отдельный элемент начинает иметь эту значимость. Первичные элементы становятся пра-словами, и здесь развитие языка вступает в новую фазу, качественно отличную и по формам движения и по выявлению новых категорий. «Достаточно было,—говорит Марр,—осознать эту возможность сигнализации членораздельным звуковым комплексом хотя бы одного образа или явления, чтобы далее пошло беспрепятственно развитие звуковой речи в порядке применения тех же четырех звуковых комплексов, четырех элементов, в том или ином потребном значении, в порядке, следовательно, расширения круга предметов, сигнализируемых каждым из четырех элементов»³. Приведенное место является одним из великолепных образчиков диалектического

¹ Срв. с этим блестящий анализ развития человеческого письма от пиктографии до алфавита, данный Марром в его работе «Абхазский аналитический алфавит (к вопросу о реформах письма)». Изд. Ленинградск. института живых восточных языков имени А. С. Енукидзе, Л., 1926 г., стр. 18—20.

² Стр. 107.

³ Стр. 106.

«скачка», а именно, перехода качества в количество. Эти «скачки» выявлены в исследовании языковых явлений Марром не в качестве любимого марксистами курьеза, а непосредственно в самом предмете исследования, как имманентно ему присущая закономерность. Диалектика не привносится извне, ее категории не примышляются тем паче, дело заключается не в пустой марксистскообразной терминологии—объективная диалектика явлений выявляется в соответствующем диалектическом понимании.

В этом отношении «стихийный» диалектик Марр является частью лучшим диалектическим материалистом, чем многие из наших признанных «марксистов», у которых диалектика жизни прекарается в пользу истасканных терминов.

Введение в магический обиход четырех элементов, из ничего не обозначающих звуковых комплексов, превратившихся в первичные слова с зачатками значимости, сопровождается расширением круга лиц, причастных к употреблению звуковой речи. Нам сейчас крайне трудно представить себе не только отсутствие звуковой речи у людей, но даже то, что эта звуковая речь являлась достоянием немногих, а, между тем, это факт, подтверждаемый сохранившимся до настоящего времени явлением «тайной речи», за которой сохраняется не только значение средства общения, позволяющего скрывать смысл беседы от лиц, не владеющих, ею, но имеющей также, и это как раз древнейшее социально-значимое ее применение, таинственный, магический характер. Охотники-сваны и абхазы на Кавказе во время охоты употребляют особый охотничий язык, пользование которым во всякое другое время, кроме охоты, а также кем-либо другим, кроме охотника, является святотатственным преступлением.

Понимание процесса распространения звуковой речи, постепенно приобщавшейся все более и более широким слоям людского коллектива, значительно будет облегчено, если мы схематически и по аналогии уподобим его процессу распространения грамотности, которая также на известных ступенях развития является сокровищем, и при том сокровищем священным, немногих. Этим последним и объясняется первичный синкретизм элементов магии-религии, рисунка-живописи или графики, а также пространственного изображения—скульптуры, этих зачатков изобразительных искусств и изображения—письма, которые в слитном состоянии единства даны нам и в так называемом искусстве пещерных людей и в значительной степени переживают в живом быту племен-обществ, стоящих и в настоящее время на низших стадиях развития.

Таким образом материалистическая лингвистика в число условий-предпосылок правильного, жизненного, а, следовательно, и доподлинно-научного понимания языка вводит не только безличное, абстрактное установление связей языковых явлений, как явлений идеологических, входящих в состав общественной надстройки, с общественным базисом, с совокупностью производственных отношений,—она вводит также общественно-субъективный момент, устанавливает, требуя конкретного и полного учета, решающую роль общественных классов в развитии звуковой речи. «Указание на связь с материальной культурой, равно с историей общественных форм, даже установление таких связей конкретно в тех или иных случаях,—говорит Марр,—не делает еще учение о языке жизненным, если не учитывается роль определенных классов и равно определенных кругов профессий в языковом творчестве»¹. Само собою разумеется, что процессу классового образования,

¹ Стр. 63.

а следовательно, по лингвистически-датируемым периодам и процессу превращения первичных четырех звуковых комплексов в звуковую речь, предшествовал период усиления производительности человеческого труда, создавший основную предпосылку для возможного образования классов—появление прибавочного продукта, период, связанный с изобретением искусственных орудий производства, которые начались широко использоваться людьми, постепенно отодвигая на задний план естественные органы труда, в первую очередь руку человека.

Звуковая речь уже изначально носит явно выраженный классовый характер, что в процессе дальнейшего развития приводит к образованию в одном и том же обществе нескольких классовых языков, значительно отличных друг от друга. В период образования звуковой речи, постепенно вытесняющей речь кинетическую, значительно изменяются и реальные носители языка—человеческие общественные коллективы. Изобретение искусственных орудий труда, начинающийся процесс накопления прибавочного продукта, ведущий к созданию частной собственности, обуславливают изменение отношений внутри коллектива. Из общественно-производственных объединений, не имеющих никаких признаков племенного по крови родства, они постепенно переформируются в особые племена, связанные кровным родством.

Первичные общественные коллективы, говорившие еще кинетической речью, но уже обладавшие отличительными для каждого из них членораздельными звуковыми комплексами, звуковыми знаками руки коллектива-тотема скрещиваются между собою, что приводит и к скрещиванию символизирующих их звуковых знаков, постепенно превращающихся в племенные наименования.

Простых, нескрещенных племен с простыми же, нескрещенными звуковыми языками никогда в природе не существовало. «Надо помнить,—говорит Марр,—как нет однопородных национальных народов-массивов, все расслоены на производственные коллективы различного происхождения, сословия ли это или классы, так нет массивных однопородных языков, все скрещения, все слои. Каждый слой имеет свою историю»¹.

Этот переход от простых общественных образований с кинетической речью к сложным племенам с речью звуковой происходил отнюдь не путем постепенных изменений, а был «скачкообразный». Гигантской революцией в общественных отношениях являлось введение в употребление искусственных орудий труда и появление частной собственности.

«Громадно революционное значение,—говорит Марр,—замены «руки» и «глаза» аппаратом, целиком сосредоточенным в головной части тела, в непосредственной связи с мозгом, всего окружения—с полостью рта и ушами. Действенности нового аппарата содействовало усиление общественной работы мозга от роста хозяйственной жизни и усложнения социальных взаимоотношений, вместе с тем расширение умозрительного кругозора коллективов уже скрещенного племени. При таких данных использование технических и идеологических преимуществ звуковой речи представляло собою власть над тьмой и отчетливость в даче и восприятии материальных и надстроечных понятий, конкретных и отвлеченных представлений, образов и понятий, а в условиях общественной тех эпох, в зависимости от производственной среды возникновения звуковой речи и способа ее распространения,

звуковой язык не мог не стать и орудием власти, как впоследствии письменность, литература и пресса»¹.

Все те представления и образные понятия, которые существовали в эпоху кинетической речи, являясь продуктами образного мышления, с появлением звуковых первичных элементов-комплексов начинают увязываться с последними. Весьма ограниченный круг этих образов-понятий и представлений достаточно хорошо мог быть выражен при помощи этих примитивных четырех звуковых слов, которые преемственно от руки наследуют ее полисемантичность (многозначность). На этой стадии развития звуковой речи каждый из четырех элементов сигнализировал не отдельные предметы, а целые категории их. Очередная исследовательская задача, и притом весьма трудная и ответственная,—определить и разграничить между собою эти категории и круги включаемых в них предметов.

Само собою разумеется, что присвоение тех или иных значений первоначально ничего не означавшим звуковым комплексам диктовалось общественному коллективу не научным или эстетическим восприятием окружающей действительности, а производственным, следовательно, одновременно на той стадии развития и магическим исследованием растений и животного мира, являвшихся единственным источником хозяйственного сырья для примитивного человечества.

«Первый круг предметов,—говорит Марр,—получавших звуковое наречение, это культовый, но хозяйственные предметы, напр., орудия земледельческого производства, сам хлеб, процесс пахания и т. д. ведь таюже предметы и явления культового порядка»².

В процессе развития роста борьбы (с кинетической речью) звуковые слова постепенно начинали обозначать все новые и новые предметы, которые в мышлении становились представлениями и понятиями.

Унаследованные от эпохи господства кинетической речи скудные несколько десятков первоначальных—«пучков» образов, полисемантически сигнализированных, едва начавшими внутренне членораздельно дифференцироваться звуковыми комплексами—пра-словами, постепенно, эволюционно-революционно, т. е. диалектически превратились в грандиозное множество логических понятий, выражаемых отчетливо кристаллизировавшимися словами в составе не менее четко определившихся фонем. Этот огромный период в истории языка Марр характеризует в следующих словах:

«С момента использования элементов как звуковых сигнализаций тех или иных уже общественных представлений (конечно, не индивидуальных и не материальных), требовавших своего точного общественно-понятного выражения, судьба тех же элементов, уже слов, хотя бы с неустойчивым вначале значением, но устойчивым и последовательным использованием их для выражения общественно-наросших представлений и понятий, связывалась все сильнее и сильнее с общественностью, за рамками магической организации, и с ее предпосылкой, хозяйством. В зависимости от разности территориальных условий, типа хозяйства и ступени развития общественности, значения одних и тех же элементов разнообразились, выбор того или иного элемента для использования в том или ином значении в различных территориальных объединениях разнообразился, но уже на дальнейших ступенях развития новой системы орудия общения с ростом общественной потреб-

¹ Стр. 97.² Стр. 109.

ности в ней, т. е. по мере развития звуковой речи, нарастали различные их виды, и постепенно в зависимости от новых эпох развития хозяйства и общественности нарастали новые типы языков все из того же общего материала, и если, однако, и за эти позднейшие эпохи развития речи мы наблюдаем связи различных ступеней, учитываемые как признаки родства, то этим мы обязаны процессу скрещения языков, отражающему процесс скрещения общественных группировок по мере их образования, племенного, национального, государственного, но прежде всего профессионального, классового, сословного так что, если четыре элемента неразлучимы, материально совместны с момента их первого возникновения, то того же самого нельзя говорить о тех же элементах в роли слов, о круге обозначаемых понятий одним и тем же элементом, это уже не изначальное явление, а результат скрещения, результат приобщения новой или другой социальной группировки к достижениям звуковой речи раньше ее создавшей социальной группировки»¹.

VI

Подходя к изучению языковых явлений с помощью палеонтологической увязки с развитием производства, общества, хозяйства, яфетическое языкознание не игнорирует и формальную, прежде всего фонетическую, сторону глоттогонического процесса. Однако, в противоположность старой лингвистике, для которой фонетика и фонетические законы являются самоцелью, основной, все остальные подавляющей частью языкознания, а самые звуки некими ипостасями, яфетическая теория и формальный анализ проводит на основании совершенно иных предпосылок и принципов, тесно увязывая формальную сторону с идеологической. Марр, как это было указано нами выше, выяснил, что существование отдельных членораздельных звуков отнюдь не является изначальным. Напротив, отдельные членораздельные звуки являются продуктом дифференциации первичных отдельных, цельных звуковых комплексов, которые на стадии оформления четырех элементов имели вид трехфонемных комплексов, где членораздельность не шла дальше нераздельного произношения трехзвучности двух согласных, разделенных гласным. В дальнейшем этот путь идет через ступени звуков диффузных и диффузондных.

Звуки существовали и изменялись только в связи с наличием и изменением слов. «Работе над осознанием звуков как самостоятельных величин, — говорит Марр, — предшествует работа над отличием гласного от согласного, усилением гласного и согласного путем удлинения (долгота гласных, т. н. удвоение согласных) и ударения, т. е. путем явлений музыкального порядка, получивших свое выражение, как это выясняется в процессе развития пения и музыки, независимо от звуковой речи, до ее возникновения. В построении звуковой речи человечество использовало все эти достижения музыкального порядка в произношении звуков для ее оформления сначала в деле развития и уточнения значимости слов, а затем и создании форм и их развития, создания различных морфологических типов звуковой речи»².

¹ Стр. 107—108.

² Стр. 110.

Факт функционально самостоятельного существования отдельных членораздельных звуков, который для буржуазной лингвистики является первым основным положением науки о языке, которая вся, по существу, сводится к изучению этих звуков и их самодовлеющих взаимосоответствий (фонетические законы), есть не что иное, как, говоря словами Марра, «позднейшее достижение, поскольку звуки с развитием их функции выделились в особую надстроечную категорию явлений, как мастерство, оторвавшись от служебной функции производства, от запросов материальной культуры, с порождением надстроечных потребностей в отвлеченном от жизни мышлении и в самодовлеющей красоте, обратилось в надстроечный мир искусств и художественно расцениваемых их форм»¹. В свою очередь и фонетические законы являются выражением не имманентно присущих звукам взаимосвязей, а только отражением, хотя и весьма уже абстрагированным, реальных связей, установившихся между материальными носителями звуковой речи — общественными группировками людей². Кратко резюмируя свои воззрения на ход эволюции и рост звуковой речи, Марр пишет: «Формальный рост звуковой речи происходил различными способами, прежде всего накоплением разновидностей словаря из четырех элементов, каждого из этих элементов. Самая дифференциация каждого из элементов, с чем связано возникновение разновидностей и постепенное их накопление, в позднейшие эпохи обязана своим происхождением социальному расслоению звуковых разновидностей, разности сначала производственно-коллективных, впоследствии племенных произношений...»

Мы можем сказать, что едва ли наличие массовое закономерных звукосоответствий может быть объяснено работой одного тесного коллектива, определенной организации, допустим, магического действия руководящего класса, или хотя бы ряда разбросанных в различных местах такого порядка коллективов одной первичной эпохи без широкого участия массы населения с дифференцирующими особенностями их коллективного произношения, как трудно или, вернее сказать, невозможно себе представить какой-либо трудовой или хотя бы не трудовой процесс, объединяющий целые племена, с последствиями выработки имеющихся в виду фонетических законов. Объяснение явления надо искать в совокупном действии всех намечающихся факторов, начав с указания, что, во-первых, бесконечное множество подлежащего учету фактического материала по закономерным звукосоответствиям различных ныне и с давних незапамятных для истории времен, многими сотнями исчисляемых языков есть уже продукт предварительного установления ныне нами генетически разъясняемого явления, уже развивавшихся и стабилизировавшихся его сложных норм; во-вторых, тем не менее накопление этого подлежащего учету фактического материала по фонетическим законам, собственно, обогащение каждого данного языка соответственным наращиванием новых лексем происходило и происходит до наших дней по существу в порядке доисторического возникновения и развития речи. С таким развитием речи возникали, следовательно, те или иные языковые нормы, и затем соверша-

¹ Стр. 64.

² На стр. 70—73 рец. работы Марром дана особая схема классификации по звуковым соответствиям, дополняемая и углубляемая в чрезвычайно важной «Таблице закономерных разновидностей четырех элементов» (стр. 116—118), иллюстрируемая на примерах сравнительной грамматики языков различных систем, главным образом, яфетической (стр. 148—156).

лась их фактическая экстенсия с соответственным расширением применения их сначала в каждом данном коллективе той или иной организации, отнюдь, разумеется, не одного магического действия, не различавшегося в подлинно первобытные эпохи с хозяйством в силу мышления первобытной общности, а бесконечно длинного ряда чисто самостоятельных производств, причем каждый производственный коллектив вместе с предметами производства творит и названия предметов с названиями технических приемов выделки, что затем, по мере потребности в них, входит в массово-общий языковой обиход отдельных человеческих группировок, то всех, то лишь одной, именно группировки общего с творящим производственным коллективом языка, или становится специальным терминологическим словарем по производству и, в-третьих, эти производственные коллективы, чем ближе к нам, тем более размножающиеся и тем более лишь размножающие фактически материал, чем дальше от нас в глубь времен, тем более малочисленные и тем более увязывающие размножение фактов с отбором уже наличных звуковых соответствий и их стабилизирующие, как т. н. фонетические законы. В-четвертых, этот отход в глубину времен в направлении к первому производственному коллективу диффузной природы с нерасчлененностью производства с руководством, хозяйства с магией, где намечается материальное возникновение четырех элементов, сначала лишь музыкальных, отнюдь не речевых, нас приводит к немногочисленным производственным коллективам в обладании уже подлинно первобытной звуковой речью, в которых четыре элемента, уже элемента речи, получали в развитии их трудового процесса дифференциацию и оформление новых видов с гармонизирующими друг с другом звуками, хотя бы лишь гласными, и было достаточно воздействия или реагирования приобщавшихся групп различных районов, чтобы эти первозачатки звукосоответствий или т. н. фонетических законов, захватывавших постепенно или одновременно и согласные, стали из элементов звуковой речи трудового процесса элементами звуковой речи более широких социальных группировок, впоследствии сделавшихся племенными образованиями. В этих первичных производственных коллективах и во взаимодействии их организующего руководства и приобщающихся к их производству более широких кругов, впоследствии масс, и приходится искать среду возникновения корреспонденции звуков и первого использования этих т. н. фонетических законов.

Потому-то развитие речи и в наши дни идет прежними путями, в порядке хотя бы фактического размножения лексического материала по раз намечавшимся нормам звуковой речи, потому-то представляет и в настоящий момент громадный интерес учет словотворчества и словоупотребления по современным производственным коллективам.

В первую голову это есть... скрещение, соединение двух равнозначущих слов различных социальных группировок, впоследствии племен, чтобы их сумма, при известности хотя бы одного из слагаемых каждой стороны, была обоюдопонятна для обеих сторон, вовлеченных в общение единством хозяйства и из него нарастающей общности...

Процесс скрещения отнюдь не замирал... в доисторические эпохи. Скрещение имело этапы своего развития в любой среде, начинаясь парным употреблением двух самостоятельных слов, и лишь в конечном результате оно завершалось не только полным, как бы физическим сращением, но и химическим слиянием¹.

¹ Стр. 118—121.

Мы выписали почти полностью § 41 рецензируемого труда Марра, потому что подобная диалектико-материалистическая трактовка процесса развития звуковой речи является первой и единственной во всей практически почти необозримой лингвистической литературе. Эта формулировка, являясь краеугольным камнем всего научного построения материалистической лингвистики, самым резким образом отграничивает последнюю от идеалистических или вульгарно-материалистических теорий, вплоть до настоящего времени господствующих в науке о языке. По своему методологическому значению для лингвистики эти положения Марра могут быть сравнимы с кардинальной формулировкой Карла Маркса в предисловии к «Zur Kritik der politischen Oekonomie». Тезис Маркса, обобщавший весь процесс общественного развития, лег в основу марксистской, т. е. единственно подлинно-научной социологии, в корне уничтожившей всякие «тайны» и вечные «загадки» человеческого общества,—цитированный отрывок из Марра указывает прямой и верный путь научного социологического исследования языковых явлений вместо мистических потемок теистических, психологических и физиологических исканий, в результате которых язык был и остается то «даром божьим», то «даром природы».

VII

Количественное развитие звуковой речи сопровождалось ее качественным изменением—сложнением. Если прежде в единстве примитивных элементов-слов отсутствовали какие бы то ни было собственно-грамматические отличия-особенности, то затем, по мере общего развития звуковой речи, они начинают выявляться, как грамматически-дифференцированные части речи. Законченному оформлению ныне различаемых частей речи предшествовало их слитное состояние в едином звуковом комплексе, который, будучи использован для выражения того или иного образа, представления, понятия, в зависимости от характера этого использования,—статического или динамического,—выступал то в роли, ныне функционально выражаемой именами существительными, прилагательными, числительными, местоимениями, то функционируя, как глагол.

Первыми по времени появления являются имена—первая грамматическая категория, которая в процессе развития, во-первых, оформляется сама, во-вторых, служит основой для образования других частей речи. Возможностью, определившей переход от имен к глаголу, следует считать появление местоимений, первично восходивших к именам. В синтаксисе древнейшей формы человеческой речи—аморфной функции местоимения выполнялись именами. Своим оформлением местоимения обязаны появлению частной собственности, которая вызвала к жизни собственные имена.

Отсутствие морфологической дифференциации в древнейшей звуковой речи компенсировалось порядком размещения первичных слов—синтаксисом, который отражал своим строем общественные отношения. Усложнение последних влекло за собой и соответствующее усложнение синтаксиса. Члены предложения постепенно оформляются, как части речи, причем типология грамматических частей речи в разных языках различна. Первично аморфная речь с появлением местоимений качественно изменяется, превращаясь сначала в агглютинативную, а затем и в флективную.

«Три отмеченных... типологических состояния в развитии единой речи человечества отражают каждое особый социальный строй, каждое генетически связано

с соответственной ступенью развития общественных форм и ею порождено»¹. Закрепление за оформляющимися по различным функциям частями речи тех или иных особенностей ведет к возникновению различных по своей типологии языков, которые могут быть сведены по признаку тесного общения в различные же системы, которые старая лингвистика рассматривала как «семьи» языков. Само собою разумеется, что несмотря на наличие определенных языковых систем, характеризующихся целым рядом лингвистических особенностей, отдельные типы языков могут совмещать в себе отличительные черты нескольких систем. «Это разнообразие систем,—говорит Марр,—а внутри систем—отдельных типов, объединяющих целые группы, порой ограничивающихся представленностью в одном языке... выражается как в идеологическом, так и в отражающем его формальном построении каждой системы, каждого входящего в ее состав типа языка»².

Выяснив процесс появления грамматических форм и технику формирования языковых типов, Марр отводит специальную часть своего труда (§ 45, стр. 129—135) вопросу об основных стадиях развития звуковой речи, рассматривая различные языковые системы, как продукты общественно-хозяйственной жизни различных глоттогонических эпох. Чрезвычайно интересно отметить, что изложение этого параграфа, Марр начинает с разрешения вопроса о взаимоотношении революции и эволюции, указывая на необходимость диалектического подхода при изучении явлений движения, в данном случае, процесса развития языка. Он особенно подчеркивает механичность всяких попыток объяснить стадийное развитие речи какими-то внешними факторами, игнорируя внутренние причины этого творческого процесса. «При отсутствии диалектического метода,—пишет он,—увязка одной стадии развития с другой исключается, и, естественно, центр тяжести в поисках творческих начал перебрасывается на внешний мир, на внешнее влияние, на готовый внешний источник или вне самого творческого процесса стоящую внешнюю силу, на ранних или начальных ступенях развития—на природу, на бога, а на позднейших ступенях развития—на воздействие культур, стоящих на более высокой ступени развития, точно последние не нуждаются в таком же генетическом разъяснении, точно они самородки»³. Однако, становясь на точку зрения внутренних причин творческого процесса в развитии языка, Марр этот процесс не укладывает в самый язык,—внутренние причины развития речи лежат не в ней самой, потому что она является только надстройкой, а гораздо глубже, в изменениях обуславливающего базиса—совокупности производственных отношений, в свою очередь определяемых развитием производительных сил.

VIII

Мы постарались проследить в логической последовательности основные положения яфетической теории Марра—материалистической лингвистики, выяснить принципы того метода, который положен в основу исследования языка, оставив вне нашего рассмотрения целый ряд важнейших проблем, выдвинутых Марром в его работе, в том числе такие, как вопрос о практическом значении яфетидо-

логии в деле культурной революции, о значении ее для исторической науки, о создании общечеловеческой речи и т. п.

Резюмируя все выше сказанное, мы должны констатировать, что строгое следование требованиям диалектики и точный учет колоссального количества языковых фактов, увязанных с развитием общества, позволили Марру создать впервые в истории лингвистики диалектико-материалистическое учение чрезвычайно близкое марксизму. Только теперь, после огромной работы, проделанной Марром, лингвистика превращается в настоящую обществоведческую дисциплину, только теперь сухие и безжизненные лингвистические категории и явления и их схематическо-абстрактная система, к чему, в сущности, сводилось все старое языкознание, оживают, одеваясь живой плотью подлинно-общественного объяснения.

Как же относятся представители старой лингвистической науки к новому учению?

Увы, их отношение не являет ничего нового, повторяя старые, в достаточной мере уже опорощенные приемы реакционной враждебности ко всему новому, особенно революционному—замалчивание, извращение, неумное глумление. Работы Марра совершенно игнорируются индоевропейцами, как продукты «безудержной фантазии шарлатана, самого неверящего в свои построения». Само собою разумеется, что и преподавание материалистической лингвистики в высшей школе отсутствует, если не говорить о работе самого Марра и нескольких ближайших его учеников и последователей.

А как относятся к яфетической теории представители марксистской науки?—До настоящего времени они в подавляющем большинстве своем вовсе ничего не знают о яфетической теории, несмотря на то, что именно они, марксисты, призваны двинуть вперед дело не только защиты нового учения о языке, но и дальнейшего углубления материалистической лингвистики. Великой заслугой Марра навсегда останется то, что, не будучи марксистом, он в результате работы многих годов создал лингвистическое учение, метод которого и основные положения чрезвычайно близки диалектико-материализму, но марксисты не могут и не должны ограничиться только тем, чтобы чисто механически включить взгляды Марра на сущность и эволюцию языковых явлений в общее построение науки обществоведения—яфетическая теория должна быть принята марксистами только после тщательной органической ее обработки, которая должна окончательно изгнать всякие следы этнологизма, нечетко оформленной и неточно использованной обществоведческой терминологии, иногда несколько упрощенного механического понимания общественных процессов. Руками марксистов-обществоведов-историков и социологов будет произведена систематическая увязка развития языка с фазами и конкретными историческими периодами общественного развития. Марксисты-обществоведы начнут как раз с того, чем сейчас фактически заканчивает Марр—с учения о языке, как общественной надстройке, отражающей изменения базиса, исследуют совместно с лингвистами все конкретные типы и системы языков, твердо придерживаясь методологии марксизма, шаг за шагом проверяя свои положения археологическими, историческими и социологическими данными.

Новые горизонты, открываемые яфетическим языкознанием в области так называемых до- и прото-истории, что ведет к более углубленному пониманию и позднейших эпох, заставят марксистов на этом пути произвести огромную работу по исследованию древнейших стадий развития и форм человеческого общества.

¹ Стр. 52.

² Стр. 126—127.

³ Стр. 129—130.

и производства, которые в свою очередь прольют свет на ряд нерешенных еще в настоящее время яфетическим языкознанием проблем.

Взаимная помощь движимых марксистской методологией антропологии, конкретной социологии (в настоящее время еще пребывающей в буржуазных формах так наз. этнографии), общей социологии, археологии и лингвистики позволят не только широко развернуться всем этим дисциплинам, но и построить их общими усилиями величественное здание всеобщей истории, при возведении которого будут отброшены, как особо вредные, и исчезнут всякие дожившие еще до нашего времени предрассудки об «исторических» и «не-исторических» народах, или, что одно и то же, о народах «культурных» и «отприродных», всякие «расовые» и тому подобные проблемы, уступая свое место единственно-научному взгляду на все человечество, как единое целое, которое в процессе своего развития вследствие неравных исторических путей разделено на ряд частей, то быстро продвигнувшихся вперед, то несколько отставших, но которые все вместе движутся к общей единой цели—объединенному общей созидательной борьбой за подчинение природы бесклассовому, безнациональному и безрасовому единому человечеству.

В. Аптекарь

СО Д Е Р Ж А Н И Е

— Стр.

М. А. Рейснер.

И. С т а т ь и

Покровский, М.—Десять лет Коммунистической Академии 7

Губерман, С.—Проблема конъюнктуры в условиях монополистического капитализма 21

Лейкин, Э.—Учение Маркса о строении кредитной системы 75

Сафаров, Г.—К вопросу о диалектике, как теории познания 114

Лебедев, В.—Диалектика производительных сил у Маркса и Энгельса . 165

Манелис, Б.—Школа свободного права и ее место в буржуазно-юридической науке 199

II. Стенограммы докладов читаемых в Комм. Академии

Рязанова, А.—Тенденции развития женского труда 232

III. Критика и библиография

Аптекарь, В.—На путях к марксистской лингвистике (Н. Я. Марр, Яфетическая теория. Общий курс учения о языке) 254

Редакционная коллегия:

Бухарин, Н. И., Дволайцкий, Ш. М., Деборин, А. М., Крицман, Л. Н., Лукин, Н. М., Милютин, В. П., Пашуканис, Е. Б., Покровский, М. Н., Шмидт, Ю. О.

ОТ РЕДАКЦИИ: Критические заметки А. Иванова, помещенные в содержании (на обложке), не попали по техническим причинам в этот № В. К. А. и будут напечатаны в одном из ближайших №-ров.